Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Эрих Фромм

Ради любви к жизни.

В любви человек хочет стать богом

(об Эрихе Фромме)

У Фромма есть книга «Искусство любить». Она посвящена любви как специфически человеческому чувству. Может ли такой философский очерк, написанный несколько десятилетий назад, заинтересовать современного читателя? На книжный рынок выброшены сотни изданий об эросе и сексе. Многие обнаружили обостренное, пытливое отношение к физиологии, к технике секса. И вот размышление о духовной стороне любви… Не отдает ли викторианством, унылой архаикой?

Фромм понимал любовь как универсальное чувство. В нашем сборнике помещена другая работа Фромма – «Во имя любви к жизни». Автор полемизирует прежде всего с Фрейдом, но его стрелы достигают и современной традиции, которая абсолютизирует эротику, телесность, секс и глумится над романтикой любви. Но речь идет вовсе не о противостоянии здоровой чувственности и одухотворяющей сентиментальности. Американский философ рассматривает любовь как универсальное чувство, которое раскрывает человека во всем богатстве присущих ему физических и духовных свойств.

Фрейд видел в любви выражение или своеобразную сублимацию полового инстинкта. Он рассматривал половое влечение как результат мучительного напряжения, химического по своей природе, которое требует разрядки. Австрийский психиатр подчеркивал, что факт половой потребности у человека и животного биологи выражают в биологии тем, что у них предполагается «половое влечение». При этом допускают аналогию с влечением к пище и голодом. Соответствующего слову «голод» обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом «либидо»[1 - См. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1989, с. 122.].

Фромм возражает против такой концепции, согласно которой цель полового влечения – снять мучительное напряжение. Такой взгляд был бы оправдан, отмечает он, если бы половое влечение действовало на организм точно так же, как голод и жажда. С этой точки зрения половое влечение подобно зуду, а половое удовлетворение состоит в устранении этого зуда. По мнению Фромма, если встать на такую точку зрения, то идеальным способом полового удовлетворения был бы онанизм.

Фрейд действительно оставляет в стороне психобиологическую сферу сексуальности – противоположность мужского и женского – и желание преодолеть эту противоположность в соединении. «Общепринятая теория полового влечения, – отмечает он, – больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины – мужчину и женщину, стремящихся вновь соединиться в любви…»[2 - Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989, с. 123.].

Фрейд исходил из патриархальной установки, согласно которой сексуальность – по существу мужское начало. «Удивительно большая часть навязчивых действий в виде скрытого повторения и модификации восходит к мастурбации, которая, как известно, этим единственным сходным по форме действием сопровождает самые разнообразные формы сексуального фантазирования»[3 - Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989, с. 196.].

По мнению Фрейда, либидо имеет, как правило, «мужскую природу» независимо

от того, у мужчины или у женщины оно возникает. Австрийского психиатра часто критиковали за пансексуализм. Фромм же спорит с Фрейдом вовсе не по поводу того, что тот переоценил роль секса. Фрейд сделал, по мнению Фромма, лишь первый шаг к раскрытию значения страстей между людьми. В соответствии со своими философскими установками он объяснял эти отношения физиологически.

Фромм же сознательно выделяет биологический и экзистенциальный аспекты человеческого общения. Он подчеркивает, что постоянное и напряженное удовлетворение чисто физических потребностей не приносит счастья. Оно порождает фрустрацию. Более того, именно личностное, духовное начало содействует более полному раскрытию эротики и секса. Это не столько полемический вывод, сколько итог обобщения обширнейшей эмпирики.

Но прежде чем говорить о человеческих потенциях, надо, судя по всему, ответить на вопрос: в чем проявляется сущность человека. В философской литературе понятия «природа» и «сущность» часто употребляются как синонимы. Однако между ними можно провести концептуальное разграничение. В принципе под «природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, которые присущи человеку разумному во все времена, независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Несомненно, человеку разных эпох присущи какие-то общие задатки и свойства, которые выражают его особенность как живого существа. Раскрыть эти признаки – значит выразить человеческую природу. Но задача эта крайне сложная.

Перечисляя те или иные человеческие качества, философы приходят к выводу, что среди них есть определяющие, принципиально значимые. Например, разумность присуща только человеку. Раскрыть человеческое в человеке, то есть выявить его главенствующую черту, означает постичь сущность человека. У человека разумного могут быть постоянные признаки, но в какой мере они приоткрывают тайну человека? Следовательно, человеческая натура, проявляется в разном, но в чем-то, надо полагать, обнаруживается верховное, державное качество человека. Это и есть его сущность.

Однако какое качество можно считать специфически человеческим? Есть ли вообще в человеке какое-то внутренне устойчивое ядро? Философы отвечают на эти вопросы по-разному. Многое здесь зависит от общей мировоззренческой установки, то есть от того, что данное философское направление выдвигает в качестве высшей ценности.

Человек – прежде всего, живое, природное существо. Он обладает пластичностью, несет на себе следы биогенетической и культурной эволюции. Поэтому некоторые философы, указывая на способность человека изменять самого себя, приходят к выводу, что никакой, четко фиксированной человеческой природы нет. Они утверждают, что человеческая натура восприимчива к бесконечным пересотворениям, ее внутренне устойчивое ядро может быть расколото, разрушено, а изначальная природа преобразована в соответствии с той или иной программой.

Такая позиция характерна для тех философов, которые стоят на позициях социоцентризма, то есть отстаивают мысль об абсолютном приоритете культуры, общественных форм над природными предпосылками человеческого бытия. В частности, среди структуралистов бытует убеждение, что человек есть слепок формирующих его культурных условий. Отсюда вывод: хочешь проникнуть в тайну человека, изучай те или иные структуры культуры, ибо индивид отражает их изменчивые формы.

Фромм показывает, что человек – это животное, которое по сравнению с другими животными недостаточно оснащено инстинктами. Поэтому его выживание гарантировано лишь в том случае, если он производит средства, удовлетворяющие его материальные потребности, и если он разовьет свой язык и создаст инструменты. Человек, как и другие животные, обладает осведомленностью, знанием, которые позволяют ему использовать процесс мышления для достижения непосредственных практических целей.

Но человек, как отмечает Фромм, обладает еще одним духовным свойством, которого нет у животных. Он осознает самого себя, свое прошлое и свое будущее. Он воспринимает свое ничтожество и свое будущее. Человек находится внутри природы, он подчинен ее диктату и изменениям. Человек видит свою вовлеченность в трагический конфликт. Он пленник природы, но, несмотря на это, он свободен в своем мышлении. Это делает его обособленным от всех,

одиноким и преисполненным страха.

Но если этот конфликт осознается, то сразу же возникают вопросы: что может сделать человек, чтобы справиться с этой ужасной ситуацией? Как он может прийти к гармонии, которая освободит его от мук одиночества, даст возможность почувствовать себя в мире как дома и достичь слияния с природой. Ответы на эти вопросы, по мнению Фромма, не могут носить теоретического характера. Откликаться можно только своим бытием, своими ощущениями и действиями. Различные формы бытия человека не составляют его сущности, это лишь ответы на конфликт, который сам выражает сущность человека.

Первый ответ на стремление преодолеть обособленность существования и достичь единства с природой Фромм обозначает как регрессивный. Пытаясь освободиться от страха одиночества и неизвестности, человек стремится вернуться к своим истокам, к животной жизни. Он пытается стряхнуть с себя все, что делает его человеком и одновременно служит источником мучений. На протяжении многих тысячелетий человек пытается освободиться от разума. Об этом, по мнению Фромма, свидетельствует история примитивных религий.

Именно потому, что безумие нередко в истории разделялось большинством, оно зачастую выступало в качестве мудрости. Индивид, принимающий участие в массовом безумии, теряет ощущение своей полной изоляции, обособленности от других и избегает таким образом интенсивного страха, от которого он страдал бы в более прогрессивном обществе. Не следует забывать, что для большинства людей здравый смысл и реальность есть не что иное, как всеобщее одобрение. Если все думают так же, как сам человек, значит он не потерял рассудок.

Альтернативой регрессивному, архаическому решению проблемы человеческого существования служит иной выбор – прогрессивный. Он заключаются в достижении новой гармонии не с помощью регрессии, а посредством полного развития всех человеческих сил, человечности в нас самих. Фромм называет множество религий, отражающих переход от архаически-регрессивных к гуманистическим религиям.

В качестве первой человеческой потребности, выражающей специфически человеческое, Фромм называет тягу к общению, к межиндивидуальным узам. Потребность слияния с другим существом, соединения с кем-то повелевает нами, пишет Фромм, здоровье человека обусловлено именно этой потребностью. По мнению американского психоаналитика, идеальной формой, в которой названная потребность получает полное раскрытие, является любовь. Поэтизируя это чувство, Фромм пересказывает по существу все, на что уже в течение многих веков указывала мировая литература. В любви человек обнаруживает могучий душевный потенциал, растворяя себя в другом и тем самым предельно выявляя собственную сущность. Только любовь раскрывает подлинное приобщение к вечному, ибо она бескорыстна и бескомпромиссна.

Однако было бы неверным видеть в этих рассуждениях условно-романтическое обобщение, воскрешение фейербаховских идей или уяснение духовности этого чувства. В работах американского исследователя любовь трактуется как некий принцип, определяющий коренные основы человеческой жизни. В ее осмыслении очевидна всевозрастающая драматизация, свидетельствующая о том, что Э. Фромм видит в этой теме едва ли не главную разгадку тайны человека.

По мнению Фромма, любовь в области мышления означает специфически индивидуальное миропонимание; в области действия – это творчество и самореализация; в аффективной сфере – это ощущение единства с другим человеком, со всеми людьми, с природой. Любовь, отмечает Фромм, – это активная сила в человеке, сила, которая опрокидывает стены, отделяющие человека от других людей, и объединяет его с другими. Любовь, стало быть, – это уникально-обобщенное обозначение предельного самораскрытия личности.

Сущность любви представлена Фроммом как некое универсальное начало мироздания. Эти рассуждения американского психоаналитика близки той трактовке древних мифов, которая прослеживается в романе Т. Манна «Иосиф и его братья». Любовь, в истолковании Фромма, имеет два начала (точнее, полюса, поскольку речь идет о своеобразной мифологической структуре): мужское и женское. Это противопоставление сродни поляризации материи и духа. Такая же полярность мужского и женского начал, пишет Фромм, существует и в природе, и не только у животных и растений, что само по себе очевидно, но и в полярности функций неприятия и проникновения. Это

полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа.

В соответствии с этой глобальной установкой Фромм выделяет шесть конкретных форм любви: материнская, отцовская, любовь к родителям, братская, эротическая, любовь к Боту. Каждое из этих чувств уникально, своеобразно, но обусловлено противоборством женского полюса, характеризуемого свойствами плодородной восприимчивости, защиты, реализма, терпения и материнства, и мужского начала, наделенного качествами вмешательства, активности, дисциплины и авантюризма. Поэтому Фромм не рассматривает любовь как отношение к конкретному лицу – в его трактовке это скорее фиксируемый тип отношения к миру в целом, определенная ориентация характера в процессе поиска слияния с миром.

По мнению Фромма, самые прекрасные, как и самые уродливые наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, но и функцию созидания личности. Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры. По сути дела, человек сам – это самое важное достижение беспрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Фромм спрашивает: действительно ли любовь – искусство? Он отвечает на этот вопрос положительно. Для большинства проблема любви – это, прежде всего, как быть с любимым, а не то, как любить самому, то есть не проблема способности любить. Американский философ подчеркивает: принято думать, что любить просто, а найти достойный объект для любви или для того, чтобы быть любимым, – вот что трудно. По его мнению, корни такой установки – в развитии современного общества. Он отмечает, что в XX столетии произошли резкие ценностные сдвиги в отношении к этому чувству. Ведь в викторианской традиции, как и во многих патриархальных культурах, любовь не была непосредственно личным переживанием, которое могло привести затем к браку.

В современном мире, по мнению Фромма, окончательно восторжествовала концепция романтической любви. Это утверждение может показаться преувеличением. Но в книгах Фромма мы находим далекие историко-культурные экскурсы, сопоставления. Этот исторический фон помогает высветить глубинные, существенные ценностные сдвиги. И в этом смысле XX веку присущи не только призывы к освобождению телесности, но и поиск духовности в любовных переживаниях.

Особенно ясно показывают эту тенденцию современные социологические опросы. Опыт сексуальной революции породил тоску по индивидуальному, романтическому чувству. Сколь созвучны этой установке рассуждения Фромма о том, что любовь – это искусство, подобно тому, как и жизнь есть искусство. Если мы хотим научиться любить, мы должны поступать так же, как если бы мы хотели овладеть любым другим искусством: музыкой, живописью, плотницким делом, медициной или инженерным мастерством.

Фромм не только типологизирует различные виды любви. В ряде своих сочинений он показывает, как менялось отношение к любви в различные эпохи, какие оттенки приобретало это чувство в связи с господствующими жизненными ориентациями. Вот, скажем, как характеризует американский философ средневековое общество. Оно не лишало индивида свободы уже потому, что как такового «индивида» еще не существовало. Человек был еще связан с миром первичными узами. Он видел себя через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности.

Американский гуманист подчеркивает, что мышление Лютера и Кальвина, как и мышление Канта и Фрейда, основано на предположении, что эгоизм и любовь к себе – это понятия тождественные. Любить другого – это добродетель, любить себя – грех. Более того, любовь к другим и любовь к себе друг друга исключают. Здесь, по мнению Фромма, допускается ошибка в понимании природы любви. Любовь, как ее оценивает Фромм, не создается каким-то специфическим «объектом», а является постоянно присутствующим фактором внутри самой личности, который лишь «приводится в действие» определенным объектом.

Подобно тому, как ненависть – это страстное желание уничтожить, так любовь – страстное утверждение «объекта». Это не «аффект», а внутреннее родство и

активное стремление к счастью, развитию и свободе объекта любви. По словам Фромма, любовь – это готовность к контактам, которая в принципе может обратиться на кого угодно, в том числе и на нас самих. Исключительная любовь лишь к одному «объекту» внутренне противоречива. Не случайно, само собой понятно, что «объектом» явной любви становится определенная личность.

Факторы, определяющие выбор в каждом отдельном случае, слишком многочисленны и слишком сложны. Важно, однако, по мнению Фромма, что любовь к определенному «объекту» является лишь актуализацией и концентрацией постоянно присутствующей внутренней любви, которая по тем или иным причинам обратилась на данного человека.

Эту идею Фромм высказал еще в «Бегстве от свободы». Он отмечал, что дело обстоит совсем не так, как предполагает концепция романтической любви: существует только один человек на свете, которого вы можете полюбить, что найти этого человека – величайшая удача в вашей жизни и что любовь к нему приведет к удалению от всех остальных людей.

Любовь, как и всякая другая человеческая потребность, далеко не всегда выступают в идеальном облике. Она может быть деформирована, искажена, подчинена специфическим ценностным и жизненным ориентациям. Например, любовь такого рода, которая может относиться только к отдельному человеку, уже в силу этой ограниченности доказывает, что она не любовь, а садистско-мазохистская привязанность. История в изложении Фромма полна драматической напряженности, ибо человек тщетно пытается реализовать свои «здоровые» стремления. Таким образом возникают глубокие отклонения от истинных проявлений психической жизни. А эти аномалии в свою очередь приводят к стабилизации типичных патологических состояний.

Став мазохистом, человек стремится подчиниться кому-нибудь: другому человеку, институту, Богу, чтобы таким образом спастись от одиночества. Садист, напротив, стремится возвыситься и командовать, навязывая свою власть и волю. Крайним выражением такой патологии является нарциссизм, при котором фактическое единение людей подменяется субъективным миром нарциссической личности. Тревога и беспомощность, страх и угнетенность могут вызвать неожиданные вспышки аффективной реакции, «охваченность» деструктивизмом, то есть желанием уничтожить враждебный мир. Конформист преисполнен желания потеряться в толпе, раствориться в ее анонимности, чтобы таким образом избежать «дискомфортных» состояний одиночества и нависшей угрозы.

По мнению Фромма, наиболее частые формы мазохистских тенденций – это чувства собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности. Эти чувства – не просто сознание своих действительных недостатков и слабостей. Такие люди постоянно проявляют отчетливо выраженную зависимость от внешних сил: от других людей, от каких-либо организаций, от природы. Они стремятся, как разъясняет Фромм, не утверждать себя: не делать то, чего им хочется самим, а подчиняться действительным или воображаемым приказам этих внешних сил. Часто люди попросту не способны испытывать чувство «я хочу», чувство собственного «я», жизнь в целом они ощущают как нечто подавляюще сильное, непреодолимое и неуправляемое.

Мазохистские тенденции, как показывает Фромм во многих своих работах, часто ощущаются как чисто патологические и бессмысленные. Но чаще всего они рационализируются, и тогда мазохистская зависимость выступает под маской любви или верности, комплекс неполноценности выдается за осознание подлинных недостатков, а страдания оправдываются их неумолимой неизбежностью в обстоятельствах, которые невозможно изменить.

Кроме мазохистских тенденций наблюдаются, с точки зрения Фромма, и прямо противоположные наклонности – садистские. Они проявляются сильнее или слабее, являются более или менее осознанными, но чтобы их вовсе не было – такого не бывает. Фромм выделяет три типа садистских тенденций, более или менее тесно связанных друг с другом.

Первый тип – это стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними. Второй – эксплуатировать их, использовать и обкрадывать. Третий тип садистских тенденций состоит в стремлении причинить другим людям страдания или видеть, как они страдают. Страдание может быть и физическим, но чаще – это душевное состояние. Целью такого стремления, по словам Фромма, может быть как

активное причинение страдания – унизить, запугать другого, так и пассивное созерцание чьей-то униженности и запуганности.

Но возможна ли любовь в своем идеальном выражении? Возвышающее утверждение личности, заключенное в любви, направлено на возлюбленного как на воплощение всех лучших человеческих качеств. Любовь к одному определенному человеку опирается на любовь к человеку вообще. А любовь к человеку вообще вовсе не является, как часто думают, некоторым обобщением, возникающим «после» любви к определенной личности, или экстраполяцией опыта, пережитого с определенным «объектом». Напротив, по мнению Фромма, это предпосылка такого переживания, хотя такая предпосылка и возникает лишь из общения с конкретными индивидами.

Как полагает Фромм, очень часто – и не только в обыденном смысле – садомазохизм смешивается с любовью. Особенно часто за проявления любви принимается мазохизм. Полное самоотречение ради другого человека, отказ в его пользу от собственных прав и запросов – все это преподносится как образец «великой любви». Считается, подчеркивает философ в ряде своих работ, что для любви нет лучшего доказательства, чем жертва и готовность отказаться от себя ради любимого человека.

На самом деле, как вытекает из фроммовского анализа, любовь в этих случаях является мазохистской привязанностью и коренится в потребности симбиоза. Если понимать под любовью страстное и активное утверждение главной сущности другого человека, союз с этим человеком на основе независимости и полноценности обеих личностей, тогда мазохизм и любовь противоположны друг другу. Любовь основана на равенстве и свободе.

Какие же выводы можно сделать из фроммовского анализа такого специфического переживания, как любовь? Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что нельзя понять этот феномен без развернутой философско-антропологической теории. Лишь на базе философии человека как целостной системы взглядов можно приступить к диагностике данного универсального чувства. У животных, подчеркивает Фромм, тоже обнаруживается любовь. Но привязанности животных относятся главным образом к области инстинктов.

У человека задействованы не только инстинкты. Когда он рождается, он изгоняется из среды, столь же определенной, сколь определенны инстинкты, и попадает в среду неопределенную, ненадежную, открытую. Человек любой эпохи, подчеркивает Фромм, и любой культуры сталкивается с одним и тем же вопросом: как преодолеть одиночество, как достичь единения, как выйти за пределы своей отдельной жизни и обрести воссоединение. Но при этом человек всегда остается суверенным, уникальным существом. Убеждение в единственности индивида выражено, например, в изречении из Талмуда, в котором спасший одну жизнь, считается спасшим целый мир, а погубивший чью-то жизнь, погубившим целый мир.

При анализе феномена любви Фромм весьма убедительно критикует концепцию примитивного равенства. Он обращается к философской традиции. Ведь философы европейского Просвещения понимали равенство как условие развития индивидуальности. Это означало (яснее других это сформулировал Конт), что ни один человек не может служить средством для достижения целей другого. Однако, как справедливо подчеркивает Фромм, в современном обществе понятие «равенство» претерпело изменения. Теперь оно означает скорее «единообразие», нежели «единство». Это единообразие людей, которые выполняют одинаковую работу, одинаково развлекаются, читают одни и те же газеты, одинаково чувствуют и думают одинаково. Положение, выдвинутое философией Просвещения, – «душа не имеет пола» – получило применение повсюду.

К фроммовскому анализу «равенства» в его современной аранжировке, несомненно, можно было бы присовокупить идею уравнительности, выношенную в лоне казарменного коммунизма. Она сопряжена с проповедью идеала равенства без индивидуальности. На этой основе невозможно межличностное единство. Любовь обретает черты рыночной ориентации.

Процесс социализации, по мнению Фромма, начинается уже с того мгновения, когда индивид определяет себя и свое отношение к другим людям через различные формы человеческих отношений. Развитие конкретного способа общения людей приводит к формированию социального характера, то есть стабильной и четко выраженной системы ориентации. Соответственно пяти

способам социализации (мазохизм, садизм, деструктивизм, конформизм и любовь) возникает пять форм адаптации к обществу: рецептивный, эксплуатирующий, накопительский, рыночный, продуктивный.

В каждом конкретном обществе может оказаться несколько типов ориентации. Однако условия жизни, ценности и вся социальная структура в целом влияют на формы адаптации по-разному. Иное общество активно выявляет и культивирует конформизм, иное – эксплуатирующий тип поведения. В XX в., по мнению Фромма, социальный характер существенно преобразился. Прежде всего рациональный или иррациональный авторитет, который столь явно обнаруживался в прошлом столетии, был заменен анонимным авторитетом, обезличенным выражением которого стали общественное мнение, каналы пропаганды и т. д. В качестве механизма этой власти выступает конформизм, имманентное свойство индивида, который сам тяготеет к подчинению.

Таким образом, анализ любви в концепции Фромма сопряжен с развернутой социологической теорией. Он далек от исследователей, которые видят в этой теме повод для диагностики чувств, но не ощущают при этом, что сам этот феномен раскрывает социальный характер, демонстрирует связь различных форм человеческой активности.

Наконец, подчеркнем еще один аспект темы. Любовь, в изложении Фромма, выступает как созидательное, творческое начало. В ней ощущается разнообразное человеческое содержание. В такой трактовке феномена Фромм, разумеется, не одинок. Вот что пишет, например, А. Ф. Лосев: «Самая животная, самая физическая, самая откровенно половая любовь вовсе не есть любовь только одного индивидуума к другому, только влечение одного организма к другому. Уже самое обыкновенное животное половое влечение есть влечение к каким-то новым порождениям; это влечение к таинственной дали бесконечных воспроизведений жизни; это страсть к созиданию, к творчеству, к воплощению в себе иного рода, к размножению и самоповторению еще в ином и в ином, еще по-разному и по-новому, еще богаче, шире, глубже, сильнее, чем то, что есть в настоящее время. Любовь только и живет этим общим, только и стремится к бесконечной перспективе утверждения себя во всем или по крайней мере в некотором. В любви человек хочет стать как бы Богом, порождая из себя целый мир и изводя из себя целый мир и зная его и изнутри, зная его еще до его созидания…»[4 - Лосев Алексей. Родина // Лит. газета, 24 января 1990 г.]

П. Гуревич, проф.

Ради любви к жизни

Предисловие

Приведенные в данной работе размышления Эриха Фромма относятся к последнему десятилетию его жизни. Он никогда не прекращал работать. Он продолжал читать, писать, планировать и изучать, он оставался открытым миру до самого конца. Работа всей его жизни, чему посвящены без малого десять томов, достигла своего пика на последнем десятке лет. Фромм черпал материал для своей работы всегда, когда выступал в роли живого и критичного комментатора нашего времени. Приведенные здесь радиобеседы представляют собой интересное дополнение его трудов. Их ценность, в основном, заключается не в новизне, а в жизненности и характерной манере выражения его глубоких убеждений. Большинство этих разговоров были записаны в апартаментах Фромма в Локарно, остальные в нашей студии в Цюрихе. Читая их, мы как бы участвуем в беседах, на которые нас столь любезно приглашает великий старик.

В отличие от некоторых ранних работ, написанных плотным, академическим немецким языком, все остальные работы Фромма известны нам здесь в Германии только в переводах с английского. Однако в приведенных радиобеседах он возвращается к своему родному языку; и его стиль, свободный от ограничений, навязываемых бумагой, предстает во всей своей удивительной непосредственности. Маттиас Клаудиус однажды заметил, что письменный язык подобен дьявольской трубе, которая превращает вино в воду. Фромм тоже предпочитал устную речь, прямого адресата. И здесь мы слышим его разговор. Любой, кто когда-нибудь слышал Фромма, снова услышит его живые слова, читая

эти страницы.

Моя первая встреча с гениальным мыслителем состоялась в 1970 г. Мы встретились, так же как мы встречались и позже, в Сторехене в Цюрихе. У него повсюду были любимые отели, и совершенно невозможно представить себе Фромма отказывающимся от роли хозяина. Мы поговорили о серии бесед на тему богатства и скуки, которые мы планировали записать на следующий день в нашей цюрихской студии. Он сидел напротив меня с присущим ему внимательным выражением лица. Абсолютно не замечая шума и гама вокруг нас, он излагал мне свои идеи насчет записи. Когда он закончил, я подумал: «Ну, вот и все». Но нет. Теперь была моя очередь говорить. Он спросил меня, есть ли у меня возражения, и поинтересовался типом аудитории, к которой он должен был обращаться. С помощью настойчивых вопросов, демонстрирующих степень его знакомства с жизнью Германии, он хотел подойти как можно ближе к своим слушателям. Его девизом было – говорить на их языке, а не рассказывать то, что хотят от него услышать. Фромм был очень хорошо подготовлен. С ним была пугающая груда набросков и черновиков, и он постоянно пополнял их во время нашего разговора. Но на следующее утро он появился без какого-либо багажа. Я спросил, почему он не взял свой портфель. Забавно, но он покачал головой. Мы привезли его в студию. Без дальнейших церемоний он сел перед микрофоном и без всякой подготовки прочитал все свои шесть выпусков, каждый из которых длился ровно двадцать девять минут. Его единственным условием было мое присутствие. Ему нужно было к кому-то обращаться, ему был нужен представитель анонимной аудитории. Слышать одновременно спонтанные и концентрированные формулировки было той радостью, которая так редка на радио.

В то время как Эрих Фромм занимался своим делом, взяв меня с собой в свое большое сократовское путешествие, я начал замечать в операторской, расположенной за стеклом, какое-то движение. Фромм был относительно неизвестен в Европе в то время, но его слово, звучащее по цюрихскому радио, стоило послушать. Технический персонал, секретари, привратник и даже некоторые мои коллеги из редакции собрались в операторской и внимательно слушали. Я понял, что потенциал радио для «диалога» с аудиторией действительно ограничен. Мы не должны ожидать от радио многого или толкать его за границы этого потенциала. Мы пытаемся найти подходящий для среды стиль косвенной речи. Но Фромм был исключением из этого правила. Оставаясь неустрашимым, он просто «перепрыгивал» через все препятствия, которые среда ставила ему на пути. Как он этого добивался? Диалог являлся интегральной сердцевиной раздумий Фромма. Невидимый слушатель никогда не был для него простой «подпоркой» его спекуляций. Сам слушатель, и то, что этот слушатель мог ему возразить, являлось встроенной реальностью его мысли. Фромм мог слушать, так же как и говорить. Он был замечательно хорошим оратором, потому что был потрясающе хорошим слушателем.

В Фромме-писателе и Фромме-человеке уживалась, до некоторой степени, одна и та же личность. Один переводил другого. Его голос был инкарнацией его языка. Фромм воспитывался в еврейской традиции, в культуре с могучей разговорной направленностью. Все его исследования были вариациями на тему. Они полны повторений, новых решений старых проблем, новых попыток исследовать глубже, объяснить с большей четкостью. Очень немногие писатели-ученые были так одарены, как он. Для него отсутствие изобилия было равносильно признанию бедности. Когда я читаю Фромма, я снова и снова поражаюсь обилию идей, предложений, интуиции, интерпретаций. Читатель сталкивается с бесконечным потоком примеров и данных – и пелена спадает с его глаз.

Отвечая на вопросы или решая какую-нибудь интеллектуальную головоломку, он любил рассказывать всяческие истории. В качестве примера можно привести историю о мужчине, который пустился в дальний путь, чтобы навестить учителя хасида. И когда его спрашивали, не сложно ли было ему изучать доктрины учителя, мужчина отвечал: «О, нет, я ведь только хотел посмотреть, как он завязывает ботинки». Эта короткая история напоминает нам о том, что жест часто говорит нам больше, чем лекция. А также это напоминает нам, что самые замечательные слова бесполезны, если человек, который произносит их, не тот человек. Когда бы я ни навешал Эриха Фромма, я всегда помнил эту историю. Уходя от него, я всегда чувствовал себя другим: я уходил с проясненной головой, чувствуя себя более живым и менее запуганным силами, которые угнетают нас и делают нас уязвимыми до отчаяния.

Не только исследования делали Фромма такой привлекательной фигурой. Он весь

был игра жизни с теорией, теории с жизнью. Быть живым – значит рождаться снова и снова. Трагедия, писал Фромм, заключается в том, что многие из нас умирают, так и не начав жить. На таких прозрениях не построить системы, но зато они требуют от нас развития новых подходов, неожиданно свежих взглядов на вещи. Фромм не нуждался в учениках, не хотел осваивать никаких научных школ. Дух, подобный ему, растрачивает себя, избегая какой-либо кооптации. Фромм замечал без всякого удовольствия, что его способность к абстрактному мышлению минимальна. Мыслить философски он может в конкретных терминах.

Поздним вечером 5 января 1974 года Южногерманское Радио передавало фроммовский автобиографический очерк «Во имя жизни». В течение двух часов Эрих Фромм неторопливо рассказывал о том, что послужило материалом для напечатанного здесь произведения. Одна штутгартская актриса, отыгравшая в тот вечер в классической пьесе Лессинга «Натан Мудрый», по возвращении домой включила радио и услышала Фромма. Несмотря на поздний час, она бросилась к телефону и попыталась передать мне обуревавшие ее чувства. Она оставила в театре одного Натана только для того, чтобы дома обнаружить другого.

Фромм не был ни чародеем, ни схоластиком. Он был и остается мудрецом, потому что талант созвучного звучания сердца и разума – это именно то, что зовется мудростью.

Ганс Юрген Шульц

Избыточность и внутренняя опустошенность нашего общества

Пассивная личность

Поскольку речь у нас пойдет об «избыточности и внутренней опустошенности», мне видится полезным дать несколько предварительных пояснений относительно значений этих слов. Ясность при определении значений слов является решающим фактором в любой дискуссии, включая нашу. Если мы осознаем значение слова во всех его вариантах и коннотациях, мы, как правило, лучше понимаем очерченный им крут проблем. Его история и дефиниция помогают нашему пониманию актуальных вопросов.

Выражение «the affluent society» («общество изобилия») появилось в 1958 г, когда увидела свет книга Джона К. Гэлбрейта с одноименным названием[5 - Э. Фромм называет дату ошибочно. Книга К. Гэлбрейта «Общество изобилия» была написана в 1968 г. – Прим. пер.]. Английское слово affluence (избыточность) происходит, так же, как и fluid (жидкость), от латинского глагола fluere (течь, происходить, изобиловать) и означает, если брать его литературный вариант, одновременно и наводнение, и избыток, и переполнение (англ. overflow). Но, как известно, слово «избыток» может иметь как положительный, так и отрицательный смысл. Если избыток воды в Миссисипи вызывает наводнение и она выходит из берегов – это бедствие. Но если фермеру случается собрать небывалый урожай и в его закромах избыток зерна – это удача. Таким образом, «избыточность» (affluence) – неоднозначный термин. Он может предполагать, как изобилие (abundance), которое превращает жизнь в удовольствие скорее, чем борьба за выживание, так и излишество, обилие (superfluity), переполнение (overwhelming), и даже убительный, фатальный переизбыток (fatal excess).

Нет ничего противоречивого в словах abundance и superfluty, даже несмотря на небольшую разницу между их корневыми значениями. Слово abundance (изобилие) произошло от латинского корня undo (волна), который сохранился в английском языке в своем первоначальном значении в словах undulate и undulant (волнистый, волнообразный). Abundance (изобилие) также значит overflowing (переполнение), и все-таки, имеет скорее положительный нежели отрицательный смысл в языке. Говоря «изобилие», мы подразумеваем нечто большее, чем просто возможность удовлетворения насущных потребностей. Изобилие – это то, что описывается в Ветхом Завете, как «a land flowing with milk and honey» (страна, утопающая в молоке и меде). Или, представьте себе, что вы находитесь на вечеринке, где нет недостатка в освежающих напитках. Вы скажете: «Вино льется в изобилии!», подразумевая этим нечто положительное. Нет недостатка в хороших вещах, нет нормирования продуктов,

нет необходимости думать о том, что что-то может кончиться сегодня или завтра.

Но если мы хотим упомянуть о негативных аспектах слова overflowing (переполнение), то на ум приходит superfluous (излишний, чрезмерный). Это слово, так же, как и affluent (избыточный), происходит от латинского fluere, и superfluity (чрезмерность), таким образом, не что иное, как super-flowing (переполнение сверх меры). В данном контексте слово overflow приобретает резко отрицательный смысл. Оно знаменует собой расточительность, бессмысленность. Если вы говорите кому-то: «Ваше присутствие здесь излишне», вы подразумеваете: «Почему бы вам не уйти отсюда?». Вы же не произносите фразу: «Как хорошо, что Вы здесь», которая и есть то, что вы думаете, более или менее, говоря о вине, «льющемся в изобилии». Таким образом, всякий раз, когда мы говорим об избыточности, мы должны спросить сами себя, имеем ли мы в виду позитивное, несущее жизнь изобилие или же негативное, смертоносное излишество.

Возвращаясь к термину ennui («внутренняя опустошенность»), мы обнаруживаем, что его основное значение сильнее и глубже, чем общепринятые толкования слов «скука», «чувство разочарования» и «утомленность». Ennui и английское слово «annoy» (раздражать, надоедать) происходят от латинского inodiare — «вызывать отвращение и ненависть».

Нам нужно спросить самих себя, взяв за точку отсчета наших рассуждений только что проанализированные слова, не ведет ли чрезмерность к скуке, омерзению и ненависти. Если так, нам стоит поставить перед собой ряд непростых вопросов о нашем обществе изобилия. Под «нами» я подразумеваю современное индустриальное общество в том виде, в котором оно развилось и сформировалось в США, Канаде и Западной Европе. Живем ли мы в избыточности? Кто в нашем обществе живет в избыточности, и что это за избыточность — избыточность изобилия или избыточность излишества? Проще говоря, это хорошая или плохая избыточность? Порождает ли наша избыточность внутреннюю опустошенность? Обязательно ли она порождает внутреннюю опустошенность? И как выглядит хорошая, изобильная, полная энтузиазма избыточность, избыточность, которая не порождает внутреннюю опустошенность? Эти вопросы я намереваюсь обсудить ниже.

Но позвольте мне сделать предварительное замечание, касающееся психологии. Так как я — психоаналитик, то в процессе этих наблюдений я буду снова и снова затрагивать вопросы психологии, и мне хотелось бы, чтобы вы с самого начала поняли, что моя точка зрения — это взгляд на вещи с позиций психоанализа. Мне хотелось бы кратко остановиться на вопросе, который близок многим из вас: в психологии существуют две возможности, два подхода к изучению человеческой души. В настоящее время академическая психология изучает человека прежде всего с точки зрения бихевиоризма. Другими словами, это изучение ограничено тем, что можно видеть и за чем можно наблюдать, тем, что видимо и, следовательно, может быть измерено и оценено; то же, что нельзя проследить и пронаблюдать соответственно невозможно ни измерить, ни оценить, по крайней мере с достаточной точностью.

Глубинная психология, метод психоанализа, развивается в другом направлении. У нее другие цели. Она не ограничивает изучение человеческих действий и поведения только тем, что можно увидеть. Она добывает сведения из природы поведения, из мотивов, управляющих поведением. Позвольте мне проиллюстрировать примерами то, что я имею в виду.

Вы можете, например, описать человеческую улыбку. Это действие, которое можно сфотографировать, которое можно описать при помощи терминов, обозначающих мускулатуру лица, и т. д. Но вы отлично знаете, что существует разница между улыбкой продавщицы в магазине, улыбкой человека, испытывающего неприязнь по отношению к вам, но пытающегося эту неприязнь скрыть, и улыбкой друга, который действительно рад вас видеть. Вы в состоянии различить сотни видов улыбок, рожденных различными душевными состояниями. Все они являются улыбками, но вещи, которые они выражают, могут быть бесконечно далеки друг от друга. Никакая машина не сможет не то что измерить, но даже воспринять эту разницу. Только человеческое существо, а не машина, — вы, например, — может сделать это. Вы пользуетесь для этого не только своим сознанием, но и, если мне будет позволено столь старомодное высказывание, своим сердцем. Все ваше существо постигает то, что предшествовало этому. Вы можете почувствовать, какую улыбку вы видите. А если вы не способны ощущать вещи, подобные этому, вы встретите в своей

жизни огромное количество разочарований.

Или возьмем совершенно другой аспект поведения: то, как человек ест. Итак, кто-то ест. Но как он ест? Один заглатывает пищу подобно голодному волку. Манеры второго за столом показывают, что он педантичен и придает огромное значение тому, чтобы все было сделано в соответствии с надлежащими правилами, и тому, чтобы тарелка сияла чистотой. Третий ест неторопливо, без жадности. Он наслаждается вкусом. Он просто ест и получает удовольствие от процесса еды.

Или возьмем еще один пример. Кто-то рычит, и его лицо багровеет. Вы решаете, что он зол. Конечно, он зол. Но потом вы смотрите на него несколько внимательнее и спрашиваете себя, что это за человек (возможно вы знаете его достаточно хорошо), и внезапно вы осознаете, что он испуган. Он напуган, и его ярость – просто реакция на собственный страх. Вы заглядываете в него еще глубже и понимаете, что это человек, который чувствует себя совершенно бессильным и беспомощным, человек, который боится абсолютно всего, самой жизни. Таким образом, вы получили три результата наблюдения: он зол, он напуган, он испытывает глубокое чувство беспомощности. Все три вывода верны. Но они относятся к разным уровням его психики. Наблюдение, касающееся его чувства беспомощности, регистрирует наиболее глубинные процессы, происходящие в нем. Наблюдение, включающее в себя констатацию факта ярости, наиболее поверхностно. Другими словами, если вы в ответ также впадаете в ярость и не видите перед собой ничего кроме озлобленности своего оппонента, то вы не понимаете его вообще. Но если вам удается заглянуть за фасад злости человека и увидеть, что он испуган, что он беспомощен, тогда вы будете стараться повлиять на него по-другому, и, возможно, случится так, что его злость пойдет на убыль, потому что он перестанет ощущать угрозу. С точки зрения психоанализа в том, что мы собираемся обсудить в ходе нашей дискуссии, человеческое поведение, которое можно пронаблюдать извне, интересует нас не в первую очередь (и, конечно, не только оно). Значительно более важно для нас, какие мотивы, какие намерения есть у личности, осознает их человек или нет. Нас интересуют характерные особенности поведения. Мой коллега Теодор Райк однажды сказал: «Психоаналитик видит третьим глазом». Он был абсолютно прав. Или мы можем сказать, используя более простое выражение, что он читает между строк. Он видит не только то, что предлагается ему непосредственно, но осознает нечто внутри предлагаемого и обозримого. Он заглядывает в сердце личности, (любое действие которой просто выражение, проявление чувств, нечто, всегда эмоционально окрашенное цельной личностью. Любая, мельчайшая деталь поведения – это жест определенного человека и только его, а не какого-либо другого, именно поэтому два действия не могут быть идентичны, пока не появятся два абсолютно одинаковых человека. Они могут походить друг на друга, они могут быть соотносимы, но они никогда не будут одним и тем же. Не существуют двух людей, которые одинаково поднимают руку, одинаково ходят, одинаково наклоняют голову. Именно поэтому вы иногда узнаете человека по походке, еще не видя его лица. Походка может так же, как и лицо, служить характеристикой человека, а порой даже в большей степени, потому что изменить походку сложнее, чем выражение лица. Мы можем лгать с помощью нашего лица. Это наша способность, которой лишены животные. Значительно труднее лгать с помощью тела, хотя этому тоже можно научиться.

После этих вступительных примечаний, мне хотелось бы обратиться к проблеме потребления (консъюмеризма), как к психологической, а вернее, психопатологической проблеме. Вы можете спросить: в чем ее суть? Мы все вынуждены быть потребителями. Каждый должен есть и пить. Нам нужна одежда, крыша над головой. Короче говоря, мы нуждаемся и пользуемся огромным количеством вещей, и это явление мы называем «потреблением». Где же тут психологическая проблема? Это закон природы: мы должны потреблять, чтобы жить. Допустим. Но даже говоря так, большинство из нас уже пришло к выводу, который я хочу сделать: есть потребление и потребление. Существующий вид потребления – принудительный, он происходит от алчности, принуждения есть, покупать, владеть, пользоваться все большим и большим количеством вещей.

Теперь вы можете спросить: «А разве это не нормально?». Кроме того, кто же из нас не хочет приумножить то, что имеет. Проблема, если таковая вообще существует, заключается в том, что нам не хватает денег, а не в том, что есть что-то плохое в желании владеть все большим и большим количеством всего. Я прекрасно понимаю, что многие думают именно так. Но пример, вероятно, покажет, что проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. Мой пример знаком вам, но я надеюсь, что очень немногие из

вас, испытали его на себе. Представьте себе, что некто страдает от тучности, этот некто просто слишком много весит. Ожирение может быть вызвано неправильной работой желез, но значительно чаще это просто результат переедания. Тучный человек перехватывает куски то тут, то там; он питает слабость к сладкому; он всегда что-то жует. Но если вы приглядитесь внимательнее, вы заметите не только то, что он постоянно ест, но также что он имеет направленную тенденцию на еду. Он должен есть. Он не может остановить процесс поглощения пищи, так же как некоторые курильщики не могут бросить курить. И вы также знаете, что люди, бросающие курить, часто начинают больше есть. Они оправдываются тем, что все, кто завязывает с курением, автоматически набирают вес. Это одно из распространенных рациональных объяснений, даваемых для того, чтобы не бросать курить. Почему же мы цепляемся за эти рациональные объяснения? Потому что одна и та же потребность – отправлять постоянно что-нибудь себе в рот, потреблять вещи – находит выражение в процессе еды, питья, курении или в покупке вещей.

Доктора постоянно предупреждают людей, подверженных перееданию, излишнему употреблению напитков и курению, что они могут преждевременно скончаться от инфаркта сердца. Если эти люди внимают предостережениям врачей и бросают свои привычки, они часто становятся жертвами беспокойства, чувства небезопасности, нервозности, депрессии. Тут мы видим выдающееся явление: отказ от обжорства, пития, курения делает людей испуганными. Это люди, которые едят или покупают вещи не для того, чтобы съесть или купить, а для того, чтобы успокоить свои чувства тревоги и подавленности. Повышенное потребление является для них выходом из уныния и подавленного состояния. Потребление обещает исцеление, действительно утоляет этот вид голода и приносит облегчение подсознательным подавленности и беспокойству. Многие из нас знают по своему собственному опыту, что если мы нервничаем или испытываем депрессию, то мы более склонны пойти к холодильнику и обрести облегчение в еде, питье, хотя у нас нет аппетита и мы не испытываем жажды. Другими словами, процесс еды и питья может выполнять роль наркотика, действуя как транквилизатор. И продукты, и напитки приносят еще большее удовольствие, потому что к тому же приятны на вкус.

Подавленный человек чувствует внутри себя что-то похожее на вакуум, чувствует, будто он парализован, будто ему не хватает того, что необходимо для действия, будто он не может двигаться должным образом из-за нехватки чего-то, что приведет его в движение. Если он употребит что-нибудь, ощущение паралича и слабости временно покинет его, и он сможет почувствовать: я – кто-то, несмотря ни на что; у меня что-то есть внутри; я не полный ноль. Он наполняет себя чем угодно, чтобы вытеснить свою внутреннюю пустоту. Он – пассивная личность, которая чувствует, что стоит очень мало и которая подавляет эти подозрения потреблением, превращением в человека потребляющего.

Я только что представил концепцию «пассивной личности», и вы захотите узнать, что под этим имею в виду. Что такое пассивность? Что такое активность? Позвольте мне начать с современных определений пассивности и активности, определений, которые будут достаточно понятны всем вам. Активность понимается как любое целенаправленное действие, требующее затрат энергии. Это может быть как физическая, так и умственная работа; она также может включать в себя занятия спортом, по причине того, что мы рассматриваем спортивные состязания в утилитарном ключе: участие в них либо укрепляет здоровье, либо поднимает престиж нашей страны, либо делает нас знаменитыми, либо приносит деньги. Как правило, удовольствие, которое подвигает нас на занятие спортом, заключается не в самой игре, но в определенном конечном результате. Каждый, кто напрягает силы, активен. Тогда мы говорим, что он «занят». А быть «занятым» означает принимать участие в каком-то занятии.

Что же представляет из себя пассивность с такой точки зрения? Если нет никаких видимых результатов, никаких осязаемых достижений, тогда мы пассивны. Разрешите мне привести очевидный пример: кто-то сидит, просто разглядывая пейзаж, просто сидит так пять минут, полчаса, может, даже час. Он ничего не делает, просто смотрит. Поскольку он не производит киносъемку, а просто впитывает в себя то, что видит, мы можем посчитать его странным и уж точно не будем склонны наградить его «созерцательность» именем активности. Или возьмите кого-то, кто медитирует (хотя в нашей западной культуре вид медитирующего человека редок). Он пытается осознать себя, свои чувства, свое настроение, свое внутреннее состояние. Если он медитирует регулярно и систематически, он может заниматься этим часами. Любой, кто

ничего не смыслит в медитации, посчитает, что медитирующий человек пассивен. Он вообще ничего не делает. Вероятно, все его усилия направлены на то, чтобы изгнать из сознания последние мысли, думать ни о чем, и просто существовать. Это может произвести на вас впечатление необычности. Попробуйте как-нибудь заняться этим хотя бы две минуты, и вы поймете насколько это трудно; и как кто-то или что-то будет продолжать стучаться в ваше сознание, как ваш ум будет цепляться за каждую последнюю мелочь под солнцем, как вы беззащитны против этих мыслей, потому что мы находим практически недопустимым просто сидеть, выключив свои мысли.

Для великих культур Индии и Китая этот вид медитации жизненно важен. К сожалению, к нам это не относится, потому что при нашей амбициозности, мы считаем, что все, что мы делаем, должно иметь цель, достигать чего-то, производить результат. Но если вы однажды попробуете забыть о результатах, если сумеете сконцентрироваться и проявить достаточно терпения, вы можете обнаружить, что «безделье» на самом деле очень живительно.

Все, что я хотел здесь отметить, это, что активность в современном понимании, это поведение, которое имеет осязаемые результаты, пассивность же бесцельна, это поведение, в котором мы не замечаем выхода энергии. Так мы понимаем активность и пассивность, таким же образом подходим к проблеме того, что и как мы потребляем. Если мы потребляем излишние вещи, поставляемые нам «чрезмерной избыточностью», то то, что нам кажется активностью, – на самом деле пассивность. Какую же форму творческой активности, «положительной избыточности», богатства, сопротивляемости, можем мы себе представить, которая позволила бы нам быть большим, чем просто потребители?

Внутренняя опустошенность в современном обществе

Давайте немного поразмышляем о классических определениях активности и пассивности, которые мы можем найти в работах Аристотеля, Спинозы, Гете, Маркса и многих других западных мыслителей, за последние более чем две тысячи лет. Активность понимается как нечто, что дает про-явиться врожденным силам, что помогает появлению новой жизни, что вызывает к жизни наши психические и эмоциональные, наши интеллектуальные и артистические способности. Возможно некоторые из вас не совсем поймут, что я имею в виду, говоря «врожденные силы», так как мы приучены думать о силе и энергии, как о категориях, присущих машинам, а не людям. А те силы, которыми мы обладаем, направлены в первую очередь на изобретение новых и управление старыми машинами. И по мере того, как мы все больше и больше восхищаемся силой машин, мы все меньше и меньше осознаем чудесные силы, заложенные в нас самих. Мы уже недостаточно верим строкам из «Антигоны» Софокла: «Бесчисленны чудеса на свете, но нет ничего чудесней человека». Ракета, которая может полететь к Луне, кажется нам значительно более чудесной, чем просто человеческое существо. И с подобным же чувством мы ощущаем, что в процессе современного изобретательства мы создали вещи более восхитительные, нежели Бог, создавший человека.

Мы должны переориентировать наше мышление, если хотим сфокусировать внимание на человеческой совести и развитии огромного потенциала, заложенного в нас. Мы обладаем не только способностью говорить и думать, но также возможностью проникновения в самую суть вещей, возможностью зрелого осознания, мы можем любить и выражать свои чувства. Все это присутствует в нас в виде потенциала и ожидает развития. Активность, состояние активности в том смысле, в котором его понимают названные мной авторы, означает следующее: выявление, проявление тех сил, которые есть в человеке, но которые обычно остаются спрятанными и подавленными.

Мне бы хотелось прочитать вам здесь несколько строк из Карла Маркса. Вы быстро поймете, что этот Маркс разительно отличается от того, которого вы обычно встречаете в университете, в средствах массовой информации, в пропаганде, распространяемой как левыми, так и правыми. Это цитата из «Экономическо-философских рукописей» 1844 г.: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д… Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть

определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье.»[6 - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 150-151.].

Ясно, что Маркс говорит здесь о любви как о виде активности. Современному человеку редко приходит на ум, что он может создать что-то при помощи любви. Его обычная и почти единственная задача состоит в том, чтобы быть любимым, а не источать любовь самому, не пробуждать своей любовью любовь в других и тем самым не создавать нечто новое, нечто, что не существовало на свете раньше. Поэтому он думает, быть любимым — это дело случая или нечто, что можно спровоцировать, покупая различные вещи, которые, по общему мнению, могут заставить кого-то вас полюбить, все — от зубного эликсира до элегантного костюма и дорогой машины. Правда, я не могу сказать, чем вам помогут подходящий зубной эликсир или костюм. Но я не могу не отметить тот прискорбный факт, что большое количество мужчин любимы за свои спортивные машины. И здесь, конечно, мы должны добавить, что многие мужчины любят свои машины больше, чем жен. В любом случае оба участника такого соглашения довольны, но впоследствии им становится скучно друг с другом, они, возможно, даже начинают ненавидеть друг друга, потому что оба оказываются обманутыми или, по крайней мере, чувствуют себя обманутыми. Они думают, что были любимы, но на самом деле все, что они делали, — симулировали любовь. Они не любили активно.

Подобно этому, когда мы говорим, в классическом смысле слова, что кто-то пассивен, мы не имеем в виду, что он просто сидит, размышляет, медитирует или наблюдает за окружающим миром, мы подразумеваем, что он направляется силами, которые не контролирует, что он не может действовать самостоятельно, а лишь реагирует.

Говоря о реакциях, мы не должны забывать, что большая часть нашей активности состоит из реагирования на раздражители, ситуации, которые, поскольку они нам знакомы, пробуждают в нас обусловленные отклики на соответствующие сигналы. У собаки во время опыта Павлова пробуждался аппетит, когда бы ни зазвенел звонок, потому что она была приучена ассоциировать пищу с этим звуком. Бегом направляясь к миске с едой, эта собака была очень «активна». Но эта активность была не более чем реакцией на раздражитель. Собака действовала как машина. Бихевиоризм интересуется процессами именно такого свойства: человек существо реагирующее. Предоставьте ему раздражитель, и он моментально на него среагирует. Мы можем ставить подобные опыты с крысами, мышами, обезьянами, людьми, даже с кошками, хотя с ними не всегда все идет так, как предполагается. Человеческие существа — увы! — наиболее чувствительны к такому подходу. Бихевиоризм считает, что все человеческое поведение подчиняется принципу кнута и пряника. Награда и наказание — два величайших стимула, и человек, по-видимому, реагирует на них так же, как и любое другое животное. Он приучается делать то, за что будет награжден, и не делать того, что повлечет за собой угрозу или наказание. Нет необходимости постоянно его наказывать, достаточно самой угрозы наказания. Естественно, то там, то тут некоторые люди подвергаются наказаниям, таким образом угроза наказания не превращается в пустую угрозу.

Сейчас позвольте обратиться к тому, что означает быть «направляемым». Возьмем, например, пьяного человека. Он может быть очень «активным». Он вопит и размахивает руками. Или представим кого-то, находящегося в психическом состоянии, называемым «манией». Такой человек гиперактивен, он думает, что может спасти мир, шлет телеграммы, передвигает вещи. Он производит впечатление чудовищной активности. Но мы знаем, что на самом деле движущей силой такой активности является или алкоголь, или неправильное срабатывание определенных электрохимических процессов в, головном мозге. Внешние же проявления в обоих случаях показывают крайнюю степень активности.

«Активность», являющаяся просто реакцией на раздражители или на «направляемость» или принуждение, заявляемая как страстное движение души, на самом деле — пассивность, и неважно, насколько сильное движение она может вызвать. Английские слова «passion» (страсть, энтузиазм, пыл, взрыв чувств) и «passive» (пассивный) восходят к латинским словам passio и passivus соответственно, которые, в свою очередь, произошли от латинского

глагола, обозначавшего «страдать». Таким образом, если мы говорим о ком-то, что у него страстная натура, это весьма сомнительный комплимент. Философ Шлейермахер сказал однажды: «Ревность – это страсть, которая непременно вызывает состояние, приносящее страдания». Это верно не только в отношении ревности, но также любой другой страсти, присутствующей в зависимом характере: амбициозности (честолюбии), алчности, вожделения власти, ненасытности. Все пагубные привычки – это страсти, порождающие страдания. Это – формы пассивности. На сегодняшний день слово «страсть» расширило свое значение и, таким образом, потеряло однозначность, которая была ему когда-то присуща. Я не буду разбирать здесь причин этого.

Если вы теперь внимательнее посмотрите на активность людей, просто реагирующих или действующих по принуждению, людей пассивных в классическом смысле слова, вы заметите, что их реакции никогда не меняют своей направленности. Их реакции всегда одинаковы. Одинаковые раздражители всегда вызовут одинаковые реакции. Вы можете с достаточной уверенностью предсказать, что произойдет в тот или иной момент. Все может быть просчитано. Здесь не заметна индивидуальность, силы мышления не задействованы, все кажется запрограммированным: одинаковые раздражители, одинаковые следствия. Подобное же мы видим, наблюдая за крысами в лаборатории. С тех пор, как бихевиоризм наблюдает человека в первую очередь как механизм, он рождает соответствующие предположения о нем: определенные раздражители пробуждают соответствующие отклики. Изучение и исследование этого феномена, а также формулирование рекомендаций, основанных на нем, это то, что бихевиористы называют наукой. Возможно, это наука, но наука не о человеке, так как человек никогда не реагирует дважды абсолютно одинаково. Каждую секунду это другой человек. И хотя он не может быть полностью другим, по крайней мере, он – не одно и то же. Гераклит выразил эту идею следующим образом: «Нельзя войти дважды в одну реку». Причиной, естественно, является постоянное движение реки. Я мог бы сказать, что бихевиористическая психология – это наука, но это не наука о человеке. Вернее, это наука, чуждая человеку, развиваемая чуждыми методами чужеродными исследователями. Она, возможно, в состоянии высветить некоторые аспекты человеческой природы, но она не затрагивает того, что по-настоящему является жизнью, того, что действительно человечно в человеке.

Я хотел бы привести вам пример, иллюстрирующий разницу между активностью и пассивностью, который очень сильно повлиял на индустриальную психологию в Америке. «Вестерн электрик компании» наделила необходимыми полномочиями профессора Элтона Мэйо, чтобы он выявил пути увеличения производительности труда неквалифицированных работниц на заводе Хауторн в Чикаго. Мэйо выдвинул предположение, что производительность труда может возрасти, если работницам будет предоставлен один десятиминутный перерыв утром, другой днем и т. д. Работницы были заняты очень монотонным трудом, они наматывали катушки электромагнитов. Это занятие не требовало ни специальных навыков, ни усилий, это была самая пассивная, тоскливая работа, какую можно себе представить. Мэйо объяснил суть эксперимента работницам и после этого попробовал предоставить им перерыв днем. Производительность выросла незамедлительно. Все, конечно, были восхищены, видя как работает идея. Тогда Мэйо пошел еще дальше и предоставил работницам утренний перерыв, и производительность опять увеличилась. Поскольку дальнейшие улучшения условий труда оказывали положительное влияние на производительность, казалось, что теория Мэйо окончательно доказана.

Обычный профессор завершил бы эксперимент на этой стадии и посоветовал бы администрации «Вестерн электрик» потерять двадцать минут рабочего дня в интересах увеличения производительности. Но не Элтон Мэйо, который был очень изобретателен. Ему было интересно, что произойдет, если он отберет предоставленные ранее привилегии. И он убрал дневной перерыв – производительность продолжала расти. Затем он убрал утренний перерыв – новый скачок производительности. На этом этапе некоторые профессора, пожав плечами, объявили бы эксперимент проваленным. Но в данном случае Мэйо вдруг стало ясно, что эти неквалифицированные работницы первый раз в жизни почувствовали интерес к тому, что делали. Наматывание катушек осталось таким же монотонным, как и раньше, но Мэйо объяснил суть эксперимента работницам и задействовал их в нем. Они ощутили, что их труд обрел смысл, что они делают что-то приносящее пользу не только безликой администрации, но также и всему рабочему классу. Мэйо таким образом сумел показать, что именно эта неожиданная заинтересованность, это чувство участия, а не утренний и дневной перерывы увеличили производительность труда. Этот эксперимент породил новый подход к индустриальной психологии: интерес,

испытываемый людьми по отношению к своей работе, имеет большее значение для производительности труда, чем перерывы, увеличения зарплаты и прочие привилегии. Я вернусь к этому вопросу позднее, сейчас же мне хотелось лишь подчеркнуть решительную разницу между активностью и пассивностью. Пока труженицы компании не испытывали заинтересованности в своей работе, они оставались пассивными, но в ту минуту, когда они стали частью эксперимента, они почувствовали, что приносят реальную пользу, они стали активными и проявили совершенно другой подход к своей работе.

Возьмите другой, еще более простой пример. Представьте себе туриста, естественно, с фотоаппаратом, который прибывает куда-то и обнаруживает перед собой холм, озеро, замок или художественную выставку. Он не может по-настоящему понять сущность того, что видит, потому что он слишком озабочен фотографией, которую собирается сделать. Для него существует только та реальность, которую он может запечатлеть на фотопленке и которой, посредством этого, как бы может овладеть, а не та, которая действительно перед ним. То есть второй шаг, фотография, предшествует первому, самому акту видения. Раз у него есть фотография, он может показать ее своим друзьям, предполагая, что он собственноручно создал этот запечатленный кусочек мира, или лет десять спустя вспомнить, где находился в определенный момент времени. Но в любом случае фотография, искусственно созданное ощущение, вытесняет подлинное. Многие туристы даже не утруждают себя сперва посмотреть. Они просто хватаются за свои фотокамеры. Настоящий же фотограф сначала попытается зафиксировать в себе то, что он позже зафиксирует камерой. Он попытается установить связь с тем, что хочет заснять. Это первоначальное видение – вид активности. Разница между этими двумя формами видения не может быть измерена в лаборатории, но выражения человеческих лиц дадут вам сведения о ней: у того, кто действительно видит нечто прекрасное, на лице отразится удовольствие. Он может потом сделать выбор – фотографировать или нет то, что увидел. Существуют люди (хотя их число невелико), которые преднамеренно решают не фотографировать, потому что они чувствуют, что фотографии мешают их воспоминаниям. Фотография ограничивает ваше воспоминание тем, что на ней изображено. Но если вы попробуете припомнить пейзаж без помощи фотографии, вы увидите пейзаж, возрожденный в вас. Картина возвращается, и пейзаж такой живой перед вашим мысленным взором, каким был в действительности. Это не просто схематическое воспоминание, как слово, которое вы можете вспомнить. Вы воспроизводите этот пейзаж внутри себя, именно вы создаете картину, которую видите. Этот вид активности освежает, очищает, усиливает наши жизненные ресурсы. Пассивность же, наоборот, подавляет и лишает нас жизненной энергии и может даже преисполнить нас ненависти.

Представьте на мгновение, что вы приглашены на вечеринку. Вы уже знаете, что скажет тот или иной гость, что вы ему ответите и что услышите в ответ. То, что скажет каждый, – ясно и предсказуемо, как будто вы находитесь в мире машин. Каждый имеет свое мнение, свою точку зрения. Все неизменно, и когда вы приходите домой, вы безразличны, утомлены, смертельно устали. Хотя пока вы были на вечеринке, вы производили впечатление живости и активности. Но, несмотря на все это, вы оставались пассивны. Вы и ваши собеседники ничего не делали, кроме как переливали из пустого в порожнее. Структура – раздражитель – ответ – опять повторялась, как старая, истертая запись. Ничего нового не случилось. Скука праздновала победу.

Удивительным феноменом нашей культуры является то, что люди не до конца понимают или – вероятно, мы так должны сказать – не до конца осознают, каким серьезным несчастьем является скука. Возьмите человека, который по какой бы то ни было причине не знает чем себя занять. Пока у этого человека отсутствуют внутренние ресурсы, способные заставить его чем-то активно заняться, создать что-то или включить в работу силу интеллекта, он будет чувствовать скуку, как бремя, обузу, паралич, которые он сам объяснить не сможет. Скука – это одна из жесточайших форм пытки. Это современное явление, и оно стремительно распространяется. Человек, находящийся во власти скуки и не имеющий возможности от нее защититься, будет чувствовать себя глубоко подавленным. Вы можете ощутить здесь желание спросить, почему большинство людей не осознают, насколько опасна и болезненна скука и как много страданий она нам приносит. Я полагаю, что ответ достаточно прост. Мы производим сегодня огромное количество вещей, которые люди могут приобрести, чтобы справиться со скукой. Мы можем временно загнать скуку в угол, приняв транквилизатор или выпив, или пойти на еще одну вечеринку после только что закончившейся, или развязать войну с женой, или включить по телевизору развлекательную программу, или заняться сексом. Большая часть

из того, что мы делаем, это попытка отгородить себя от полного осознания того, что нам скучно. Но не забывайте о том тяжелом чувстве, которое часто настигает вас в то время, когда вы смотрите глупый кинофильм или пытаетесь подавить свою скуку каким-то другим способом. Помните об осадке, который остается на душе всегда, когда вы осознаете, что все, что вы делали, чтобы развлечься, на самом деле до смерти вам наскучило и вы не используете свое время, а просто его убиваете. Еще одной отличительной особенностью нашей культуры является то, что мы можем зайти очень далеко, экономя время, но сэкономив, мы убиваем его, потому что найти ему лучшего применения мы не в состоянии.

Искусственно созданные потребности

Люди — это машины, которые функционируют в соответствии с определенными физиологическими требованиями; такова общепринятая точка зрения не только среди обывателей, но и среди многих ученых. Люди испытывают голод и жажду; они должны спать; им необходим секс и т. д. Физиологические и биологические потребности должны быть удовлетворены. В противном случае люди становятся нервными или, если, например, отсутствует питание, умирают. Однако если эти потребности удовлетворены — все отлично. Единственной проблемой этой точки зрения является ее ошибочность. Может случиться так, что все физиологические и биологические потребности человека удовлетворены, но он все еще не удовлетворен, он не находит согласия с самим собой. Наоборот, он может быть психически очень больным, даже если ему кажется, что у него есть все, что необходимо. Оживляющий импульс, который сделал бы его активным, — вот то, чего ему не хватает.

Позвольте мне привести несколько кратких примеров того, что я имею в виду. В последние годы было проведено несколько интересных экспериментов, в ходе которых люди были лишены всех раздражителей. Они были помещены в полную изоляцию, в небольшое пространство, где температура и освещение оставались неизменными. Еда спускается к ним через люк. Все их потребности удовлетворены и отсутствуют раздражители. Условия сравнимы, скажем, с условиями пребывания ребенка в чреве матери. После нескольких дней такого эксперимента у людей начали развиваться патологические тенденции, чаще шизофренического толка. Хотя их физиологические потребности удовлетворены, это состояние пассивности психологически патогенично и может привести к безумию. То, что нормально для плода в чреве (хотя даже плод не настолько лишен раздражителей, насколько участники упомянутых экспериментов), вызывает болезнь у взрослого человека.

Еще в одном виде экспериментов люди были лишены возможности видеть сны. Это возможно сделать, так как нам известно, что сновидения сопровождаются быстрым подрагиванием глаз. Если экспериментатор будит подопытного в тот момент, когда видит эти подрагивания, он не дает этому человеку видеть сны. У людей, подвергнутых этому эксперименту, также развились серьезные симптомы заболевания. Это означает, что сны — психическая необходимость. Даже когда мы спим, мы остаемся умственно и психически активными. Если мы лишены этой активности, мы заболеваем.

Харлоу, психолог изучающий животных, выяснил в процессе своих опытов с обезьянами, что приматы в течение десяти часов сохраняют заинтересованность в сложном эксперименте. Они непрерывно разбирали сложное устройство и оставались терпеливыми и настойчивыми. Не было предложено никаких вознаграждений, не применялись никакие наказания. Хотя Харлоу не задействовал механизм стимул — реакция, было ясно, что животные продолжают упорно работать, не имея явной заинтересованности в работе. Животные, особенно приматы, могут развить высокий уровень заинтересованности, мотивируя это не только обещанием еды или страхом наказания.

Позвольте мне упомянуть еще один пример. Люди создавали произведения искусства уже 30000 лет назад. Мы склонны умалять значение этого труда, заявляя, что он служил чисто магическим целям. Подумайте о невероятно красивых и изящных изображениях животных, найденных нами среди наскальных рисунков. Мотивацией этих рисунков было, по-видимому, желание гарантировать успех в охоте. Может быть и так, но объясняет ли это их красоту? Потребность в магии могла быть удовлетворена значительно менее художественными рисунками и украшениями пещер и ваз. Красота, которую мы можем ощутить и которой сегодня можем насладиться, была добавлена сверх

необходимой потребности. Можно сказать, что у людей есть другие интересы, не практические, не функциональные, не объективные, как орудия труда и посуда. Люди хотят быть активными на поприще созидания, они хотят придать предметам форму, хотят развить силы, дремлющие в них.

Немецкому психологу Карлу Бюхлеру принадлежит очень удачное выражение «удовольствие от выполнения действия», обозначающее радость, которую несет с собой активность. Люди получают удовольствие от деятельности не потому, что им требуется та или иная вещь, а от самого акта сотворения чего-либо; использование своих собственных возможностей само по себе приносит радость. Конечно, этот факт имеет важное значение для образования. Блестящий итальянский педагог Мария Монтессори осознала, что с помощью старой системы наград и взысканий детей можно натаскать, но нельзя дать им образование. Бесчисленные исследования, призванные проверить эту идею, подтверждают, что люди на самом деле обучаются лучше, когда то, что они делают само по себе приносит удовлетворение.

Я уверен, что человек только тогда до конца человек, когда он самовыражается, когда он использует свои внутренние силы. Если он не может этого сделать, если его жизнь сводится лишь к обладанию и использованию, он дегенерирует, он сам становится вещью, его существование теряет смысл. Оно становится формой страдания. Подлинная радость приходит только с подлинной активностью, а подлинная активность подразумевает использование и культивирование человеческих сил. Мы не должны забывать, что, напрягая свои умственные способности, мы тем самым увеличиваем клетки головного мозга. Этот факт доказан с точки зрения физиологии. В самом деле, увеличение головного мозга может быть измерено, и оно аналогично усилению мускулов, которые мы перенапрягаем. Если мы не будем их перенапрягать, их развитие остановится на уже достигнутом уровне, и они никогда не приблизятся к той кондиции, на которую потенциально способны.

Теперь я хочу включить в нашу дискуссию об избыточности несколько соображений по социальным и экономическим вопросам. Мы можем различить несколько основных этапов в истории человечества. Вероятно, нам стоит начать с того, что этап, на котором человек эволюционировал из обезьяны, был очень продолжительным и растянулся на несколько сотен тысяч лет. Не было такого шага или момента, который бы определил завершение этого развития. Это был очень затяжной процесс, в котором количественные факторы медленно, постепенно трансформировались в качественные. Эволюционный процесс, создавший предтечу человека, более или менее завершился лишь 60 000 лет назад, а человек разумный, создание подобное нам, впервые появился около 40 000 лет назад. С тех пор стадия нашего развития изменилась незначительно.

Так что же отличает человека от животного? Это не его вертикальное положение при ходьбе. Оно уже присутствовало в обезьянах задолго до того, как начал развиваться мозг. Также это не использование орудий труда. Это нечто новое, первоначально неизвестное качество: самосознание. Животные тоже имеют сознание. Они распознают предметы, они знают, что это — одно, а то — другое. Но когда родился человек как таковой, у него было новое, другое сознание, сознание самого себя; он осознавал, что существует и что является чем-то отдельным, отличным от природы и от других людей тоже. Он познавал сам себя. Он понимал, что думает и чувствует. Насколько нам известно, в царстве зверей нет нечего подобного. Именно это особенное качество делает человеческие существа человеческими.

С того момента, как человек родился, в полном смысле этого слова, человеком, он прожил приблизительно 30 000 лет в обстановке, где преобладали трудности и постоянно чего-то не хватало. Он жил охотой на животных и сбором продуктов питания, которые мог использовать, но еще не умел культивировать. Жизнь на этом этапе была отмечена нищетой и нуждой. Затем свершилась великая революция, которую иногда называют эволюцией неолита. Эта революция произошла около 10 000 лет назад. Человек начал производить, создавать материальные ценности. Он больше не зависел от того, что ему удавалось собрать или добыть на охоте, он стал земледельцем и скотоводом. Используя предусмотрительность, ум и умение делать все необходимое, он производил больше, чем ему в тот момент требовалось.

Первые земледельцы с их простыми плугами могут поразить нас сегодня своей примитивностью, но они были первыми людьми, вырвавшимися из тотальной зависимости от прихотей природы, которым подчинялись все до того, и

начавшими использовать свой мозг, воображение и энергию для влияния на внешний мир и создания для себя более благоприятных условий существования. Они планировали, они обеспечивали свое будущее, они создали, на первое время, относительную избыточность. Вскоре они оставили в прошлом примитивные методы сельского хозяйства и разведения животных. Они развивали культуру, они строили города, и вторая эра последовала незамедлительно, первая внесла ее на своих плечах: эра относительной избыточности. Под «относительной избыточностью» я подразумеваю состояние, в котором прежние нищета и нужда были преодолены, но новая избыточность была слишком ограничена, чтобы достаться всем. Меньшинство, которое контролировало общество и накапливало возрастающую власть, забирало себе все лучшее, оставляя большинству лишь остатки. Стол был накрыт не для каждого. Избыточность была доступна не всем. Таким образом, несмотря на то, что ради краткости мы все очень упрощаем, мы можем упомянуть об относительной избыточности (или относительной бедности), которая являлась нормой, начиная с революции эры неолита, и которая, до некоторой степени, все еще норма сегодня.

Относительная избыточность – это палка о двух концах. С одной стороны, люди могли развивать культуру. У них была материальная база, необходимая для постройки зданий, организации государств, поддержки философов и т. д. Но, с другой стороны, следствием относительной бедности было то, что небольшая группа людей эксплуатировала большую. Без большинства такая экономика не расцвела бы. Корни тяги к войне находятся не в человеческих инстинктах и не в человеческой тяге к разрушению, как это многие любят заявлять. Истоки войны находятся в неолите, все началось в тот момент, когда появились вещи, стоящие того, чтобы быть отобранными, и когда люди организовали свою общественную жизнь таким образом, что стало возможным изобрести войну как институт и использовать ее для атак против тех, кто имел то, что хотелось им. У нас под рукой всегда есть сложные причины, объясняющие, почему мы идем на войну. «Нам угрожали!» – говорим мы, и предполагается, что это оправдывает войну. Подлинные причины войны, как правило, до боли прозрачны.

Таким образом, мы можем поблагодарить относительную избыточность, это достижение неолита, за культуру, с одной стороны, и за войну и эксплуатацию человека человеком – с другой. С того самого времени люди живут, более или менее, в своего рода зоопарке. Соответственно целая область психологии, которая опирается на наблюдении за людьми, может быть сравнима с этологией (наука о поведении животных – Прим. ред.) на стадии, когда все наши знания о животных базировались на наблюдениях, сделанных в зоопарках, а не в естественных условиях. Психологам стало совершенно ясно, что животные в зоопарках ведут себя совершенно иначе, чем в естественных условиях. Золли Цукерман заметил, что священные бабуины (вид обезьян) в Лондонском зоопарке (что в Реджентс парке) были невероятно агрессивны. Сперва он посчитал, что агрессия объясняется природой этого вида приматов. Но когда другие ученые пронаблюдали этот вид бабуинов в естественных условиях, они обнаружили, что те вообще не агрессивны. Заключение в клетку, скука, ограничение свободы – все это способствовало развитию агрессивности, которая отсутствовала в естественных условиях.

Моя мысль заключается в том, что и люди, и животные меняют свое поведение, если их оторвать от того образа жизни, который они ведут на свободе. Но первая индустриальная революция внесла огромное изменение в условия жизни человека, изменение, истоки которого находятся уже в Ренессансе, но которое встало во главу угла лишь в нашем столетии: внезапно механическая энергия заняла место естественной энергии, т. е. энергии животных и человека. Сегодня машины поставляют энергию, которая раньше поставлялась живыми существами. И в то же время появилась новая надежда. Если такого рода энергию можно использовать, тогда каждый, не только меньшинство, может вкусить плодов избыточности.

За первой революцией последовала другая, которую называют второй индустриальной революцией. В процессе этой революции машины заменили не только человеческую энергию, но также и человеческое мышление. Здесь я имею в виду кибернетику и машины, которые сами осуществляют управление другими машинами и процессом производства. Кибернетика увеличила и продолжает увеличивать производственные возможности так быстро, что мы можем реально представить себе время, – допустив, что раньше не разразится война и человечество не будет уничтожено голодом и, эпидемиями, – когда новые методы производства обеспечат абсолютную избыточность. В этом случае никто больше не будет испытывать нужду и бедность, каждый познает избыточность.

Человеческая жизнь не будет загромождена чрезмерностью, но будет отмечена положительным изобилием, освобождающим человека от страха перед голодом и насилием.

В нашем современном обществе развилось еще одно явление, не существовавшее раньше. Общество производит не только ценности, но и потребности. Что я под этим подразумеваю? У людей всегда были потребности. Они должны были есть и пить. Они хотели жить в более привлекательных домах и т. д. Но если сегодня вы оглядитесь вокруг, вы отметите все возрастающую важность, которую приобретают реклама и внешний вид товаров. Желания редко теперь зарождаются внутри людей; желания пробуждаются и культивируются извне. Даже тот, кто богат, ощущает себя бедным, столкнувшись с огромным избытком товаров. Рекламодатели же хотят, чтобы он эти товары возжелал. Как бы там ни было, несомненно, что промышленность будет продолжать создавать потребности, которые впоследствии будет удовлетворять, даже больше, будет вынуждена удовлетворять, поскольку в условиях нашей системы это будет значить остаться в живых, так как в этой системе получение прибыли — это тест на выживание. Современное общество опирается на максимальное производство и максимальное потребление. Экономика XIX в. базировалась на принципе максимальной бережливости. Наши бабушки и дедушки считали пороком покупать то, за что не могли заплатить. Сегодня это стало достоинством. И наоборот, сегодня всякий, у кого отсутствуют такие искусственные потребности, всякий, кто не покупает в кредит, кто приобретает только то, что ему действительно необходимо, становится на границу политической благонадежности, становится особенным. Люди, у которых нет телевизора, выделяются. Совершенно очевидно, что они не вполне нормальны. Куда нас все это приведет? Я могу вам сказать. Неограниченный рост потребления создает новый тип личности, которая предана одному идеалу, скажем больше, тому, что почти стало новой религией, религией Большой Леденцовой Горы. Если мы спросим себя, как современный человек представляет себе рай, мы, вероятно, будем правы, ответив, что он, в отличие от магометан, не ожидает очнуться в кругу прекрасных девушек (общепринятый мужской взгляд на рай где бы то ни было). Его видение — огромнейший универсальный магазин, где все доступно и где у него всегда достаточно денег, чтобы купить не только все, что он хочет, но чуть-чуть больше, чем его сосед. Это — часть синдрома: его чувство самоценности основано на том, как много у него всего есть. И, если он хочет быть лучшим, он должен обладать большим количеством всего.

Вопрос в том, как же призвать остановиться тех, кто создает эти почти безумные циклы производства и потребления, ведь хотя большинство людей в данной экономической системе имеют значительно больше, чем могут использовать, они все еще ощущают себя бедными, потому что не могут поддерживать уровень, соответствующий темпу роста производства и массе производимых товаров. Это положение вещей распространяет пассивность наряду с завистью и алчностью и в конечном счете порождает чувство внутренней слабости, бессилия, неполноценности. Человеческое чувство осознания собственной личности базируется исключительно на том, что есть у него, а не на том, что есть он сам.

Кризис патриархата

Как мы увидели, ориентирование жизни на потребление создает атмосферу излишества и внутренней опустошенности. Эта проблема, тесно связанная с кризисом, охватившим сегодня весь западный мир, часто остается нераспознанной, потому что больше внимания уделяется ее симптомам нежели причинам. То, что я имею здесь в виду, это кризис нашего патриархального, авторитарного социального строя.

Что же представляет из себя этот строй? Позвольте мне начать свое объяснение, вернувшись к одному из величайших мыслителей XIX в., швейцарскому ученому Иоганну Якобу Бахофену, который первым доказательно продемонстрировал, что все общественные устройства базируются на одном из двух противоположных структурных принципов: гинекократическом[7 - Гинекократия (от греч. gyne — женщина и kratos — власть). — Прим, пер.], матриархальном, либо патриархальном. Так какая же между ними разница?

В патриархальном обществе, известном нам из Ветхого Завета и римской истории и существующем сейчас, отец владеет и управляет семьей. Здесь я употребляю слово «владеет» достаточно буквально; первоначально, по

патриархальным законам первобытного общества жены и дети являлись такой же собственностью отца семейства, как рабы и животные. Он мог делать с ними все, что хотел. Если мы взглянем на молодое поколение наших дней, может показаться, что мы ушли от античных законов очень далеко. Но мы не можем упускать из вида тот факт, что патриархальный принцип, в более или менее жестком виде, властвовал в западном мире около 4000 лет.

В матриархальном обществе дела обстоят совершенно по-другому. Существует огромная разница между отцовской и материнской любовью, и эта разница имеет первостепенное значение. Отцовская любовь – по своей природе любовь обусловленная. Дети заслуживают ее путем выполнения определенных требований. Пожалуйста, поймите меня правильно. Говоря об отцовской любви, я не имею в виду любовь отца А или отца Б, я подразумеваю абстрактную любовь. Макс Вебер сказал бы «идеальный тип». Отец любит того сына, который в большей степени оправдывает его ожидания и лучше выполняет его требования. И наиболее вероятно, что именно этот сын станет отцовским преемником и наследником. В патриархальном семейном укладе обычно есть любимый сын, как правило, но не обязательно, – старший. Если вы обратитесь к Ветхому Завету, то увидите, что там всегда есть любимый сын. Отец дарует ему особый статус, он «избранный». Он угоден своему отцу, потому что повинуется ему.

Все наоборот в матриархальном строе. Мать одинаково любит всех детей. Все они, без исключения, плоть от плоти ее, и все они нуждаются в ее заботе. Если бы матери заботились только о тех младенцах, которые повиновались и угождали им, большинство бы детей умерло. Как вы знаете, младенец крайне редко делает то, что хотела бы его мать. Если бы матери руководствовались принципами отцовской любви, это стало бы биологическим и физиологическим концом рода человеческого. Мать любит своего ребенка, потому что это ее ребенок, и именно поэтому в матриархальных обществах нет иерархии. Вместо нее существует равная любовь, доступная всем, кто нуждается в заботе и привязанности.

То, что я собираюсь представить вашему вниманию, является кратким изложением идей Бахофена. В патриархальном обществе принципы управления – это форма, закон, абстракция. В матриархальном же людей соединяют естественные узы. Их не надо придумывать и вводить в действие. Они – это естественные связи, которые просто есть. Если вы найдете свободное время и потратите его на чтение «Антигоны» Софокла, вы отыщете там все, о чем я здесь пытаюсь сказать, но в значительно более полной и интересной форме. Эта пьеса – хроника борьбы патриархального строя, воплощенного в Креонте, и матриархального, представленного Антигоной. Для Креонта закон государства превыше всего, и любой, нарушивший его, должен умереть. Антигона же следует закону кровных уз, гуманности, сострадания, и никто не может нарушить этот высший из законов. Пьеса заканчивается поражением принципа, который сегодня мы назвали бы фашистским. Креонт изображен как типичный фашистский лидер, который не верит ни во что, кроме силы и государства, которому личность должна полностью подчиняться.

В этой связи мы не можем не упомянуть религию. Начиная с Ветхого Завета религия Запада была патриархальной. Бог изображался высшей властью, которой мы все должны повиноваться. В буддизме – другой мировой религии, которую можно упомянуть, нет авторитарной фигуры. Точка зрения на совесть как на власть внутри нас – неизбежный результат патриархата. Фрейд подразумевал, говоря о сверх-Я, перенос внутрь нас самих отцовских команд и запретов. Мой отец больше не говорит мне: «Не делай этого!», чтобы не дать мне что-то сделать. Я впитал его в себя. «Отец внутри меня» распоряжается и запрещает. Но власть команд и запретов восходит к отцовскому авторитету. Описание совести в патриархальном обществе, предложенное Фрейдом, абсолютно верно, но он ошибается, считая этот вид совести непосредственно совестью и не осознавая совесть в социальном контексте. Ведь если мы обратимся к непатриархальным обществам, мы обнаружим другие формы совести. Я не хочу и не могу углубляться здесь в детали этого вопроса, но, по крайней мере, хочу отметить, что существует гуманистическая совесть, являющая собой полную противоположность совести авторитарной. Гуманистическая совесть уходит корнями всаму личность и подсказывает ей, что хорошо и полезно для нее, для ее развития и роста. Этот голос часто звучит очень мягко, и мы отлично умеем игнорировать его. Но в области физиологии, так же, как и в психологии, исследователи обнаружили следы того, что мы могли бы назвать «здоровой совестью», чувства того, что есть хорошего в нас; и если люди будут прислушиваться к этому голосу, они перестанут повиноваться голосу

внешней власти. Наши собственные внутренние голоса ведут нас в направлениях, совместимых с физическим и психическим потенциалом наших собственных организмов. Эти голоса говорят нам: в данный момент ты на правильном пути, а вот сейчас – нет. Другая причина лежит, без сомнения, в новых методах производства. Во время первой индустриальной революции, начавшейся в XIX в. и перетекшей в век двадцатый, когда использовались старомодные машины, рабочему было необходимо повиноваться, потому что его работа была единственным, что спасало его семью от голода. Часть этого вынужденного повиновения все еще с нами, но быстро исчезает, по мере того как производительность перемещается от устаревших механических технологий в сторону современных кибернетических. При этих новых технологиях форма авторитарного повиновения, нужная в прошлом веке, перестала быть необходимой. Сегодня процесс труда характеризуется согласованным усилием, люди работают с машинами, которые в большинстве своем сами исправляют собственные ошибки. Старое повиновение сменилось формой дисциплины, не требующей подчинения. Рабочие играют с кибернетическими машинами так же, как кто-то играет в шахматы. Это, конечно, преувеличение, но фундаментальное изменение нашего отношения к машинам действительно имеет место. Старые взаимоотношения надсмотрщика и рабочего все менее типичны; стиль, характеризующийся сотрудничеством и взаимозависимостью, получает все большее распространение. Позвольте мне добавить, подобно актеру, говорящему фразу в зал, как бы в сторону, что новый рабочий климат не так идеален, не так позитивен, каким иногда провозглашается или может показаться в том, что я здесь говорил. Я не хотел сказать, что новые методы производства положат конец отчужденности и помогут нам достигнуть независимости. Все, что я хотел здесь сделать, – это привлечь внимание к важным изменениям по сравнению с прошлым.

Еще одной причиной кризиса патриархальной, авторитарной системы является факт политической революции. Начиная с Великой французской революции, мы испытали целые серии революций, ни одна из которых не достигла своих целей и не выполнила своих обещаний, но все они, тем не менее, подрывали старый порядок и ставили под вопрос авторитарные устои. Мы явились свидетелями медленного, но уверенного отречения от престола слепого повиновения, без которого феодальная система не может существовать. Именно факт успешной, пусть даже частично, революции, революции, которая не явила собой полного провала, демонстрирует, что неповиновение может быть победоносным.

В авторитарной морали есть только один грех – неповиновение и только одно достоинство – повиновение. Никто не скажет этого открыто – кроме, вероятно, реакционных кругов, но в действительности наша система образования, да и вся система ценностей подразумевают, что неповиновение – это корень зла.

Возьмите, например, Ветхий Завет. То, что сделали Адам и Ева, само по себе не было плохо. Наоборот, то, что они вкусили от древа познания добра и зла, сделало возможным развитие человечества. Но они были непокорны, и традиция интерпретировала их неповиновение как первородный грех. И в патриархальном обществе неповиновение на самом деле является первородным грехом. Но сегодня, поскольку патриархат поставлен под сомнение, поскольку он находится в состоянии кризиса и коллапса, сама концепция греха тоже стала сомнительной. Мы вернемся к этому позже.

Наряду с революцией среднего класса и рабочей революцией, нам следует упомянуть еще одну, очень важную: феминистскую революцию. И хотя эта революция может принимать время от времени достаточно причудливые формы, она добилась успехов, которые нельзя не отметить. Раньше женщины, как и дети, считались практически вещами, собственностью своих мужей. Это изменилось. Возможно, они еще не равноправны в мире мужчин, например получают меньшую чем мужчины зарплату за одинаковую работу, но их общая позиция, их сознание сильнее, чем были раньше. И все признаки, кажется, говорят о том, что феминистская революция будет продолжаться, так же, как и революция детей и молодежи. Они будут продолжать определять, четко формулировать и отстаивать свои права.

А теперь позвольте мне упомянуть последнюю и, на мой взгляд, самую главную причину кризиса патриархального общества. Уже начиная с середины нашего столетия многие, но в первую очередь молодые люди пришли к заключению, что наше общество некомпетентно. Здесь вы можете возразить, что на нашем счету величайшие достижения и что Чаши технологии неслыханно развиты. Но это – только одна сторона медали. Другая же – то, что это общество доказало свою несостоятельность воспрепятствовать двум величайшим войнам и огромному

количеству локальных. Оно не. только разрешает, но и способствует разработкам, ведущим к самоубийству человечества. Никогда раньше в нашей истории мы не сталкивались с таким огромным разрушительным потенциалом, перед каким стоим сегодня. Этот факт указывает на угрожающую некомпетентность общества, и никакие чудеса прогресса не могут придать ему благовидность.

Когда общество, богатое настолько, что может позволить себе полеты на Луну, не может заметить и сократить угрозу всеобщего уничтожения, тогда, нравится вам это или нет, оно должно принять ярлык некомпетентного. Оно также некомпетентно в вопросе защиты окружающей среды, деградация которой угрожает нашим жизням. Голод угрожает Индии и Африке, всем неиндустриальным странам в мире, а наш единственный ответ – несколько речей и пустые жесты. Мы продолжаем весело идти по необъяснимому пути, как будто нам не хватает ума понять, куда он ведет. Это демонстрирует недостаток компетентности. Это колеблет веру молодого поколения, и на то есть веские причины. И поэтому я чувствую, несмотря на все заслуги нашего ориентированного на успех общества, эта нехватка компетентности вкупе с нашими насущными проблемами вносят немалый вклад в разрушение веры в структуру и эффективность патриархального, авторитарного порядка.

Прежде чем мы подробнее рассмотрим последствия этого кризиса, я хотел бы выделить здесь, что даже в западном мире мы имеем только частично избыточное общество. В США почти 40% населения живет за чертой бедности. В действительности существуют два класса: к первому относятся те, кто живет в богатстве, ко второму – те, чья бедность вскоре не будет никем осознаваться. Во времена Линкольна великий социальный раздел проходил между рабством и свободой; сегодня он проходит между чрезмерной избыточностью и бедностью.

Все, что я здесь сказал о человеке потребляющем, не относится к людям, живущим в бедности, хотя и очарованным все-таки тем, что те, кто наслаждается роскошью, ведут паразитический образ жизни. Бедные – это просто дополнение, которое помогает картине мира, которой наслаждаются богатые, приобрести завершенность. Это же относится к меньшинству, в США особенно верно для цветного населения. Это – правда для всего мира. Это верно для тех 2/3 человечества, кто не извлекает выгоды из патриархального, авторитарного социального порядка, верно для индейцев, китайцев, африканцев и т. д. Если мы рисуем точную картину взаимоотношений авторитарного и неавторитарного массива людей, мы должны осознать, что, хотя избыточное общество продолжает доминировать в мире на сегодняшний день, оно вступает в конфронтацию не только с совершенно разными традициями, но также с новыми силами, которые мы уже начали и будем продолжать ощущать.

Фиаско религии

Несмотря на то, что большинство людей во время опроса скажут, что верят в Бога, и несмотря на то, что посещаемость церквей все еще остается на высоком уровне, а атеистические конфессии относительно слабо распространены, все же совершенно очевидно, что кризис патриархата негативно сказался на религии. Теологи уже осознали это и достаточно открыто говорят о муке, которой религия подвергается в настоящий момент. Начало кризису религии было положено столетия назад, но по мере приближения к сегодняшнему дню темп этого развития все возрастал.

Поскольку религия выполняла двойную функцию, ее разрушение принесло нам двойную потерю. Наша религия, базирующаяся главным образом на иудаистско-христианской традиции, предоставляла нам объяснение естественного мира и моральных принципов – этики. Эти две функции не связаны, потому что то, как вы объясняете естественный мир – это одно, а ваши моральные принципы и ценности – другое. Но первоначально эти две функции не были разделены, и существует целый ряд причин почему. Прежде всего, идея, что мир создан Богом, вобравшим в себя высшую мудрость, разум и силу, была приятной и на самом деле рациональной гипотезой. И даже если вы – убежденный сторонник Дарвина и видите развитие мира и человека как результат естественного отбора или мутаций, вы все равно должны ощущать, что постулат «Бог – создатель» понимается и принимается значительно легче, чем достаточно сложная альтернатива; теория эволюции заявляет, что человек в своем теперешнем виде – это продукт определенных принципов, которые

начали действовать сотни миллионов лет назад, и что это случилось в достаточной степени благодаря чистой случайности или, в лучшем случае, благодаря законам естественного отбора. Дарвиновское объяснение естественного мира выглядит достаточно логичным и приятным, но, несмотря на это, остается чужеродным для нашего сознания.

В человеке всегда была потребность, даже на ранней, наиболее примитивной стадии его развития, сформировать картину мира и его сотворения, Одна из версий сотворения, истоки которой восходят в глубину веков, заявляет, что люди были сделаны из крови, которая вытекла из кого-то, кто был убит. Однако не каждый был сделан из этой крови. Только храбрецы. Трусы и женщины были сотворены из плоти ног. Это античная версия теории, которую выдвинул Конрад Лоренц, а именно: у человека есть врожденный инстинкт убийцы, жажда крови. Это было, конечно, любезно со стороны людей, которые верили в миф о свободе женщин от жажды крови, но не так уж любезно с их стороны, в то же время, было смешивать их с трусами. Положение вещей не сильно изменилось сегодня. В соответствии с предрассудками патриархального общества женщины менее совестливы, более тщеславны и трусливы, менее реалистично относятся к жизни, чем мужчины. Сегодня хорошо известно, что все эти заявления неверны. По многим причинам мы можем переменить наш взгляд на вещи. Большинство женщин знают, каким трогательным может стать мужчина, когда заболеет. Он намного больше подвержен жалости к самому себе и намного беззащитней внутри, чем женщина. Но никто не скажет этого вслух, боясь разрушить миф. В этом случае происходит то же самое, что и в вопросе расовых предрассудков. То, что мужчины говорят о женщинах, имеет под собой не больше основания, чем то, что белые говорят о черных. Даже Фрейд заявлял, что у женщин меньше совести, чем у мужчин. Я нахожу, что трудно вообразить, что у кого-то может быть меньше совести, чем у мужчины. Эти заявления являются не более чем пропагандой, принижающей достоинства врага. Этот вид пропаганды включается, когда одна группа доминирует над другой, и абсолютно отбивает охоту бунтовать, сдерживая самоуверенность недоминирующей группы на нуле.

Это небольшая сноска к одной из функций религии, упомянутой мной выше, а именно, объяснению окружающего мира. До Дарвина все отлично двигалось своим чередом, но то, что мы узнали от него, было подобно взгляду на сотворение мира и человека с рациональной, научной точки зрения; мы смогли расстаться с идеей о Боге и объяснить эти явления эволюционными законами. Как я уже сказал, обывателю проще принять мысль о Боге, но для науки после Дарвина сотворение перестало быть тайной. В свете эволюционной теории «Бог» был опущен до состояния рабочей теории, а история сотворения мира и человека — до мифа, поэмы, символа, очевидно выражающего нечто, но более не воспринимаемого как научная истина.

В тот момент, когда религиозное толкование окружающего мира потеряло свою власть убеждения, религия потеряла одну опору. Все, на что ей оставалось опираться, — это распространение моральных постулатов. «Возлюби ближнего своего» — учит Ветхий Завет. «Возлюби незнакомца». Новый Завет говорит: «Возлюби врага своего» и «Иди и продай все, что имеешь, и раздай бедным». Каким образом можно серьезно преуспеть в современном обществе кому бы то ни было, взяв это на вооружение? Любой, следующий этим заповедям, — дурак. Он остается позади, а не вырывается вперед. Мы проповедуем библейские моральные заповеди, но не следуем им. Мы гонимся за двумя зайцами. Альтруизм превозносится, предполагается, что мы любим ближнего своего. Но в то же время необходимость преуспеть удерживает нас от следования этим достоинствам в жизни.

Здесь я хотел бы добавить качественное замечание: по-моему, в нашем обществе возможно быть добрым христианином или правоверным иудеем, то есть любящим других человеком, и не умирать от голода. В нашем обществе уже обеспечен достаток, позволяющий не думать о карьере, а доживаться правдивости и стойкости в любви, наш уровень достатка и мужество требуют, от нас правдивости и упорства в любви скорее, чем ограничивать себя ради карьеры.

Но, несмотря на все это, христианская и иудейская мораль несовместимы с моралью успеха, безжалостности и эгоизма, этикой, подразумевающей не отдавать и не делиться.

Поскольку это ясно любому задумавшемуся, мне нет необходимости подробно останавливаться здесь на этом. К тому же эта двойственность нашей морали не раз описывалась и критиковалась. Суммируя вышесказанное, можно сделать

вывод, что «этика», доминирующая в современном капитализме, лишила религию второй (и последней) опоры. Религия более не функционирует как распространитель ценностей, так как и в эту ее роль люди уже не верят. Бог сложил полномочия как творца мира и представителя таких ценностей, как любовь к ближнему и преодоление собственной жадности. Но человечество не сможет в будущем и не в состоянии сейчас существовать вообще без религии. Не хлебом единым сыт человек. У него должна быть мечта, вера, пробуждающая его интерес и поднимающая над животным существованием. Регресс к язычеству и идолопоклонству не содержит ничего привлекательного для современного человека, но, мне кажется, что наш век развил новую религию, которую я бы назвал «технологической религией».

В этой религии есть два характерных аспекта, о которых я хотел бы упомянуть. Первый, это обещание Большой Леденцовой Горы, мечта о неограниченном и мгновенном удовлетворении всех желаний. Новые потребности производятся ежеминутно; им не видно конца; и человечество, подобно вечно грудному младенцу, ждет с открытым ртом кормления, кормления и еще раз кормления. Это рай полного удовлетворения, рай чрезмерности, который делает нас ленивыми и пассивными. Целью технологии становится уничтожение усилия.

Другой аспект этой религии более сложен. Уже начиная с Ренессанса человечество концентрирует свою интеллектуальную мощь на постижении и проникновении внутрь тайн природы. Но тайны природы, по крайней мере, на протяжении какого-то времени, были тайнами творца природы. В течение четырехсот лет человек направлял свою энергию на разгадывание тайн природы таким образом, чтобы быть в состоянии управлять ею. Его наиболее глубоким мотивом являлось перестать быть просто наблюдателем естественного мира и. получить возможность творить этот мир самому. Трудно точно выразить то, что я хочу сказать, но уж если я говорю то, что имею в виду, то в самой радикальной форме мне стоит выразиться следующим образом: человек хочет сам стать Богом. То, что может сделать Бог, человек полагает, что на это тоже способен. Я думаю, что представление и энтузиазм, которым мы явились свидетелями, когда астронавты впервые ступили на Луну, были сродни языческому религиозному обряду. Этот момент ознаменовал первый шаг человека на пути преодоления ограничений, наложенных природой, и достижения статуса Бога. Даже христианские газеты говорили, что покорение Луны — это величайшее событие со времен создания Вселенной. Несколько опрометчиво со стороны христиан говорить, что — после самого сотворения — другое событие важнее, чем Воплощение (Бога в Христе). Но все это было забыто в тот момент, когда люди сами стали свидетелями выхода человека за рамки законов, которые ограничивали его раньше, преодоления силы гравитации и выхода на дорогу, ведущую в бесконечность.

Вам может показаться, что я немного преувеличиваю, но главная моя задача состоит в том, чтобы привлечь ваше внимание к тенденциям, все еще скрытым под поверхностью. Был ли истеричный, полный энтузиазма отклик на посадку на Луну лишь овацией успеху науки? Вряд ли. Случались и более значимые научные достижения, вызывавшие такой же сильный интерес публики. То, что мы имеем в данном случае, это нечто по-настоящему новое. Мы являемся свидетелями появления новой формы идолопоклонства. Технология — новый Бог, или человек сам становится Богом, а астронавты — верховные жрецы этой религии. Вот почему они вызывают столь сильное чувство поклонения. Но никто не допускает этого, потому что все мы, в конце концов, христиане, иудеи или, по крайней мере, не язычники. Вот почему мы должны тщательно скрывать то, что делаем, давать этому рациональные объяснения. Но, несмотря на всю эту изворотливость, я думаю, что новая религия формируется в том на-правлении, когда технология примет вид Великой Матери, кормящей всех своих детей и удовлетворяющей их требования. Картина не так проста, какой я ее здесь нарисовал, потому что существует ряд сложных, скрытых внутри человека мотивов, лежащих в основе новой религии. Но мы можем с уверенностью сказать, что у новой религии нет моральных принципов, которые она проповедовала бы, кроме одного: мы можем все, что в состоянии позволить себе с технологической точки зрения, Технологические возможности стали моральным ограничителем, стали специфическим источником нашей морали.

Достоевский говорил, что, если Бог мертв, дозволено все. Он подразумевал, что вся предыдущая мораль опиралась на веру в Бога. Но если люди больше не верят в Бога, если Бог — это уже не реальность, которая формирует их мысли и поступки, тогда у нас есть веская причина спросить, не станут ли они совершенно безнравственными, не перестанут ли вообще руководствоваться моральными принципами, какими бы то ни было. Над этим вопросом нам стоит

задуматься всерьез, и если нас посетит чувство пессимизма, мы можем заключить, что это действительно произошло и что уровень нашей морали постоянно понижается. Существуют огромные различия между настоящим и прошлым. В 1914 г., например, воюющие страны следовали двум международно принятым правилам. Не убивали гражданских лиц и не использовали пытки. Сегодня считается само собой разумеющимся, что мирное население убивают по причине частичной или полной враждебности, так как воюющие стороны больше не признают ограничений в использовании силы. Технология, также не может принять во внимание это различие. Технология убивает безлико, мы убиваем нажатием кнопки. Так как мы не видим нашего противника, мы не испытываем симпатии или сострадания. И пытки – это сегодня правило, а не исключение. Все пытаются отрицать это, но это – общеизвестный факт. Использование пыток для получения информации широко распространено. Мы были бы шокированы, узнав в скольких странах мира применяются пытки.

Вероятно, нет нужды говорить о росте жестокости, но было бы трудно отрицать, что гуманность и уровень сопутствующих ей моральных запретов снижаются. Это очень сильно изменило наш мир, но, с другой стороны, мы видим, что на передний план выдвигаются новые моральные принципы; мы обнаруживаем их в новом поколении, например, в их борьбе за мир, за жизнь, против разрушений и войн. Они не просто произносят пустые слова. Молодые люди (и не только молодые) провозглашают свою преданность иным, лучшим ценностям и целям. Миллионы людей стали восприимчивы к разрушению жизни в таких огромных масштабах, к бесчеловечным войнам, в которых нет даже намека на самооборону. Мы видим также, что новая этика любви формируется в противовес потребительскому обществу. Возможно, у новой морали есть свои недостатки, но она производит впечатление своим протестом против пустых форм и фраз. Мы видим доказательства новой морали также в актах самопожертвования, имеющих место в политическом царстве, в бесчисленных движениях, борющихся за свободу и независимость, которые разворачиваются сегодня. – Это – обнадеживающие сдвиги, потому что благодаря им я чувствую, что Достоевский был не прав, так тесно связывая моральные принципы с верой в Бога. Буддизм дает нам блестящий пример того, как некоторые культуры развивают моральные принципы без поддержки авторитарных и патриархальных тезисов. Эти законы коренятся и расцветают, если вам будет угодно, в человеческой душе. То есть люди не могут жить, они смущаются и становятся несчастными, если они не осознают закона, который они и все, кто их окружает, воспринимают как неукоснительно направляющее жизненное, правило. Это правило не может быть навязано им силой, оно. должно произрасти из них самих. Я не могу сейчас углубляться в огромное количество аспектов этого вопроса. Все, что я хочу показать, как я упоминал вначале, – это то, что у людей есть глубоко укоренившаяся потребность поступать нравственно. Безнравственность вызывает в них утрату внутреннего равновесия и гармонии. И это безнравственность, выступающая под личиной нравственности, если люди говорят, что должны убивать, должны повиноваться, что они должны преследовать только свои личные интересы, что сострадание лишь мешает им и т. п. Если такие голоса звучат слишком громко, они могут вытеснить внутренний голос человека, голос его совести и гуманности. Тогда он может взять на вооружение идею, что, если Бог умер, все дозволено.

Расширение области роста человечества

Молодое поколение играет ведущую роль в духовном кризисе, который мы сейчас испытываем. Я думаю главным образом о радикалах из числа молодых людей, и говоря «радикалы», я имею в виду не тех, которые сами себя называют радикалами и думают, что могут оправдать любое насилие, назвав его радикальным. Многие молодые люди просто по-детски несерьезны, но отнюдь не радикальны. Ленин рассматривал этот вопрос в своем эссе о детских болезнях коммунизма.

Но существует огромное количество молодых людей, радикальных не в своих политических требованиях, а в другом отношении, тесно связанном с предметом, описанным в предыдущем разделе, т. е. с отрицанием авторитарной морали. Это восстание направлено не только против авторитарности (все революции протестуют против авторитарности), но против патриархального принципа и морали, берущей начало в этом принципе, морали, призывающей покориться добродетели и не повиноваться греху. Феномен огромного значения, вытекающий из этой морали, состоит в том, что у людей развивается чувство вины, если они не делают того, что от них ожидают. Вместо того, чтобы

делать то, что подсказывают им их сердца, их чувства, их человеческая природа, они подчиняются авторитарному строю, наказывающему их чувством вины в случае нарушения.

Что же характеризует огромное количество молодых людей и делает их похожими на остальных, я имею в виду старшее поколение, и меня в том числе? Я думаю то, что они сами впитывают чувство вины, налагаемое авторитарной моралью. Они в целом отбросили вину, которая вдалбливалась в западное сознание иудаизмом и христианством на протяжении последних двух тысячелетий, и отстранили страх перед действием вопреки нормам, который определял нашу жизнь столь долго. И поступая таким образом, они не стали аморальны в своих собственных глазах. В противовес этому они заняты поисками новых моральных принципов.

И здесь я должен отметить другую отличительную черту нового поколения — новую честность. Оно не испытывает такого принуждения, какое испытывали предыдущие поколения, принуждения извиняться за самих себя, давать всему рациональное объяснение, отказываться называть вещи своими именами. Одним из результатов явилось то, что они порой используют язык, который достаточно спорен и вызывает отвращение у людей, воспитанных в старой традиции. Но ключевым пунктом является то, что они толкуют честность так, что это полностью соответствует бесчестности буржуазного, патриархального общества, где мы всегда должны скрывать то, за что чувствуем вину, и где мы обязаны постоянно вести себя так, будто являемся воплощением добродетели. Мы не можем допустить, что «ничто человеческое нам не чуждо», потому что это допущение приведет нас на грань неповиновения. В тот момент, когда мы осознаем и поймем, что природа человека состоит и из хорошего, и из плохого, именно в этот момент мы станем по-настоящему людьми. Вместо неприятия негативной стороны человеческой натуры мы должны принять ее как часть самих себя.

Зигмунд Фрейд придавал огромное значение новой честности. Он даже открыл совершенно новое ее измерение. Еще до Фрейда возникала потребность дать оценку тем людям, которые убеждали нас в своих «добрых намерениях». Но сейчас, после его исследования и систематического изучения области неосознанного, торжественные заверения в добрых намерениях перестали играть свою прежнюю роль. Мы хотим знать, какие неосознанные мотивы стоят за этими намерениями. И мы пришли к осознанию того, что существует небольшая разница между тем, когда человек осознает пагубность своих намерений и когда он просто достаточно умен, чтобы рационально их обосновать и скрыть среди прочих своих намерений. Таким образом, человек с действительно злыми намерениями более честен сам с собой, чем человек, умышленно выдавливающий их из своего сознания, и, следовательно, имеющий лучшие шансы для их воплощения, потому что он может скрыть их под личиной добрых и целомудренных побуждений.

Со времен Фрейда мы стоим перед лицом факта, что мы ответственны не только за наши осознанные мысли и «благие намерения», но также и за неосознанные. Наши дела, а не слова, говорят за нас. Возможно даже, что наши слова вообще ничего не значат. У нас также есть опыт того, как человеческая бесчестность ввергала нас в войны, в которых погибли сотни миллионов, или во имя «чести» были принужденны маршировать к своей смерти. Все эти смерти приписываются лживым и пустым лозунгам. У нас сегодня есть причины меньше доверять тому, что говорят люди. Цена слов и идей снижается, и они могут быть закамуфлированы подо что угодно. Именно поэтому молодежь не склонна задавать вопрос: «Что вы думали по этому поводу?», а вместо этого спрашивает: «Что вы делали? Какие мотивы вами руководили?».

Я считаю, что именно этот результат работы Фрейда — введение нового понимания честности в нашу действительность, имеет для западного мира значительно большее значение, нежели «сексуальная революция», начало которой ему обычно приписывается. В обществе, настолько тотально ориентированном на потребление как наше, сексуальная революция, если вам так угодно ее называть, наверное, произошла бы и без участия Фрейда. Мы не можем призывать людей получать все, что им нужно для удовлетворения их чувств, и одновременно убеждать их сохранять сексуальную воздержанность. В потребительском обществе секс неизбежно становится потребительским товаром. На это опирается целая отрасль промышленности, и огромное количество денег тратится на поддержку привлекательности сексуальности. Это изменение по сравнению с прошлым, но не революция. И достаточно сложно приписать это изменение только Фрейду.

Однако одновременно новым и позитивным является то, что для нового поколения сексуальность не отягощена чувством вины. Мне хочется потратить буквально минуту на то, чтобы исследовать связь между чувством вины и сексуальностью более подробно. Поскольку авторитарная этика провозглашает сексуальность «греховной», результатом для всех нас является неистощимый источник вины, и мы можем сказать, что, начиная с трехлетнего возраста, за каждым из нас числится, все возрастая, список проступков, вызывающих чувство вины. Потому что человеческие существа в том виде, в котором они существуют, не могут избежать сексуальных желаний, так же как не могут избежать чувства вины, так как эти желания являются для них позорным клеймом. Ограничения, наложенные на сексуальность, ведут к чувству вины, которое впоследствии широко используется для создания и поддержки авторитарной морали.

Молодое поколение (и старшее тоже, на протяжении последнего времени) кажется в конце концов избавилось от этого чувства вины. И это уже немало. Но, да простите меня за банальность, не все то золото, что блестит. Из-за того, что мы ориентированы на потребление, секс все больше эксплуатируется для скрытия недостатка интимности. Мы используем физическую близость для того, чтобы завуалировать человеческую отчужденность, которую мы чувствуем. Одна лишь физическая близость не может породить близость духовную. Духовная близость, подлинная гармония двух людей, может быть тесно связана с физической близостью, может даже начаться с нее, может подтверждаться ею снова и снова, но все равно эти два вида близости не одно и то же. В те моменты, когда нам не хватает духовной близости, мы подменяем ее близостью физической. И если мы в нормальном физическом и душевном состоянии, это достаточно легко сделать.

Молодое поколение, как я уже говорил, отклоняет патриархальный порядок и вместе с ним потребительское общество. Но оно ввергнуто в другой вид консъюмеризма, примером которого является употребление молодыми людьми наркотиков. Родители покупают машины, одежду, драгоценности; дети приобретают наркотики. Существует много причин их тяги к наркотикам и тенденции развития зависимости от них, причин, требующих нашего тщательного рассмотрения; но чем бы ни была наркотическая зависимость, это также проявление той лености, пассивности человека потребляющего, которую дети критикуют в своих родителях, но которую сами представляют в несколько измененном виде. Молодые люди также ожидают чего-то, что явится к ним извне, ожидают кайфа от наркотиков, кайфа от секса, кайфа от рок-ритмов, которые гипнотизируют их, уносят прочь, увлекают куда-то. Эти ритмы не провоцируют активность. Они вводят молодежь в разнузданное состояние, в состояние, подобное наркотическому кайфу, в котором они забывают сами себя и глубоко пассивны. Активный человек никогда не забывает сам себя, он всегда остается самим собой и постоянно становится самим собой. Он становится более зрелым, он взрослеет, он растет. Пассивный человек, как я уже отмечал, – это вечный грудной младенец. То, что он потребляет, в конечном счете, имеет к нему весьма косвенное отношение. Он просто ждет с открытым ртом, как и в младенчестве, того, что предложит ему бутылочка. Затем он постепенно насыщается, ничего не делая самостоятельно. Ни одна из его психических сил не задействована, и, в конце концов, в нем развиваются сонливость и усталость. Его сон – это наркоз, истощение, вызванное скукой, больше нежели сон здорового поколения. Вы снова можете почувствовать в моих словах преувеличение, но результаты исследований показывают, что значительно большее количество людей, чем мы думаем, подвержены этому. И средства массовой информации, включенные в процесс создания ложных потребностей, продолжают убеждать нас, что это наш уровень потребления, демонстрирующий высокий уровень нашей культуры.

Вопрос, который наше общество отрицательной, излишней избыточности (которую никто не может обнаружить и которая ничего не дает нашей жизнеспособности) должно поставить перед собой, – это, можем ли мы вообще суметь, по крайней мере в принципе, создать положительную избыточность. Сможем ли мы как-нибудь положительно, по-настоящему продуктивно использовать ту сверхпроизводительность, которая возможна технологически, использовать во благо человечества и его роста? Это станет возможным, если мы поймем то, что нам необходимо, а именно: поощрять и удовлетворять только те потребности, которые делают людей более активными, живыми, свободными, такими, что они перестают слепо руководствоваться своими чувствами и лишь реагировать на раздражители, а становятся открытыми, внимательными к собственному потенциалу, способными реализовать его, оживить, обогатить и

вдохновить себя и других. Одним из условий выполнения этого является, без сомнения, реорганизация не только нашей работы, но и так называемого досуга. Наше свободное время, по большей части, это ничегонеделание. Это создает у нас иллюзию силы, потому что мы можем перенести весь мир в наши квартиры простым нажатием кнопки телевизора или сесть в машину и обмануть себя, думая, что двигатель в сто лошадиных сил – наш собственный. У нас есть по-настоящему «свободное время» только в той степени, в которой мы культивируем потребности, исходящие из человека и вызывающие его активность. Именно поэтому монотонная и скучная работа должна быть остановлена. И центральной проблемой, с которой мы сталкиваемся при организации нашей работы, является: каким образом мы можем сделать нашу работу интересной, захватывающей, живой?

И тут мы встаем перед еще более общим вопросом: какова цель нашей работы. Является ли целью увеличение производительности и потребления? Или это обеспечение развития и роста человеческой расы? Обычно заявляется, что одно не может быть отделено от другого. То, что хорошо для производства, хорошо и для человека, и наоборот. Это звучит как провозглашение некой красивой, предопределенной гармонии, но на самом деле – чистая ложь. Нетрудно продемонстрировать, что многие вещи, полезные для индустрии, были вредны для людей. В этом заключается дилемма сегодняшнего дня. Если мы продолжим движение по тому пути, по которому идем, прогресс будет достигаться только за счет людей. И поэтому мы должны сделать выбор. Говоря библейским языком, мы должны выбрать между Богом и кесарем. Это звучит достаточно драматично, но если уж мы собрались серьезно говорить о жизни, дела приобретают драматичный окрас. То, что я подразумеваю здесь, не только вопрос жизни и смерти, но также вопрос о том, выберем ли мы увеличение смерти в окружающей нас жизни или предпочтем существование, полное жизни и активности. Сам смысл существования должен стать более живым, более наполненным жизнью. Люди обманывают себя на этот счет. Они живут так, как будто они прекратили жить или вообще не начинали.

Человеческая мудрость говорит нам, что после сорока каждый из нас должен держать ответ перед самим собой. Это означает что истории наших жизней должны показать, правильно или неправильно мы их прожили (правильно и неправильно не с точки зрения морали, но с нашей внутренней точки зрения). И наиболее блестящие надгробные речи, с их списками достижений, не могут смягчить главного вопроса, ответа на который мы не должны избегать: жили мы или живем? Действительно ли мы проживаем свою собственную жизнь, или это происходит только по чьему-то определению? Я согласен с такими мыслителями, как Маркс и Дизраэли, которые были уверены, что роскошь – ничуть не меньшее зло, чем бедность. Под роскошью они понимали то, что мы здесь называем чрезмерной избыточностью. Но если мы хотим вместо нее сделать нашей целью подлинное изобилие, нам необходимо произвести несколько фундаментальных изменений в нашем образе жизни и мышлении. Бедственно, я полностью осознаю те трудности, которые лежат на пути этих изменений. Я считаю, что эти изменения возможны только в том случае, если люди почувствуют глубокую необходимость увеличить действительно жизнь и уменьшить обыденность, если они отклонят скуку и повернутся к потребностям, делающим их более живыми и спонтанными, свободными и счастливыми. Многие нации (как правило, слаборазвитые) думают, что они будут счастливы, если только у них будет то же, что есть у американцев. Но Америка – это страна, в которой больше, чем в любой другой стране, людей поняли, что все современные удобства способствуют тенденции, делающей нас пассивными, безликими, удобными для манипулирования, а не счастливыми. Нет ничего случайного в том, что бунтующая молодежь выходит главным образом из средних и высших слоев общества, в которых чрезмерная избыточность наиболее представлена. Этот вид избыточности может сделать нас счастливыми в наших мечтах и фантазиях, но он не делает нас счастливыми в глубине души.

Мне кажется чрезвычайно важным ясно понять принцип, необходимый для формулирования нашей стратегии в искусстве жизни. Мы погубим наши жизни, если будем преследовать противоречивые цели, если не осознаем разницы между ними и то, что они исключают друг друга. Возможно вы знакомы с еще одним экспериментом И. П. Павлова с собакой. Собака была натренирована ожидать пищу, если она видела круг, и не ждать ничего, если видела эллипс. Затем, шаг за шагом, Павлов начал изменять форму эллипса, приближая ее к форме круга до тех пор, пока обе формы не стали настолько походить друг на друга, что собака была не в состоянии их различить. В этой противоречивой ситуации животное заболело, и у него появились классические симптомы невроза. Собака стала беспокойной, неуверенной, смущенной.

Если люди начнут преследовать противоречивые цели, они также станут психически больны. Они также потеряют свою уравновешенность, самоуверенность и проницательность. Они уже не будут знать, что хорошо для них. Первое, что мы должны сделать в этом случае, спросить себя со всей откровенностью, какие противоречивые цели мы преследуем. Почему они несовместимы? Какой вред нам наносит противоречие между ними? Ответы на эти вопросы мы получим не из ораторских выступлений и, конечно, не из пропаганды, которая ничего не делает, а лишь превращает людей в фанатиков. Каждый из нас должен призвать себя проанализировать и обдумать кое-что в следующем направлении: жизнь коротка. Кто ты и что ты хочешь на самом деле? Если мы уступим этому виду избыточности, которая, в конечном счете, — оскудение и страдание, мы будем растоптаны богатством, которое готово раскрыться и цвести без нас; и от нашего решения в пользу излишества или изобилия, в пользу положительной или отрицательной избыточности, зависит, ни больше ни меньше, будущее человечества.

О происхождении агрессии

Вряд ли кого сегодня удивит стремление уделять все больше и больше внимания проблеме агрессии. В прошлом мы пережили войны, и теперь мы их переживаем; мы боимся атомной войны, готовясь к которой все сильные державы мира вооружаются. В такой ситуации люди ощущают, что они не могут изменить такое положение дел. Они понимают, что их правительства только говорят, что они делают все возможное и прилагают всю свою мудрость, всю свою добрую волю для решения этого вопроса. На самом же деле до сих пор они не смогли даже затормозить или стабилизировать гонку вооружений. Вполне понятно, что люди жаждут знать, где, с одной стороны, находится источник агрессии, а, с другой стороны, они принимают теорию, гласящую, что агрессия — это часть человеческой природы, а не феномен, создаваемый самим человеком или неизбежно порождаемый его социальными институтами. Именно эту позицию представил Конрад Лоренц как общепринятую в книге, опубликованной им несколько лет тому назад. В книге «Об агрессии» Лоренц заявляет, что агрессия постоянно и непроизвольно вырабатывается в человеческом мозге, что она досталась человеку в наследство от наших животных предков и что она растет больше и больше, приобретая все более крупные размеры в том случае, когда не находит себе выхода. При всяком удобном случае агрессия выходит наружу. Когда поводы для выхода агрессии слабы или же их вообще нет, накопившаяся агрессия взрывается внезапно. Люди не в состоянии постоянно сдерживать свое агрессивное поведение, потому что у них скапливается так много агрессивной энергии, что она требует выхода. Этот случай можно бы отнести к области «гидравлической» теории. Чем больше давление, тем вероятнее, что вода или пар вырвутся из контейнера. Лоренц иллюстрирует эту теорию увлекательным рассказом о своей тете, живущей в Вене. Каждые шесть месяцев она нанимает новую девушку. (Эта история происходила в старое время, когда девушки еще не были такой редкостью, какой они теперь являются.) Когда девушка появлялась в доме в первый раз, тетя Лоренца всегда бывала совершенно всем довольна и полна больших ожиданий. Однако через неделю или две ее энтузиазм начинал истощаться. Вскоре разочарование сменялось жесткой критикой и неудовлетворенностью, и, в конце концов, примерно месяцев через шесть, тетя приходила в ярость и увольняла девушку. Тетя Лоренца проходила этот цикл более или менее регулярно каждые шесть месяцев. На ее примере Лоренц хотел показать, как агрессия постепенно накапливается и в определенный момент обязательно вырывается наружу.

Возможно, этот случай может показаться таковым для _ людей, не знающих сути вопроса, но так как наши знания о людях несколько больше, чем у Лоренца (ведь он знает более о жизни животных), то станет ясно, как неточно его объяснение. Психоаналитик (и не только он, но почти каждый человек, обладающий хотя бы незначительной способностью проникновения в человеческую природу) объяснил бы, что этой тете свойственно нарциссическое поведение, стремление эксплуатировать того, кто находится рядом с ней. Она хочет платить своей работнице не просто за восемь часов труда в день, а за любовь, терпение, преданность, добродушие и за пятнадцать часов работы в день. Тетя радостно встречает каждую новую девушку, связывая с ней все свои одни и те же ожидания, и вполне понятно, что вначале она относится к новой девушке приветливо и обворожительно, потому что она думает, что наконец-то получила именно то, что искала. Познакомившись с девушкой поближе, она обнаруживает, что ее работница совсем не соответствует ее ожиданиям. Дальше

тетя все более разочаровывается и сердится и наконец увольняет девушку, надеясь, что найдет следующую, именно такую, какую ей нужно. Очевидно, эта дама скучает из-за нежелания заняться чем-то, а поиск совершенной девушки привносит некий драматизм в ее жизнь и дает ей повод для разговоров. Возможно, это главная тема ее бесед с друзьями. Ничто в ее поведении не имеет отношения к накоплению агрессии, ее поведение скорее всего связано со специфической структурой ее характера. Я уверен, что те, кто постарше среди вас, знают немало людей, ведущих себя таким же образом в ситуациях подобного рода независимо от того, удается им или нет найти девушку.

Теория внутренней агрессии, в детали которой я здесь не имею возможности углубляться, имеет определенную связь со старой теорией желания смерти. Еще в 20-е годы Фрейд заявлял, что у всех людей существуют два основных вида влечения, присутствующих в каждой клетке, в каждой живой субстанции: воля к жизни и воля к смерти. Влечение к умиранию или, точнее говоря, желание смерти, может проявляться одним из двух способов. Направленное во вне это желание проявляется как деструктивность, а направленное внутрь — становится самодеструктивной силой, ведущей к болезни, самоубийству, а в сочетании с сексуальными импульсами — к мазохизму. Желание смерти, как гласит теория, есть внутреннее свойство. На него не влияют обстоятельства, оно не возникает в результате внешних сил. Перед человеком только два выбора: он может направить свое желание смерти и разрушения против себя или же против других. Такая ситуация ставит человека перед лицом по-настоящему трагической дилеммы.

В действительности ученые, занимавшиеся этой проблемой в течение многих лет, смогли представить очень небольшой ряд аргументов в поддержку этой теории. Среди психологов сегодня создалось общее мнение, что агрессия обусловлена социальным окружением или же что она «поступает через специфические каналы», например через культуру или еще через целый ряд факторов. По уже упомянутым мною причинам теория Лоренца получила больше известности у общественности. Это вынуждает нас думать, что мы ничего не можем поделать со сложившимся мнением. Это обеспечивает нас оправданием: если признать, что вся эта агрессия и все идущие вслед за ней угрозы в действительности внутренне присущи нам, то мы ничего не можем противопоставить нашей природе, не так ли?

Всегда существовало два различных взгляда на человеческую природу. Одни учение заявляли, что человек зол и деструктивен по своей природе. Этим его свойством объясняли неизбежность войн, и именно этот фактор объяснял нам необходимость осуществлять строгую власть над собой. Человеческие существа должны быть под контролем. Нам нужно защищать себя от своей собственной агрессии. Согласно другой точке зрения, человек по своей сути существо доброе, и только неблагоприятные социальные условия делают его плохим. Изменение этих условий ведет к смягчению зла, агрессивности в человеке, и даже в конце концов человек вообще может отказаться от агрессивности. Эти точки зрения составляют две крайности. Они обе нуждаются в оценке. Ученые, признававшие естественную, внутреннюю агрессивность человека, склонны не принимать во внимание те многие исторические эпохи, те многие культуры и тех многих индивидов, которые проявляли минимум агрессивности. Если бы агрессия была внутренней чертой человека, таких примеров не могло бы существовать. По другую сторону барьера стояли оптимисты, выступавшие против войны, за мир и социальную справедливость. Они часто проявляли по крайней мере склонность к преуменьшению значимости и силы человеческой агрессивности, если не отрицали ее вообще. Такую же позицию занимали философы эпохи Просвещения во Франции, а их оптимизм снова вкрался, в труды Карла Маркса и в теории ранних социалистов.

Лично я предлагаю третью точку зрения, хотя она, однако, ближе ко второй точке зрения, чем к первой. Я начинаю с предположения, что человек гораздо более деструктивен и во много раз более жесток, чем животное. Животные не имеют садистских наклонностей, они не враги всего живого. Человеческая история, напротив, предстает как перечисление примеров невообразимой жестокости и разрушительности. Такой рекорд не дает нам основания недооценивать силу и интенсивность человеческой агрессивности. Но я также считаю, что корни нашей агрессивности заключены не в нашей животной природе, не в наших инстинктах, не в нашем прошлом. Человеческую агрессивность, учитывая, что она превышает агрессию животных, можно объяснить специфическими условиями человеческого существования. Агрессивность, или деструктивность — это зло; это не прочего «так называемое» зло, в чем нас хочет убедить Лоренц. Это человеческое зло. Оно

потенциально существует в человеке, в каждом из нас, и оно выйдет на первое место, если наше дальнейшее развитие не пойдет в более правильном, более зрелом направлении.

Человеческая сверхагрессия, количество агрессии в человеке, превышающее животную агрессию, коренится в человеческом характере. Здесь я имею в виду характер не в правовом смысле, а в психоаналитическом: характер как систему связей, соединяющих индивида с миром. Под характером я имею в виду то, что человеческое появилось в человеке вместо животных инстинктов, существующих в нем только в минимальных размерах. Многое из сказанного здесь о характере может звучать несколько теоретически, но если вы обратитесь к своему собственному опыту, то, я уверен, большинство из вас точно поймет, что я имею в виду, когда говорю о характере в этом смысле. Вы, конечно, встречались с людьми, о которых могли бы сказать, что у них садистский характер. И вы, конечно, встречали других людей, которых охарактеризовали бы как «добрых». Давая эти оценки, вы не говорите, что этот человек однажды сделал что-то садистское или что другой человек однажды проявил себя очень дружелюбно. Вместо этого вы говорите о том качестве его характера, которое проходит через всю жизнь этой личности. Существуют индивиды-садисты, которые никогда не совершили ничего садистского, потому что у них никогда не возникали условия для такого поведения. Только очень тонкий наблюдатель вдруг застает их за кровавым занятием в каком-то мелком садистском акте. Короче говоря, существуют характеры, деструктивные не в своей сущности, но как индивиды такого рода, что они могут застрелить кого-то в порыве гнева или отчаяния. Однако это ни в коей мере не означает, что их характер по сути своей деструктивен.

Если признать, что зло человечно, т. е. что оно коренится в специфически человеческих условиях существования, а не в его животном прошлом, то нам удастся избежать логического парадокса, от которого не могут уйти защитники теории инстинкта, как бы они ни старались сделать это. Они заявляют, что мнение о большей степени агрессивности человека основывается только на убеждении, что агрессивность животных меньше, чем агрессивность человека. А как же обстоит дело в действительности? Нельзя согласиться, что природа человека, унаследованная от животных, сделала его более агрессивным и деструктивным существом, чем когда-либо были животные. Более логично сделать следующий вывод: человеческое поведение отличается от поведения животных. В этом случае большая жестокость человека не объясняется теми чертами, которые он унаследовал от животных, а проявляется как поведение, вытекающее из специфических условий человеческого существования.

Теперь давайте рассмотрим животную агрессивность. Она сопряжена с биологическими потребностями. Такое поведение служит выживанию особи и вида и проявляется как реакция на внешнюю угрозу жизненным интересам животного. Так происходит, когда животное сталкивается, например, с посягательством на его жизнь, пищу, с препятствием его связи с животным противоположного пола, с посягательством на его территорию и т. п. Если животным или человеческим существам угрожают, они либо отвечают агрессивностью, либо спасаются бегством. Если нет угрозы, нет и агрессивности. Агрессивность существует в мозгу как механизм, приводимый в действие в нужное время, но она не развивается и не проявляется, если для этого нет особых стимулов или условий. Другими словами, она не имеет ничего общего с «гидравлической» моделью. Нейрофизиолог Гесс первым показал, какой центр или участок мозга производит агрессивный импульс в ответ на соответствующее раздражение или когда угроза жизненным интересам вызывала агрессивную реакцию, исходящую из этих центров.

Агрессивность хищников отличается от агрессивности человека. Хищники нападают не только на того, кто угрожает их жизни. Они нападают с целью добывания себе пищи. Нейрофизиологически такая агрессивность хищников исходит из центров мозга, отличных от тех центров мозга человека, где осуществляется контроль за проявлением агрессии как средства защиты. В целом мы обнаруживаем, что животные вообще не очень агрессивны, если нет угрозы их жизни. Животные редко проливают кровь друг друга, даже если возникает серьезная драка. Наблюдения за шимпанзе, за священными бабуинами и другими приматами показали, как в действительности чрезвычайно миролюбива жизнь этих животных. Почти безошибочно можно сказать, что, если бы человечество проявляло агрессии не более чем это делают шимпанзе, нам бы вообще не пришлось волноваться по породу возникновения войн и агрессивных действий. Это же самое справедливо сказать и в отношении жизни волков. Волки — хищники. Когда они нападают на овец, то, конечно, ведут себя

агрессивно. Люди считают, что волки невероятно агрессивные существа. Делая такой вывод, они путают агрессивность волка, проявляющуюся при охоте за пищей, с его относительно небольшой агрессивностью в периоды, свободные от этой охоты. В своей среде волки совсем неагрессивны. Они дружелюбны. Следовательно несправедливо говорить о человеческой агрессивности, сравнивая ее с агрессивностью волков по отношению друг к другу, т. е. нельзя говорить, что один человек ненавидит другого, как волк (homo homini lupus est). Можно сказать, что он ведет себя так по отношению к другому «как волк, охотящийся на овцу», но неправильно говорить «как один волк по отношению к другому волку».

Теперь можно заключить, что агрессивность животного не похожа на «гидравлическую» модель. Пока животному не угрожают, у него не происходит постоянного увеличения агрессивности и ее бесконтрольного взрыва. Иначе говоря, человеческая агрессивность – это способность, данная ему биологией и существующая в мозгу, но она проявляется только тогда, когда для этого есть причина. Когда нет необходимости самозащиты, нет агрессивности. Таково существенное отличие этого заявления от бихевиористкого, по которому агрессивность – это приобретенная черта, и что только обстоятельства заставляют людей проявлять агрессивность. Однако, все не так просто, потому что если считать, что агрессивности можно научиться только при определенных обстоятельствах, то было бы невозможно быстро и интенсивно воспользоваться этой способностью, как это бывает в жизни и как это на самом деле должно быть. Истина состоит в том, что агрессивность – это биологически данная способность, присущая человеку, которую он в нужный момент может реализовать очень быстро. Все нейрофизиологические механизмы, необходимые для ее введения в действие, присутствуют и функционируют в нас, но, как было сказано выше, их сначала необходимо мобилизовать, иначе они не будут действовать. Позвольте мне проиллюстрировать такую точку зрения практическим примером. Если кто-то с целью самообороны держит рядом со своей постелью револьвер, который днем лежит в его столе, это совсем не означает, что этот человек все время намерен стрелять из него. Он применит его только в случае угрозы его жизни. Как раз таким образом организована физиологическая работа нашего мозга. В нашем мозгу как бы присутствует револьвер, всегда готовый быстро сработать в случае нападения на нас. Однако в противоположность утверждению теории инстинктов наличие состояния готовности к ответной агрессии не ведет к накоплению агрессивности и к ее обязательному взрыву.

Далее, Гесс и другие ученые нейрофизиологи обнаружили, что животные реагируют на опасность не только нападением, но и стремятся убежать. Нападение – это крайняя возможность, применяемая животным чаще всего тогда, когда у него нет пути к бегству. Только в этом случае животное нападает, только в этом случае оно вступает в бой.

Говоря об «инстинкте агрессивности» у людей, обязательно нужно иметь в виду инстинкт убегания от опасности. Если защитники теории агрессии и инстинкта говорят, что агрессивность постоянно присутствует в поведении человека и что он ее все время сдерживает с великим трудом, то здесь следует обязательно напомнить, что человек постоянно руководствуется еще и столь же сильным желанием убежать от опасности. И этот импульс поддается контролю с огромным трудом. Каждый человек, когда-либо наблюдавший за сражением, очень хорошо знает, как бывает велико желание убежать. Если бы этого не было, то не понадобились бы законы, часто приговаривающие к смерти военного дезертира. Другими словами, человеческий мозг дает нам два способа реакции при нападении: либо сражаться, либо убегать. Пока нет угрозы, оба эти импульса остаются в покое. Не существует автоматически постоянно вырабатываемой тенденции к активной и всевозрастающей агрессивности или к стремлению убежать.

Выше уже было замечено, что «гидравлическая» теория агрессии в изложении Лоренца и отчасти – Фрейда, когда он говорит о наличии у человека желания смерти, имеет погрешности. Открытия в области нейрофизиологии показывают, что ни у человека, ни у животного агрессивность не растет постоянно, не является спонтанным автоматическим побуждением, но вызывается стимулом, несущим угрозу либо бытию человека, либо существованию животного, либо жизненно важным интересам. Однако бывают причины иные, чем психологические, и делающие «гидравлическую» теорию несостоятельной. Вышеуказанная теория также отступает перед лицом фактов, представляемых антропологией, палеонтологией, психиатрией и социальной психологией. Если бы эта теория была безупречна, можно бы было ожидать, что агрессивность в целом

проявлялась бы одинаково у всех индивидов и во всех культурах и обществах. Можно бы, конечно, принять во внимание — как мы поступаем по отношению к интеллекту — его различную интенсивность, хотя эти существующие различия относительно невелики. Но в этом случае малые и большие народы всего мира должны бы были демонстрировать одинаковую степень агрессивности и деструктивности. Однако дело обстоит иначе.

Давайте начнем с рассмотрения данных антропологии. Существует множество племен примитивных людей, которые вообще не проявляют повышенной агрессивности. Напротив, в этих племенах преобладает дух миролюбия. В описаниях образа жизни таких племен обнаруживаются характерные для всех них черты, которые, если их объединить, образуют определенный синдром: минимальную агрессивность (почти не сопровождающуюся преступлениями или убийствами), отсутствие частной собственности, эксплуатации и системы иерархии. Такие племена встречаются среди населения индейских деревень, но подобные им общины можно найти по всему миру. Колин Тернбулл представил нам завораживающее описание такого племени. Члены его — не фермеры, как обычно бывает в индейской деревне, а совершенно примитивные охотники, ненамного отличающиеся от охотников, живших 30 000 лет тому назад. Таково племя пигмеев, живущих в джунглях Центральной Африки. Эти люди почти не проявляют агрессии по отношению друг к другу. Конечно, бывает, что какой-то человек рассердится, и тогда, те, кто смотрят на агрессию иначе, чем я, сказали бы: «Вот, вы видите? Этот человек злой». Я должен сказать, что так смотреть на жизнь несерьезно, так как случай, когда человек иногда сердится, отличается от такого случая, когда человек переполнен злостью, заставляющей его разжигать войну, убивать людей и т. д. Существует огромная разница между человеком, иногда впадающим в гнев, и человеком деструктивным и полным ненависти. Тот, кто не видит это различие, кажется мне бестолковым наблюдателем.

Охотники пигмеи относятся к джунглям, где они живут, как к своей матери. Как все охотники, они убивают только столько животных, сколько им нужно для пропитания. Делать запасы на будущее у них не принято, потому что они не могут сохранять мясо. Когда им нужна пища, они идут на охоту. Они не получают больших прибылей, но мало-помалу добывают всего достаточно, чтобы прожить. Они не выбирают вождя. Зачем он им? Они руководствуются потребностями данного момента, и каждый знает свою роль. Иначе говоря, можно утверждать, что эти племена обладают глубоко укоренившимся чувством демократии. Никто никому не указывает, что ему следует делать. Нет причин для этого. Никто бы не стал все равно кого-то слушаться, если бы кто-то захотел командовать. И, конечно, среди этих людей отсутствует эксплуатация. Зачем кому-то пользоваться трудом другого? Разве я могу послать кого-то на охоту вместо себя самого? Тогда моя жизнь стала бы чрезвычайно скучной. А что еще делать в джунглях? Там нет ничего, чтобы кто-то мог сделать за другого. Семейная жизнь пигмеев протекает мирно. Ее правило — моногамия с легкой возможностью развода. Разрешается вступать в сексуальные отношения до женитьбы. При этом люди не обременены каким-либо чувством вины. Пара обычно вступает в брак, когда женщина беременеет, и супруги остаются вместе всю жизнь, если у них вдруг не возникает неприязни друг к другу. Но такое случается редко.

Пигмеи бывают беззаботны даже тогда, когда их охота не очень удачна. Временами в джунглях бывает мало дичи, иногда наступают неурожайные годы. Все равно пигмеи верят, что джунгли их не подведут. У них нет мысли, что у природы нужно брать больше, запасать больше, иметь больше, и именно поэтому они вполне всем довольны. Племена, ведущие подобный образ жизни, представляют собой настоящие общества изобилия. Они таковы не потому, что так богаты, а потому что им не нужно больше того, что у них есть. То, что они имеют, дает им ощущение благополучия и прочной, приятной жизни.

Особенно хочется подчеркнуть в приведенном описании жизни пигмеев, что она составляет целую систему или структуру правил, интересную саму по себе, а не какими-то отдельными чертами. Если просто спросить: «Есть ли в ней проявления агрессивности или нет?», то ответить на этот вопрос будет трудно. Если же анализировать социальную структуру в целом, то станет ясно, что перед нами дружественный народ, где люди не ненавидят друг друга и друг другу не завидуют. Отсутствие агрессии как элемента структуры общества логически можно предположить, исходя из общей психической и социальной ориентации этих людей. Так же можно делать вывод, как тесно физическая структура связана с социальной.

Одной из самых интересных эпох развития человеческой истории можно назвать неолитическую революцию. Она сопровождалась ростом сельского хозяйства в Малой Азии примерно 10 000 лет тому назад. Очень может быть, хотя до сих пор нет бесспорных доказательств того, что именно женщины открыли сельское хозяйство. Их открытие состояло в том, что дикие травы можно было вырастить, а ухаживая за ними, – получить съедобную пшеницу и другие зерновые. Мужчины тоже не теряли времени даром. В то же самое время они, вероятнее всего, еще охотились, но уже осваивали скотоводство и пасли стада овец. С открытием сельского хозяйства пришла к людям уверенность в том, что потребности человека в продуктах питания не ограничиваются только тем, что дает природа от своих щедрот, но каждый человек может приложить свои руки к усовершенствованию этого естественного процесса. Пользуясь умом и знанием, человек может сам произвести какие-то продукты. Как уже было сказано выше, такой опыт человечество приобрело сравнительно не так давно. В начале этой революции – предположим, в течение первых четырех тысячелетий – несомненно жили такие замечательные миролюбивые общества, во многих отношениях очень похожие на племена североамериканских индейских деревень. Вероятно, по своей организации они были матриархальными. Население их объединялось в небольшие деревни. Их жители производили продуктов немного больше, чем им требовалось в данный момент. Этот доход давал им уверенность в своей прочной обеспеченности, а это вело к росту населения. Однако у этих жителей не было таких больших доходов, что вело бы к зависти одних по отношению к другим и к стремлению отнять эти доходы. Неолитическое общество, подобное тем современным племенам, о которых говорилось выше, возможно, вело подлинно демократический образ жизни и, как уже отмечалось, в нем была сильна роль женщин и матерей. Патриархальность сложилась много позже, где-то между 4000–3000 лет до н. э., в период, когда все отношения изменились. Люди научились производить продуктов гораздо больше того, сколько им было необходимо. Это привело к установлению рабовладения. За этим стало устанавливаться разделение труда. Создали армии, сформировали правительства, стали вести войны. Человек открыл, что он может заставить других людей работать на себя. Сложились иерархические структуры с царями во главе их. Царей часто представляли как наместников Бога, и они часто исполняли роль патриарха. Эта ситуация способствовала развитию агрессивности, так как теперь у людей возникло желание воровать, отбирать и эксплуатировать. Естественная демократия уступила место иерархической системе, где каждый вынужден повиноваться вышестоящему.

Сейчас мне кажется очень уместно поговорить о причинах возникновения войн. Защитники теории инстинкта часто утверждают, что война возникает из-за свойственного мужчинам инстинкта агрессии. Такая точка зрения весьма наивна и неверна. Всем известно, что большинство войн происходит из-за того, что правительство убеждает свое население, будто бы на их страну собираются напасть, а людям придется защищать свои самые святые ценности – жизнь, свободу, демократию и бог знает что еще. Волна энтузиазма по поводу своей защиты длится несколько недель, а потом быстро спадает. Теперь людей нужно запугать и наказать, чтобы они вновь продолжали волноваться. Если бы люди по своей природе были столь агрессивны, что только война могла бы успокоить их агрессивный инстинкт, то правительствам не надо бы было прибегать к мерам по разжиганию войны. Напротив, они пропагандировали бы мир, и люди не стремились бы к войне, в которой дали бы выход своей агрессии. Но всем известно, что дело обстоит иначе, и даже можно почти точно определить период, когда война как институт имела свое начало или, если хотите, была изобретена. Это было время сразу после неолитической революции, когда наблюдался рост городов-государств, царей, армий и методов по организации войны с целью захвата рабов, грабежа сокровищ т. д. Охотники-собиратели и примитивные сельские люди не воевали друг с другом, потому что у них не было для этого поводов.

Наша дискуссия показывает нам, что ряд примитивных племен обладает социальной системой, в которой преобладают дружелюбие и сотрудничество, а агрессия присутствует в минимальном размере. Если такое описание примитивных обществ соответствует действительности, то оно опровергает «гидравлическую» теорию, по которой агрессию связывают с природным инстинктом. Есть еще аргумент против теории инстинкта. Дело в том, что степень агрессии внутри общества может сильно изменяться. Если посмотреть, например, на Германию ранних, 30-х годов XX в., то обнаружится, что фашисты получили больше всего поддержки от мелкой буржуазии, офицеров и студентов, чья карьера пострадала от условий послевоенного времени. Фашистов не поддержали средний класс и высшие круги. Я не говорю, что они выражали какое-то несогласие с фашистской системой, но все же яростные фашисты вышли

не из этой среды, и еще меньше – из рабочего класса. Убежденные фашисты из среды рабочих были скорее исключением, чем правилом, хотя и убежденные антифашисты из рабочего класса тоже были достаточно случайным явлением. Чем это объясняется – совсем другой вопрос.

Подобная же ситуация складывается в Южной Америке. Белая беднота юга накопила в своей среде безмерный запас агрессивности, гораздо более сильный, чем средний класс и чем рабочий класс как южного, так и восточного побережья Америки. Агрессивность всегда больше свойственна тем классам, которые занимают самые низкие социальные уровни у основания общественной пирамиды. Эти люди имеют в жизни мало радости, они необразованны и понимают, что их постепенно вытесняют из общественного потока. У них в жизни нет мотиваций и интересов. Такие люди накапливают в себе огромные запасы садистской ярости, отсутствующей у тех, кто занят на производстве и ощущает свою полную вовлеченность в общественный процесс или, по крайней мере, не полную оторванность от него. Такие люди имеют интересы, у них есть чувство, что они идут в ногу с остальным обществом. Вот почему люди, вовлеченные в жизнь общества, не несут в себе того объема садизма и агрессии, какой был у старой мелкой буржуазии Германии или у некоторых слоев населения в Америке.

У разных индивидов также различаются разные уровни развития агрессии. Например, приходит пациент на прием к доктору и говорит ему: «Я всех ненавижу. Я ненавижу свою жену, своих детей, людей, с которыми работаю. Нет никого, кого бы я ни ненавидел». Для психиатра и, надеюсь, для всех нас ясно, что пациент сам заявил нам о диагнозе своего заболевания. Конечно, этому пациенту не скажешь: «С вами все ясно. Это случай агрессивного инстинкта в действии». Вместо этого следует сказать, что характер этого человека построен так, что он постоянно производит агрессию. Теперь спросим: почему этот человек стал развиваться таким образом? Проанализировав социальные обстоятельства его жизни, историю его семьи, его прошлый опыт, нужно попытаться понять, почему такой высокий уровень агрессивности стал частью характера этого индивида, частью структуры его поведения. Нельзя заключить, как это сделали бы защитники теории инстинкта, говоря о войне: «С этим ничего не поделаешь. Перед нами еще одно свидетельство того, как сильна наша природная агрессивность».

Все знают агрессивных людей, но здесь я не имею в виду людей высоко раздражительных. Я говорю о людях деструктивных, ненавидящих, о людях-садистах. Наряду с ними существует множество людей миролюбивых, поражающих нас своей теплотой и незлобивостью, проявляемой ими не только как внешняя демонстрация, но и свойственной им по I самой их сути. Их миролюбие никак нельзя приравнивать к слабости или услужливости. Если не делать такого различия, то мы встанем на плохой путь. Многие пошли по такому пути, потому что не увидели этого различия. Большинство людей, взявших на себя труд повнимательнее посмотреть вокруг себя, знают очень хорошо, как важны такие характерологические различия.

Теперь настало время более внимательно посмотреть на суть понятия специфически человеческая агрессия. Все сказанное ранее по этому поводу доказывает, что это понятие не работает как «гидравлическая» модель. Можно провести различие между двумя типами агрессивности у людей. Первый тип, если можно так выразиться, биологически запрограммирован. Ему соответствует такой же защитный механизм, какой мы находим у животных. Второй тип – специфически человеческая разновидность агрессии, какой нет у животных. Он принимает форму, с одной стороны, человеческой жестокости, а с другой – страстной ненависти к жизни, носящей название некрофилии, понятия, подробности которого я здесь не имею возможности разъяснять.

Начнем с рассмотрения первого типа, т. е. с биологически запрограммированной человеческой агрессивности, идентичной животной агрессивности. Как уже говорилось выше, нейрофизиологическая организация животного такая же, что и у человека. Она заставляет его агрессивно реагировать, когда появляется угроза его жизненно важным интересам. Человеческое существо отвечает на угрозу таким же образом. Но у людей такая реакция, эта реактивная или защитная агрессивность, гораздо шире. Для этого существуют три причины.

Одна состоит в том, что животное ощущает угрозу только данного момента. Оно знает только одно: «Сейчас мне угрожают». Человек, обладая умственными способностями, может представить себе будущее. Следовательно, он может

предполагать, что ему в будущем может грозить опасность, которой сейчас нет, но она может возникнуть. Таким образом он реагирует агрессивно не только на настоящую опасность, но и на ту, что ожидает его в будущем. При таких условиях реактивная агрессия получает гораздо большее поле для своего функционирования, так как количество людей очень велико, и также велико число ситуаций, когда угроза их существованию возникнет в будущем.

Другая причина, по которой реактивная агрессия у людей развивается более широкомасштабно, состоит в том, что люди склонны строить предположения, а животные не могут этого делать. Человека можно убедить, что существует угроза его жизни и свободе. Для этого применяют слова и символы. Животному нельзя «промывать мозги», так как оно не воспринимает слова и символы, применяемые при такой промывке. Если человека убедить, что ему угрожают, последует его субъективная реакция столь же сильная, как и в случае, если бы ему действительно угрожали. Его реакция та же самая, хотя он действует только на основании постороннего воздействия. Нет смысла долго обсуждать множество случаев, когда война началась, потому что людей заставили поверить, что им угрожают. Сила убеждения породила агрессивность, необходимую для вовлечения людей в сражение друг с другом.

Есть еще третья и последняя причина проявления человеческой агрессивности. У людей есть свои специфические интересы, тесно связанные с ценностями, идеалами, институтами, общественными ролями, с которыми они себя отождествляют. Угроза их идеалам или лицам, занимающим главенствующее место в их жизни, их институтам, святым для них, столь же устрашающа, как нападение на самого индивида или на его источник питания. Людям могут быть дороги различные веши: идеи свободы, чести, его родители, мать, отец, в отдельных культурах — его предки, государство, флаг, правительство, религия, Бог. Любая из этих ценностей, институтов или идеалов может быть важна для человека как его собственное физическое существование. При возникновении угрозы этим ценностям человек отвечает враждебностью.

Если соединить все три причины агрессии вместе, станет понятно, почему защитная агрессивная реакция у человека намного шире, чем у животных, хотя механизмы, производящие эту реакцию у человека и животных, одинаковы. Человек испытывает намного больше опасностей, чем животное, и сталкивается с большим числом вещей, опасных для его жизни, чем это бывает в жизни животных.

Человек и животное обладают одной и той же биологически запрограммированной реактивной агрессивностью, служащей защитой их жизненных интересов. Однако у человека есть виды агрессивности, не данные ему биологически. Они не служат его самообороне, а являются элементом его характера. Причины развития у индивидов этого вида агрессивности характера сложны, и я не в состоянии их здесь анализировать. Все же такие агрессивно настроенные люди — это реальность, и она встречается только среди людей. Далее я собираюсь сосредоточить внимание на самом этом феномене — на садистском характере как таковом.

Говоря о садизме, часто имеют в виду только сексуальную перверсию в сознании, скажем, такой случай, когда человек получает сексуальное удовлетворение, только если имеет возможность бить или оскорблять какую-то женщину. Садизм также может быть связан со страстью или желанием причинять физическую боль другому лицу. Однако суть садизма заключается в желании осуществлять контроль над другим живым существом, контроль полный м абсолютный. Таким другим существом может быть животное, ребенок или другой взрослый человек, но в каждом случае садист превращает другое существо в свою собственность, вещь, объект подчинения.

Когда какой-то человек делает другого человека беззащитным или заставляет его терпеть боль, он проявляет в этом случае осуществление чрезвычайной формы контроля, но это его не единственная форма. Эта форма садизма иногда свойственна учителям, охранникам мест тюремного заключения и т. д. Ясно, что эта разновидность садизма, не связанная с сексом в узком смысле этого слова, тем не менее может быть названа возбуждающей, сенсорной формой садизма. Эта форма также не последняя. Еще чаще встречается «холодный садизм», совсем не сенсорный и не имеющий ничего общего с сексуальностью, но по своему проявлению схожий с сенсорным и сексуальным садизмом: его цель — подчинение себе другой личности, полный контроль над ней, возможность моделировать и формировать ее, как будто бы мастер лепит горшок из глины.

Существуют еще менее ярко выраженные формы садизма, всем хорошо известные. Их проявляют самые разные люди, но чаще всего ими пользуются матери и боссы. В этом случае лицо осуществляет свой контроль над другим лицом не с целью причинить ему боль или вред, а как бы для его же пользы. Это лицо говорит своему подопечному, как ему нужно вести себя. Подчиненный все делает, как ему велят, и все это как бы для его блага. Такая ситуация в действительности может быть благом для него или, лучше сказать, выгодной ему, но на самом-то деле он теряет свою свободу и самостоятельность. Привязанность матерей к своим сыновьям или отцов к своим сыновьям часто бывает окрашена такой разновидностью садизма. Индивид-садист даже полностью не осознает своих садистских намерений, потому что он «имеет в виду только хорошее». Даже жертва такого садизма не понимает своего положения, потому что она видит только получаемую ею выгоду. Одно только она не видит, что ее душа портится, что она становится покорным, раболепным, зависимым существом.

Вот пример чрезвычайной формы садизма — человека со страстью к абсолютному всевластию, пожелавшего стать Богом. Такую фигуру мы встречаем в пьесе Камю «Калигула». Калигула, этот римский император, был тираном с неограниченною властью. Вначале он не очень выделялся среди (других людей, но когда почувствовал, что оказался в особых условиях, недоступных для обычного человека, он понял, что нет пределов его власти. Цепь своих преступлений он начал с насилия над женами своих друзей. Он сам сообщил им об этом своем поступке, выражаясь намеками. Друзья его оказались в такой зависимой ситуации, что, Даже возмущаясь поведением Калигулы, вынуждены были льстить ему и выражать ему свое почтение. Они боялись, что он убьет их, и поэтому не показывали ему свой гнев и негодование. Все равно он их убил, вначале — одного, потом — другого, когда ему захотелось это сделать. Он убил их не потому, что они ему мешали, а чтобы показать, что может убить любого, когда захочет, осуществив таким образом свою власть, свое могущество. Но даже такая власть не удовлетворяет желания Калигулы быть всемогущим. Способность убивать в конечном счете тоже ограничена. Стремление Калигулы к всемогуществу принимает форму так называемого символического желания, очень искусно показанного Камю в этой пьесе. Калигула пожелал получить Луну. Если бы он сегодня заявил об этом желании, он бы выглядел нелепым. А несколько десятилетий назад этот приказ прозвучал бы примерно так: «Я хочу невозможного. Я хочу такой власти, какой не может быть ни у одного человека. Я — единственная личность, имеющая значение. Я — Бог. Я обладаю властью над всем и над всеми. Я могу заиметь все, что захочу».

Человек со страстью к абсолютному контролю пытается всех обмануть, перейти все пределы, ограничивающие человеческое существование, а наша невозможность стать всемогущими составляет часть человеческой обусловленности. Человек, стремящийся получить много, слишком много власти, встает перед лицом смерти и видит, как он бессилен перед природой. Камю показывает в своей пьесе очень убедительно, что Калигула на самом-то деле не очень отличается от других людей, пока не становится безумным. Он сходит с ума, потому что пытается нарушить пределы человеческого существования. Так будет с каждым, кто предпримет такую же попытку. Он не сможет вернуться в человеческие рамки. На примере Калигулы можно видеть, что сумасшествие — это на самом деле не болезнь, как мы ее себе обычно представляем, а своеобразный способ решения проблемы человеческого существования. Сумасшедший человек отрицает безвластие, от которого каждый из нас страдает, так как в своих мечтах каждый из нас беспределен. Он ведет себя так, как будто бы ему все позволено. Безвластие — это наша реальность. Когда человек настаивает на осуществлении своей безграничной цели, он обязательно теряет разум. Соглашаясь с такой трактовкой сумасшествия, можно говорить о нем не как о болезни, а как о своеобразной философии или, говоря еще точнее, о форме религии. Сумасшествие — это попытка отрицать человеческое безвластие, весьма специфическая форма притворства, иллюзии, будто человек всемогущ.

Пятьдесят лет тому назад мы бы еще могли поверить, что Калигулы существовали только в римской истории. Двадцатый век уже дал нам новый урожай калигул — в Европе, Америке, Африке — повсюду. Они почувствовали вкус неограниченной власти и безраздельно и страстно стали решать свои экзистенциальные проблемы, не желая признавать какие-либо ограничения своих желаний. Такое поведение характерно как для Сталина, так и для Гитлера. Отвергнув пределы человеческого существования, они попали на путь своеобразного сумасшествия.

К счастью, большинству людей с садистскими наклонностями в форме стремления к осуществлению полного контроля над другими людьми приходится удовлетворяться практикой холодного садизма в более мелких формах, хотя явно с целью получения удовольствия. Известно, что родители могут садистски относиться к своим детям, стремясь их абсолютно во всем контролировать. Сейчас это случается реже, чем было раньше, потому что дети не хотят мириться с полным подчинением. Двадцать, тридцать и сорок лет тому назад такое явление было почти обычной практикой. Врачам приходится констатировать много случаев, когда детей доставляет в больницу с серьезными увечьями, полученными в результате родительских побоев и оскорблений. Процент выявления подобных случаев очень мал по сравнению с количеством таких происшествий, остающихся неизвестными.

Как по закону, так и по традиции родителям позволено делать со своими детьми все, что им угодно. Они могут так поступать, потому что всегда имеют возможность заявить, что все делают ради блага своего ребенка, а также и потому, что люди не очень большое внимание обращают на свидетельства родительской расправы. Можно написать тома о различной степени контроля родителей над своими детьми и об огромном количестве несомненно садистских оскорблений, нанесенных родителями своим детям, чтобы осуществить этот контроль. Так же можно сказать о полицейских, нянях, тюремных охранниках и т. д. Их власть не столь велика, как была у Калигулы. Им тоже приходится подчиняться приказам. Они — очень мелкие винтики в большой машине и имеют мало прав в решении дел своих подчиненных. В сравнении же с детьми, больными и заключенными, с которыми они имеют дело, у них власть большая. Я не хочу сказать, что почти все учителя и няни — садисты. Напротив, огромное число людей становится учителями и нянями, потому что они чувствуют глубокую потребность помогать другим, они благорасположены к людям и любят своих ближних. Здесь я говорю не о них, а о тех, кто руководствуется совсем другими мотивами. Они часто даже не понимают, что за разумной схемой поведения, созданной ими для себя, работает их страсть к контролю над другими людьми.

Такой же страстью очень часто страдают бюрократы. Позвольте мне привести здесь пример, всеми вами часто наблюдаемый. Вообразите себе человека за окном конторы. Перед ним стоит очередь из пятнадцати человек. Перед окончанием рабочего дня остаются стоять двое. Как только часы показывают пять часов, бюрократ захлопывает окно конторы, отказываясь принять тех последних двоих, уже простоявших тридцать минут. На его губах тень улыбки. Ясно видно, что его улыбка садистская. Он рад, что двоим людям придется уйти, потому что у него есть власть, позволяющая ему заставить их простоять напрасно, а завтра прийти к нему снова. Он бы вполне мог им уделить еще одну или две минуты, но он этого не сделает. Добрый человек нашел бы время, и в большинстве случаев люди так и поступают. Но садист закрывает свое окно не потому, что закончилось его рабочее время, а потому что ему приятно это сделать, возможно, у него маленькая зарплата. И все-таки для садиста удовольствие так же дорого, как и деньги, и если бы ему такое поведение не приносило удовлетворения, он бы так не поступал.

Теперь мне хочется рассказать о садисте, который не только проявлял власть над другими, но и наслаждался возможностью унизить человека. Таков был Генрих Гиммлер. Вот коротенькое письмо, написанное им графу Адальберту Коттулинскому, офицеру СС, занимавшему важный пост: «Дорогой Коттулинский, вы перенесли серьезное сердечное заболевание. Ради вашего здоровья я приказываю вам полностью прекратить курить в течение двух последующих лет. Потом вы представите мне доклад врача о состоянии вашего здоровья. На основании этого доклада я решу, можно ли вам снова начать курить. Хайль Гитлер!». Перед нами случай не только осуществления контроля над другим человеком, но и его унижение. Гиммлер обращается к этому взрослому человеку как к школьнику, несмышленышу. Стиль его письма социально окрашен возможностью принизить человека. Гиммлер устанавливает свой контроль над человеком. Он даже его врачу не разрешает проследить за здоровьем Коттулинского и решить, можно ли его пациенту снова начать курить. Гиммлер оставляет это решение за собой.

Если говорить о бюрократе, то следует отметить у него еще один признак садизма — отношение к людям как к вещам. Для бюрократа люди становятся предметами. Такой садистский интерес пробуждается в бюрократе только при столкновении с беспомощной личностью. Садист обычно оказывается трусом перед тем, кто стоит выше него, но слабые или те, кто зависят от него, — дети, больные, а в ряде политических случаев — политические оппоненты, —

все они возбуждают садиста. У него нет чувства жалости, как у каждого нормального человека, и его не возмущает сама идея нападения на беззащитного, как бы к этому отнесся каждый нормальный человек. Для садиста, напротив, беспомощность – это качество, дающее ему возможность осуществить абсолютный контроль над тем, кто оказался в его власти.

Для садиста в одежде бюрократа характерно еще одно стремление – чрезвычайная забота о порядке. Порядок – это все, это единственная вещь, нужная в жизни, единственное условие, дающее возможность бюрократу осуществлять полный контроль. Люди с чрезвычайной склонностью к порядку обычно боятся жизни, потому что подлинная жизнь не подчиняется упорядоченности. Она преподносит людям сюрпризы, ее решающий фактор – спонтанность. Единственно, что мы точно знаем, это то, что обязательно умрем, а жизнь нам преподносит все новые и новые события. Индивид садистского типа, будучи не в состоянии общаться с другими, и видящий во всех и во всем простые объекты, ненавидит все живое, потому что оно опасно для него. Он любит только порядок.

В качестве примера бюрократа-садиста можно назвать Гиммлера! Он очень любил вести свой дневник. Он начал его в четырнадцать лет и десять лет заполнял его самыми банальными записями. Он записывает, сколько съел булочек, пришел ли вовремя его поезд. Каждую мелочь, происходившую в его жизни, он должен был записать. Даже в своей. юности он регистрировал свою корреспонденцию, записывая каждое письмо, которое он отправил или получил. Вот это порядок! Следует заметить, что это организованность определенного типа, характерного для старомодного бюрократа, для которого жизнь ничего не значит, кроме порядка, а закон для него – все.

Здесь уместно напомнить, что, когда Айхмана в Иерусалиме спросили, считает ли он себя в чем-либо виноватым, – а с ним беседовал очень знающий психолог, и Айхман понимал, что ему надо все сказать откровенно, он ответил: «Да, я чувствую себя виноватым». Его спросили: «В чем именно?». Он ответил: «Когда я был мальчиком, я дважды прогулял школу». Такой ответ показал его как не очень умного человека, что не пошло ему на пользу в его ситуации. Если бы он мог выглядеть умным, то он бы сказал, что был виноват в том, что убил так много евреев. Но его ответ был искренним. Для него было нормальным вспомнить о случае, когда он нарушил порядок. Для бюрократа существует только один грех – нарушение установленного порядка, разрушение установившихся правил.

Последнее, что я хочу сказать о садисте, – это его непомерная услужливость. Садист желает установить свой контроль над слабым, но у него мало жизненной энергии, чтобы самому не подчиняться кому-то, кто сильнее его. Так Гиммлер идеализировал Гитлера. Если садист не находит личность, которую бы он боготворил, он обращается к истории, к прошлому, к силам природы, ко всему, что его сильнее. Он подчиняется всегда одному правилу: я должен повиноваться высшей силе, какой бы она ни была, но мне должны подчиняться те, кто слабее меня. Такова система существования садиста-бюрократа, и таким же образом живет холодный садист.

Описанный здесь мною тип садиста можно проиллюстрировать портретом Гиммлера, описанном Карлом Я. Буркхардтом в период его пребывания в Данциге в качестве специального уполномоченного Лиги Наций. «Он оставляет жуткое впечатление своей невероятной услужливостью, своей ограниченной сознательностью, своей нечеловеческой методичностью, своим поведением, напоминающим работу автомата». Это описание сущности холодного садиста. Некоторые люди могли бы спросить: может быть Гиммлер был бы другим человеком, если бы оказался в другом положении, если бы никогда не существовало такого явления, как национал-социализм? Наша профессиональная интуиция дает нам право сказать, что из него мог бы поручиться образцовый гражданский служащий. Без особого труда можно себе представить, как на его похоронах его непосредственный начальник и министр сказали бы о нем: «Он был хорошим отцом, любящим своих детей и отдавшим все свои силы своей работе и учреждению, в котором он служил». Именно так могло случиться с Гиммлером. Нужно понимать, что даже человек-садист где-то внутри себя имеет потребность доказывать себе, что он – человек, что он способен на дружеские чувства. Если человек не может сам себе сказать, что он в какой-то мере человек, то он оказывается на грани безумия, так как он вдруг ощущает свою изолированность от всего человечества, а этого состояния почти никто не может вынести. Этот факт подтверждается множеством документов, из которых следует, что многие члены групп, осуществлявших казни политических

заключенных, евреев, русских и других лиц, сошли с ума, покончили с собой или заболели разными психическими расстройствами. Командир одной из таких групп даже говорил о необходимости внушения подразделениям, которым предстояло уничтожать евреев, что методы, обычно применяемые в этих случаях, а именно – расстрелы и газовые камеры, человечны и корректны с военной точки зрения. Если такой работы не проводить, здоровье исполнителей казни нарушится.

Я считаю, что сейчас уместно напомнить, что существует множество Гиммлеров, множество садистов. Они не проявляют свой садизм открыто, так как не всегда бывают подходящие для этого условия. Но при этом нельзя забывать, что совсем не в каждом из нас сидит внутри Гиммлер, не у всех нас есть садистские наклонности, ищущие выхода в благоприятной обстановке. Именно теперь я хочу сделать следующий вывод. Существуют две структуры характера: садистская и несадистская. Некоторые люди с садистскими чертами характера могут стать прямыми садистами, когда оказываются в подходящих для этого условиях. Другие люди никогда не становятся садистами, в какие бы обстоятельства они ни попадали. У них просто другой характер. Этот феномен важно понять, чтобы научиться узнавать, кто садист, а кто – не садист. Нельзя обманываться тем, что кто-то любит детей или животных и сделал какое-то доброе дело. Только изучив характер этого лица, можно действительно узнать, что скрыто за его сознанием, чем обычно мотивировано все его поведение. Нужно знать основные составные части его характера, а также его поверхностные, компенсирующие свойства его поведения. Такое знание о человеке стало бы большим открытием, важным не только для благополучной организации нашей личной жизни, но и существенным моментом в нашей политической жизни. Можно бы было предотвратить многие катастрофы, если бы заранее можно было сказать, имеют ли люди, жаждущие руководить нашей политической судьбой, садистский характер, или же таковым не обладают.

Сновидения – универсальный язык людей

Каждый из нас чувствует себя вполне привычно в мире лишь одного языка, и мы называем его своим родным языком. Возможно, что мы также изучили несколько иностранных языков: французский, русский, итальянский. Но мы забываем, что все мы разговариваем еще на одном языке: это язык наших сновидений. И это удивительный язык. Это универсальный язык, который существовал во все периоды человеческой истории и во всех культурах. Язык сновидений первобытного человека, язык сновидений фараонов в Библии, язык сновидений кого-либо в Штутгарте или Нью-Йорке – все они почти одинаковы. Мы разговариваем на этом языке каждую ночь. Хотя мы обычно забываем, что нам снилось и потому думаем, что нам вообще ничего не снилось, мы на самом деле видим сны каждую ночь без исключения.

Каковы особенности языка сновидений? Его наиболее очевидный признак, конечно, тот, что это ночной язык, язык сна. Дело обстоит так, как если бы мы могли разговаривать по-французски только ночью и ни слова не понимали бы на этом языке в течение дня. Сверх того, язык сновидений – это символический язык. Можно сказать, что в этом языке употребляются видимые, почти осязаемые предметы для выражения внутреннего опыта в конкретной форме. Это в точности то же самое, что имеет место в литературе. Если писатель говорит: «Красная роза согревает мне сердце», то никто не истолкует это выражение в том смысле, что происходит повышение температуры. Писатель имеет в виду чувство, опыт, который он выражает в форме конкретного физического процесса.

Я, пожалуй, смогу использовать пример очень интересного сновидения, чтобы показать, что я здесь имею в виду. Это сновидение явилось Зигмунду Фрейду, а потом, позднее, он о нем поведал. Это его сновидение о гербарии, и оно очень короткое. Фрейду снилось, что у него был гербарий и что в нем оказался засохший цветок. Вот и все сновидение. У Фрейда возникли кое-какие идеи, по поводу того, что оно означает. Этот цветок был любимым цветком его жены, а его жена часто жаловалась, что он никогда не дарит ей цветы. Далее, этот цветок каким-то образом был соотнесен с кокаином, о котором он узнал почти в то же время, когда происходило открытие его применения в медицине. Цветок в гербарии был простым символом, но смысл его был глубоким. Он проливал кое-какой свет на одну из самых важных особенностей личности Фрейда. Цветы – это символы любви, сексуальности, эротики, жизнетворения.

Но этот цветок в гербарии – уже засохший, и его единственная сохранившаяся ценность в том, что он стал объектом научного рассмотрения. Его можно было изучать как предмет исследования, но его нельзя было ощущать как нечто цветущее, живое. Если мы обратим внимание на отношение Фрейда к любви и сексуальности, мы на самом деле заметим, что, хотя он сделал секс объектом научного исследования, в своей личной жизни он был, скорее, застенчивым и крайне стыдливым человеком. Когда ему было немногим более сорока, лет, он написал одному из своих друзей о том, как он был поражен тем, насколько привлекательной показалась ему женщина, которую он увидел. Это всего лишь один пример отношения Фрейда к жизни в таком возрасте, в котором большинство мужчин ни в малейшей степени не были бы поражены при сходных обстоятельствах. Таким образом в этом малом символе засохшего цветка, в символе, который можно было бы описать всего лишь несколькими словами, мы находим ключи к характеру Фрейда, и они заставили бы нас заполнить многие страницы, если бы мы попытались выразить в деталях все, что предполагалось в символическом языке этого краткого сновидения.

Другая важная особенность языка сновидений состоит в том, что мы узнаем о других людях и о самих себе больше тогда, когда мы спим, чем тогда, когда мы бодрствуем. Во время сна мы, возможно, бываем более иррациональными, и я еще вернусь к этому пункту в дальнейшем – но в определенном смысле мы при этом много мудрее, гораздо более понятливы. Пример со сновидением Фрейда также указывает на это. Как мы знаем из собственного анализа Фрейдом своего сновидения, он едва ли сознавал ту особенность своего характера, которая проявилась в этом сновидении. Но в этом сновидении он мог ясно осознать свое двусмысленное отношение к тому, что сновидение символизировало.

В связи с этим аспектом языка сновидений можно выделить одну особенность, которая в дискуссиях о сновидениях не получила должного признания. Большинство людей (я говорю «большинство людей», но мы не располагаем статистическими данными на этот счет, поэтому, возможно, мне следовало бы быть более осторожным и сказать просто «многие люди», или, еще лучше, «большинство из тех людей, которых я наблюдал в своей практике психоаналитика») в своих сновидениях могут проявлять такие творческие способности, каких у них никогда не было, когда они бодрствуют. Люди, которые во время бодрствования никогда не смогли бы совершить ничего экстраординарного, даже прилагая величайшие усилия, в своих сновидениях становятся творцами историй, поэм, мифов. Мне трудно подсчитать повествования о столь многих сновидениях, которые я слышал и которые могли бы быть опубликованы слово в слово, и это породило бы для многих интерес, подобный кратким рассказам Кафки. И все же, когда тот же самый индивид бодрствует, он посмотрел бы на вас как на сумасшедшего, если бы вы ему сказали: «Ну что ж, а теперь напишите мне краткий рассказ в стиле Кафки». На самом деле он был бы не в состоянии написать такой рассказ. Но в своих сновидениях он – поэт, художник; и это – то же самое лицо, которое совершенно лишено артистических способностей, когда он бодрствует. Выражая этот взгляд в крайней форме, можно было бы сказать, что тот творец и художник, кто способен творить без необходимости погружаться для этого в сон. Иными словами, он сохраняет способность к творчеству даже, если он бодрствует.

В течение дня мы живем в контексте данной культуры. То, что мы говорим в дневное время, в очень значительной мере зависит от того, где мы родились. Очевидно, что африканец – член охотничьего племени будет говорить об иных вещах и использовать иные термины, чем мы. То, что мы говорим, частично определяется и нашим обществом. Но в своих сновидениях мы говорим на универсальном языке. Наш язык дневного времени, родной ли это для нас язык или иностранный, – это всегда социально детерминированный язык. Но язык сновидений – это универсальный язык, язык всего человечества.

Каково объяснение этой способности? Позвольте мне начать с того, что может показаться сложным, но на самом деле весьма просто: это – различие между бодрствованием и сном. Мы проводим свою жизнь в двух способах существования, которые представляются нам до такой степени самоочевидными, что мы часто даже не вполне сознательно относимся к ним. Мы проводим часть своей жизни бодрствуя, а часть ее во сне. Но что значит сказать, что мы бодрствуем? Когда мы бодрствуем, мы находимся в таком состоянии, которое обязывает нас заботиться о своем существовании. Нам приходится работать, мы должны приобретать вещи, необходимые для поддержания своего существования, нам приходится защищать себя от нападений; короче, мы поглощены борьбой за существование. И эта борьба определяет то, что мы делаем, и то, что мы

думаем. Она определяет то, что мы желаем, потому что мы вынуждены приспособиться к ее условиям. Нам приходится вести себя таким образом, каким общество ожидает, чтобы мы себя вели, с той целью, чтобы мы могли производить, чтобы мы могли работать. Но еще более важно то, что эта борьба оказывает сильнейшее влияние на наши чувства и наши мысли.

В течение дня мы смотрим на вещи таким образом, каким нам приходится на них смотреть, чтобы можно было оперировать ими, извлекать из них какую-то пользу. Мы должны вести себя разумно, а «разумно» означает, что нужно вести себя таким образом, каким будут вести себя другие люди для того, чтобы они нас понимали, а также испытывали к нам симпатию и не думали: вот какой-то чудаковатый и ненормальный тип. Мы думаем и чувствуем то, что понуждает нас чувствовать «здравый смысл» и так называемые принятые среди людей приличия. Мы все думаем и чувствуем, что мы любим своих родителей, что они и все другие авторитетные люди не только желают нам лучшего, но также знают и делают то, что лучше, и т. д. Мы чувствуем себя счастливыми и радостными, когда нас к этому побуждают обстоятельства, или, если обстоятельства, принуждают нас к противоположному, мы испытываем печаль. На деле мы можем вообще ничего не испытывать, но мы думаем, что мы испытываем просто оттого, что приняли соответствующий счастливый или печальный вид. И мы не задумываемся о том, что поражает нас как нечто абсурдное, ибо полагаем, что вещи, которые не должны существовать, не существуют. Сказка Андерсена о новом платье для короля прекрасно иллюстрирует этот принцип. Король гол, но все взрослые думают, что он облачен в пышные одежды, потому что это как раз то, чего они ожидают. Лишь маленький мальчик, мышление которого еще не втиснуто в формы дневного сознания большинства взрослых, мог видеть, что на короле вообще не было никаких одежд. Когда мы бодрствуем, мы и в самом деле чувствуем и мыслим так, как от нас этого ожидают другие.

Позволю себе поведать еще об одном сновидении, которое проливает свет на ту же самую проблему. Это сновидение явилось одному высокопоставленному администратору, подчиненному одному лишь директору своей фирмы. В своей бодрствующей жизни этот администратор убедил себя в том, что он находится в очень хороших отношениях со своим боссом. Он его любит; у него никогда, не бывает с ним никаких проблем. Затем ему явилось это сновидение: его руки, одна с другой, связаны телефонным шнуром, на котором все еще болтается телефонная трубка. Далее, он видит своего босса, который казался спящим, лежа рядом с ним на полу. Администратор испытывает приступ неодолимой ярости. Он находит молоток, хватает его обеими руками и пытается с его помощью разбить голову директора. Его удар поражает цель, но ничего не происходит. Затем директор открывает глаза и иронически улыбается нападавшему.

Хотя этот человек мог полагать, что он был в хороших отношениях со своим боссом, его сновидение говорит нам о том, что на самом деле он ненавидел своего начальника. Он чувствовал, что директор подавляет его, сковывает его действия. Он чувствовал себя бессильным и находящимся во власти своего шефа. Такова реальность, которую этот человек прочувствовал в своем сновидении. В его бодрствующей жизни эта реальность, по-видимому, была от него скрыта.

Что именно такое дает нам состояние сна, чего не может дать состояние бодрствования? Мы свободны. Может показаться странным то, что мы скажем, но, в определенном смысле, мы свободны лишь тогда, когда мы спим. Это значит, что когда мы спим, мы больше не вынуждены участвовать в борьбе за существование, мы не должны завоевывать, нам не приходится защищать себя, приспосабливаться к обстоятельствам. Мы думаем и чувствуем то, что именно мы думаем и чувствуем. Наши мысли и чувства во время сна настолько субъективны, насколько они способны стать таковыми. Во сне нам нет надобности делать что-либо; мы можем просто существовать. Во сне у нас нет целей. Мы можем воспринимать мир таким, каким он реально нам кажется, каким мы на самом деле его видим, а не таким, каким он предстает по предположению в том случае, если мы и имеем в виду достижение определенной цели. Иными словами, можно сказать, что во сне подсознательное выступает на передний план. Нет совершенно ничего непостижимого в подсознательном. Это означает просто то, что во сне мы получаем доступ к тому, чего не знаем, когда мы бодрствуем. Или, в других словах, наоборот: в состоянии бодрствования мы не имеем доступа к тому, что мы знаем, когда спим. Можно было бы даже сказать, что в состоянии бодрствования сознание сна бессознательно, тогда как во сне сознание бодрствования бессознательно. Речь идет о двух различных типах сознания. Один действует в состоянии бодрствования, другой во сне.

Означает ли это, что мы во сне более иррациональны, сильнее подвержены своим влечениям? Да, иногда, но ни в коем случае не всегда и даже не в большинстве случаев, несмотря на то, что Фрейд полагал, что сны всегда мобилизуют иррациональное против рационального. Но как я упомянул выше, мы часто достигаем большего прозрения и большей мудрости во время наших снов, потому что тогда более независимы, потому что мы можем видеть и чувствовать, освободившись от шор. Даже во сне мы контролируем свои видения. Мы не осмеливаемся принять ту свободу, которую дарует нам сон, и потому мы изменяем и скрываем действительный смысл наших сновидений, т. е. действуем так, как мы поступили бы, если бы мы хотели помешать кому-то другому понять, что мы на самом деле имели в виду. В случаях, подобных этому, мы даже во сне проявляем нежелание поднять самих себя. Вот почему мы часто забываем свои сны, либо большинство из них не уложилось бы удобно в схему нашей бодрствующей жизни. Они лишь беспокоили бы и раздражали нас.

Во время сна наши творческие силы возрастают. Мы развиваем такие способности, которые мы не распознаем и о которых на деле даже не подозреваем, когда бодрствуем. Я имею здесь в виду сновидение, которое явилось еще одному преуспевающее бизнесмену-администратору. (Сновидения, о которых я здесь рассказываю, стали мне известны не от моих пациентов, а из исследований, касающихся личностей администраторов.) Этот человек чувствовал себя очень счастливым потому, что ему сопутствовал успех. Судя по его доходу и той власти, которую он осуществлял, у него были все основания иметь такие ощущения, ибо мы обычно чувствуем то, что от нас ожидают, чтобы мы чувствовали. Итак, этот человек думал, что он очень счастлив. Затем к нему явилось это сновидение. В первой части этого сновидения он находится около небольшого озера. Озеро загрязнено. Окружение темное, мрачное, зловещее. Позднее, после сновидения он вспоминает, что это озеро очень похоже на то, вблизи которого жили его родители. Неприятное воспоминание относится не только к этому озеру, но также к тоскливому нищенскому облику дома его детства. Во второй сцене своего сновидения он находится в очень дорогом автомобиле, мчащемся вверх по горному склону по суперсовременному шоссе. Он мчится быстро; он преисполнен чувства власти и успеха; и он счастлив. Затем наступает третья сцена, которая возникает после того, как он достиг вершины горы. Неожиданно он оказывается в порнографической лавке. Его жена была вместе с ним в автомобиле, но теперь он один. Там больше нет никого. Все пыльно и грязно, и он чувствует себя совершенно одиноким и покинутым.

Это сновидение рассказывает нам о том, что этот человек чувствует по поводу своей жизни и своей судьбы. В простейших словах это сновидение перелагается в нечто, подобное следующему: когда я был ребенком, все вокруг меня было мрачно и грязно. Теперь я преуспевающий человек, который вознесся на вершину успеха с невероятной быстротой. Но в конце концов, когда вся эта погоня за удачей закончится, я попаду как раз туда, назад, в ту же самую грязь, в ту же самую нищету, останусь с той же самой тоской и в том же самом одиночестве, которые я испытывал в детстве. Все исчезнет, и я попаду в точности туда, назад, откуда я начинал. Сновидение не выражает желания. Вместо этого оно дает на творческом, художественном языке глубокое прозрение в пустоту жизни этого человека.

Можно было бы сказать, что многие люди способны к такого рода творческой деятельности, но в дневное время они подвержены давлению общества — того, что Хайдегтер назвал «другие», и потому у них нет смелости быть самими собой и сотворить что-либо самим. И, по сути дела, в этом — печальный укор нашему обществу, которое не позволят людям реализовать те творческие способности, которые они хранят в себе.

В своих сновидениях мы рассказываем самим себе о чем-то. Как сказано в Талмуде: «Сновидение, оставшееся без истолкования, подобно письму, которое не было прочитано». Слово «истолкование» не является, на самом деле, вполне корректным в данном контексте. Для нас нет необходимости истолковывать сновидения. Нет ничего, что нужно было бы истолковать. У нас нет надобности в истолковании китайского или итальянского, если мы изучили эти языки. Язык сновидений, язык, который можно изучить, который обладает своей собственной грамматикой, своими собственными формами, язык, который не описывает «факты», а сообщает об опыте. Язык сновидений легко изучить, и вам нет надобности становиться психоаналитиком, чтобы изучить его. Мы могли бы изучать его в школе в то же самое время, когда мы изучаем иностранные языки. Я чувствую, что если бы мы начали изучать язык сновидений, это дало

бы нам огромное преимущество, ибо если бы мы понимали свои сновидения, мы лучше понимали бы и самих себя, и других. Я сказал, что это дало бы нам преимущества. Но это могло бы также принести некоторые неудобства. Как правило, нам, на самом деле, не очень хочется знать слишком много о себе и о других. Такое знание может доставлять нам неудобства. Но чем больше мы знаем о самих себе и чем меньше у нас иллюзий других, тем богаче, обильнее и полнокровнее были бы наши жизни. Далее, если бы мы понимали язык сновидений, мы не были бы ограничены односторонней интеллектуальной перспективой, которая стала доминирующей для мышления большинства людей в наше время, более чем когда-либо ранее – в прошлом. Мы не ограничены мышлением исключительно в понятиях, но развиваем свое внимание и к эмоциональному дифференцированию. Мы интегрируем интеллект с эмоциями и оставляем нереалистические альтернативы за своей спиной. Я ни в коем случае не предлагаю здесь придерживаться опасного антиинтеллектуализма, еще менее – новой сентиментальности. Хочу же я предположить, что язык сновидений способен научить нас кое-чему, что существенно для наших жизней, и теперь, более чем когда-либо, в своих сновидениях мы можем становиться поэтами.

Психология для непсихологов

Предсовременная и современная психологиЯ

Кто является психологом, а кто – нет? И что же такое психология? Ответить на первый вопрос, казалось бы, очень просто. Каждый, кто не изучал психологию и не получал специального образования в этой области, не является психологом. Практически это означало бы, что каждый – непсихолог. В действительности дело обстоит не так. Я бы даже позволил себе заявить, что непсихологов не бывает, потому что все мы применяем и вынуждены применять на практике наши собственные психологические шаблоны по мере того, как мы живем нашей жизнью. Мы должны знать, что происходит в душах других людей. Мы должны попытаться понять их. Мы даже должны попы-даться предсказать, как другие поведут себя в той или иной ситуации. Если мы так поступим, то нам не понадобится посещать университетскую лабораторию. Лаборатория повседневной жизни (в которую даже нет необходимости ходить) предоставила нам более широкую возможность докопаться до сути и обдумать любое количество событий и ситуаций. Итак, мы задали некорректный вопрос. Нам следовало бы спросить, не «не являемся ли мы психологами или непсихологами», а «хорошие ли мы психологи или плохие»? Каков бы ни был ответ на вопрос, я чувствую, что изучение психологии может помочь нам стать более хорошими психологами.

Это подводит нас к нашему второму вопросу: что такое психология? На этот вопрос ответить гораздо труднее, чем на первый. Уделим ему немного внимания. Литературное значение психологии – «наука о душе». Но знание этого не проясняет нам, что именно есть наука о душе, что она изучает, каковы ее методы, каковы ее цели?

Большинство людей думают, что психология – относительно молодая наука. Такое впечатление сложилось благодаря тому, что в основном только в последние 100–150 лет слово «психология» вошло в употребление. Но они забывают, что была предсовременная психология, которая возникла, пожалуй, около 500 г. до н. э. и продолжала развиваться до XVII в. Однако эта психология называлась не «психологией», она была известна как «этика», или чаще как «философия», тем не менее это не делает ее психологией в меньшей степени. Какова была цель этой предсовременной психологии? Наш ответ может быть абсолютно краток: предсовременная психология стремилась понять человеческую душу, чтобы сделать людей лучше. Мотивация психологии была, следовательно, моральной. В действительности можно даже сказать религиозной или духовной.

Я всего лишь кратко остановлюсь здесь на нескольких примерах этой предсовременной психологии. Буддизм развил экстенсивную психологию, т. е. крайне сложную и утонченную. Аристотель написал учебник по психологии и озаглавил его «Этика». Стоики создали очень интересную психологию, и некоторые из вас может быть уже знакомы с «Рассуждениями о самом себе» Марка Аврелия. У Фомы Аквинского вы найдете систему психологии, из которой, вероятно, сможете узнать больше, чем из самых современных учебников. Его

разбор таких понятий, как нарциссизм, гордыня, покорность, скромность, комплекс неполноценности и многие другие, является таким же интересным и глубоким, как и в других источниках. Спиноза тоже написал психологию и, так же как и Аристотель, назвал ее «Этика». Спиноза, вероятно, был первым великим психологом, четко признавшим силу бессознательного, когда говорил, что все мы осознаем наши желания, но не осознаем вызывающие их мотивы. Как мы вскоре увидим, именно это наблюдение много лет спустя послужило основой глубинной психологии Фрейда,

Современный период засвидетельствовал подъем абсолютно отличной психологии, которой в целом не более сотни лет. Эта психология имеет иную цель – не понять душу, чтобы мы смогли стать лучше как люди; ее цель, строго говоря, – понять душу так, чтобы мы смогли стать более успешными людьми. Мы хотим понять самих себя и других, чтобы научиться одерживать победы в нашей жизни, чтобы суметь манипулировать другими людьми, чтобы сформировать себя теми способами, которые бы благоприятствовали нашему собственному продвижению.

Мы сможем полностью понять разницу между разговорами о предсовременной и современной психологии, только если поймем, как сильно изменилась культура и цели общества. Теперь я, вообще говоря, уверен, что люди в классической Греции и в средневековье не были намного лучше, чем мы сегодня. Их повседневное поведение было, вероятно, хуже, чем наше. Но, несмотря на это, их жизнь управлялась идеей, и эта идея была такова, что одной лишь ежедневной заботы о хлебе насущном было недостаточно, чтобы сделать жизнь достойной того, чтобы жить. Жизнь должна была иметь предназначение, и большую часть этого предназначения составлял личностный рост, развитие человеческих возможностей. В этом-то и заключалась уместность психологии.

Современный человек видит вещи иначе. Он не столько интересуется бытием и становлением, сколько тем, чтобы иметь больше. Он хочет иметь лучшую работу, больше денег, уважение, власть. Но мы знаем, что все больше и больше людей начинают сомневаться, сделают ли подобные цели их действительно счастливыми. Смысл слова «иметь» меняется, и это сомнение, возможно, нигде не является более явным, чем в Соединенных Штатах – самой богатой и экономически развитой стране мира. Но я не зочу здесь глубоко вдаваться в этот вопрос. Все, что я хочу предложить, – это то, что две различные идеи о целях жизни предполагают выбор двух различных направлений психологии. Теперь я хотел бы привести краткий очерк истории современной психологии, так чтобы вы имели некоторое представление о ее главных тенденциях. Современная психология имела очень скромные начала.

Она началась с изучения памяти, акустических и визуальных явлений, ассоциации идей и психологии животных. Наиболее важной и влиятельной фигурой в те ранние дни современной психологии был, возможно, Вильгельм Вундт.

Психологи тогда не писали для широкой публики, и они в общем-то не были хорошо известны. Они писали для своих коллег, и только немногие «непрофессионалы» выказывали какой-то интерес к их работе и публикациям.

Эта ситуация, однако, радикально изменилась, и психология начала завоевывать популярность, когда она переместила свой фокус на мотивы, лежащие за человеческим поведением. Эта область научного поиска преобладала в психологии в течение последних 50 лет. Это, конечно, касается всех нас, так как все мы хотим знать, что мотивирует наше поведение и почему мы действуем под влиянием одних мотивов, а не других. Если психология может обещать нам какую-то ясность по этим вопросам, тогда она, очевидно, может представлять для нас огромную ценность. И поэтому психология мотиваций стала, возможно, наиболее популярной из всех наук, причем в популярности за последние десятилетия она имеет больше завоеваний, чем потерь.

Имеются две основные школы в этой популярной психологии: теория инстинктов и бихевиоризм. Позвольте мне сказать несколько слов о теории инстинктов. Эта теория восходит к одному из величайших мыслителей XIX в. Чарльзу Дарвину, который был одним из самых первых ученых, исследовавших инстинкт как мотивирующую силу человеческого поведения. Используя его работу в качестве основы, другие пошли дальше в развитии теории, которую мы могли бы подытожить следующим образом: каждое человеческое действие имеет за собой мотив, и в каждом частном случае этот мотив является независимым и врожденным инстинктом. Так же, как и животные, мы рождаемся с уже готовыми

инстинктами. Если мы агрессивны, то причиной является наш инстинкт агрессии. Если мы раболепствуем, вините наш инстинкт раболепия, если мы алчны – наш инстинкт алчности; если мы ревнивы, возьмите на заметку наш инстинкт ревности; если мы получаем удовольствие от совместной работы, тогда это наш инстинкт сотрудничества. Если мы ловко избегаем опасности, то это наш инстинкт бегства и т. д. и т. п. В самом деле, если мы прикрепим ярлык ко всем инстинктам, с которыми имеют дело теоретики инстинктов, то получим в конечном счете примерно две сотни различных инстинктов, каждый из которых будет мотивировать определенный тип человеческого поведения аналогично клавише пианино, которая при нажатии вызывает звук определенной частоты. Первыми выдвинули теорию инстинктов два американца: Уильям Джеймс и Уильям Макдугалл. Из только что мною приведенного краткого изложения у вас может создаться впечатление, что теория инстинктов очень упрощена и крайне наивна. Конечно же это не так. Используя представленную Дарвином основу, эти два ученых, а вместе с ними и остальные выдающиеся и проницательные мыслители создали крайне интересное воззрение. Эта концепция проблематична в том смысле, по-моему мнению, что построена она неправильно. В действительности это вовсе не доктрина, а только ментальное построение, которое в реальности совершенно не имеет основы. Самой важной из новейших теорий инстинктов, достигших огромной популярности, является теория Конрада Лоренца, который свел человеческую агрессию к (в большей или меньшей степени) врожденному инстинкту агрессии.

Одной из слабостей теории инстинктов является ее тенденция излишне упрощать. Было бы чересчур простым решением постулировать инстинкт для каждого отдельного проявления человеческого поведения, причем такое постулрование в действительности ничего не объясняет. Все, о чем оно говорит, это то, что различные действия имеют свои собственные различные мотивы и что эти мотивы являются врожденными. Но нет ничего из того, что можно было доказать для большинства этих так называемых инстинктов. Имеется неколько инстинктов, такие как защитно-агрессивный, бегства и, до определенной степени, сексуального поведения (хотя здесь мы даже менее уверены в нашем обосновании), в которых присутствуют квазиинстинктивные элементы. Но здесь мы не должны недооценивать тот факт, что учеба, влияние культуры и общества могут значительно модифицировать даже эти врожденные побуждения до такой степени, что как у людей, так и у животных, подверженных такой модификации, они могут почти исчезнуть или, наоборот, стать сильно акцентированными.

Другая слабость теории такова, что некоторые инстинкты сильно развиты в одних индивидах и культурах и почти не существовали в других. Имеются, например, первобытные племена, которые крайне агрессивны, в то время как другие не выказывают практически совсем никакой агрессии. То же самое верно и для индивидов. Если кто-нибудь придет сегодня к психиатру и скажет: «Доктор, я так разъярен, что хотел бы убить кого-нибудь: мою жену, моих детей, себя самого…», психиатр не скажет: «Ага, в этом человеке очень силен инстинкт агрессии». Вместо этого он поставит примерно следующий диагноз: «Этот человек, должно быть, болен. Агрессивность, которую он проявляет, обосновавшаяся в нем ненависть, является признаком заболевания». Если бы агрессивность человека мотивировалась инстинктом, то человеческое поведение было бы нормальным, естественным, а не симптомом болезни.

Мы также находим, и это очень важно, что наиболее отсталые из первобытных людей, охотники-собиратели, люди самых ранних стадий цивилизации, были наименее агрессивными из всех представителей человеческого рода. Если бы агрессивность была врожденной, то она должна была бы проявляться в наибольшей степени у охотников-собирателей. Фактически, как раз обратное является верным. Именно рост цивилизации, начавшийся около 4000 лет до н. э., именно появление больших городов, королевств, иерархий, армий, именно изобретение войны, изобретение рабства (я здесь преднамеренно использую слово «изобретение», потому что ни одна из этих вещей не происходит в природе без человека) – именно все это создало благоприятную почву для садизма, агрессии и желания подчинять и разрушать, для болезней, которые среди первобытных, доисторических людей никогда и нигде не существовали в такой степени.

Именно эта слабость в теории инстинктов побудила бихевиористов предложить радикально противоположную точку зрения. Они считают, что в нас нет абсолютно ничего врожденного и что все, что люди делают, является результатом социальных условий и очень умной манипуляции со стороны части общества или семьи. Самым известным и важным сторонником этой школы сегодня

является Б. Ф. Скиннер, который в своей книге «За пределами свободы и достоинства» («Beyond Freedom and Dignity») утверждает то, что можно перефразировать примерно так:

«Такие понятия, как свобода и достоинство, – чистая фикция. Они вовсе не существуют, а являются продуктами такого взаимовлияния людей, при котором они начинают верить в то, что они станут свободными. Ни желание свободы, ни чувство человеческого достоинства не наследуются человеческой природой». Позвольте мне привести простой пример действия данной теории. Маленький Джонни не хочет есть свой шпинат. Если мать накажет его, то, как знают многие родители, многого этим она все равно не добьется. И Скиннер соглашается, что наказание не является правильным методом. Не должно быть также длинных лекций о шпинате, его нужно просто не подавать на стол. А. если маленький Джонни попробовал его, то его мать долж-на ласково улыбнуться и пообещать ему дополнительный кусочек шоколада. В следующий раз, когда шпинат появится на столе, маленький Джонни будет уже более расположен его съесть. Он еще раз заслужит улыбку матери и еще раз получит дополнительный кусочек шоколада. И такие вещи будут продолжаться до тех пор, пока маленький Джонни не усвоит, то есть не поймет, что он получит награду, если съест свой шпинат. Кто не любит наград? И через какое-то время Джонни будет есть свой шпинат с огромным удовольствием, предпочитая его любым другим овощам. Следовательно верно, что все произойдет именно так. Скиннер затратил огромные усилия на нахождение самых хитроумных способов заставить человека сделать то, что он не хочет. Награда, например, не повторяется автоматически каждый раз. Она пропускается один раз, затем возобновляется снова. Было проделано множество искусных исследований и опытов, чтобы посмотреть, как людей прельстить наилучшим образом, как можно использовать награду, чтобы заставить их сделать то, что от них хочет дающий ее человек. Скиннер не интересуется тем, почему этот манипулятор хочет, чтобы люди делали то, что он хочет, так как Скиннер полагает, что ценности не могут иметь какое-либо объективное значение.

Если мы поразмышляем над положением психолога в его лаборатории, тогда достаточно легко понять позицию Скиннера. Едят ли мыши или кролики или не едят – не представляет большого интереса. Единственная вещь, которая интересна, можно ли заставить их при помощи того или иного метода есть или не есть. И с тех пор как бихевиористы наряду с морскими свинками рассматривают также и человека, включая самих себя, они не интересуются вопросом, почему и до какого предела они обусловливают других. Их интересуют только две вещи: могут ли они обусловить кого-то и как они могут сделать это наилучшим образом. Бихевиорист отличает человеческое поведение от самих людей. Он изучает их не в процессе человеческого поведения; он изучает только продукт, а продукт этот – поведение. Людей же, порождающих это поведение, намеренно отбрасывают. Люди как таковые не важны; они являются предметом философии, размышлений. Бихевиориста интересует именно то, что люди делают. Он предпочитает игнорировать вопрос, почему столь большое число людей не реагирует тем способом, каким ему следовало бы реагировать, если считать, что теория верна. Его не волнует тот факт, что многие люди восстают, отказываются соглашаться, не поддаются на изощренный подкуп, являющийся смыслом всей этой теории. Теория допускает, что большинство людей, справедливо оценивающих потенциал своей собственной природы и талантов, предпочитают поддаться подобному подкупу, чем оставаться самими собой.

Теория инстинктов и бихевиоризм, несмотря на огромные различия между ними, имеют много общего. Ни одна из них не дает человеку ни малейшего контроля над своей собственной жизнью. Теория инстинктов рассматривает человека, влекомого побуждениями, которые уходят корнями далеко назад в его человеческое и животное прошлое. Что бы ни происходило с человеком, бихевиоризм видит его ведомым социальными условиями и построениями. Он в такой же степени подвержен влиянию оппортунистических и соблазнительных трюков своего собственного общества, как и человек инстинктов – влиянию истории своего рода. Но ни эти две модели, ни человеческая модель, предложенная обеими теориями, не основаны на том, что именно человек действительно хочет, чем он является, что находится в соответствии с его природой.

Две главные школы составляют большую часть того, что сегодня известно под названием «современная психология». И мне следует добавить, что бихевиористская психология гораздо более влиятельна. Большинство профессоров психологии в американских университетах являются

бихевиористами, и советская психология по очевидным политическим причинам следует тем же путем.

Три основных понятия Зигмунда Фрейда

Рассматривая две школы психологии, мы только что выяснили, что есть и третья, которая была основа Зигмундом Фрейдом и которая известна как психоанализ, или глубинная психология. Целью Фрейда было достижение рационального понимания человеческих эмоций, в частности иррациональных. Он хотел понять, что вызывает или создает благоприятную почву для ненависти, любви, покорности, деструктивности, зависти, ревности – для всех эмоций, которые великие писатели (возьмем Шекспира, Бальзака, или, например, Достоевского) так ярко описывали в своих пьесах и романах. Фрейд хотел сделать все эти эмоции предметом научного поиска и создал науку иррационального. Он хотел использовать рациональные, а не художественные средства, чтобы постичь иррациональное. Но тем не менее можно понять, что художники, в частности сюрреалистической школы, были гораздо более восприимчивы к теории Фрейда, чем психологи и психиатры, которые были готовы отбросить все такие идеи как полную чепуху. Подход Фрейда был идентичен подходу художника: что такое человеческие эмоции и как мы можем их понять? Все, что хотели знать психиатры, было – как вылечить людей от симптомов, которые вызывают у них или боль или мешают им приспособиться к обществу и добиться собственного успеха в жизни.

Важно обратить внимание, что цель Фрейда не ограничивалась научным исследованием мотивов (т. е. эмоций), лежащих за человеческим поведением. В отличие от сторонников главных школ современной психологии Фрейд разделял моральную цель предсовременной психологии. Он хотел, чтобы люди поняли самих себя, узнали свое бессознательное и смогли достичь независимости. Его целью было господство разума, разрушение иллюзий. Он хотел увидеть, как люди становятся свободными и зрелыми. Его моральные цели были такими же, что и в Просвещении, или у рационалистов. Но эти цели шли дальше тех, которые другими психологами ставились как свои собственные или понимались как цели своей области. Единственной целью, которую те психологи ставили для себя, было помочь людям действовать лучше. Человеческая модель, которую Фрейд рассматривал своей целью, во многих отношениях совпадала с той целью, которую защищали великие философы Просвещения.

Однако теория Фрейда и способ ее выражения были сильно подвержены влиянию духа своего времени – в его работе четко прослеживается влияние дарвинизма, материализма и инстинктивизма. Как следствие, язык его теории таков, что делает его похожим на инстинктивиста, в результате чего возникают огромные недопонимания. Сейчас я хотел бы выделить для вас то, что, по моему мнению, является сущностью фрейдовских открытий. Поступая так, я буду представлять свою собственную точку зрения, которую большинство психоаналитиков не разделяет,

Первое центральное понятие, которое я хочу упомянуть, это – понятие бессознательного или угнетения (repression). В наше время это понятие обычно забывается. Когда люди думают о психоанализе, то первое, что приходит на ум, это эго, суперэго и ид (Я, Сверх-Я и Оно), Эдипов комплекс и теория либидо, хотя ничего из этого сам Фрейд не включал в свое основное определение психоанализа.

Давайте начнем с угнетения. Мы часто действуем под влиянием мотивов, которые абсолютно не осознаем. На маленьком примере я покажу, что здесь имею в виду. Не так давно мне нанес визит мой коллега, который, насколько мне известно, меня недолюбливает. Действительно, я был крайне удивлен, что он вообще захотел меня увидеть. Он позвонил, я открыл дверь, он протянул свою руку и радостно сказал: «До свидания». Перевод: В его подсознании уже было заложено желание уйти. Не имея жгучего желания меня посетить, он обнаружил это, сказав «до свидания» вместо «здравствуйте». Что нам оставалось делать? Да ничего. Будучи сам психоаналитиком, он осознал, что допустил промах. Он не мог извиниться, сказав: «Это вовсе не то, что я хотел сказать». Это было бы безнадежно наивно, так как мы оба знали, что то, что срывается у психоаналитика с кончика языка, объясняет, что именно он подразумевает. Возникло замешательство, и мы оба промолчали. Это только один пример из тех, что происходят сотнями, и на многих из них Фрейд построил основу своей теории.

Возьмем другой пример: садиста-отца, который избивает своего сына. Я думаю, что сегодня это встречается реже, чем 50 лет тому назад, но давайте его все же рассмотрим. Садист-отец – человек, который получает удовольствие от причинения другим боли или от осуществления строгого контроля над ними. Если вы спросите его, почему он делает именно это (обычно вам не приходится беспокоиться по поводу того, как задать вопрос, потому что такие люди весьма охотно предоставляют такую информацию), он скажет: «Я вынужден поступать так, поскольку иначе мой сын станет никчемным человеком. Я делаю это из любви к нему». Вы в это поверите? Может быть, и опять-таки может быть нет. Но только взгляните на его лицо. Обратите внимание на его выражение, когда он задает своему сыну трепку. Вы увидите сильные эмоции в его глазах. Вы увидите лицо человека, который полон ненависти и в то же самое время радости от того, что он в состоянии бить другого. Это же качество проявляется и у полицейских (не у всех, конечно), у нянек, у тюремных охранников и в ряде случаев частных взаимоотношений. Такие люди скрывают свои эмоции в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько эти эмоции затрагивают их личные интересы. Но давайте вернемся к нашему садисту-отцу. Если мы увидим его в действии, то поймем, что его мотив не тот, о котором он говорит. Его интересует вовсе не благополучие сына. Это – всего лишь «рационализация». Его подлинный мотив – садистский импульс, но он этого абсолютно не осознает.

Или возьмем пример гораздо большей исторической важности. Адольф Гитлер. В своем сознании Гитлер всегда допускал, что хочет только того, что является лучшим для Германии: ее величие, ее жизнеспособность, позиция силы Германии в мире и, может быть, что-то еще. Насколько мы можем судить, Гитлер, издавая самые жестокие приказы, никогда четко не осознавал, что действует из чувства жестокости. Он всегда считал, что действует из желания помочь Германии. Он действовал так, как если бы провозглашал законы истории, действовал от имени судьбы, от имени расы, от имени Провидения. Он не осознавал, что был человеком, получающим удовольствие от разрушения. Он не переносил вида мертвых солдат или разрушенных зданий. Вот почему он никогда не посещал фронта во время второй мировой войны. Объяснением служит не одно лишь его личное малодушие, а скорее нежелание воочию увидеть последствия своей страсти к разрушению. Мы наблюдаем подобное явление и у людей, страдающих навязчивой идеей умываться. Их сознательное желание – постоянно быть чистыми. Но когда мы начинаем анализировать таких индивидов, мы обнаруживаем, что подсознательно они ощущают кровь или грязь на своих руках, они хотят освободиться от того, что носят в своем подсознании: преступление (возможно, только потенциальное) или преступные наклонности, которые они вынуждены постоянно смывать. У самого Гитлера тоже было нечто в этом роде. Хотя у него и не было навязчивой идеи умываться, многие очевидцы замечали, что он был излишне привередлив в отношении чистоты.

Я хотел бы провести параллель между этим примером и случаем отца-садиста. Гитлер не хотел признавать реальность своих деструктивных импульсов. Вместо этого он подавлял их и признавал только свои хорошие намерения. Конечно же это было возможно только до определенного момента. Когда он в конце концов осознал, что Германия, или, точнее, что он сам, проиграла войну, тогда угнетение его деструктивных наклонностей исчезло. Внезапно он захотел уничтожить всю Германию, весь немецкий народ. Он сказал сам себе: «Поскольку эта нация оказалась не в состоянии выиграть войну, она не заслуживает выживания». Таким образом, в конце концов в этом человеке полностью обнаружилась страсть к разрушению в чистом виде. Она всегда присутствовала, всегда была частью его характера, но она была подавлена и рационализирована до тех пор, пока в один прекрасный день ее больше не удалось сохранить в тайне. И даже тогда он все же был вынужден сфабриковать другую рационализацию: «Немцы должны будут умереть, потому что они не заслуживают того, чтобы жить».

Примеры, подобные этим – драматические и недраматические, можно найти каждый день и повсюду. Люди продолжают не осознавать свои подлинные мотивы, потому что из-за ряда причин они не могут вынести то знание о самих себе, которое идет вразрез или их собственному сознанию или общественному мнению. Если бы они осознали свои собственные мотивы, они бы оказались в очень неудобной ситуации. Поэтому они предпочитают оставаться неосознающими и не вступать в конфликт с тем, что они считают «лучшей частью самих себя» или с тем, что думают наиболее «уважаемые люди».

Теперь мы подходим к очень интересному следствию угнетения и ко второму

ключевому фрейдовскому понятию. Если мы позволим людям осознать подлинные мотивы их поведения, то они отреагируют тем, что Фрейд называл сопротивлением (resistance). Они отвергнут эту информацию. Даже информацию, предложенную им ради их собственного блага и из лучших побуждений, будут с силой отвергать. Они откажутся самостоятельно увидеть эту реальность. Они не отреагируют на эту информацию так, как реагирует шофер на замечания типа «ваша дверь плохо закрыта» или «ваши передние фары не зажжены». Шофер благодарен за такую информацию. Но люди, которых мы заставили осознать их угнетенные инстинкты, реагируют не так. Их реакция – сопротивление. Во всех только что мною упомянутых случаях угнетения мы ожидаем, что рассматриваемые индивиды смирятся с сопротивлением, если мы объясним им, что на самом деле внутри них происходит, если мы им покажем, что их внутренняя реальность противопоставлена созданному ими же самими вымыслу.

Как люди демонстрируют сопротивленческое поведение? Типичная реакция – злость, ярость, агрессия. Когда люди слышат то, что они не хотят слышать, они становятся сердитыми. Они хотят «избавиться от свидетеля своих преступлений». Убить его они не могут – это чересчур рискованно – так что они избавляются от него чисто символически. Они могут выйти из себя и сказать: «Ты говоришь это из ревности или по какой-то другой причине. Ты меня ненавидишь и получаешь удовольствие, говоря мне гадости». И так далее. Иногда они настолько сердятся, что становятся просто опасны. Причем степень, в которой они проявят свою ярость, зависит от обстоятельств. Если выказывать ярость – не политика (как в случае с подчиненным и его начальником), то индивид, вероятно, предпочтет ничего не говорить и подождет, пока, придя домой, не изольет свою ярость на жену. Но когда таких ограничений нет, например, когда обиженный индивид сам является боссом, тогда он ответит на критику подчиненного (мы здесь всегда говорим о критицизме, который справедлив и попадает в цель) настолько резко, насколько он пожелает. Босс поставит его на место, подчеркнув, что тот – подчиненный, или просто его уволит, причем уволит, не осознавая полученной раны – не может же такая мелкая сошка причинить шефу вред! А рационально он объясняет его увольнение тем, что этот ничтожный человек – злобный клеветник.

Другой, более простой метод сопротивления, который может использовать персона, это – игнорировать то, что она не хочет слышать. Нежелательная информация зачастую или неправильно понимается или полностью игнорируется, в частности, если она поступает в виде короткого замечания, которое может быть не замечено, или если доставляющий ее собеседник не настаивает на том, чтобы быть услышанным. Пропускать мимо ушей удается не всегда, но это все еще остается самой простой и наиболее распространенной формой сопротивления.

Еще одна форма реакции – истощение или депрессия. Это путь, которым следуют многие женатые пары. Когда один из партнеров говорит нечто, что вскрывает подлинные мотивы поведения другого, обвиненный партнер впадает в уныние и замыкается в себе, хотя косвенно или явно может ответить оскорблением на оскорбление: «Вот видишь, до чего ты меня довел! Теперь из-за твоих замечаний у меня депрессия». Причем не имеет значения, справедливо замечание или нет. Но кто бы из партнеров ни сделал замечания, он вновь столкнется с вырывающимися наружу бессознательными мотивами партнера, то есть он знает, что он дорого заплатит, если так поступит.

Следующая форма, которую может принимать сопротивление, – это избежание. Оно часто встречается в браке, когда мы чувствуем, что наш партнер обнаруживает что-то такое, что мы хотели бы скрыть. Мы даже можем не осознавать, что продолжаем играть в прятки, но затем мы начинаем ощущать, что нас уже раскусили. Мы не можем с этим смириться, не хотим усиливать позиции партнера, потому что менять мы ничего не желаем. Мы хотим остаться такими же, поэтому единственное решение – избежание. То же самое часто бывает и в психоанализе. Пациенты часто отвергают лечение, если психоаналитик говорит что-то такое, чего они не желают слышать. После этого пациент вероятнее всего скажет: «Я прекращаю лечение, потому что психоаналитик сам ненормальный. Он говорил обо мне такие вещи, из которых видно, что он сам псих. Как нормальный человек может такое сказать?» Каждому станет ясно, что аналитик был совершенно прав, но человек, на которого непосредственно повлияли и который боится сделать какие-нибудь изменения в себе самом, может ответить принуждением (а все виды сопротивления, которые мы здесь обсуждали, являются видами принуждения): «Убирайся с глаз моих долой! Я не хочу больше никогда этого слышать!».

Картина полностью меняется, когда человек готов к изменению. Когда он готов понять самого себя, когда готов узнать чистую правду о себе, чтобы начать меняться, тогда он будет склонен отреагировать без ярости или избежания. Он будет благодарен, если кто-нибудь скажет ему то, что ему нужно знать ради его же личностного роста. Он будет вам так же благодарен, как терапевту, который ставит ему диагноз. Но большинство людей не стремятся к изменениям. Все, в чем они хотят убедиться, это то, что это не они, а кто-то другой должен измениться.

Без преувеличения можно сказать, что большинство людей вкладывают большую часть своей энергии в угнетение, а затем в сопротивление, если то, что вытеснено в подсознание, требует внимания. Это, конечно, колоссальная трата энергии, и это мешает многим людям плодотворно использовать их способности.

Теперь мы подошли к третьему из фрейдовских понятий, переносу (transference). В своем узком определении переноса Фрейд подразумевал тенденцию пациента воспринимать аналитика как персонаж из своего раннего детства, как своего отца или мать. Реакция пациента на аналитика, следовательно, не относится к человеку, который сидит напротив или рядом с ним. Пациент видит аналитика в качестве кого-то еще (отца, матери или, может быть, дедушки) и приписывает аналитику роль, которую этот самый персонаж играл в его детстве. Позвольте мне привести пример, который живо проиллюстрирует эту точку зрения. Аналитик однажды рассказал мне об одной женщине-пациентке, которая ходила к нему в течение трех недель. В тот момент, как она однажды уже собиралась покинуть его офис, она пристально посмотрела на него и сказала: «Как? У вас нет бороды?» Аналитик никогда не носил бороды. В течение трех недель она думала, что у него есть борода, потому что у ее отца она была. Сам аналитик не имел для нее никакого значения. Даже визуально она не воспринимала его как реальное живое существо. В той мере, в какой это его касалось, он был ее отцом и, следовательно, носил бороду.

Но понятие переноса имеет гораздо большее значение в своем применении в психоаналитической терапии. Перенос, вероятно, одна из самых общих причин человеческих ошибок и конфликтов при оценке реальности. Это заставляет нас видеть мир через очки наших собственных желаний и страхов и, следовательно, заставляет нас путать иллюзию с реальностью. Мы видим людей не такими, какие они есть в действительности, а такими, какими мы хотим, чтобы они были, или боимся, что они такие. Эти иллюзии о других людях заполняют место реальности. Мы не воспринимаем людей такими, какие они есть, а такими, какими они нам кажутся, и когда мы реагируем на них, мы реагируем не на реальных людей, которыми они являются на самом деле, а на продукты нашего воображения.

Теперь рассмотрим несколько примеров. Возьмем двух людей, которые влюбились друг в друга. Это случается менее часто, чем раньше, потому что в наши дни есть более простые средства для достижения тех же самых целей, но сейчас я не хочу затрагивать эту тему. Итак, давайте допустим, что эти двое людей действительно влюбились. Их полностью переполняют красота, достоинство, благородство и другие подобные качества партнера, они испытывают друг к другу сильное притяжение. Все это может привести к браку, но затем, шесть месяцев спустя, оба партнера обнаружат, что женаты не на том человеке, в которого влюбились. Этот человек обладает другими качествами, о которых они даже не подозревали. Оба они влюбились в фантомы, в объекты переноса. Они видели в другом только то, что хотели видеть: доброту, ум, честность или, возможно, качества, которыми обладали их матери или отцы. И они не заметили, что имели дело с иллюзией. Далее, что часто и происходит, оба влюбленных партнера воспылали ненавистью друг к другу, потому что они почувствовали, что партнер их разочаровал. Но в действительности они обманули самих себя; они видели не реальность, а лишь иллюзию. Но так быть не должно. И, фактически, такого бы и не было, если бы люди научились понимать перенос.

Те же самые явления можно наблюдать и в области политики. Обратите внимание на тот энтузиазм, который миллионы и миллионы людей развивают в отношении политических лидеров (это происходило не только в Германии, но и в других странах). Иногда эти лидеры были плохими; иногда – хорошими. Здесь это не является ключевым вопросом, хотя вопрос этот, безусловно, важен. Более важным в нашей дискуссии является тот факт, что большинство людей (и «слава Богу», хотя эта тенденция также крайне опасна) сильно верят в то, что

кто-то придет и спасет мир, что кто-то спасет нас, кто-то скажет правду, поведет за собой и сделает всем добро. И когда этот кто-то придет (кто знает, как сыграть роль этого доброго гения), тогда люди перенесут на него свои ожидания и будут убеждены, что именно он является их спасителем, их избавителем, даже если на самом деле он – разрушитель, который приведет к катастрофе и их, и страну. Даже лидеры меньшего масштаба часто эксплуатируют людские ожидания. Многие политики преднамеренно и сознательно пользуются стремлением людей к переносу и достигают при помощи этого огромного успеха. Им удается произвести впечатление на избирателей благодаря хорошим телевизионным презентациям, потому что они говорят людям то, что те хотят услышать, потому что они целуют детей и усиливают иллюзию, что они несут добро. Во всяком случае, раз они любят детей, то они просто не могут быть плохими.

Ничего подобного не происходило бы, если бы люди лучше разбирались в переносе, если бы они потрудились обратить внимание на то, в какой цвет окрасятся их ожидания, когда они увидят вещи в истинном свете, когда они в конце концов попытаются стать немного критичнее. Иногда чуть заметные, кажущиеся незначительными действия людей являются более показательными, чем их громкие выступления или же то, как они себя подают. Если бы все мы научились видеть сквозь иллюзии, порождаемые переносом, то наши жизни, наши браки и наши политические судьбы могли бы быть существенно освобождены от великого проклятия; они могли бы быть освобождены от смешения реальных и фиктивных образов. Эти две вещи различить нелегко. Это требует изучения, ежедневной практики. И наша повседневная жизнь предлагает нам для этого обширное поле деятельности. К тому же телевидение, наряду со многими имеющимися недостатками, предоставляет нам одно огромное преимущество: оно беспощадно обнажает человеческий характер, потому что позволяет нам наблюдать человеческие лица, жесты и выражения с близкого расстояния. Мы можем узнать очень многое о политических лидерах, наблюдая их и слушая их речь по телевидению. Но если мы не будем развивать нашу способность наблюдать, многого мы не узнаем. Из всего здесь сказанного мы можем увидеть, насколько важным является понимание переноса с целью улучшения качества нашей личной и политической жизни.

Дальнейшее развитие психоанализа

Развитие и планы на будущее различных школ психоанализа могут быть изложены весьма коротко. Сам Зигмунд Фрейд был первым, кто стал развивать психоанализ дальше. В 20-е годы он начал пересматривать свою старую теорию, которая была основана на конфликте между сексуальными побуждениями и инстинктом самосохранения и развивать новую теорию, основанную на конфликте между двумя биологическими импульсами: эросом и стремлением к смерти. Один движет людей друг к другу, к любви, другой ведет их к разрушению. Я не могу здесь вдаваться в глубину значения этого развития, но фактически это равносильно фундаментальному перемещению, хотя Фрейд и видел это иначе. Мы могли бы даже назвать это началом новой школы в психоанализе во главе с самим Фрейдом в качестве ее основателя.

Вторым важным толчком в развитии психоанализа явились работы Карла Густава Юнга. Юнг (как и многие другие психоаналитики, чьи идеи отличались от фрейдовских) не приписывал сексуальности основную роль, данную ей Фрейдом. Юнг представлял психическую энергию как единое целое и, не ограничивая термин «либидо» одной лишь сексуальной энергией, идентифицировал его с психической энергией в целом. При помощи блестящего и глубокого изучения внутреннего мира человека он показал, что то, что психоанализ извлекает из подсознания своих пациентов, имеет свои параллели в мифологии и символах народов всего мира, причем в свои исследования Юнг включал не только народы, стоящие на первобытной стадии развития, но и культуры, имеющие коренные различия с нашей собственной.

Альфред Адлер придерживался другого подхода. Его интересовали не столько мифы и глубина психики, сколько, стратегия борьбы за существование. Он, следовательно, считал волю к власти ключевой концепцией для понимания человеческой мотивации. Тем не менее подобное толкование Адлера слишком упрощенно. Его работы чрезвычайно содержательны и сложны, и он внес большой вклад в наше понимание природы человека. К тому же он был первым психоаналитиком (и в этом опередил Фрейда), предоставившим человеческой агрессии центральное место в своей психологической системе.

Имеются еще две школы, заслуживающие нашего упоминания и имеющие друг с другом много общего. Первой является школа психиатрии, основанная американским психиатром швейцарского происхождения Адольфом Мейером; второй – работа Гарри Стека Салливэна, одного из самых выдающихся американских психоаналитиков. Английский психолог Рональд Д. Лэинг, следуя взглядам Салливэна на внутренний мир человека, пришел к наиболее радикальным и, по-моему, наиболее плодотворным выводам. Несмотря на все их различия, эти двое ученых сходятся в двух основных моментах. Во-первых, они оба отрицают, что сексуальность является главной движущей силой человеческого поведения. Во-вторых, вместо межличностных отношений они фокусируются на том, что происходит между людьми, как они реагируют и влияют друг на друга, на характер поля, создающегося между людьми, когда они живут вместе. Достаточно интересно, что внимание этих психоаналитиков было сконцентрировано на шизофрении, которую они не считают болезнью в обычном смысле этого слова. Вместо этого они видят ее результатом жизненного опыта, межличностных отношений, имеющих явно тяжелые последствия, но по существу добавляющих не больше, чем любая другая психологическая проблема. Лэинг очень плодотворно применил эту теорию, поскольку оказался способен четче других увидеть отношение шизофрении как «индивидуальной» болезни к социальной ситуации не только внутри семьи, но и в обществе в целом.

Ряд других психоаналитиков также развивал подобный подход. Теории Фаирбанка, Гунтрипа и Балинта, равно как и моя собственная работа, принимают именно эту точку зрения в качестве исходной. Однако они работают над образованием межличностных отношений и фокусируют свой взгляд прежде всего не на шизофрении, а на общественных и этических силах.

Теперь, после того как мы вкратце показали развитие психоанализа и его самые значимые достижения, нам остается рассмотреть еще один важный вопрос. Каково будущее психоанализа? Я бы попытался ответить на этот вопрос, но сделать это непросто, поскольку мнения по этому предмету сильно расходятся. Мы можем очертить их изложением двух диаметрально противоположных позиций. Согласно первой, психоанализ бесполезен, вложения в него не принесут успеха. Другое экстремальное мнение – анализ является лечением и решением всех психических расстройств; если у кого-то это расстройство возникло, то все, что нужно делать, это растянуться на кушетке и посвятить три-четыре года анализу. До недавнего времени в Америке это была наиболее распространенная точка зрения, но в последнее время необходимость в других способах лечения сильно ее ослабила.

Утверждение, что психоанализ не имеет каких-либо целительных воздействий, по-моему, необоснованно. Оно не подтверждается моим собственным сорокалетним опытом работы аналитиком, а также опытом многих моих коллег. Мы должны также иметь в виду, что во многих случаях аналитики не настолько компетентны, как требуется (ни одна профессия от этого не застрахована), и что выбор пациентов не всегда удачен. Часто делаются попытки проанализировать пациентов, для которых эти методы не подходят. Правда анализ помог избавить многих людей от их симптомов, и на первое время это помогло многим достичь ясности насчет самих себя, помогло быть более честными самим с собой, стать в некотором роде свободней, жить ближе к реальности. Это само по себе крайне полезное достижение и вещь, которую часто сильно недооценивают.

С течением времени, конечно же, возникают определенные тенденции пристрастного отношения к анализу. Многие уверены, что лекарство – это единственное, что действительно может помочь. Если нечего проглотить – помощи не будет. Таблетки – панацея от всех бед. Другая превалирующая точка зрения – это то, что мы в состоянии все вылечить за одну ночь. Мы видим эту точку зрения представленной в книге Т. Гарриса «Все в порядке со мной, все в порядке с вами» («I'm Okay, You're Okay»). В целом книга поверхностная, предполагающая обязательное хотя бы малейшее представление о теории Фрейда. Если в нее верить, она может немного помочь, аналогично тому как помогает любое предположение, в которое люди верят. То, что предлагает эта книга в качестве быстрого способа лечения, очень просто, не требует умственных усилий и, самое худшее, не объясняет, что мы имеем дело с нашим собственным сопротивлением. Это именно тот ключевой момент, которого избегает терапия такого вида. Все должно делаться легко и просто. Это тенденция нашего времени. Люди думают, что мы в состоянии все «проглотить» так же легко, как и таблетку. И если изучение чего-либо требует усилий, то изучать это не стоит.

Есть простой пример для иллюстрации того, что я здесь подразумеваю. Молодой человек приходит в элегантный ресторан, просит принести меню, долго его изучает и говорит официанту: «Извините, но у вас нет ничего, что мне нравится». Затем он встает и уходит. Через две недели он возвращается, и официант его спрашивает очень вежливо, поскольку это ресторан очень высокого класса, почему он не нашел в прошлый раз ничего, что ему нравится. Молодой человек отвечает: «Что вы, все было в порядке, просто мой аналитик посоветовал мне попрактиковаться в умении быть претенциозным». При помощи этого мы можем научиться быть более уверенными в себе, выглядеть более уверенно, избавиться от страха перед официантами и т. д. Но мы не учимся определять, почему мы такие беззащитные. Мы продолжаем игнорировать сам факт (и здесь мы снова затрагиваем тему переноса), что мы рассматриваем каждого как авторитет, подобно образу отца. Даже если метод приносит быстрые результаты в ресторане и мы чувствуем себя более уверенно, мы все еще не добрались до коренных причин нашей беззащитности и за нашей новой маской мы по-прежнему остаемся такими же беззащитными, какими были раньше. В самом деле, наша ситуация стала даже хуже, чем была, поскольку мы более не осознаем нашей беззащитности. Почему же мы беззащитны? Не потому, что мы боимся авторитетов, а потому, что наша личность развилась еще не до конца, потому что нам не хватает силы самоубеждения, потому что мы остались маленькими детьми, надеющимися на помощь окружающих, потому что мы не повзрослели и полны сомнений по поводу нас самих и т. д. Методы поведенческой терапии в подобных случаях помочь не в силах. Они лишь «заметают пыль под коврик».

Но не вся критика психоанализа несправедлива. Я бы хотел упомянуть несколько возражений, которые считаю совершенно убедительными. Психоанализ часто вырождается в пустую болтовню. Ответственность за это частично несет идея Фрейда о свободной ассоциации. Побуждая пациента рассказать хоть о чем-нибудь, что с ним случилось, Фрейд допускал, что пациент расскажет то, что идет из глубины, то, что подлинно и действительно важно. Но во многих случаях анализа пациенты просто болтали языком и в сотый раз пренебрежительно отзывались о своих супругах или жаловались на то, что родители сделали для них нечто ужасное. Из этого ничего не следует. Они снова и снова топчутся на одном месте. Но рядом есть кто-то, кто слушает. Пациент чувствует, что сам факт того, что его слушают, каким-то образом ему помогает и что ситуация в конечном счете улучшится. Но одни лишь такие разговоры никогда еще никого и ничего не изменили. Это вовсе не то, что имел в виду Фрейд. Его метод включал обнаружение и борьбу с сопротивлением. Фрейд никогда не предполагал, что мы без серьезных усилий можем достичь чего-нибудь, более или менее разрешающего сложные психические проблемы. Что бы нам ни сулила реклама, без серьезных усилий мы не достигнем ни одной цели в нашей жизни. Каждый, кто боится затратить усилия, каждый, кому мешает разочарование, или даже боль, ничего не добьется, а в анализе — особенно. Анализ — тяжелая работа, и те аналитики, которые его приукрашивают, вредят своему собственному делу.

Другой ошибкой многих случаев анализа является выделение интеллектуализации за счет эмоций. Пациент бесконечно разглагольствует о значении того случая, когда его ударила бабушка или какого-либо другого инцидента. И если у него еще и сильна склонность к академическим занятиям, он может развить достаточно сложные теории, может сконструировать теории над теориями, но он ничего не почувствует. Он не чувствует того, что находится в нем самом, не чувствует своего страха. Он не чувствует своей неспособности любить, своего отчуждения от окружающих. Его сопротивление делает все это для него недоступным. Таким образом анализ может снизойти ко временам, когда предпочтение отдавалось человеку рассудочному (cerebral man), чисто рациональному человеческому созданию. Мы полагаем, что обо всем позаботится разум, а эмоции — только бесполезный балласт, который мы игнорируем при малейшей возможности.

В конце концов я бы хотел сказать, что есть слишком много людей, считающих, что они должны при малейших трудностях в жизни бежать к психоаналитику. Они даже не считают нужным попытаться справиться со своими проблемами самостоятельно. Люди должны обращаться к психоаналитику только, если они обнаруживают, что их собственных усилий недостаточно, чтобы самим понять и улучшить ситуацию.

Анализ остается лучшей терапией для большинства расстройств, вызванных излишним самокопанием или, другими словами, нарциссизмом, который, в свою

очередь, приводит к неспособности строить отношения с окружающими. Ни один другой метод не является настолько же эффективным и плодотворным для лечения впадания в иллюзии, задержки психического роста, симптомов, подобных навязчивому умыванию и любых других симптомов навязчивой или принудительной природы.

Психоанализ служит и другой функции, не менее важной, чем лечебная. Он может помочь в ускорении психического роста и самореализации. Мне очень жаль, что на данный (момент интересующиеся психическим ростом, скорее всего, составляют меньшинство. У большинства людей совершенно другая цель — как можно большим завладеть или потребить. Достигнув двадцати, они считают, что их личностный рост уже завершен, и с этого момента тратят всю свою энергию на то, чтобы как можно лучше использовать эту законченную «машину». Как им кажется, она сработает против них, если им придется меняться, поскольку, если человек меняется, он больше не удовлетворяет шаблону, которому должен удовлетворять по мнению его самого и окружающих. Если он меняется, то каким образом он может узнать, придерживается ли он тех же самых мнений, которые имел десять лет назад? И как подобное изменение повлияет на его способности к продвижению? Большинство людей не хотят расти или меняться, не хотят себя реализовывать. Они хотят оставаться при своем мнении, развивать его, наживать на нем капитал.

Разумеется, есть и исключения из этого правила. Есть обратные течения, в частности в Соединенных Штатах. Многие люди пришли к выводу, что даже если мы обладаем и максимально наслаждаемся чем-то, мы все еще можем быть неудовлетворены и несчастны, что жизнь может все еще быть бессмысленной, что мы можем оставаться подавленными и беспокойными. «В чем смысл жизни, — спрашиваем мы себя, — если наша единственная цель в ней — покупать с каждым разом все более дорогую машину?» Люди увидели, что их отцы и деды потратили жизнь на приобретение вещей, которые, как им казалось, они хотели иметь. В большей или меньшей степени ясно, что эти люди заново открыли древнюю мудрость: не хлебом единым жив человек; богатство и власть не гарантируют счастье, а вместо этого имеют тенденцию создавать беспокойство и напряженность. Эти люди преследуют другие цели. Они хотят в большей степени быть, чем иметь, хотят быть более рациональными, избавиться от иллюзий и изменить социальные условия, которые могут поддерживаться только при помощи иллюзии. Это стремление зачастую принимает крайне наивные формы, такие как увлечения религиями Востока, йогой, дзэн-буддизмом и т. д. Употребление мною слова «наивный» имеет отношение не к этим религиям, которые отнюдь не наивны, а к способу их толкования новыми приверженцами. Они взяты из рекламной кампании некоторых индийских факиров, которые называют себя святыми и знают, как при помощи собственных приемов развить человеческую чувствительность. Здесь, на мой взгляд, заключена важная миссия психоанализа. Он может помочь нам понять самих себя, осознать нашу собственную реальность, освободить нас от иллюзии, устранить также оковы нашего беспокойства и алчности. Он может сделать нас способными воспринимать мир не стереотипно. Как только мы сможем забыть себя в качестве первичной концентрации нашего интереса, как только мы приобретем опыт действующего, чувствующего, неотчужденного человека, тогда мир станет первичной концентрацией нашего интереса, нашей заботы, нашей созидательной энергии.

Мы можем попрактиковаться в этих положениях. И психоанализ поможет нам в этой практике, поскольку именно этот метод позволяет понять, кто мы есть на самом деле, понять, где мы стоим и куда движемся. Таким образом, полезно поработать с психоаналитиком, который понимает эти связи и не думает, что цель анализа — помочь людям приспособиться и утвердиться. Но этот вид анализа не должен продолжаться слишком долго; излишне экстенсивный анализ часто создает зависимости. Как только пациент уже достаточно научился самостоятельно пользоваться инструментами, он должен сам начать себя анализировать. И это пожизненное занятие мы продолжаем до нашего последнего дня. Лучше всего практиковаться в самоанализе с самого утра, совмещая его с дыхательными упражнениями и концентрацией, используемыми в буддистской медитации. Важно отступить от жизненной суеты, прийти в себя, перестать постоянно реагировать на раздражающие факторы, «опустошить» себя, чтобы активизировать свою активность.

На мой взгляд, каждый, кто применит это, испытает глубину своей способности чувствовать, испытает «исцеление», возвращение здоровья, причем не только в медицинском, а в глубоком, человеческом смысле. Но этот процесс требует терпения, которое редко встречается в большом избытке. Всем и каждому, кто

захочет сделать такую попытку, от всей души желаю удачи.

Во имя жизни. Портрет через разговор

Шульц: Мы предлагаем вашему вниманию не интервью, а разговор двух людей – разговор, если можно так выразиться, не подготовленный заранее, без какого-либо продуманного и целенаправленного набора обсуждаемых тем или предположений, разговор ради получения удовольствия быть услышанным.

Когда я задумываюсь о том, какова же моя роль в нашем совместном начинании, мне представляется, что я – некий читатель, вместе с полюбившимся ему писателем посещающий другого читателя, которому хочется узнать об этом писателе несколько больше, чем можно о нем узнать из его произведений. Я рассчитываю услышать ваши ответы на мои вопросы – но вопросы отнюдь не судебно-следственного, а лишь направляющего характера.

Все это звучит чуточку старомодно и по-салонному, хотя в данный момент мы и находимся в современной радиостудии. Обычно здесь «просто так» не разговаривают – здесь либо дискутируют на заданную тему, либо производят, как любой другой товар, некое увеселение, предназначенное для массового потребления. Выяснение истины отнюдь не входит в задачи радиовещания. Что до нас сегодня, то решение вопроса о правде и неправде как раз и является сутью нашего разговора.

Слово «разговор» («conversation») происходит от латинского корня («conversion») «превращение», и возможность превращения, «переворота» присуща всякому истинному разговору, так как превращение является той интеллектуальной игрой, в которой целью является не победа, а изменение, игрой, в которой нет первых и последних.

Но довольно вступлений. Профессор Фромм, скажите, существует ли такого рода разговор в нашей окружающей жизни? Кто, кроме нескольких эксцентричных особ, захочет оживить нечто ненужное, к чему в лучшем случае относятся как к пережитку прошлого? Все мы свидетели полного угасания эпистолярного жанра. Удастся ли нам спасти искусство ведения разговора? Боюсь, что нет, и это представляется мне – мягко говоря – весьма плачевным.

Фромм: Я пойду еще дальше. Мне это кажется не только плачевным, но и постыдным симптомом нашей культуры, симптомом, свидетельствующем уже даже не об упадке, а о смерти. Другими словами, мы все более и более отдаемся тому, что всегда подразумевает какой-либо позитивный результат. И что такое этот результат после того, как все сказано и сделано? Деньги, слава, карьера. Мы уже даже умозрительно не можем себе представить, что можно делать нечто безрезультатное. Мы давно позабыли, что такая «безрезультатность» и «бесцельность» не только возможна в принципе, но может составлять предмет сознательного желания и даже приносить удовольствие. Одно из самых больших удовольствий на свете состоит в том, чтобы найти применение своим силам и энергии не в достижении какой-то конкретной цели, а в некоторой деятельности как таковой. Например, в любви. Любовь не подразумевает под собой никакой цели, хотя некоторые (и очень многие) могут сказать, что любовь позволяет им удовлетворять сексуальные потребности, вступать в брак, рожать детей и вообще жить нормальной добропорядочной жизнью. Якобы это и есть цель любви. Именно поэтому настоящая любовь, в которой значением, смыслом и самоцелью является сама любовь, так редка в наши дни. Ключевым моментом такой любви всегда остается не потребление, но существование. Это одна из форм человеческого самовыражения, раскрытия всех возможных и невозможных способностей. Но в нашей культурной жизни, целиком ориентированной на внешние цели, каковыми являются успех, производство и потребление, растворяется даже легкий намек на такую любовь. Процесс зашел так глубоко, что сейчас можно вообще с трудом представить саму возможность существования такого сорта любви.

Разговор же превратился просто в род товара, а иногда еще в своего рода словесную битву. Если такая битва идет в присутствии большой аудитории, то возникает полное ощущение боя гладиаторов. Каждый стремится вцепиться другому в глотку. Или же словесные противники допускают некоторые «превращения» для того, чтобы продемонстрировать, какие они умные и выдающиеся. Или же они «превращаются», потому что хотят доказать самим себе, что они опять же правы. Разговор тем самым является просто способом

демонстрации истинности своих убеждений всеми возможными способами. Они вступают в разговор с установкой неприятия ничего нового. Каждый имеет свое мнение. Каждый заранее знает все аргументы противника. И каждый демонстрирует непоколебимость своей позиции.

Настоящий разговор – не поединок, но обмен. Вопрос о том, кто же из собеседников прав, просто не формулируется в своей канонической форме. Более того, совершенно несущественна порой даже исключительная обоснованность и фундаментальность самих аргументов. Главное – это подлинность самого предмета разговора. Позвольте мне проиллюстрировать сказанное на маленьком примере. Представьте себе, что два человека, двое моих коллег-психоаналитиков возвращаются вместе с работы домой, и один из них говорит другому, что он что-то устал. А другой коротко отвечает, что он тоже. Конечно, это выглядит как простой обмен банальными фразами, но это еще не все – за ничего вроде бы не значащими словами стоит то, что эти двое занимаются сходным делом, что они прекрасно представляют себе, какова на самом деле усталость другого, одним словом, они оказываются втянуты в подлинное человеческое общение. Этот короткий разговор (скорее, обмен репликами) гораздо более разговор, чем тот, в котором два интеллектуала бросаются громкими словами и брызжут слюной по поводу последней новомодной теории. Спорщики просто ведут два отдельных, ни в чем не пересекающихся и не задевающих другого монолога.

Искусство ведения разговора, удовольствие, получаемое от этого (разговор в смысле совместного бытия обычно принимает вербальные формы, но он может также принимать и форму движения в танце – существует много типов самовыражения), вновь воскреснут в нашем обществе только при условии коренного изменения нашей культуры в смысле избавления от мономаниакальной ориентации на результат.

Мы должны культивировать такое отношение к жизни, в котором самовыражение и полная реализация всех человеческих потенций признаются единственной реальной ценностью. Проще говоря, главное – быть, в противоположность иметь, потреблять и гнать вперед без оглядки.

Шульц: Теперь у нас появляется все больше свободного времени и, тем самым, возможности для разговора. Но чем более внешние обстоятельства способствуют этому, тем все менее нам этого хочется. Слишком многое мешает действительному желанию совместного бытия в разговоре, слишком много технических приспособлений вклинивается между собеседниками. Создается впечатление, что нечто мощное и всеобъемлющее предостерегает нас от того, что мы назвали здесь разговором.

Фромм: Я думаю, можно утверждать, что многие люди (возможно, даже большинство людей) просто боятся остаться наедине друг с другом, не имея какого-либо плана действий, подобного математическому алгоритму, не имея четкого предмета для дискуссии, не имея радиоприемника или телевизора. Они пугаются и теряются. Они не имеют ни малейшего представления о том, что сказать друг другу. Я не знаю, так ли это в Германии, но в Америке не принято приглашать в гости какого-то одного человека или даже одну супружескую пару. Гостей должно быть значительно больше, потому что если вас всего трое или четверо, вам грозят неловкие минуты молчания. В маленькой компании, чтобы никто не скучал, надо стараться изо всех сил, если, конечно, вы не решили проиграть все ваши старые пластинки. Если вас шестеро, то реального разговора, скорее всего, не возникнет, но, по крайней мере, вы сможете избежать болезненных пауз. Кто-нибудь всегда что-то да и скажет. Когда один уклонится от темы, другой вернет беседу в нужное русло. Это что-то типа двойного концерта – музыка никогда не кончается, но реального диалога не получается.

Я подозреваю, что масса людей считает удовольствие значимым, только если оно связано с какими-то вещными тратами. Индустриальная пропаганда приучила нас к мысли о том, что счастье исходит от вещей, которые мы можем приобрести. Лишь очень и очень немногие способны поверить в то, что можно прожить, и притом весьма счастливо, без всего этого товарного барахла. Раньше было не так. Мне сейчас семьдесят три. Пятнадцать лет назад люди, причем, люди даже с большим достатком, довольствовались весьма малым. Не было радио и телевидения, не было машин. Но зато был разговор. Конечно, если вы смотрите на разговор как на средство «развлечения», то разговор становится всего лишь пустой болтовней. Настоящий разговор не таков – он требует концентрации, сосредоточения, а вовсе не расточения всех внутренних

сил. Если человек не живет внутренней жизнью, его разговор никогда не будет живым. Многие люди стали бы более «живыми», если бы не боялись «вылезти из своей раковины», не боялись бы показать, кто они есть на самом деле, не боялись бы отказаться от догматических подпорок, которые якобы предостерегают их от никчемности, если бы они не боялись находиться наедине с самими собой и с другими.

Шульц: Мы с Вами говорим по радио. Прерогатива радио и телевидения — информировать и развлекать публику. Именно эту миссию призваны охранять законы, управляющие радио- и телевещанием. С другой стороны, как Вы уже отметили и в чем никто не может сомневаться, именно радио и телевидение сыграли свою немалую роль в отмирании искусства разговора.

Фромм: Этот вопрос сильно занимает меня, и я был бы Вам очень обязан, если бы Вы поделились со мной своими соображениями по этому вопросу. Считаете ли Вы, что радио и телевидение воздействуют на человека сходным образом и выполняют сходные функции, или они все же сильно разнятся между собой?

Шульц: Мне кажется, что воздействие радио и телевидения сильно отличаются друг от друга. На сегодняшний момент все научные исследования по этому вопросу пока не дали каких-либо ощутимых результатов, поэтому я могу ответить на Ваш вопрос исключительно с точки зрения моих собственных наблюдений, впечатлений и интуитивных соображений.

Я считаю, что ни радио, ни телевидение не способствуют диалогу. Они добиваются желаемого косвенным путем, но всегда подразумевают на одном полюсе вешающего, а на другом конце — внимающего. Нет места противоречиям и возражениям. Хотя мы и имеем полную иллюзию наличия разговора, на самом деле поворотом выключателя мы прекращаем всякий подлинный разговор, являющийся прерогативой человеческого бытия. Решающим моментом является выяснение того, стимулируют ли нас радио и телевидение, бросают ли они нам вызов и призывают к преображению, или эти изобретения человеческого гения принципиально враждебны условиям существования разговора. В этой связи вред со стороны радиовещания мне представляется менее радикальным, чем со стороны телевидения.

Телевидение, как никакое другое средство массовой информации, поощряет пассивность и комфортный потребительский менталитет. Это самая удачная выдумка человечества, направленная на то, чтобы помогать нам «проводить время». Но реальный разговор как раз требует времени. В мире, где время «проводится» и «убивается», никогда не «расцвести» разговору. Радио, сколь мне видится, не обладает столь притягательным эффектом. Оно больше, чем телевидение, держит нас в состоянии «боевой готовности» духа, больше будит воображение. Оно может при желании служить неисчерпаемым источником для поддержания истинного разговора. Оно не может предложить разговора самого по себе, но вполне может подготовить почву для разговора. Оно может сориентировать нас в направлении более фундаментального способа коммуникации, концентрируя наше внимание на том восхищении, что охватывает нас в реальном — лицом к лицу — разговоре.

Фромм: Все это полно для меня глубокого смысла. Мои дальнейшие суждения на эту тему базируются на моем собственном опыте радиослушателя и телезрителя, хотя в последнем качестве я выступаю достаточно редко. Кстати, сравнивая свои впечатления с впечатлениями моей жены, я обнаружил полную их идентичность. Мне хотелось бы услышать Ваше мнение на этот счет, а также узнать реакцию наших с Вами радиослушателей на радио- и телепередачи. Я обнаружил, что когда я слушаю радио, я все же остаюсь свободным человеком. Я включаю радио, когда меня что-то заинтересовывает, но я не превращаюсь в радионаркомана. С помощью радиотехнологии я могу стать как бы свидетелем некоего разговора, точно так же, как я могу стать свидетелем чьего-то разговора по телефону. Конечно же, радиоразговор не имеет той персональной окраски, что присуща телефонным переговорам, но в данном случае мне хочется подчеркнуть то несомненно положительное, что отличает этот тип коммуникации. Радио, как и телефон, не завораживает, и можно смело сказать, что я остаюсь вполне свободным — я волен слушать его или же нет. Реакция на телевизор абсолютно другая. Телевизор превращает меня в раба. С той самой минуты, как я щелкнул переключателем и увидел изображение на экране, у меня появляется не то чтобы полная порабощенность, но, во всяком случае, довольно сильное желание посмотреть передачу, даже если разумом я точно понимаю, что передача абсолютно бессмысленная. Я далек от утверждения полной несостоятельности телевизионных программ; все, что я хочу сказать, —

это то, что при наличии полного идиотизма происходящего на экране и того, что я вполне отдаю себе в этом отчет, я все же не могу побороть в себе желание досмотреть до конца.

Телевизор очаровывает сильнее радио. Причем это психологическое очарование не может быть привязано к содержанию какой-то отдельной программы. Я очень часто задавался вопросом о природе очарования, и я думаю, что истоки данного явления коренятся глубоко в недрах нашей натуры: простым нажатием кнопки мы впускаем к себе совершенно иной мир. Это пробуждает некие магические инстинкты.

С телевизором я становлюсь почти Богом. Я избавляюсь от своего привычного мира и взамен получаю новый. Я почти Бог-Творец. С этой точки зрения я вижу на экране свой мир. Все это напоминает мне одну историю, которая живо иллюстрирует мою точку зрения. Отец со своим шестилетним сыном едут на машине в ужасно дождливый день. Они прокололи шину и вынуждены были остановиться, чтобы сменить ее. Вкупе с погодой, все это оказало ужасно угнетающее впечатление на мальчика, и он сказал своему отцу: «Может, мы переключимся на другой канал?» Именно таким образом ребенку видится мир. Если он меня не устраивает, я переключусь на другой.

Моя жена недавно прочитала роман какого-то польского автора, и переданное ею содержание показалось мне необычайно поучительным. Роман повествует о сыне очень богатого и своеобразного человека. Мальчик рос в громадном пустынном особняке, не видя рядом ни одной живой души, при этом он не был научен ни читать, ни писать. Единственное, что ему было дано – это телевизор. Телевизор был включен дни и ночи напролет, и мальчик познакомился только с одной реальностью – реальностью телевизионного мира. Потом отец умирает, и сын вынужден покинуть свое уединение и выйти в открытый мир. И он никак не может понять, что он видит другую реальность, совершенно отличную от той, что он видел в телевизоре. Молодой человек все время молчит, он не знает, что говорить, потому что он вообще ничего об этом мире не знает. Все, что он может, это наблюдать, потому что для него мир не более чем телевизионное шоу. Но именно потому, что он все время молчит, а также благодаря тому, что молодой человек проникает в дом одного из самых влиятельных людей в Америке, все считают его необыкновенно значительной особой. Очень скоро его имя становится известным, и, в конце концов, он даже баллотируется в президенты, потому что он всегда молчит и вообще не имеет своего мнения ни по одному вопросу.

Эта история хорошо иллюстрирует мои мысли. Настоящая реальность и то, что мы видим на экране телевизора, становятся не отличимыми друг от друга, и мне видится, что опыт «создания» иной реальности простым путем нажатия некоей кнопки сопряжен на самом деле с глубинным атавистическим опытом, представляющимся нам ужасно соблазнительным. Вот почему телевидение не особо нуждается в «хороших» передачах. Оно апеллирует к неким природным свойствам человеческой натуры. Люди не могут оторваться от экрана так же, как не могут оторваться от созерцания пламени костра.

Шульц: – когда они могут оставаться только зрителями, не предпринимая никаких активных действий. Оборотной стороной иллюзии силы (еще бы, ведь в нашем распоряжении лишь одна кнопка) является тотальная пассивность. С радио все же остается возможность подхода к процессу слушания как к некоему отклику, как к подготовке некоторой активности, и это не следует путать с простым ожиданием просвещения.

Но теперь позвольте задать Вам другой вопрос, профессор. Вы сказали, что ничего не знаете о ситуации в Германии. Но телевидение коренным образом изменило нашу способность слушать. Телевидение отучило людей от привычки уделять внимание чему-то наполненному смыслом, мы не можем больше претендовать на то, что мы завладели вниманием наших слушателей. Я хочу Вас спросить, а не слишком ли быстро радио поддалось этой тенденции? Не слишком ли быстро оно поддалось на убеждения тех, кто доказывал невозможность завладевания чьим-то вниманием? Не должно ли было оно как-то противостоять этому давлению? Телевидение отвело радио более скромную роль, чем предназначалась для него изначально. Радио больше не является средством массовой информации, и, возможно, за это следует благодарить именно телевидение. Не должно ли радио поставить перед собой новые задачи, которые как раз и учтут те принципиальные различия радио и телевидения, которые мы только что с Вами обсудили?

Фромм: Не очень-то авторитетно могу Вам отвечать, так как я действительно недостаточно знаком с опытом Немецкого радио. Но я чувствую, что Вы попали в самую точку. Мне известно, что радио Южной Германии предлагает своим слушателям обширный курс программ, касающихся предметов, обычно преподающихся в университетах. Возможно, язык таких лекций редуцирован для широкого слушателя, но это даже к лучшему. (Было бы намного лучше, если бы университетские лекторы пользовались более простым языком, чтобы сделать свои лекции более доходчивыми.) Мне кажется, это достойная для радио задача, и благодаря такой постановке проблемы радио может сыграть значительную образовательную роль. Также важно то, что Вы говорили о концентрации. Просто потрясающе, насколько с малой концентрацией сил люди вокруг думают, живут и работают! Работа столь фрагментарна и обрывочна, что требует лишь механического и частичного сосредоточения. Очень редко встретишься с концентрацией, которая захватывает человека целиком. Рабочий на конвейерной линии, воспроизводящий снова и снова только один вид движения, нуждается только в определенном сорте концентрации, и такая концентрация в корне отличается от того собирания воедино всех человеческих сил, которое мы обнаруживаем в истинной концентрации. Истинно сосредоточенный индивид способен слушать без того, чтобы мысли его «разбегались»; он не будет пытаться делать пять дел одновременно, потому что при таком раскладе ни одно дело его не удовлетворит. Ну, и конечно, ничего не может быть доведено до конца без сосредоточенности. Все, что делается без концентрации, не имеет никакой ценности. Потеряв концентрацию, мы не сможем получить никакого удовлетворения от нашей деятельности. Эта истина справедлива в отношении каждого, а не только в отношении великих.

Шульц: Я Вас сейчас прерву, чтобы рассказать нашим слушателям немного о Вашей деятельности.

Эрих Фромм родился во Франкфурте 23 марта 1900 г. Он был единственным ребенком в семье. Воспитывали его в иудейских традициях, и скоро я задам ему несколько вопросов об этой стороне его воспитания. Ветхозаветные истории оказали на Фромма очень сильное влияние. Уже в раннем детстве мальчику больше всего импонировали картины Мира с большой буквы, Мира, в котором лев возлежал рядом с ягненком. В весьма юном возрасте он проявлял интерес к интернационализму и общественной жизни наций. Иррациональность зла и массовая истерия, приведшие к первой мировой войне, вызвали в нем глубокий протест.

Приблизительно в то же самое время в его личной жизни произошло некоторое событие, которое решительным образом повлияло на дальнейшее развитие Фромма. Прелестная молодая женщина, художница, друг семьи Фроммов, покончила с собой после смерти своего престарелого отца. Последним ее желанием было желание быть похороненной вместе с ним. Эта смерть поставила Фромма в тупик. Возможно ли было так любить своего отца, чтобы отказаться от радостей жизни, радостей, столь привычных для нее, и предпочесть им смерть? Именно эти вопросы и привели Фромма к психоанализу. Он занялся изучением мотивов, управляющих поведением людей.

Во время обучения в университете Фромм узнавал много нового, с трудом уживающегося с ветхозаветными притчами, которые он знал почти наизусть. Будда, Маркс, Бахофен, Фрейд — вот те имена, которые оказали на Фромма наибольшее интеллектуальное влияние в это время. Таких разных, таких, на первый взгляд антагонистов, он умудрился собрать под одной крышей. Но все это мы обсудим несколько позже, и сейчас я не буду вдаваться в подробности.

Фромм изучал психологию, философию и социологию в Гейдельберге и закончил университет в двадцать два года. Он продолжил обучение в Мюнхене и во Франкфурте, а позже — в Берлинском психоаналитическом институте. В 1930 г. он стал практикующим психоаналитиком.

Кроме основной работы в Берлине, он преподает во Франкфуртском психоаналитическом институте, а также становится членом Института социальных исследований Франкфуртского университета. После прихода к власти нацистов этот институт перенес свою работу в Колумбийский университет Нью-Йорка. Фромм приезжает в Соединенные Штаты в 1934 г. Он преподает в нескольких университетах, стоит во главе важнейших институтов по психоанализу и социальной психологии, но при этом не прекращает практической психоаналитической работы с пациентами. В 1949 г. он принимает предложение Национального университета в Мехико. В 1965 г. он уходит на пенсию, получив чин Почетного профессора. Все годы в Мехико посвящены столь

же разнообразной деятельности. В последние годы Фромм живет в Тессине, где, в основном, пишет, но немного все же преподает в Мехико и в Нью-Йорке.

Профессор Фромм известен как активный борец за мир – он основал SANE, ведущую американскую организацию, которая, борясь против применения ядерного оружия, была также лидером в борьбе против войны во Вьетнаме. В 1950 г. он вступает в партию социалистов, но вскоре покидает ее из-за недостаточной радикальности ее целей. Его работа по объединению психоаналитической теории и социального учения Маркса имеет необычайно важное значение и идет рука об руку с его социально-гуманистической ревизией теории Фрейда. Он анализировал интернациональный вклад ученых в дело социалистического гуманизма, и трудно назвать другого такого выдающегося психолога или психоаналитика, который уделял бы столько внимания политическим вопросам. Его книга «Революция надежды» – это политический памфлет в поддержку кандидата в президенты Соединенных Штатов Джозефа Маккарти. Солидарность с Маккарти имела своей причиной вовсе не философские и поэтические пристрастия последнего, а его способность возродить надежду в сердцах своих сограждан, что для Фромма имеет непревзойденную политическую ценность. Что особенно поражает – и это свойственно всем фигурам истинно академического толка – это способность Фромма думать, говорить, делать и жить абсолютно неортодоксально. Прозрения его неувядаемы, на них не оседает пыль веков. Он ненавидит догмы и ставит все новые и новые вопросы. На иврите дух и ветер представлены одним и тем же словом. Именно потому, что учение Фромма остается неиссякаемо незавершенным (в смысле догматичности. – Прим. пер.), от него нельзя отмахнуться ни его друзьям, ни врагам, ни его адептам, ни его оппонентам.

Шульц: Профессор Фромм, теперь, когда я коротко рассказал о Вашем творческом пути, может быть, Вы сами что-нибудь добавите? В одном из своих сочинений Вы говорите что-то об «интеллектуальной биографии». Какие впечатления и влияния Вашей юности, студенческих лет, помогли Вам сформировать Ваше мировоззрение?

Шульц: Наверное, следует упомянуть о важнейших. Конечно, то, что я был единственным ребенком своих слишком обеспокоенных родителей, не могло благотворно сказаться на моем развитии, и я, как мог, в своем самостоятельном развитии пытался преодолеть недостатки воспитания раннего детства.

Но что оказало на меня, безусловно, позитивное и решающее влияние, так это дух, царивший в нашей семье, – дух ортодоксального иудаизма, восходящий по обеим семейным линиям к рабби, знатокам и ценителям Талмуда. Я воспитывался в русле древней – добуржуазной, докапиталистической – традиции, более близкой средневековью, а не современности. И эта традиция имела для меня гораздо большую реальность, чем шумящий за окном XX век. Конечно, я ходил в обыкновенную немецкую школу, а потом и в гимназию. В университетские годы я был глубоко захвачен идеями немецкой культуры, но к обсуждению этого вопроса я вернусь позже.

Мое мироощущение никак нельзя было назвать мироощущением современного человека. Такое отношение к действительности усиливалось изучением Талмуда, чтением Библии и подогревалось бесконечными историями о моих прародителях, живших, так же как и я, в мире добуржуазных ценностей. Сейчас я Вам расскажу одну из них. Один из моих прадедушек был большой талмудист, хотя он и не был рабби. Он жил в Баварии и содержал там маленький магазинчик, позволявший ему едва сводить концы с концами. Однажды ему предложили подзаработать немного денег, но для этого надо было на несколько дней покинуть дом и уехать. У прадедушки была целая куча детей, и это отнюдь не облегчало его жребий. Жена сказала ему: «Может, ты все-таки возьмешься за эту работу? Ведь тебя не будет только три дня в месяц, а мы сможем заиметь побольше денег». На что прадед ответил: «Неужели ты думаешь, что я соглашусь и потеряю целых три дня занятий в месяц?» Жена ответила: «Ну конечно же, нет!» Тем и окончилась эта история, и мой прадед продолжал сидеть в своем магазине и изучать Талмуд. При виде случайного покупателя, забредшего в магазин, он с готовностью предлагал ему заглянуть в следующий. Вот этот-то мир и являл мне истинную реальность. Современный же мир казался мне очень странным.

Шульц: И как долго?

Фромм: И по сей день. Я припоминаю, что когда мне было лет десять или

одиннадцать, я всегда несколько терялся при виде продавца или бизнесмена. Про себя я думал: «Господи, как должно быть ужасно сознавать, что в твоей жизни нет ничего, кроме зарабатывания денег! Подумать только, ничего не делать, кроме этого!» Постепенно я понял, что это считается вполне нормальным, но мне это до сих пор кажется удивительным. Я оставался чужеродным элементом окружающей буржуазной культуры, и это объясняет, почему я столь критично настроился по отношению к капиталистическому обществу в принципе. Общество потребления с его запросами отнюдь не соответствовало моим представлениям о жизни. Я стал социалистом, и это не потребовало с моей стороны никаких интеллектуальных усилий, так как я всегда находил нормальным мое ощущение чужеродности.

Шульц: Но Вы все же пытались противостоять этому основополагающему чувству, так как никак нельзя утверждать, что в Ваших идеях и в Вашей жизни нет места современному миру. Напротив, он всегда явственно присутствует, со своими опасностями и со своими надеждами.

Фромм: Я могу ответить Вам вполне просто. Меня всегда притягивало в современном мире то, что свидетельствовало о добуржуазном прошлом. Спиноза, Маркс, Бахофен – с ними я чувствовал себя как дома. В них я находил синтез между живущим во мне прошлым и тем, что привлекало меня в современности. Меня стало интересовать в современном мире то, что уходило корнями в глубокую древность, и поэтому в этом смысле я не вижу противоречия между двумя мирами, и именно поэтому я, как примерный студент, стал искать то, что так или иначе связывало эти миры.

Шульц: Это случилось в университете или раньше? Когда эти два мира пересеклись в Вашем сознании?

Фромм: Как Вы уже упоминали, первая мировая война стала краеугольным камнем в моем развитии. Мне было 14 лет, когда она разразилась. Как и большинство мальчиков моего класса, я был еще ребенком и не понимал в полной мере, что такое война. Но уже через весьма небольшое время я начал видеть насквозь все предлагаемые оправдания войны, и именно тогда же начал биться над вопросом, который меня преследовал всю оставшуюся жизнь. Или, вернее, я преследовал его. Как это возможно? Как возможно, чтобы миллионы людей могли убивать миллионы себе подобных, позволять убивать себя и пребывать в этой нечеловеческой ситуации целых четыре года? И ведь все это служило явно нерациональным целям и происходило по политическим соображениям, ради которых никто не пожертвовал бы своей жизнью, если бы только знал их. Как война возможна политически и психологически? Этот животрепещущий вопрос повлиял и до сих пор влияет на мое мировоззрение больше, чем все остальные. Видимо, именно мое добуржуазное воспитание и первая мировая война были теми двумя факторами, которые в основном сформировали меня как философа.

Шульц: Какие книги повлияли на Вашу ориентацию? Я не имею в виду те книги, которые прямо относятся к Вашим профессиональным занятиям, а книги, которые конструировали Вас как личность?

Фромм: Я сам себе неоднократно задавал этот вопрос. Конечно, существует несколько книг, сформировавших, или, если угодно, «вдохновивших» меня. И если я могу здесь сделать отступление, то я хотел бы сказать, что у каждого из нас есть некие книги, которые задают тонус всей нашей жизни. У большинства из того, что мы читаем, нет над нами никакой власти. Книга либо попадает в область наших профессиональных интересов, либо не имеет для нас значения. Но каждый должен спросить себя: существует ли одна, две или три книги, которые находятся в абсолютном центре нашего внутреннего развития.

Шульц: Извините, что перебиваю Вас, но существует высказывание Флобера, которое, мне кажется, очень созвучно Вашим словам: «Я читаю не затем, чтобы знать, а затем, чтобы жить».

Фромм: Точно! Это отличная цитата. Я не слышал ее раньше, но она отлично выражает то, что я хочу сказать. С этой точки зрения, существует не так уж много книг, которые в действительности оказывают на нас влияние. Конечно, любая хотя бы наполовину приличная книга влияет на нас. Нет такой книги, которая оставила бы нас абсолютно безразличными, точно так же, как и любой серьезный разговор или встреча с другим человеком. Если два человека серьезно разговаривают, они оба испытывают что-то, или, как я предпочитаю говорить, они оба «испытывают» изменения. Изменения часто бывают столь минутными, что мы не можем их зафиксировать. Но эта тема уводит нас назад к

вопросу, который мы уже затрагивали. Если двое людей разговаривают друг с другом и оба остаются такими же, какими они были до разговора, то на самом деле эти двое не разговаривали вообще. Они были просто вовлечены в обмен словами.

То же самое относится и к книгам. Было три, четыре, пять книг в моей жизни, которые сделали меня тем, чем я являюсь сейчас. Не могу даже представить, чем бы я стал без них. Первыми среди них являются книги пророков. Заметьте, я не говорю Ветхий Завет. Когда я был молодым, я не испытывал такого отвращения к военным докладам о завоевании Ханаана, какое испытываю сейчас. Но даже тогда они мне не нравились, и я сомневаюсь, что прочел их больше, чем один или два раза. Но книги пророков и псалмы, особенно книги пророков, были и остаются для меня неисчерпаемым источником энергии.

Шульц: Не хотели бы Вы когда-нибудь опубликовать их со своими комментариями?

Фромм: Я уже опубликовал книгу такого рода. Это «You Will Be As God» («Будете как Боги»), интерпретация еврейской традиции. Я постарался в ней интерпретировать псалмы, провести различие между теми из них, в которых отражается внутреннее движение, смена печали радостью, и теми, в которых статически сохраняется только одно настроение. Их в определенном смысле, хотя и не всегда, можно назвать фарисейскими. По крайней мере, в них нет ни внутреннего конфликта, ни внутреннего движения. Существуют псалмы, которые могут быть поняты только тогда, когда мы замечаем, что оратор начинает говорить в состоянии отчаяния. Потом он преодолевает свое отчаяние, но оно возвращается. И он преодолевает его снова и снова. И только когда он полностью погружается в пучину самого сильного отчаяния, происходит внезапное чудесное изменение, изменение, связанное с ликующим, религиозным настроением надежды. Псалом 22 (21), который начинается словами: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?», является хорошим тому примером.

Я должен упомянуть здесь, что люди часто недоумевают, почему Христос произнес эти слова отчаяния перед смертью. Этот вопрос занимал меня даже в детстве. Слова Христа так не вяжутся с его добровольной смертью и с Его верой. Но на самом деле противоречий не существует, и я детально показал это в своей книге. Псалмы по-разному цитируются в еврейской и в христианской традициях. Христианская традиция просто ссылается на номер псалма, а еврейская – вызывает в памяти весь псалом, цитируя первую его фразу или первые слова. Как известно, в Библии сказано, что Иисус прочитал весь Псалом 22 (21). И если вы прочтете этот псалом, то увидите, что он начинается с отчаяния, а заканчивается гимном надежде. Возможно, он больше, чем любой другой псалом, выражает вселенское, мессианское настроение раннего христианства. И если мы не прочтем весь псалом, то мы проглядим это и будем думать, что Иисус произнес только первые слова. Возглас Христа был даже изменен позднее в Евангелии, потому что он часто вызывал непонимание. Да, но мы увлеклись. Хотя хорошо, что мы не связаны программой или расписанием.

Итак, книги пророков – одно из основных влияний в моей жизни, и когда я читаю их сегодня, они так же свежи и живы для меня, как и пятьдесят лет тому назад, может быть, даже более свежи и более живы.

Вторым автором, который оказал на меня влияние, был Карл Маркс. Меня привлекала, в первую очередь, его философия и его видение социализма, которое выражалось в светской форме, его идея человеческой самореализации и тотальной гуманизации, его идея человека, чьей целью является энергичное самовыражение, а не приобретение и аккумуляция мертвых, материальных вещей. Эта тема впервые возникла в философских трудах Маркса около 1844 г. Если вы читаете эти работы, не зная их автора, или если вы просто плохо знакомы с Марксом, вы едва ли его узнаете. Не то, чтобы эти тексты нетипичны для Маркса, но для нас трудно установить его авторство, потому что, с одной стороны, сталинисты, а с другой – социалисты так фальсифицировали наш образ Маркса, что как будто бы все, что его занимало, сводилось лишь к экономической жизни общества. А фактически он рассматривал экономические изменения лишь как одну из сторон развития человеческого общества. Что действительно имело значение для Маркса, так это освобождение человека в гуманистическом смысле этого слова. Философии Гете и Маркса обнаруживают удивительное сходство. Маркс прочно уходит корнями в гуманистическую и, я полагаю, пророческую традицию. Если вы читали одного из самых весомых и радикальных мыслителей – Майстера Экхарта, вы, без сомнения, будете

удивлены его сходством с Марксом.

Шульц: Это правда, что нам приходится защищать Маркса — и многих его коллег из различных школ — от его собственных адептов. Но кто же защитит их? Этот же вопрос может быть задан в отношении Брехта, Фрейда, Эрнста Блоха и любого из величайших умов, чьи имена люди используют сегодня для достижения своих собственных целей. Были ли в наших университетах или где-нибудь еще попытки оградить авторов, подобных Марксу, от окостенения и односторонней интерпретации?

Фромм: Существует весьма мало тех знатоков Маркса, которые бы не рассматривали бы его с «правой» или с «левой» позиции. С одной стороны, они используют его для поддержки своих собственных взглядов, а с другой — для объяснения практики и политики, которые часто диаметрально противоположны тому, о чем, собственно, писал сам Маркс. Когда русские государственные капиталисты или западные капиталисты либерального толка — здесь я подразумеваю большинство сторонников социально-демократических идеологий — когда такие люди обращаются к Марксу как к авторитету, они фальсифицируют Маркса. Немногие действительно понимают Маркса. Я даже могу самонадеянно заявить, что к этому числу немногих принадлежу я и еще несколько людей. Я не хочу делать огульных суждений, но чувствую, что большинство специалистов по Марксу проглядели тот факт, что его философия является по сути религиозной, но не в смысле постулирования веры в Бога. Буддизм также не «религиозен» с этой точки зрения. Буддизм не признает Бога, но является религиозным в своей основе. Мы должны переступить через наш нарциссизм, наш эгоизм, нашу внутреннюю изоляцию и открыть себя для жизни, и мы должны, как писал Майстер Экхарт, сначала опустошить себя, чтобы потом вновь наполнить и стать всем. Именно эта вера, выраженная другими словами, — суть философии Маркса. Я часто читал разным людям маленькие кусочки из «Экономическо-философских рукописей» Маркса. Я вспоминаю встречу с доктором Судзуки, одним из выдающихся ученых в области дзэн-буддизма. Я прочитал несколько отрывков, не говоря ему, кто их написал, и затем спросил его: «Это дзэн?» «Да, конечно, — сказал он. — Это дзэн». В другой раз я прочитал похожие отрывки группе очень грамотных теологов, и их догадки простирались от классических авторов, таких, как Фома Аквинский, до самых современных теологов. Но никто из них не заподозрил в авторе Маркса. Они просто его не знали.

Но некоторые последователи Маркса, такие, как Эрнст Блох и антимарксистские католические ученые, как Жан Ив Кальве, четко видят эту сторону учения Маркса. Число тех, кто понимает Маркса, не так уж мало, но их влияние, по сравнению с основными его интерпретаторами, остается относительно небольшим.

Еще одним ключевым автором для меня стал Иоганн Якоб Бахофен, автор, к сожалению, не очень широко сейчас известный. Бахофен был первым мыслителем, который описал матриархат. Он создал свои основные труды около ПО лет назад, но их первый, абсолютно неполный, перевод на английский язык появился только пять лет назад. Бахофен открыл, что до патриархального существовал матриархальный мир. Он показал, какая между ними разница. Если кратко, то матриархат строится на принципе неограниченной человеческой любви. Мать любит своих детей не за их заслуги, а потому что они — ее дети. Если бы мать любила свое дитя только тогда, когда оно улыбается или хорошо себя ведет, то многие дети умерли бы с голода. А отец любит своих детей, потому что они его слушаются, потому что они похожи на него. Я не имею в виду каждую мать или каждого отца, а говорю лишь о классических типах и категориях, служащих примером отцовской и материнской любви на протяжении человеческой истории. В действительности «чистых» классических типов не существует, и в обществе мы найдем немало «материнских» отцов и «отцовских» матерей. Разница заключается в социальном укладе, патриархальном или матриархальном. Конфликт между ними лучше всего отражен в «Антигоне» Софокла. Антигона воплощает матриархальный принцип: «Я здесь не для того, чтоб ненавидеть, а для того, чтобы любить», в то время как Креонт воплощает патриархальный принцип и ставит государство выше всех человеческих ценностей (принцип, который сегодня мы назвали бы фашизмом).

Открытие Бахофена дало мне ключ не только в смысле понимания многого в нашем патриархальном обществе, в котором любовь не безусловна, но и к пониманию того, что я ставлю во главу угла индивидуального человеческого развития. Что означает наше стремление к матери? Что такое — наша с ней связь? Что это значит в действительности? Какова природа Эдипова комплекса?

Является ли это сексуальной связью? Я так не думаю. Мы имеем дело с более глубокими связями, стремлением к чему-то экстраординарному, божеству, которое снимает с нас груз ответственности, уменьшает риск жизни, излечивает нас от страха перед смертью и укрывает нас в раю. За эту защиту мы платим зависимостью от матери. Цена состоит в том, чтобы не полностью принадлежать самим себе. Вот все те главные проблемы, благодаря которым Бахофен был так важен для меня в 20-е годы.

Буддизм также оказал на меня решающее влияние. Он заставил меня осознать, что существует такая вещь, как религиозная позиция без Бога. Впервые я столкнулся с буддизмом около 1926 г., и это был один из самых важных моментов в моей жизни. Мой интерес к буддизму никогда не угасал, а позднейшее изучение дзэн-буддизма с доктором Судзуки только углубило мой интерес.

И, конечно, я еще не упомянул Зигмунда Фрейда. Я познакомился с идеями Фрейда в то же самое время, и они до сих пор остаются центральными в моем мировоззрении. Все, что я перечислил – пророческий иудаизм, Маркс, матриархат, буддизм и Фрейд, стало ключевым для меня и сформировало не только мышление, но полностью мое развитие. Я не умею абстрактно мыслить. Я могу размышлять только о тех вещах, которые касаются моего личного опыта. Если эта связь отсутствует, мой интерес угасает и я не могу себя мобилизовать.

Шульц: Несмотря на то, что Вы хорошо знаете Маркса, или я бы сказал, потому что Вы хорошо знаете Маркса, Вы не являетесь тем, что называется типичным марксистом, и у меня складывается ощущение, что у Вас такие же отношения с Фрейдом. Вы берете Фрейда – как мы сейчас любим говорить – за точку отсчета. Вы как будто с ним, а как будто – и нет. Вы идете дальше. Вы не таковы, как большинство фрейдистов, так как Вы слишком критичны.

Фромм: Я всегда был в меньшинстве. С Бахофеном я был в меньшинстве, потому что последователей Бахофена очень мало. Что касается Фрейда, то я обучался как истинный фрейдист в Берлинском институте, и сначала я полностью принял теорию Фрейда о сексуальности и т. д. Я всегда был хорошим студентом, который изначально допускает, что его учителя правы, до тех пор пока его собственный опыт не докажет ему обратное. Во всяком случае я изучил Фрейда очень тщательно. Безусловно, на нас оказывалось давление, чтобы мы приняли теорию Фрейда. Но прошло несколько лет, и я начал сомневаться. Я все больше и больше понимал, что не нахожу того, что предполагаю найти в моих пациентах, применяя к ним психоанализ. И я понял кое-что еще: фрейдовская теория не дает мне возможности достичь контакта с пациентом и его реальными проблемами. Я не хочу сейчас углубляться в теорию Фрейда. Это сложное занятие. Но как фрейдист я был научен все видеть с точки зрения Эдипова комплекса, страха кастрации, сексуальности в целом.

Я часто замечал, что эта теория не подходит для моих пациентов. Кроме того, меня неприятно поразил тот факт, что мне стало скучно. Я сидел и делал все так, как меня учили. Правда, я не заснул. (А один из моих учителей заснул и утверждал, что это отнюдь неплохая вещь. Он сказал, что, когда он заснул во время анализа, он видел сон, который дал ему больше, чем работа с пациентом.) Я понял, что устал и абсолютно измучен после шести, семи, восьми часов работы. И я спросил себя: «Почему ты так устаешь? Почему тебе так скучно»? И со временем я пришел к мысли, что моя скука проистекает из оторванности от жизни моих пациентов. Я имел дело с абстракциями, хотя эти абстракции и имели вид примитивного опыта из детства пациента.

Я переключил свое внимание на действительно основную проблему моей работы, на отношения одного человека с другим, и особенно на эмоции, которые идут не от инстинктов, а, скорее, от самого человеческого существования. И я начал понимать моих пациентов. И человек, которого я анализировал, тоже мог понять, о чем я говорю. Он чувствовал: «Ага, вот оно как». Я больше не чувствовал усталости, а мои сеансы стали очень живыми. Я часто думаю, что даже если мой анализ не принес пациенту никакого облегчения, то часы, которые он провел со мной, останутся в его памяти, так как на протяжении этих часов он жил. И если бы затем я обнаружил, что устаю, то, несмотря на это, я бы спросил у пациента: «Послушай, что здесь происходит? Я не чувствовал себя усталым, когда ты пришел, а сейчас я без сил. Это потому что ты что-то сказал? Или я сделал что-то, почему стало так отчаянно скучно?» Таким образом, я мог судить об успехе или провале сеанса. Это зависело от того, был ли он интересен или нет. При этом не имело значения,

о чем шла речь. Интерес возникает не из-за умных или блестящих формулировок, а когда разговор волнует обоих партнеров, когда он касается их обоих.

Шульц: Влияния, которые Вы нам перечислили – пророки, Маркс, Бахофен, Фрейд и буддизм, находятся во взаимосвязи друг с другом, но, с другой стороны, они несопоставимы. Вы сумели их собрать в своего рода мозаику или, как называют это Ваши друзья, в креативный синтез. Считаете ли Вы этот синтезированный импульс характерным для Вашей работы?

Фромм: Да, я так думаю. Мой глубокий интеллектуальный и эмоциональный импульс должен был разрушить стены между этими очевидно несопоставимыми элементами, которые, кстати говоря, за исключением буддизма, формируют фундамент европейской культуры. Я хотел обнаружить их структуру и, если угодно, соединить их в синтезе. Я хотел показать, что эти несопоставимые философские школы являются только различными гранями одной позиции, одной основной концепции. Возможно, я лучше всего объясню, что имею в виду, сказав, что Майстер Экхарт и Маркс – два моих любимых автора. Считается, что Маркс и Экхарт – это две противоположности, и многие, наверное, сейчас подумали, что я, видимо, слабоумный, если соединяю их. Но радикализм Экхарта и философия Маркса удивительно схожи в своем стремлении исследовать вещи от поверхности явлений до самой сути. Как говорил Экхарт: «Корень вещи объясняет ее рост». Маркс мог бы подписаться под этими словами. И Фрейд тоже. У нас есть привычка классифицировать авторов и их работы. Мы выделяем лишь один аспект писателя; мы видим то или иное, но не суть, не все. Я хотел собрать воедино, увидеть в контексте жизненно важные элементы европейской мысли, которые обычно рассматриваются отдельно. Это стремление оставалось центром всего, чем я занимался на протяжении последних сорока лет.

Шульц: А сейчас, если это все, я бы хотел прервать наш разговор на минуту ради маленького художественного антракта. Я знаю, профессор Фромм, что Вы любите слушать музыку, и что Вам нравится делить это удовольствием с гостями. В отличие от Вашего коллеги из Франкфурта Теодора В. Адорно Вы не считаете себя специалистом в музыке, но Вы большой ее любитель. Что Вы любите слушать?

Фромм: Мои музыкальные пристрастия достаточно старомодны. Я не оцениваю музыку, но она очень важна для меня на эмпирическом уровне. Мне тяжело представить, как бы я смог жить без музыки.

Шульц: Посмотрев Ваши пластинки, я нашел много барочной музыки и произведений Моцарта, особенно концерты для скрипки и деревянных духовых инструментов, а также сочинения Бетховена. Но Вы мне сказали, Ваша любимая музыка – это сюиты Баха для виолончели в исполнении Пабло Казальса. Казальс, который репетировал эти сюиты на протяжении 12 лет, прежде чем он смог сыграть их публично, назвал их «квинтэссенцией Баха». Я принес эти шесть сюит, и мы их сейчас послушаем. Но перед этим, я бы хотел сказать два слова в качестве вступления. Недавно я видел телеинтервью Казальса, которое было сделано за несколько лет до его смерти. Журналист спрашивал Казальса о том, что бы он сказал, если бы у него была возможность поговорить со всем миром. «Я бы сказал людям следующее, – ответил он. – В глубине сердца почти все вы хотите больше мира, чем войны, больше жизни, чем смерти, больше света, чем тьмы. А теперь, – продолжал он, – для того, чтобы вы лучше поняли, что я имею в виду, я сыграю вам Баха».

Шульц: Профессор Фромм, Вы посвятили пять или шесть лет работе над книгой «Анатомия человеческой деструктивности» («The Anatomy of Human Destructiveness»). Целью этой книги было разоблачение многих широко распространенных идей о природе человеческой агрессии. В одной главе, которая особенно интересна немецким читателям, Вы попытались дать характеристику Гитлеру. И Ваша книга абсолютно отличается от остальной современной литературы о Гитлере.

Фромм: Да, есть несколько последних публикаций, написанных бывшими нацистами, которые превозносят Гитлера до небес, но они не завоевали читательской аудитории. Лишь две книги, Феста и Мазера, появились в Германии, книга Лангера вышла в Америке. С этой книгой связана странная история. Она была заказана OSS во время второй мировой войны для того, чтобы у американской разведки был психологический портрет Гитлера. Автор книги – психоаналитик самой ортодоксальной школы. Подобно множеству

секретных документов, в которых в общем-то нет ничего особенного, эта книга не была доступной широкому кругу читателей вплоть до недавнего времени. У автора не было большого объема материала для исследования, и поэтому он анализировал Гитлера с фрейдистской точки зрения. У Гитлера был Эдипов комплекс; он был свидетелем половой жизни родителей. Это, конечно, кое-что и объясняет, но сам подход наивен, потому что у нас подчас нет достаточного количества данных для того, чтобы объяснить характер большинства людей, не говоря уже о такой сложной личности, какой был Гитлер.

Французский писатель Жак Бросс дал нам гораздо более глубокий анализ личности Гитлера. Правда, объемная картина характера Гитлера получалась у него только тогда, когда он верно употреблял психоаналитическую терминологию. Но иногда он увязал в своем собственном психоаналитическом слэнге и начинал развивать идеи настолько трудные для понимания, запутанные и комичные, что мы просто отнимем у себя время, если будем говорить о них. Но, несмотря на его теоретические и аналитические формулировки и собственное отношение к Гитлеру, книга является одной из самых лучших.

Мой собственный анализ проистекает из исторических исследований, которые недавно появились в Германии, и из попыток написать психологическую биографию Гитлера. В книге «Бегство от свободы» («Escape from Freedom»), опубликованной в 1941 г., я попытался сделать краткий психоанализ Гитлера, не углубляясь в его детство. В моем первом исследовании я видел в Гитлере, в первую очередь, садомазохиста, который является (по моему определению) личностью с неограниченной страстью к высвобождению энергии, контролю над всеми и самоподчинению. Сегодня в свете более глубоких исследований я подошел к пониманию еще одного очень важного фактора. Я называю этот фактор – некрофилия. Обычно этот термин применяется только по отношению к сексуальному извращению, но я его использую, следуя примеру великого испанского философа Унамуно, который в своей речи в Саламанке в 1936 г. провозгласил девиз фалангиста «Да здравствует смерть». Это некрофилический девиз. Под понятием «некрофилия» я подразумеваю не сексуальный или физический смысл, но очарование тем, что является мертвым, безжизненным, расчлененным на части, с деструкцией жизненных связей. Мотивировка некрофила кроется не в любви к живому, а в чистой механике. Некрофилия означает любовь к тому, что мертво. Nekros – значит труп. Некрофилия – не любовь к смерти, а любовь к мертвым вещам, ко всему неживому. Ее противоположностью является любовь к жизни, любовь ко всему, что растет, имеет структуру, формирует единство.

Но возвратимся к Гитлеру: если все мы честные люди, то мы должны признать тот простой факт, что Гитлер не может быть осужден лишь за то, что он развязал войну, которая принесла смерть миллионам людей. Генералы и прочие государственные мужи занимались этим на протяжении последних 6000 лет, руководствуясь тем, что они должны это сделать во благо своего отечества и т. д. Из множества генералов и чиновников, желавших войны, Гитлера выделяет то, что он убивал беззащитных людей. Главной целью моего анализа феномена Гитлера является наглядная демонстрация того, что Гитлер был человеком, который чувствовал глубокую ненависть ко всему живому. И если мы утверждаем, что Гитлер ненавидел евреев, то это, конечно, правильно, но некорректно. Он ненавидел евреев так же, как и немцев. И когда победа ускользнула из его рук и он понял, что не смог реализовать свои амбиции, он захотел, чтобы вся Германия ушла с ним. Он даже выразил это желание вслух где-то около 1942 г. Он сказал, что если Германия проиграет войну, то немецкий народ не достоин жить. Гитлер является абсолютным примером некрофила, чьи заверения о том, что он изменит все к лучшему, прячут его реальный характер от его последователей.

У Гитлера – выражение лица, характерное для некрофила. Они выглядят, так как будто бы нюхают что-то гнилое. Это означает, что эти люди рассматривают любые немертвые, живые вещи как непристойность. Они относятся к ним архаично, как животные – нюхая и фыркая. Фон Хентиг приводит огромное количество случаев такого типа людей из криминологической практики, когда отдельным личностям нравятся отвратительные запахи. Некрофилов привлекает вонь, экскременты, падаль. Это написано на их лицах. У некрофилов характерное неподвижное лицо, оно как будто заморожено. У биофилических людей лицо имеет множество выражений, и оно оживает в присутствии чего-либо живого. Говоря другими словами, некрофил безнадежно скучает. Биофил не скучает никогда, неважно, о чем он говорит. Предмет может быть незначительным, но все, что он говорит, отмечено витальностью. Некрофил может быть очень образованным, но не может быть живым. Мы все не раз

слышали, как интеллектуал говорит что-нибудь ужасно умное, но нам скучно. Напротив, гораздо менее блестящая личность может сказать что-нибудь очень простое (это относит нас назад к начальной точке вечера, предмету разговора), но нам совсем не скучно. Нас всегда притягивает живое. Привлекательными людей делает витальность. Сегодня людям кажется, что они могут быть привлекательными и красивыми, если нарисуют себе лица или примут определенное выражение, которое им кажется современным и неотразимым. Многие падки на такие вещи. Обычно это те, кто не уверен в себе. В действительности существует только одна вещь, которая привлекает нас, — витальность. Мы видим ее у влюбленных. В своем желании сделать приятное и привлечь другого, они фактически становятся живее обычного. Единственная проблема состоит в том, что когда они достигают своей цели и «имеют» друг друга, их желание быть более живыми сильно уменьшается. Внезапно они становятся абсолютно другими, а по истечении некоторого времени и вовсе перестают любить. Их партнеры меняются. Они больше не прекрасны, потому что у них на лице больше нет печати витальности.

Лицо некрофила не бывает красивым, потому что оно неживое. Вы можете увидеть это на портретах Гитлера. Он не мог свободно и спонтанно смеяться. Шпеер рассказывал мне, что дневные и вечерние приемы у Гитлера были мучительно скучны. Он говорил и говорил, не замечая, что все вокруг зевают. И он сам так скучал, что иногда засыпал во время своей речи. Это отсутствие энергичности является типичным для некрофила.

Я развивал концепции некрофилии и биофилии на базе моих клинических опытов, присоединив к ним концепцию Фрейда об эросе и желании смерти. Изначально я отверг идею «желания смерти», как и большинство аналитиков, потому что она казалась мне необоснованной. Но затем мои собственные клинические опыты заставили меня понять, что эта теоретическая концепция Фрейда была открытым вопросом и для него. Он просто ткнул пальцем в небо, как он часто делал, и указал на две главные тенденции: склонность к жизни и склонность к смерти и разрушению. Фрейд характеризовал эти две тенденции очень кратко. Он говорил, что эрос, витальная сила или сила любви, стремится к интеграции, к единству, в то время как целью желания смерти является дезинтеграция или, как я это называю, деструкция.

Концепции некрофилии и биофилии, Фрейда и моя собственная, различаются в двух случаях. Во-первых, по Фрейду, обе тенденции равны по силе. Он говорил, что желание разрушать так же сильно в людях, как и их желание жить. Я так не думаю. Здесь биология против Фрейда, потому что, если мы допускаем, что сохранение жизни является высшим биологическим законом, тогда, с точки зрения выживания видов, саморазрушительные тенденции такие же сильные, как и импульс сохранения жизни, бессмысленны. Й еще один момент, где мы расходимся с Фрейдом. Можно доказать, что деструктивные тенденции являются тенденциями, выросшими из желания смерти, результатом наших жизненных ошибок. Они являются последствиями неправильного образа жизни.

Мы можем показать, что люди, окруженные врагами и живущие внутри класса или в обществе, в котором все действует механически и безжизненно, теряют свою способность быть непосредственными и свободными. Мелкая буржуазия — это класс, из которого вышли самые преданные адепты Гитлера. Это были люди, чьи экономические и социальные возможности были равны нулю, люди без чувства надежды, потому что рост современного капитализма обрек их на экономический упадок. И когда нацисты рисовали этим людям идиллические картины, в которых универмаги принадлежали бы всем маленьким держателям магазинов и у каждого была бы своя ниша, они верили в это, хотя картина была абсолютно нереальна. В результате национал-социалисты не сделали ничего, чтобы замедлить рост капитализма; напротив, они дали возможность капитализму беспрепятственно развиваться.

Связь между разрушенной витальностью и некрофилией очевидна на примере отдельных личностях. Без сомнения, редко найдешь людей, чьи семьи были бы «мертвы», и дети никогда бы не испытали даже легкого дыхания жизни в течение детства. Просто все было превращено в бюрократию, рутину. Жизнь состояла только из приобретения и владения вещами. Родители рассматривали любой знак спонтанности в своих детях как врожденное зло. Но достаточно очевидно, что дети по своей натуре очень живы и активны. Этот факт был доказан последними нейрофизиологическими и психологическими исследованиями. Но постепенно ребенок все больше и больше расхолаживается, а потом выбирает другое направление, в котором неживое становится основным. Из последнего

анализа понятно, что человек, который не найдет радости в живом, будет пытаться мстить за себя и предпочтет скорее разрушить жизнь, чем чувствовать, что живет бесполезно. Он может жить физиологически, но психологически становится мертвым. Именно эта омертвелость вместо признания собственного жизненного фиаско вызывает страстное желание разрушить все без исключения. Это горькое чувство для тех, кто хоть однажды испытал его, и мы должны признать, что желание разрушать следует ему как практически неизбежная реакция.

Шульц: Вы считаете, что подобная некрофилия увеличивается в нашем обществе?

Фромм: Да, боюсь, что это так. Наша чрезмерная занятость механически порождает ее. Мы уходим от жизни. Трудно вкратце объяснить, почему вещи занимают в нашем кибернетическом обществе и культуре место человека, отталкивая его в сторону. Как я уже говорил сегодня, люди становятся все более неуверенны насчет собственного бытия. Когда я говорю «бытие», я имею в виду его значение в историко-философском смысле. Что такое бытие? Философское понятие интересует меня не меньше, чем экспериментальный аспект. Разрешите мне привести простой пример. Женщина может прийти к аналитику и начать описывать себя приблизительно так: «Вот, доктор, у меня „есть“ проблемы. У меня „есть“ счастливый брак, и у меня „есть“ двое детей, но у меня „есть“ так много трудностей». В каждом предложении она использует глагол «иметь (есть)», и весь мир представляется ей как объект обладания. Раньше (я знаю это из моего собственного опыта английского и немецкого языков) она сказала бы: «Я чувствую себя несчастной, я удовлетворена, я волнуюсь, я люблю своего мужа, или, может быть, я не люблю его, или я сомневаюсь, что люблю его». В последнем случае люди говорят о том, какие они есть, о своей деятельности, о чувствах, которые они испытывают, но не об объектах или приобретениях. Люди все больше и больше склоняются к тому, чтобы выражать свое бытие существительными, которые стоят за той или иной формой глагола «иметь». У меня есть все, но я — ничто.

Шульц: Если бы кто-то смог объяснить слово «жизнь» с такой же силой, как Вы, если бы люди, поняв, что они не могут достичь человеческого будущего во имя нации, закона, партии, необходимости, Бога или чего-нибудь еще, могли бы понять, что они могут достичь его только во имя жизни, тогда Ваши интересы должны были бы переместиться на исследование условий, в которых возможна истинная жизнь. Каковы же эти благоприятные условия? Влияет ли Ваша концепция биофилии на политику? В отличие от Ваших коллег-психоаналитиков Вы являетесь политической фигурой (и очень независимой фигурой). Но в Вашем случае быть политически активным не значит принимать участие в партийной политике. Возможно, лучше всего быть не связанным с какой-либо партией. Это все увязывается в Вашу теоретическую позицию. Не могли ли бы Вы прокомментировать это?

Фромм: Я рад, что вы затронули столь важный для нас и для общества вопрос. Вы абсолютно правы. На протяжении лет многие люди примыкают к какой-нибудь политической партии, особенно в молодости. Я же никогда не принадлежал ни к одной из них. Правда, несколько лет я был членом американской социалистической партии, но, на мой взгляд, она ушла настолько вправо, что даже если бы я мог рассматривать ее возможности с оптимизмом, я бы не смог больше оставаться в ее рядах. Я очень политизирован, но ни в политике, ни где бы то ни было еще я не могу цепляться за иллюзии только из-за того, что они поддерживают мою «линию». Ложь может привязать нас к партии, но, в конечном счете, только правда может привести к освобождению человека. Но слишком многие боятся свободы и предпочитают иллюзии.

Шульц: Потому что они выбирают линию партии. Партийная политика может надеть на нас шоры. В определенном смысле мы можем сказать, что партийная политика делает нас аполитичными, хотя я и не отрицаю ее необходимость. Я просто считаю, что, когда наша политическая жизнь определяется политикой партии, мы можем стать аполитичными.

Фромм: Да, партиям, особенно наиболее прогрессивным из них, нужны независимые люди. Для нашей политической жизни важно, чтобы приходили политически активные люди и свободно говорили о том, что они думают и знают. Частная и общественная жизнь неразделимы. Мы не можем отделить наше знание самих себя от нашего знания общества. Одно принадлежит другому. Я думаю, что именно в этом состоит ошибка Фрейда и многих других аналитиков, считающих, что эти две веши можно разделить, что мы можем полностью понять себя и оставаться слепыми в социальных процессах. Это не так. Мы не можем

видеть реальность «здесь» и оставаться закрытыми ей «там». Это ослабляет наше зрение и делает поиск правды неэффективным. Мы можем правильно оценить себя только в контексте социальных обстоятельств, которые мы можем заметить, если будем пристально и критично следить за тем, что происходит в мире. Это то, что требует от нас любовь. И если мы любим наших ближних, мы не можем ограничить понимание и любовь чем-то одним. Это неизбежно ведет к ошибке. Мы должны быть политизированными, я бы даже сказал, страстно вовлеченными в политику людьми. И каждый из нас делает это своим собственным способом, соответствующим темпераменту, жизнедеятельности и возможностям.

Я бы хотел добавить еще кое-что. У интеллектуала есть одна, первая и главная, задача. Он должен искать истину и проповедовать ее. Для интеллектуала не является главным составление политических платформ. И это не противоречит тому, что я говорил раньше о политической активности. Это особая задача интеллектуала – она определяет или должна определять его роль: преследовать истину без компромиссов и без оглядки на свои или другие интересы. Если интеллектуал ограничивает свои функции нахождением и провозглашением истины в услугу любой политической партии или политическим целям, то неважно, насколько достойны похвалы его программа или цели. В этом случае интеллектуалы ошибаются в уникальности своей задачи, которая, в конечном счете, является их самой важной политической задачей. Я считаю, что политический прогресс зависит от того, насколько мы знаем истину, как честно и четко говорим о ней и какое влияние она оказывает на других людей.

Гитлер - кем он был и из кого состояло сопротивление, направленное против него?

Шульц: Вопрос о политическом сопротивлении привлекает все большее и большее внимание во всем мире. Противоборство принимает многообразные формы. При определенных обстоятельствах у нас есть право оказывать сопротивление, даже обязанность сопротивляться.

Ганди выявил широкий спектр теоретических возможностей и стратегических эскалации, которые затем с замечательным успехом применил на практике. Но в его случае в высшей степени ясно, что сопротивление не состояло в применении только определенных методов для получения максимального эффекта; оно также состояло в некоторой позиции, основанной на убеждении и увлекающей всего человека во всех аспектах его существования. Ганди сравнивал участников ненасильственного сопротивления с солдатами. Они должны были быть готовыми к тому, чтобы пожертвовать своими жизнями. Но их храбрость – не храбрость ради войны; это – храбрость ради мира. Их великое оружие состояло в отказе использовать оружие. Только сейчас мы начинаем постигать великий политический смысл его теории ненасильственного сопротивления. Гитлер не столкнулся с чем-либо сопоставимым с тем своевременным и тщательно спланированным сопротивлением, которое Ганди обратил против британских колониальных властей.

Но здесь мы подняли вопрос о сопротивлении Гитлеру, о том сопротивлении, которое организовалось против него, и о том, которое не приняло определенных форм. Но если мы хотим понять, что значило сопротивление ему, то мы должны сначала представить себе, что он собой представлял. Как могла политическая власть, обоснованная так иррационально, как гитлеровская, когда-либо возрасти до таких масштабов?

Если мы присмотримся к тому обилию литературы о Гитлере, которая сейчас имеется, нас поразит то, сколь мало любознательности авторы в своем большинстве проявляют лично к нему. Их объяснения его индивидуальности большей частью поверхностны, и значительное число авторов приходит к выводу, что, если бы сопротивление Гитлеру было более эффективно организовано, оно могло бы привести к успеху.

Верно ли это? Достигли ли мужчины и женщины, участвующие в сопротивлении, достаточной ясности в понимании вопроса о том, кому или чему именно они оказывали сопротивление? Была ли возможна вообще действенная оппозиция, пока имеющиеся интеллектуальные средства оставались неадекватными для постижения индивидуальности Гитлера и его политического влияния? Многие участники сопротивления понимали совершенно ясно, кем и чем именно был Гитлер. Но им приходилось иметь дело не только с отдельным человеком, но и с массовым явлением. Они увидели себя в проигрышной ситуации. Они не

чувствовали, что пользуются поддержкой значительных слоев населения, которые бы так же как они понимали ситуацию. (До какой степени они, к тому же, хотели бы получить демократическую поддержку, это другой большой вопрос, рассмотреть который здесь у нас нет времени.) Они жили с беспокойным чувством, что они действовали одновременно и слишком рано, и слишком поздно. Падение Гитлера сильно запаздывало, но было ли население достаточно зрелым для политического действия без Гитлера? Это сомнение играло главную и сдерживающую роль в мышлении многих главных руководителей подпольного движения.

Профессор Фромм, в отличие от многих из своих коллег Вы в своей научной карьере рано начали агитировать за новую политическую психологию и антропологию. Перспективы, которые Вы раскрыли для оценки Гитлера, представляются мне существенными, потому что они дополняют другие точки зрения и в то же время они ставят их под сомнение.

Фромм: Кем был этот человек – Гитлер? Вопрос о том, кем является некто или кем он был, может иметь различные степени интереса для нас в зависимости от избранного лица, но это уместный вопрос, чтобы его можно было задать о ком-либо. Кем является он? Кем являюсь я? Существуют ли окончательные ответы на эти вопросы? Такое исследование столь же трудно в случае с Гитлером, сколь трудным оно было бы в отношении любого другого, ибо каждый индивид есть клубок мотивов, импульсов и противоречий. Наряду со всем тем, что данное лицо понимает относительно самого себя, существует еще все то, что оно чувствует и делает бессознательно, и потому мы никогда не приходим к полному ответу на вопрос: кем было, кем является данное лицо? Кем являюсь я? Но было бы ошибочным использовать это соображение как извиняющее возврат к релятивизму и утверждающее, что мы попросту никак не можем знать, кем являются другие или кем являемся мы. На самом деле мы можем знать очень многое, достаточное, чтобы служить нам для всех практических целей, достаточное, чтобы знать, станет ли кто-то благословением или проклятием наших жизней.

Имея в виду эти оговорки, я хотел бы попытаться сделать некоторые замечания об этом человек – Гитлере.

Если мы бросим взгляд на его биографию, мы сможем достаточно уверенно сказать, что со времен своего детства и в дальнейшем он жил в мире фантазии. Им овладела мания величия, которая тешила его душу и по сути дела мешала ему приспособиться к реальности. В «Майн кампф» он утверждал, что он вступил в конфликт со своим отцом, так как сам он хотел быть артистом, а его отцу хотелось, чтобы он стал государственным служащим. Но действительный конфликт состоял не в этом.

Для Гитлера и для ряда других подобных ему людей быть артистом означало быть свободным от всяких обязательств, быть свободным, чтобы следовать ни чему иному, кроме своих фантазий. Дело не представляется таким образом, что для отца Гитлера было столь уж важным, чтобы Гитлер стал государственным служащим, хотя это был вполне естественный выбор со стороны отца, ибо он сам был государственным служащим. Но отец начинал все более и более понимать, что его сын был безответственным и недисциплинированным и что он не делал ничего, чтобы выбрать для себя род деятельности или направлять свою жизнь к определенной цели. И вот Гитлер, как многие самовлюбленные индивиды, испытывал одно разочарование за другим. По мере того, как его мания величия усиливалась, пропасть между нею и его реальными достижениями разверзалась все шире. А из этой пропасти вырастали негодование, злоба, ненависть и все усиливающаяся мания, ибо чем меньшего Гитлер добивался в жизни, тем больше он предавался фантазии. Это было очевидно с его ранних лет. Гитлер отправился в Вену, провалился на экзаменах в художественное училище и затем решил испытать свои силы в архитектуре. Но для получения доступа к изучению архитектуры ему нужно было бы учится еще один год в школе. Он был неспособен это сделать, и он этого не хотел. Вместо этого он утаил от всех, включая своего лучшего друга, что он провалился на вступительных экзаменах в художественное училище, и бродил по улицам Вены, делая наброски фасадов примечательных зданий. Он думал, что таков был путь к тому, чтобы стать архитектором. Наконец, он подвизался в качестве малого предпринимателя, коммерческого художника, если угодно. Он делал, крайне педантично, копии с оригинальных рисунков и картин и никогда (или едва ли когда) не писал с натуры. Он продавал эти копии и получал небольшой, скромный доход.

По сравнению со своими грандиозными идеями о самом себе Гитлер был полным неудачником, пока не началась война. В ходе войны он «проснулся». Теперь он мог слиться с Германией и не создавать более ничего независимо. И он на деле был храбрым и находчивым солдатом. Но его начальники вскоре начали сетовать на его подобострастность в отношении вышестоящих. Таково было глубоко укорененное в нем свойство характера, которое никогда не исчезнет, даже позднее, когда он сам достиг власти и был в состоянии заставить каждого лизать его сапоги. Тогда уже над ним не было никого, кроме «судьбы», или «законов природы», или «Провидения», перед кем он склонялся бы.

Такова одна сторона индивидуальности Гитлера. Другой была его крайняя самовлюбленность, нарциссизм. Что это такое – нарциссизм? Это нечто, что все мы можем наблюдать. Это легко наблюдать в других, несколько труднее разглядеть в самих себе. Самовлюбленное лицо считает реальными и важными лишь те вещи, которые касаются непосредственно его особы. Мои идеи, мое тело, мое достояние, мое мнение, мои чувства – все эти вещи реальны. А то, что не является моим, – это нечто призрачное, что едва ли вообще существует. В патологических случаях нарциссизм может проявляться в столь крайней форме, что индивид не способен даже воспринимать то, что происходит в окружающем мире. Гитлер оставался нарциссистом всю свою жизнь. Его никогда не интересовало что-либо, кроме самого себя. К тому, что касалось его матери или его друзей, он оставался безразличным, почти бесчувственным. Фактически у него не было друзей; он жил совершенно изолированно от других; он заботился только о самом себе, своих планах, своей власти, своем волеизъявлении.

Может быть, самой важной характерной особенностью Гитлера была некрофилия. Это любовь к тому что мертво, к разрушению, ко всему, что не является живым. Некрофилия – сложный предмет, и я не могу углубляться в него, касаясь подробностей. Но, возможно, мне удастся надлежащим образом подметить, к чему она ведет. Существуют люди, которых можно охарактеризовать, сказав, что они любят жизнь. Но существуют и другие, о которых можно сказать, что они ненавидят жизнь. Людей которые любят жизнь, легко распознать. И нет ничего более привлекательного, чем этот род любящего человека, относительно которого мы замечаем, что он любит не только нечто одно или кого-то одного, но что он любит жизнь. Но существуют люди, которые не любят жизнь, которые более склонны ненавидеть жизнь, которых привлекает неодушевленное, а, в конечном счете, смерть.

Шульц: Но, в таком случае, как стало возможным, что некрофилическое влияние Гитлера не возбудило большего сопротивления, чем это имело место, большего отвращения, большего отвержения? Не указывает ли это отсутствие отрицательной реакции на то, что некрофилия была широко распространена среди населения, хотя бы в некоторой скрытой форме? Должен был существовать некоторый род связи некоторые общие узы, даже сотрудничество между Гитлером и теми, которые следовали за ним, соглашались с ним и подчинялись ему.

Фромм: Ответ на этот вопрос на самом деле достаточно сложен. Прежде всего, существовало сильное сходство между характером Гитлера и характерами его фанатичных приверженцев. Если мы рассмотрим эту группу людей с точки зрения социологии и социальной психологии, то обнаружим, что наиболее ревностные национал-социалисты вышли из среды мелкой буржуазии, т. е. из класса, который потерял надежду, был преисполнен негодования и по природе своей питал садомазохистские наклонности. Этот род людей насмешливо характеризовался как «тип велосипедиста», ибо такие индивиды кланялись в пояс перед вышестоящими и пинали ногами нижестоящих. Эти люди не находили ничего, что сохранилось бы в их жизни как достойное любви и интереса, и потому они обратили свою энергию на обретение власти над другими и даже на саморазрушение.

Следующий пункт, на который я хотел бы обратить внимание, это то, что Гитлер был актером. Он был таким превосходным актером, что он мог заставить людей поверить, что его целью было спасение и благополучие Германии. Он делал это столь искусно, что миллионы людей поверили ему и просто игнорировали истину. Гитлер обладал неправдоподобным талантом обращать себе на пользу человеческое легковерие. Назовите это харизмой, гипнозом, демагогией или чем угодно. Он, по-видимому, обладал властью над людьми, которая пробуждала в них готовность подчиняться ему (во многих сообщениях упоминается о том, что люди покорялись его взгляду). Этот механизм действовал, примерно, таким вот образом: сначала, люди каким-то образом

подчинялись ему, а затем они готовы были верить всему, что он говорил. Он однажды сказал самому себе, что митинги следует проводить по вечерам, когда люди утомлены. Это делает их более доверчивыми, и они будут оказывать меньшее интеллектуальное сопротивление тому, что им говорят. Все эти факторы, взятые вместе, позволили Гитлеру навербовать верных последователей, которых он обманывал, ибо он скрывал от них свою разрушительную природу. Такие насчитывались миллионами, и они не понимали, каковы были его реальные цели. Они бежали за ним, словно крысы за сказочной флейтой, не понимая, куда он их ведет.

Шульц: С одной стороны, он был совратителем, Он был некто, кто явился «свыше». Он был также тем, кого называют «сильным человеком», который обещал не только разрешение проблем, но также спасение. С другой стороны, как мне представляется, он явился «снизу», или, по крайней мере, низы сделали возможным его возвышение. Он был продуктом ожиданий и условий. Мне кажется, что любой сильный человек, с этой точки зрения, является слабым человеком. Он обязан своей силой стечению обстоятельств, которое сделало его представителем многих других. Сила, которая принимает форму сопротивления, – это сила совершенно иного порядка. Гитлер, возможно, был абсолютно неспособен к сопротивлению в том смысле, о котором здесь речь. Или я ошибаюсь в этих вещах? Меня заинтересовало это странное соотношение между «вождем» и теми, которых он ведет к цели или уводит от нее.

Фромм: Я думаю, что Вы абсолютно правы. Гитлер относился к тому типу вождей, которые нуждаются в поддержке масс, чтобы чувствовать себя сильными. Он не был таким деятелем, который мог бы разрабатывать и продвигать идею без поддержки сопровождающих его оваций. Он нуждался в аплодисментах и жаждал энтузиазма окружающих, чтобы пережить ощущение своего собственного самоутверждения. Его чувство власти питалось реакцией тех людей, к которым он обращался с речью. Это было ясно с самого начала? в маленьком первоначальном кружке, состоявшем из двадцати одного человека, которые образовали Национал-социалистскую рабочую партию в Мюнхене. Подобно всем нарциссистам, он был настолько увлечен самим собой, что всякое произносимое им слово казалось ему содержащим величайшую мудрость и истину. Но он нуждался в других, которые поверили бы в него раньше, чем он сам смог поверить в себя. Если бы никто помимо него самого не поверил, он оказался бы на пороге сумасшествия, ибо его идеи вырастали не из рационально обоснованных убеждений, а из его эмоциональных потребностей. Они опирались на чувство своего величия и власти, но, как мы видели, он нуждался во внешнем подтверждении своего величия и власти. Если отнять у него эти овации и успех, тогда то, что осталось, представляло бы собой индивида на пороге безумия. Я не хочу сказать, что он был сумасшедшим. Он таким не был. Но чтобы сформулировать проблему в крайней форме, лучше сказать, что он защищал себя от безумия, рассматривая миллионы своих приверженцев как подтверждение своей здравости и реальности своих идей. Для него истинность его идей доказывали именно овации, а не внутренняя последовательность самих этих идей. Гитлер никогда не проявлял ни малейшего интереса к тому, что есть истина.

Как и любого другого демагога, его интересовало только то, что приносило аплодисменты, ибо аплодисменты – это как раз то, что делает вещи истинными.

Шульц: То, о чем Вы сейчас говорили, могло бы послужить ценными направляющими принципами для оценки любого политика. Но я опасаюсь, что нам предстоит еще долгий путь до политической зрелости, которая привьет нам иммунитет против иллюзий, иммунитет против психологического порабощения такого рода. Но теперь, профессор Фромм, вернемся к нашему первоначальному вопросу: каким могло бы быть сопротивление, массовое неповиновение, восстание против индивида такого типа, какой Вы только что здесь охарактеризовали?

Фромм: Задумаемся на минуту над этим словом «сопротивление». Сопротивляться – это значит «выступать против чего-либо», и для того, чтобы сделать это, мы должны сами представлять собой нечто. Лишь в этом случае нас не так легко обмануть или подавить. Наоборот, мы способны протестовать, отвергать, сопротивляться. Но для того, чтобы мы были в состоянии сделать это, мы должны осознать, что когда мы восстаем против «вождя» подобного Гитлеру и его политики, мы имеем дело не просто с определенными политическими взглядами на то, что всего лучше будет способствовать благополучию Германии, но с компонентами характера и эмоций, по сути дела с философскими и религиозными компонентами, которые пронизывают эти взгляды.

Конечно, Гитлер говорил, что он желал наилучшего для Германии. Кто не хотел бы этого? Но он не говорил, что одной из его целей было разгром и завоевание других стран. Он говорил лишь об оборонительных мерах, которые обеспечат условия, при которых Германия могла бы процветать. Если мы примем это утверждение в качестве чисто политического, то все, что мы сможем сказать о нем, это: «Очень хорошо, я думаю, что это правильно и как раз то, что надо делать», или: «Я думаю, что это ошибочно и этого не следует делать». «Я думаю, что эти средства годятся». Или: «Я думаю, что они непригодны». Проблема остается такой, какая поддается рациональной оценке, сравнимой с той оценкой, которую мог бы сделать бизнесмен. Но если мы осознаем, что все это лишь «рационализация», как она определена глубинной психологией, и что эти видимо рациональные аргументы ни в коем случае не раскрывают возникающих при этом проблем, то в этом случае мы можем понять, что гитлеровская идеология есть выражение и результат некрофилической и садомазохистской индивидуальности того типа, который я только-что обрисовал. Нам приходится заглядывать за рациональные формулировки и обращать внимание не столько на то, что политический лидер говорит, сколько на то, как он это говорит. Нам приходится изучать его мимику, его жестикуляцию, всего человека. Только таким способом можем рассмотреть, к какому типу индивидуальности относится это лицо. Лишь в этом случае мы можем распознать, что этот вождь является некрофилом, индивидом, которого мы отвергаем всей глубиной наших сердец, таким субъектом, который приводит нас в ярость, с которым мы не хотим иметь ничего общего, к которому никогда не можем испытывать расположения, ибо все наши силы направлены на сохранение жизни и достоинства человека, его свободы. В отличие от этого все силы некрофила направлены на разрушение, на порабощение других, на принижение их, на утверждение своего господства над ними. Нам следует прекратить прислушиваться к одним лишь словам и начать раскрывать, кем и чем является человек, который высказывает эти слова. Каковы его природа, его характер?

Нам следовало бы также обратить внимание на то, что в случае с Гитлером, как и в столь многих других случаях, нам приходится иметь дело не только с политикой в практическом смысле этого слова, но также с философией, с религией, если хотите. Каждый человек религиозен в широком значении этого, т. е. у него имеются цели, выходящие за рамки простой необходимости зарабатывать на жизнь, он обладает кругозором и чувствами, которые побуждают его стать чем-то более значительным, а не быть машиной для еды и воспроизводства. Но в наши дни эти импульсы обычно не принимают традиционные религиозные формы, а часто диктуются в сфере политического и экономического мышления и планирования. Единственная проблема здесь в том, что мы упускаем из виду, что мы все еще имеем дело с религиозными импульсами. Если мы спросим себя, какова была религия Гитлера, ответом будет: обожествление национального Я, господства, неравенства, ненависти. Ему была свойственна языческая религия власти и разрушения. Это была более чем просто языческая религия. Это была наиболее крайняя форма антитезы религии христианства или иудаизма, гуманистической традиции. Или, выражаясь несколько отличными словами, можно сказать, что в некотором смысле религией Гитлера был социал-дарвинизм. Он был привержен принципу, что хорошо то, что служит совершенствованию, расы. Человек действует уже не во имя Бога, не во имя справедливости, не во имя любви, но во имя эволюции. Известно немало людей со времен Дарвина, которые приняли социал-дарвинизм в качестве своей новой религии. Принципы эволюции — вот новые божества, а Дарвин — новый пророк! Возможно, что единственная вещь в которую Гитлер истинно веровал, так это то, что он действовал во имя законов эволюции, законов биологии и осуществлял эти законы.

Этот род мышления был присущ не одному только Гитлеру. Он также обнаруживается в писаниях Конрада Лоренца об агрессии. Центральная философская идея Лоренца состоит в том, что мы должны служить законам эволюции. В 1941 г. Лоренц собрал подобные идеи воедино в эссе, в котором он восхвалял ряд гитлеровских законов, касающихся расовой гигиены, утверждая, что для них имеются научные основания.

Итак, остается вопрос: можем ли мы распознать философские, религиозные и психологические факторы, которые фактически лежат в основе политических формулировок? Обладаем ли мы способностью различать, что заявления и декларации, претендующие на то, что имеют целью лишь наилучшее, являются выражением особых психических и философских характеров? Возьмем то, что, может быть, представляет собой наиболее известный пример, — Французскую

революцию. Свобода, равенство и братство – таковы были принципы, которые воодушевляли людей этого времени, принципы, которые, возможно, очень глубоко укоренены в человеческой природе, в природе всего человеческого существования. Некоторые нейрофизиологи полагают, что эти принципы даже проистекают из строения человеческого мозга. Свобода является необходимостью, если мы хотим, чтобы человеческий организм функционировал в полную меру своих способностей. Эти идеи не только выражали политическую линию французских революционеров, но были продуктом философии Просвещения, философии, которая запала глубоко в сердца огромного числа людей. Исторические обстоятельства подвели этих людей к такому моменту, когда они осознали эти человеческие требования и сформулировали их. Подобным же образом нарциссизм Гитлера был религией, которая имела в точности противоположные цели, и вот почему она привлекала людей совершенно иного рода.

Шульц: Возможно, будет уместно проиллюстрировать этот пункт в более конкретных словах, припомнив стычку Мольтке и Фраслера в Народном суде. Суть того, что сказал Мольтке в своем заключительном слове, сводится к тому, что национал-социализм и христианство и впрямь имеют нечто общее, но именно этот фактор разделял их и делал врагами: они оба требовали полного согласия.

Фромм: Вот именно. Мольтке в ситуации крайней опасности суммировал в этом одном кратком предложении то, что я пытался здесь высказать во многих предложениях. Он попал прямо в сердцевину проблемы и выразил ее с большой точностью.

Щульц: Мольтке сделал много замечательно ясных и нестандартных утверждений такого рода. Его политическое мышление было весьма земным, и он показал себя в значительном числе случаев в высшей степени практичным, и все же он всегда рассматривал индивидуальное человеческое существо как фокус политических интересов. Взгляды Мольтке на общественное образование находились под сильным влиянием Ойгена Розеншток-Хюсси, который полагал, что высшая проблема в политическом воспитании состояла в том, кем мы являемся, а не в том, каковы наши политические взгляды или к какой политической партии мы принадлежим, Это не был популярный взгляд в его время, он и сейчас непопулярен, ибо был ложно истолкован как сугубо личное мнение. Но если рассматривать его в контексте данной Вами интерпретации, он представляется в высшей степени соответствующим нашей цели. Сопротивление Гитлеру, сопротивление, которое большей частью никогда не было оказано, должно было быть не простым словесным протестом, а, скорее, жизнью, прожитой как акт протеста. Но жизнь как протест – это не то, что предназначено профессиональным политикам. Это, так сказать, работа не для профессионалов, а работа для каждого. Проводили ли профессиональные психологи какие-нибудь исследования, которые могли бы подкрепить это утверждение?

Фромм: Кем является то лицо или это лицо? Каков его характер? Эти вопросы представляют не только моральный и психологический интерес, но также очевидный политический интерес. Всякий, кто отказывается видеть это, определяет рамки политики слишком узко. Какова была характерная ориентация большинства немцев? Представляли ли они собой почву, на которой могло прорасти семя, посеянное

Гитлером, или это была засохшая и неблагоприятная почва для этого семени? В 1931 г. я присоединился к некоторым свои коллегам во Франкфуртском институте социальных исследований для изучения этой самой проблемы. К сожалению, результаты этой работы никогда не были опубликованы. [Позднее данное исследование было опубликовано под названием «Рабочий класс в веймарской Германии» издательством Harvard University Press.]

Вопросы, которые мы поставили перед собой, таковы: Каковы шансы эффективного сопротивления Гитлеру, если он будет продолжать удерживать власть? Насколько сильное противодействие окажет ему большинство населения, особенно те люди, мнения которых враждебны ему, т. е. рабочие и в значительной мере техническая интеллигенция? Мы избрали способ изучения вопроса посредством характерологического анализа, в котором мы имеем дело вовсе не с самим Гитлером, но для начала обратились к задаче определения авторитарного характера. Авторитарный характер обладает структурной предрасположенностью повиноваться, подчиняться, но он также обладает потребностью господствовать. Оба эти аспекта всегда сопутствуют друг другу,

один служит компенсацией другому. Подлинно демократический или революционный характер представляет собой как раз нечто противоположное: это отказ от господства, а равно и подчинения господству над собой. Для демократического характера равенство и достоинство человека представляются глубоко прочувствованными императивами, и такие характеры привлекает лишь то, что утверждает человеческое достоинство и равенство.

Наша теоретическая посылка состояла в том, что то, что человек думает, это сравнительно маловажно. Обычно это дело простого случая и зависит от того, какие лозунги этот человек слышал, к какой партии его склонили присоединиться семейные традиции или социальные условия, с какими идеологиями ему приходилось знакомиться. Он думает приблизительно то же самое, что думают другие, а это признак склонности к конформизму и к утрате независимости. То, что человек думает, следовательно, мы назвали мнением. Мнение можно легко изменить. Мнение остается тем же самым, лишь пока обстоятельства остаются теми же самыми. Если позволить себе здесь отступление, то я заметил бы, что в этом величайший недостаток всех выборов путем голосования, которые определяют всего лишь мнения. За рамками таких выборов остается вопрос: каково бы было ваше мнение завтра, если обстоятельства стали совершенно иными? Но в политике именно это имеет силу, и вопросом первостепенной важности является не то, что кому-то случалось думать в данный момент. Важно то, как этот человек живет и действует. А то, как он живет и действует, будет зависеть от его характера. Если мы поставили вопрос таким образом, мы увидим, что нуждаемся в ином понятии, в том, которое Вы упомянули раньше. Это понятие — убеждение. Убеждение — это мнение, которое укоренилось в характере человека, а не только в его голове. Убеждение есть продукт того, чем он является. Мнение же часто основано лишь на том, что он слышит. И, таким образом, мы пришли к выводу, что лишь те люди, убеждения которых были несовместимы с системой террора, а не те, мнения которых противоречили ей, могли бы оказать ей сопротивление. Иными словами, лишь те — люди, которые сами обладали неавторитарными характерами, отважились бы на выступление и сопротивление и не были бы одурачены.

Шульц: Подход, выбранный Вами в Вашем исследовании, удивляет меня, и трудно представить, чтобы этот подход мог когда-либо найти свое место среди преимущественно количественных методов, применяемых на выборах в наши дни. Но ведь вопросом о характерах пренебрегают не только исследования общественного мнения. Наши так называемые политическое образование и информация также не интересуются ничем, кроме «мнения».

Фромм: Таково, к несчастью, величайшее упущение большинства исследований политических позиций и всех наших усилий в, области политического образования. Не принимается в расчет характерологический и, если угодно, философский и религиозный фактор, который неизбежно присутствует в любой политической жизни. Другое понятие, которое было подчеркнуто, прежде всего, марксистами, касается политики как выражения экономических и классовых интересов. Марксисты всегда готовы подчеркнуть преимущество этого аспекта политики перед тем, который лежит на поверхности, и я думаю, что в целом они поступают правильно, делая это. Но существует нечто, чего не хватает марксистам, их концепции. Мы должны принимать во внимание не только экономические и социальные мотивы, но также всевозможные эмоции, самые разнообразные духовные возможности, раскрывающиеся в людях, какой бы тесной их связь с социоэкономическими факторами ни была.

Иными словами, люди не действуют сообразуясь с одним только экономическим интересом. Они также исходят из внутренних потребностей, чувств, целей, которые глубоко укоренены в «человеческом факторе», в данных человеческого существования. Я думаю, что нам необходимо тщательно ознакомиться с обоими этими факторами — с экономическими мотивами и теми, которые являются специфически человеческими, если мы хотим понять, почему люди действуют политически тем или иным способом. Оба фактора присутствуют в «социальном характере».

Эта сфера являет собой обширный пробел в наших познаниях. Психология как наука к ней не обращалась. И политическая наука в общем и целом все еще задерживается на поверхностной, рационалистической ступени исследований, которая, по-видимому, предполагает, что та роль, которую эмоции играют в политике, не может быть предметом эмпирического исследования.

Но если мне будет позволено вернуться к нашим исследованиям во Франкфурте, то первое, что мы начали делать, — это определение доминирующей

характерологической направленности германских рабочих и служащих. Мы разослали 2000 человек анкету, содержавшую множество подробных вопросов. Около 600 из этих анкет были возвращены, что вполне соответствовало нормальному проценту возвратов при таких опросах в это время. Наши вопросы не повторяли широко распространенную форму, обычно используемую в таких опросах, при которой за вопросом следуют ответы «да», «нет», «полностью согласен», «согласен отчасти» или «совершенно не согласен». Ответы выписывались индивидуально тем или другим интервьюером или опрашиваемым лицом. Затем мы анализировали ответы тем способом, каким анализирует ответы психиатр или психоаналитик на сессии. Что говорит о бессознательном этот ответ в отличие от того, что думает пациент сознательно? И мы нашли, что если мы анализируем каждый ответ таким образом, то несколько сотен ответов дадут нам картину не только того, каковы сознательные мысли людей, но также того, каковы их характеры, что они любят, что у них вызывает отвращение, что их привлекает, что они хотят видеть упроченным, что они осуждают и хотят видеть устраненным.

Возьмем, например, такой вопрос: «Является ли физическое наказание существенным в детском воспитании?» Один человек ответил «да», другой — «нет». Эти отдельные ответы не сказали нам многое об индивидуальных характерах. Но если кто-то говорит: «Нет, это не подходящее средство, ибо оно ограничивает свободу ребенка, а ребенка нужно научить не испытывать чувства страха», то мы читаем этот ответ как характеризующий неавторитарную личность. Если кто-то другой сказал: «Да, ибо ребенок должен научиться бояться своих родителей и быть послушным», то мы истолкуем этот ответ как признак авторитарного характера. Однако нельзя делать выводы, подобные этим на основании единственного вопроса и ответа. В наших анкетах содержалось по нескольку сот вопросов, и мы сами были удивлены, обнаружив, насколько четко в каждом опросном листе проступили стойкие психологические характеристики. После того, как были прочитаны ответы на десять вопросов, можно было угадать вполне точно, каковы будут остальные.

Наши окончательные результаты выглядели примерно так: около 10% людей, ответивших на вопросы анкеты, обладали авторитарными характерами. Мы предположили, что они должны были стать ярыми нацистами незадолго до или вскоре после того, как Гитлер захватил власть. Другие 15% обладали антиавторитарными характерами, и наше теоретическое предположение состояло в том, что они никогда не станут нацистами. Обладают ли они смелостью, чтобы рисковать своей жизнью и свободой, — это другой вопрос, но они навсегда останутся страстными противниками нацистской политики и идеологии. Огромное большинство, 75%, обладали смешанными характерами, что часто имеет место в среде буржуазии. Они были ни явно авторитарными, ни явно антиавторитарными, но обнаруживали некоторые признаки обеих тенденций. Наши предположения о них состояли в том, что они были людьми, которые не станут ни ревностными нацистами, ни бойцами сопротивления, ибо их характеры не обладали достаточно ясной выраженностью той или иной направленности. Они, вероятно, последовали бы за толпой с различными степенями энтузиазма или отвращения.

Хотя мы не обладаем детальной информацией, которая свидетельствовала бы о том, какой процент германских работников — синих воротничков и белых воротничков — стали нацистами, а какой процент участвовал в сопротивлении фашизму если не на деле, то хотя бы в душе, я предполагаю, что значительное число осведомленных людей согласится с тем, что цифры, установленные нашим исследованием, достаточно точно отражают действительное положение дел. Лишь сравнительно небольшое число германских рабочих участвовало в сопротивлении. Еще меньшее число встало на сторону нацистов. Огромное большинство не сделало ни того, ни другого. И поэтому сопротивление оказалось неэффективным. Предсказание, которое мы сделали на основе теории, было, конечно, существенным для оценки политической реальности и видов Гитлера на успех. И мы можем сделать то же самое в любой стране и в отношении любого населения, если мы станем спрашивать о том, что люди чувствуют и чем они являются, а не только о том, что они думают. Если мы только уловили это различие между убеждением и мнением, мы можем доказать его существование эмпирически и на основе конкретного социоаналитического исследования.

Шульц: Вы упомянули о том, что результаты Ваших исследований не были опубликованы после его завершения. Почему так?

Фромм: Они не были опубликованы, ибо руководители института не хотели,

чтобы они стали достоянием общественности. У меня имеются некоторые соображения по поводу того, почему они этого не хотели, но этот вопрос уведет нас слишком далеко в сторону, если мы будем его здесь обсуждать.

Шульц: Очень может быть, что дело было в опасениях и в осторожности. Это ретроспективно вызывает сожаление, так как опубликование результатов могло бы повлиять на изменение сознания.

Фромм: Совершенно верно. Но результаты остались под замком. В некоторых сообщениях об истории института утверждалось, что данное исследование никогда не было осуществлено. Но эти утверждения ошибочны. Оно было осуществлено, и с документацией, касающейся его, все еще можно ознакомиться.

Шульц: Осуществляются ли сейчас какие-либо сопоставимые с ним исследования?

Фромм: Я не знаю о каких-либо подобных. Мой коллега Майкл Маккоби и я применили те же самые принципы в исследовании, которое мы провели в небольшой мексиканской деревне. (Опубликовано в III томе собрания трудов Эриха Фромма под названием «Психоаналитическая характерология в теории и практике: социальный характер одной мексиканской деревни». Штутгарт, 1981 – Прим. пер.). Это исследование было посвящено не только «авторитарным» и «неавторитарным» характерным признакам, но также и другим характеристикам. Та же методология была применена и весьма успешно подкреплена в исследовании, которое Майкл Маккоби провел о различии между некрофилами и биофилами в различных социальных классах в Америке. Но она не была воспроизведена и развита далее где-либо еще.

Шульц: Профессор Фромм, каким образом мы могли бы стать лучшими судьями человеческих характеров в сфере политики? Большинство из наших политиков вряд ли проявят особое стремление к усовершенствованиям в этом направлении, но мне представляется существенным для блага демократии, чтобы мы становились проницательнее в оценке людей, которые появляются на нашей политической сцене. Телевидение позволяет нам пристально вглядываться в их лица, следить за их жестами и угадывать то, что скрыто за их словами. Нам надо научиться распознавать действительные мотивы за всеми словесными заверениями, которые мы слышим. Как могли бы мы этого достичь?

Фромм: Это принципиальный вопрос, особенно при демократии. Как можно помешать тому, чтобы демократия пала жертвой демагогов? При демократии предполагается, что каждый человек сам выносит свое суждение. Но как люди могут выносить свои суждения, если они пользуются только тем, что говорят политики? Конечно, у них есть еще нечто, чем можно воспользоваться. Избиратели схватывают очень многое подсознательно и формируют суждения о кандидатах – об их честности или лживости, искренности, соответствии приличиям или уклончивости. Мы знаем, что это так в Соединенных Штатах и, без сомнения, это так и в Германии. Но необходимое умение нигде, хотя бы в известном приближении, не получило достаточно высокого развития.

Существуют многие предпосылки, необходимые для функционирования демократии, и я не собираюсь касаться их всех здесь. Но мы можем сказать, что демократия будет в состоянии функционировать должным образом лишь в том случае, если люди смогут разбираться в том, каковы доминирующие устремления и чувства того или иного политика, какой его философский и квазирелигиозный характер, скрывающийся за его политическими установками и мнениями. А это означает, что нам сначала предстоит разучиться кое в каком отношении. Нам следует разучиться от практики подчеркивания того, что говорит то или иное лицо, и нам надо научиться видеть этого человека в целом.

Интересно заметить, насколько искусны мы в этом вопросе, когда речь заходит о нашей деловой жизни. Если нам предстоит нанять кого-либо или вступить с ним в партнерские отношения, мы обычно не настолько глупы, чтобы только выслушивать то, что этот человек говорит нам о себе. Мы хотим составить себе представление о его личности. Чем более эгоистичны наши интересы, тем более мы осторожны и тем с большей готовностью мы составляем характерологические суждения. Но когда дело касается наших социальных и политических интересов, мы не хотим беспокоиться. Мы предпочитаем, чтобы нас вели, а сами отсиживаемся в задних рядах. Мы хотим, чтобы существовал кто-то, кто говорил бы нам то, что мы желаем слышать, который угождал бы нам и которого мы именно за это награждали бы, и поэтому мы не приглядываемся к нему пристально и не интересуемся тем, кто он таков.

Однако мы можем глядеть пристально. Мы можем научиться этому в естественной лаборатории, которая доступна для всех: для детей, подростков или взрослых. Это лаборатория нашего повседневного опыта. Мы можем узнавать там буквально обо всем. Все, что от нас требуется для этого, – это желание видеть. Известную пользу может принести также чтение, хотя вызывает сожаление, что психология, особенно академическая психология, которая накопила такое большое количество выдающихся достижений, не оказалась слишком плодотворной в сфере общественной и политической. Характерология, наука о характере, принципиально важная по своей сути для политики, для построения брачных отношений, дружбы и для образования, все еще имеет сравнительно малое значение в области психологии, даже несмотря на то, что она имеет гораздо большее отношение к жизни, чем большинство открытий академической психологии. Эти открытия иногда обладают выдающимся теоретическим значением, от них часто бывает удручающе мало пользы для нас, когда, мы обращаемся к непосредственным, практическим проблемам жизни.

Шульц: Я надеюсь, Вы меня извините, если я привлеку свою собственную профессию к нашему разговору (если я, возможно, в огромной степени преувеличиваю ее влияние), но Не должны ли мы, журналисты, если это не свойственно никому другому, обладать определенной компетенцией в характерологии так, чтобы хотя бы некоторые их нас могли бы ее применять и публично развивать критические перспективы и критерии, которые необходимы, чтобы мы могли освободиться от иллюзий, когда оцениваем нашу политическую ситуацию и все остальные процессы и изменения, которые касаются всех нас?

Шульц: Да, конечно. Это было бы желательно. Но существует нечто, о чем не следует забывать: применение характерологии требует смелости. Достаточно легко бывает сказать, что это политическое руководство и его идеи хороши и помогут всем нам. Но заявить, что этот человек является мошенником, что его политика поведет нас по гибельному пути, что его цели противоположны тем, которые он провозглашает, что его умонастроение есть род философии и религии, которая враждебна всему, что мы почитаем за благо, – чтобы заявить все это, нужна смелость, так как все эти утверждения зачастую не так легко доказать, ибо характер может оказаться весьма сложной вещью. К тому же мы склонны полагать, что негативные утверждения являются «ненаучными» ценностными суждениями, которые не могут быть доказаны. Мы всегда готовы делать ценностные суждения в вопросах вкуса, но, поскольку дело касается личностей, люди опасаются высказывать что-либо, что похоже на ценностное суждение. Критика, объявляющая суждения людей совершенно ненаучными, подрывает их уверенность в самих себе, как будто бы утверждения о факте, которые одновременно являются ценностными суждениями, были каким-то образом ограждены от рационального анализа и обсуждения.

Шульц: Один последний вопрос, который подведет итог многому из того, что мы здесь обсуждали. Сопротивление – это название для высокого рода деятельности, такой деятельности, к какой нам надо готовиться. Но когда дело доходит до социальных и политических проблем, то в силу ряда причин мы часто сталкиваемся с такими явлениями, как пассивность, отсутствие интереса, фатализм, чувство бессилия и «отказы» как в большом, так и малом, отказы подвергаться риску и взять на себя ответственность, принимать решения и, возможно, навлечь на себя «вину». К сожалению, сейчас не время и не место обсуждать эти проблемы подробнее. Но я был бы благодарен, если бы Вы смогли высказаться кратко по вопросу о том, когда и где следует начинать сопротивление и так, чтобы оно могло стать эффективным задолго до того, как возникнет необходимость убийств.

Фромм: Если Вы начинаете свое сопротивление Гитлеру лишь после того, как он одержал победу, то Вы проиграли еще до того, как Вы начали. Ибо чтобы оказать сопротивление, Вам необходимо иметь внутренний «стержень», убеждение. Вам необходимо обладать верой в самого себя, быть способным мыслить критически, быть независимым человеческим существом, человеческой личностью, а не овцой. Чтобы достичь этого, научиться «искусству жить и умирать», требуется масса усилий, практической деятельности, терпения. Как и всякому другому искусству, и этому необходимо учиться. Всякий человек, развитие которого пойдет в этом направлении, обретет также способность постигать, что есть благое или дурное для себя и для других, благое или дурное для него как человеческого существа, а не благое или дурное для его успеха, овладения властью или вещами.

Структура нашего мозга позволяет нам осуществлять нечто совершенно уникальное: мы способны определять для себя оптимальные цели и ставить свои

эмоции на службу этим целям. Всякий, кто пойдет по этому пути, научится оказывать сопротивление не только великим тираниям, подобным гитлеровской, но также «малым тираниям», ползучим тираниям бюрократизации и отчуждения в повседневной жизни. Этот род сопротивления сейчас более труден, чем когда-либо ранее, ибо наша социальная структура плодит эти малые тирании. В этой структуре человеческое существо все более и более низводится к роли винтика, нолика, фишки в бюрократическом сценарии. Нам не приходится ни принимать решений, ни брать на себя ответственность. В общем и целом, мы делаем то, для чего нас предназначила бюрократическая машина. Нам приходится все меньше и меньше думать, переживать, формировать свою собственную судьбу. Единственные веши, о которых человек еще на деле задумывается, являются продуктами его собственного эгоцентризма, и они касаются вопросов вроде того; как жить дальше? Как мне заработать побольше денег? Как укрепить свое здоровье? Они не задаются такими вопросами: что хорошо для меня как для человеческого существа? Что хорошо для нас, как для полиса — государственного сообщества? Ибо для греков и в классической традиции именно таковы были великие вопросы, на решение которых было направлено все мышление, мышление не как орудие усиления господства над природой, но мышление как инструмент решения проблемы: каков наилучший образ жизни? Что способствует росту человека, проявлению наших лучших сил?

Широко распространенная пассивность, неучастие в решениях, влияющих на наши собственные жизни и жизнь нашего общества, — вот почва, на коей могут произрастать фашизм и подобные ему движения, для которых мы обычно подыскиваем названия лишь после того, как они стали фактом.

Актуальность пророков сегодня

Если мы хотим сегодня обсудить проблему значимости пророков для нас, то мы должны начать с нескольких вопросов. Являются ли книги пророков все еще злободневными для всех, а не только для религиозных христиан и иудеев? Или поставим вопрос по-другому: разве они должны быть значимы для нас сегодня? Или мы можем пойти еще дальше: разве не должны они стать для нас весомыми снова только потому, что они кажутся столь неприемлемыми? Происходит ли это потому, что мы живем в то время, когда пророков нет, а мы, тем не менее, нуждаемся в них? Но мы не сможем ответить на все эти вопросы до тех пор, пока не выясним, что же такое пророк в ветхозаветном смысле этого слова. Является ли он предсказателем, который лишь открывает предопределенное будущее? Приносит ли он только плохие новости? Он — сын Кассандры? Или он подобен Дельфийскому оракулу, в двусмысленных намеках которого мы должны уловить некие инструкции?

Прежде всего, пророки не детерминисты. Они не имеют права отвергать желание человека самому прожить свою жизнь и свою историю. Они провидцы, но не предсказатели. Или предсказатели, но не в том смысле, в котором мы обычно употребляем это слово, а скорее в том смысле, что они изрекают истину, так как это и является буквально тем, что делает «предсказатель». Истиной, которую они провозглашают, является то, что человек может и должен выбирать между различными альтернативами и что эти альтернативы предопределены. Другими словами, то, что делает человек, — не предопределено, но альтернативы, между которыми он должен выбирать, предопределены. В библейские времена, во времена, когда говорили пророки, выбор заключался либо в поклонении силе государства, силе земли, силе всего, чему устанавливались идолы, либо в разрушении государства и рассеивании его граждан.

Люди должны были выбирать между этими двумя полюсами, а пророки определяли их. Но я должен отметить, что пророки не руководствовались моралью или религиозными мотивами при определении альтернатив. Они проповедовали с точки зрения настоящей политики в самом узком смысле этого слова. Они понимали, что маленькое восточное государство на Ближнем Востоке, потерявшее свою духовную суть и свою миссию, уже начало погибать, точно так же как перед этим погибли многие другие маленькие государства. Но был выбор. Люди могли наблюдать за гибелью своего государства или же перестать поклоняться ему, как идолу. Они могли выбирать из двух возможностей. Но пророки хотели в обоих случаях лишить людей иллюзий, что они могли иметь одновременно и «минигосударственное», и человеческое существование.

Подтверждение этому мы можем найти в рассказе о том, что сделал судья и

пророк Самуил, когда евреи сказали; «…поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». Самуил показал им их возможности. Люди могли выбирать между угнетением каждой отдельной личности в руках восточного деспота и свободой. Но выбор между этими двумя альтернативами оставался за людьми, которые хотели быть похожими на другие народы. Люди хотели царя. И Бог сказал Самуилу: «Итак, послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними».

И это приводит нас к третьей функции пророков: они протестуют. Они не только показывают существующие возможности, но и активно предупреждают против выбора, который ведет к разрушению. Но, выполнив однажды свою миссию и выразив свой протест, они оставляют на волю людей делать то, что они хотят. Даже Бог не вмешивается и не делает чудес. Ответственность остается за человеком, который должен определить свою судьбу сам. Пророк предлагает свою помощь только в смысле того, что он называет вещи своими именами и обращает внимание на тот выбор, что ведет к катастрофе.

Мы находимся сегодня в сходной ситуации. Мы выбираем между человеческим и варварским обществом, между всеобщим ядерным разоружением и всеобщим, или, в лучшем случае, массовым, разрушением. Сегодня задачей пророка также было бы предупредить нас и возразить против того, что означало бы уничтожение.

Какова была вера пророков? Пророки проповедовали одну веру, веру в Единого Бога, чья природа состоит из истины и справедливости. Но в первую очередь пророки занимались не вопросами веры, а вопросами воплощения веры. Они пытались понять, как могли бы воплотиться Божественные принципы на земле. Однако один вопрос был все же крайне важен для пророков, а именно, утверждение того, что Бог – Единый истинный Бог. Что это значит, Единый истинный Бог? Является ли это математической проблемой, один против множества? А это означает, что существует Единство, Один, который стоит за всем многообразием вещей и всем многообразием наших чувств и импульсов. Один, который и является высшим принципом. Но мы поймем значимость Единого для пророков только, если мы примем во внимание еще один решающий фактор. Этот фактор – различие между Богом и идолами или ложными богами. Идолы создаются человеком. Бог тоже может стать идолом, если ему поклоняются как идолу, т. е. творению рук человека. Бог жив, и фраза «живущий Бог» возникает снова и снова. Идолы – это вещи, о которых можно сказать: они мертвы. Как однажды сказал пророк о них: «Глаза есть у них, но они не видят; у них есть уши, но они не слышат».

Пророки знают, что поклонение идолам означает порабощение человека. Они иронично замечают, что идолопоклонник начинает с куска дерева. Из одной половины куска дерева он разводит огонь и печет хлеб. Из другой он делает идола и затем поклоняется куску дерева, работе рук своих, так как будто бы куски дерева, которые он разрубил, выше и могущественнее его. А почему они выше его? Потому что он вложил в кусок дерева все свои силы, сделав себя при этом бедным, а идола богатым. И чем могущественнее идол, тем беднее идолопоклонник. И чтобы оградить себя от окончательного обеднения, человек должен подчиниться идолу и отвоевать назад часть своего внутреннего богатства, сделав себя рабом идола. В современном философском языке это называется «умопомешательством». Это слово Маркс и Гегель использовали в том же самом значении, в котором и пророки по отношению к идолопоклонству: подчинение себя вещам, потеря внутреннего Я, свободы и самозанятости, вызванные этим подчинением. Мы думаем что, если у нас нет Баала или Астарты, то у нас нет идолов и идолопоклонников. Но мы слишком легко забыли, что у наших идолов другие имена. Их зовут не Баал и Астарта, их имена – обладание, власть, материальные ценности, товары, честь, слава и все то, чему люди поклоняются сегодня и то, что порабощает их.

Возможно, самым важным вкладом пророков в мировую историю является их концепция мессианского периода. Это было новое и уникальное видение мира, которое представляет собой огромную историческую ценность. Это была концепция «спасения», спасения человека посредством его самореализации. Пророки считали мессианским периодом время, когда проклятие, наложенное на человека в Эдеме, будет снято. Частью этого проклятия была потеря человеком мира внутри себя, его стремление иметь все больше и больше внешнего. Проклятие также подействовало на отношения между полами. Сегодня мы воспринимаем как дар, что мужчины являются правящим полом, но мы не должны забывать, что в библейской истории управление мужчиной женщины налагалось как наказание. Другими словами, до изгнания из Эдема мужчина отнюдь не руководил женщиной. И существует много исторических данных,

свидетельствующих о том, что в доисторическое время действительно не было превосходства мужчины над женщиной.

Последним пунктом проклятья, который я хотел бы затронуть, является вражда между человеком и природой, то, что «человек должен зарабатывать свой хлеб в поте лица своего», что работа является для него не удовольствием, а наказанием. Эта остается реальностью для многих вплоть до сегодняшнего дня. То же самое проклятье, что приговорило мужчину бороться с природой, отразилось и в женщине, рожающей в муках. Мужской пот и женская боль являются двумя символами, которые демонстрируют смирение и наказание всего человечества в библейском проклятии. Но как я отмечал ранее, сегодня мы рассматриваем их как нечто естественное и неизбежное, а авторы Библии видят их совсем не так.

В чем заключалась мессианская идея пророков? С ее помощью должен был быть создан новый мир, который был бы чем-то большим, чем просто отсутствие войны. Это было бы государство солидарности и гармонии между отдельными людьми, нациями, полами, человеком и природой. В этом государстве, говорили пророки, человека не будут учить бояться. Мы слишком легко забываем, что агрессия есть последствие нашего страха. Нас учат бояться на каждой стадии развития, не доверять другим, ожидать худшего. Пророки достаточно резко говорили, что агрессия исчезнет, только когда исчезнет страх. И это подходит под их концепцию мессианского века. В их глазах это будет время изобилия, когда стол будет накрыт для каждого, кто хочет есть, для любого, кто имеет право сесть за этот стол и разделить пищу с другими людьми. Другой характеристикой мессианского века, каким его видели пророки, был мир и гармония среди людей. Люди будут свободны от жадности, ревности и конфликтов между собой и природой, и у их жизни появятся другая цель и новые задачи. Они перестанут приобретать. Соединение всех этих истинно человеческих потребностей и создает ту проблему, которая всегда будет с нами, всегда будет открытой для решения. Основная задача пророков состояла в познании Бога во всем его многообразии. Или, если выражать эту идею нетеологическими терминами, они считали, что человек должен, главным образом, развивать свою духовность, свои чувства в полной мере; он должен быть свободным и сконцентрированным, он должен стать тем, чем только и может стать человек.

Мессианский период в определенном смысле является реконструкцией Рая. Но Рай существовал в начале истории или, если хотите, в доисторическое время. Райская гармония была непоколебимой до тех пор, пока человек не осознал себя отдельной личностью среди многих других. Это была гармония начального человеческого развития, или примитивности, первичного, доисторического единства. Мессианский век является возвращением к этой гармонии, но только уже после того, как человек полностью осознал свое место в истории. Мессианский век не означает конец истории, но он в какой-то мере представляет начало настоящей истории человечества, потому что в нем победило все то, что удерживало человека от того, чтобы быть человеком в полном смысле этого слова.

Я говорил раньше об огромном конструктивном влиянии мессианской идеи на развитие человечества. Возможно, не существует других идей с таким огромным влиянием на наше развитие. Я не хочу вдаваться в подробности, но, думаю, что и христианство, и социализм одинаково проникнуты мессианской идеей, хотя каждое из них определяет ее своими словами. И в какой-то степени и то, и другое отошли от того, что я изложил только что как суть явления.

Идея мессианства остается живой на протяжении истории. Она вновь победила; она снова подкупила время, как это было, например, в случае с христианством. Она никогда не умирала; она всегда оставалась живой. Сегодня мы можем это наблюдать во множестве случаев – социализм может послужить нам примером. Гуманистический социализм Маркса был быстро и полностью фальсифицирован в так называемых социалистических странах. Но даже в этом случае семя истины не высохло до конца; даже там мы можем увидеть, как светская версия мессианской идеи, которую мы находим в марксистском социализме (но не у социал-демократов или у коммунистов), подобно семени возрождается к жизни вновь и вновь иногда только лишь в отдельных личностях. Возможно, не будет преувеличением сказать, что современная история едва ли была бы мыслима без огромного влияния на нее идеи мессианства. И мы не сможем полностью понять современную историю, если не будем следить за тем, где и как эта идея восторжествовала и погибла.

Исходя из этого, можно сказать, что и сегодня пророки чрезвычайно актуальны. Они нужны потому, что, как я указывал раньше, выбор, с которым мы сталкиваемся сегодня, является абсолютно таким же, как и для людей во времена пророков. Мы тоже должны знать, какие существуют альтернативы, нам тоже приходиться выбирать. И если мы хотим понять, какую ценность представляют для нас сегодня пророки, то мы не должны заниматься только текущими событиями. Нам нужно действительно прочитать пророков. Это чрезвычайно полезное и, я бы сказал, чрезвычайно волнующее чтение. Они могут рассказать нам о современном мире гораздо больше, чем многие программы новостей которые претендуют на истинность и показывают нам настоящее таким, какое оно есть, но отнюдь не освещают его.

Может ли человек преобладать?

Предисловие

Почти все ответственные политические лидеры сходятся во мнении, что Соединенные Штаты и весь западный мир вступили в опасный период. Хотя высказывания на этот счет несколько разнятся при определении степени этих опасностей, все же существует широко распространенное мнение, что перед нами ясная и реалистическая картина данной ситуации, понимаемая по возможности адекватно, и что нет какого-то существенно иного пути, чем тот, который сейчас осуществляется.

В основе такого взгляда на мировую ситуацию лежат в основном следующие предпосылки: коммунизм, представляемый Советским Союзом и Китаем, — это революционно-империалистическое движение, направленное на покорение мира либо силой, либо путем переворота. В результате индустриального и военного развития коммунистический лагерь, и особенно Советский Союз, стал мощным соперником, способным в значительной степени разрушить наш человеческий и промышленный потенциал. Этот блок можно удержать от осуществления своего стремления к мировому господству, только продемонстрировав, что любая подобная попытка будет встречена контрударом, который в свою очередь разрушит и сомнет человеческий и экономический потенциал своего соперника. В этой силе сдерживания заключается единственная надежда на сохранение мира, поскольку Россия воздержится от своих притязаний на мировое господство только из-за страха перед нашим ответным ударом. Пока мы располагаем достаточно надежной сдерживающей силой и военными союзниками во всем мире, мир находится в безопасности.

Человек: кто он есть?

Вопрос: «Кто есть человек?» вводит нас прямо в суть проблемы. Если бы человек был предметом, мы могли бы спросить: «Что он есть?» и определить его так, как мы определяем объекты природы или продукты производства. Но человек — не предмет и, следовательно, не может быть определен тем способом, каким мы определяем предметы. Но, несмотря на это, человек часто рассматривается как вещь. Его определяют как рабочего, директора завода, врача и т. д., но такой подход говорит нам только о социальной функции индивида. Другими словами, человек определяется в терминах его общественного положения.

Человек не вещь, он — живое существо, находящееся в постоянном процессе развития, и в каждый момент своей жизни он еще не является тем, кем он может быть.

Хотя человек не может быть определен тем способом, каким мы определяем стол или часы, нельзя сказать, что он совершенно не поддается определению. Определение человека не исчерпывается утверждением того, что он является живым существом, а не предметом. Наиболее важный аспект в определении человека заключается в его мышлении, способном выйти за пределы удовлетворения физических нужд. В отличие от животного для человека мышление — это не просто средство добычи желаемого, но также средство исследования реалий своего существования и окружающего его мира, независимо от того, хочет он этого или нет. Другими словами, человек обладает не

только умственными способностями, присущими животным, но также и рассудком, которым он может воспользоваться для постижения истины. Человек, ведомый своим разумом, наилучшим образом раскрывает себя как существо духовное и физическое.

Известно, однако, что многие люди, ослепленные алчностью, не поступали в своей жизни рационально. Еще хуже, когда действия целых наций обусловлены в последнюю очередь разумом; демагоги всегда готовы позволить гражданам забыть, что, доверяя им, они разрушают свой город и свой мир. Нации погибали, будучи неспособными освободиться от иррациональных эмоций, обусловливающих их поведение, и познать путь истины. Миссией пророков Ветхого Завета было не предсказание будущего, как думают многие, а провозглашение истины, предупреждение таким образом людей, какими последствиями в будущем могут обернуться их действия в настоящем.

Определяя человека, мы пользуемся нашими собственными знаниями о себе, ибо человек не является предметом, который может быть объективно описан, следовательно, вопрос: «Кто есть человек?» обязательно приведет нас к вопросу: «Кто я?» и, если мы хотим избежать ошибки рассмотрения человека как предмета, то единственно возможным ответом на вопрос: «Кто я?» будет: «Я — человек».

Большинство людей никогда не ощущали своей индивидуальности как человеческого существа. Люди создают множество иллюзорных образов самих себя, своей индивидуальности и своих качеств; как правило, на наш вопрос они ответят: «я — учитель», «я — рабочий», «я — врач». Но сведения о профессии личности ничего не говорят нам о личности как таковой и не содержат ключ к разгадке тайны: «Кто есть человек?» и «Кто я?».

Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Все мы обладаем определенной социальной и психологической ориентацией. Как и когда можно понять, будет ли раз сделанный выбор постоянным или какое-нибудь сильное переживание изменит эту ориентацию? Достигнут ли люди момента своей жизни, в который они твердо встанут на свой путь, чтобы правомерно можно было о них сказать, что они стали теми, кем должны быть и никогда не претерпят изменений? Статистически это может быть сказано о множестве людей. Но можем ли мы это сказать о каждом к моменту его смерти, и можем ли мы продолжать утверждать это, если допустим, что он мог бы измениться, если бы жил дольше?

Мы можем охарактеризовать человека еще одним способом. Человек руководствуется двумя типами эмоций и побуждений. Первый тип имеет биологическое происхождение и является, в основном, одинаковым для всех людей. Он включает все, что исходит из требований для выживания: необходимость удовлетворения голода и жажды, необходимость в ощущении защищенности, желание принадлежать к какой-нибудь социальной структуре и, в значительно меньшей степени, необходимость сексуального удовлетворения. Эмоции второго типа не уходят своими корнями в биологию и не являются одинаковыми для каждого. Такие эмоции, как любовь, удовольствие, солидарность, скука, зависть, вражда, жадность, конкуренция, берут свое начало в различных социальных структурах. Что касается ненависти, то следует различать реактивную ненависть и эндогенную. Я склонен их рассматривать как параллельные терминам реактивной и эндогенной депрессии. Угроза кому-то одному или какой-то группе порождает реактивную ненависть, которая исчезает, когда опасность миновала; эндогенная ненависть — это черта характера. Человек, исполненный такой ненависти, всегда ищет способ излить эту ненависть.

В отличие от биологически обусловленных эмоций эмоции, порожденные социумом, как мной уже упоминалось выше, являются продуктом специфических социальных структур. В обществе, где эксплуатирующее меньшинство доминирует над беззащитным и угнетенным большинством, имеют место оба типа ненависти. Эксплуатируемое большинство будет испытывать ненависть — это очевидно. Вражда со стороны доминантного меньшинства подпитывается страхом мщения, которое однажды могут осуществить угнетенные. Более того, меньшинство должно ненавидеть массы, дабы подавить свое чувство вины и оправдать свою эксплуатацию. Ненависть не исчезнет, пока справедливость и равенство не восторжествуют. Точно так же истина не может превалировать, пока людям приходится лгать, чтобы оправдать свое попирание принципов справедливости неравенства.

Некоторые утверждают, что такие принципы, как равенство и справедливость,

являются идеологией, которая родилась у философов и политиков в ходе истории и не являющейся частью того, чем природа изначально наградила человека. Я не буду входить в детали опровержения этого аргумента, но я хочу поставить ударение на том пункте, который говорит против него: способ, которым люди реагируют, если враждебная группа попирает принципы справедливости и равенства, свидетельствует в пользу того, что в сокровенной сути людей эти ценности обладают большой значимостью. Чувствительность человеческой совести нигде так не является наиболее очевидной, как в том случае, когда люди реагируют на малейшие нарушения справедливости и равенства, если, конечно, когда они не являются теми, кто обвиняется в подобных нарушениях. Совесть находит решительное выражение в обвинении враждующих национальных групп. Если бы у людей не было естественной моральной чувствительности, как было бы возможно разбудить в них негодование, показывая им всю жестокость деяний их врагов?

Другое определение человека говорит, что он есть существо, в котором инстинктивное поведение сведено до минимума. Очевидно в человеке остались элементы инстинктивной мотивации, как в случае удовлетворения голода и инстинкта размножения. Но только тогда, когда на карту поставлено выживание индивида или сообщества, тогда его действия в первую очередь обусловлены инстинктами. Большинство побуждений, которыми руководствуются люди, — амбиции, зависть, ревность, месть — проистекает и подпитывается специфическими социальными констелляциями. Факт, что эти побуждения могут иметь приоритет даже над инстинктом выживания, демонстрирует, насколько сильны они могут быть. Люди часто готовы пожертвовать своей жизнью как в угоду ненависти и амбициям, так и ради любви и преданности.

Наиболее отвратительный из всех человеческих импульсов — желание использовать другого в своих целях посредством власти над ним — есть не более чем утонченная форма каннибализма. Подобные импульсы — использовать других в своих собственных целях — не были известны в неолитическом обществе. Почти для каждого, живущего сегодня, практически невозможно представить себе, что когда-то был исторический период, когда человек не хотел эксплуатировать и не был эксплуатируем; но, тем не менее, такой период был. В ранних земледельческих и охотничье-собирательских обществах каждый имел достаточно средств для существования, тогда было бессмысленно накапливать материальные ценности. Частная собственность еще не могла рассматриваться как капитал и не служила источником власти. Этот этап человеческого мышления отражен в символической форме в Ветхом Завете. Дети Израиля питались манной в пустыне; ее было достаточно, и каждый мог есть столько, сколько он хочет, но манной нельзя было запастись. То, что не было съедено в тот же день, портилось и исчезало. Не было причины для спекуляции, ибо количество манны не играло роли, но орудия труда и зерно не исчезают. Они могут быть запасены и дать могущество тем, кто имеет их больше других. Только когда избыток стал превышать определенный уровень, правящему классу стало удобно оказывать влияние на других, заставлять их работать на себя и смириться с тем минимумом, который необходим для существования. Триумф патриархального государства сделал рабов, рабочих и женщин главными жертвами эксплуатации.

Подлинная история человечества начинается только тогда, когда человек перестает быть потребителем и кладет конец каннибалистическому и доисторическому в себе. Чтобы осуществить подобное изменение, нам необходимо будет полностью осознать, насколько пагубны наши каннибалистические пути и обычаи. Но даже полное осознание будет безрезультатным, если не будет сопровождаться полным раскаянием.

Раскаяние есть нечто большее, чем сожаление о чем-либо. Раскаяние — это очень могущественная эмоция. Раскаявшаяся личность чувствует настоящее отвращение к самой себе и к тому, что она совершила. Подлинное раскаяние и стыд, который сопровождает его (эмоции, свойственные только человеку), могут предупредить повторение прежних злодеяний. Там, где нет раскаяния, может возникнуть иллюзия, что не совершается никакого злодеяния. Но как можно отличить подлинное раскаяние? Чувствовали ли израильтяне раскаяние за геноцид, учиненный над племенами Ханаана? Чувствуют ли американцы раскаяние за почти полное уничтожение индейцев? Тысячелетия человек жил в системе, которая задерживает победу раскаяния, в которой ставится знак равенства между силой и справедливостью. Каждому из нас следовало бы откровенно признаться в злодеяниях, которые совершили наши предки, современники или которые совершили мы сами либо непосредственно, либо из-за отсутствия сопротивления им, и сделать это открыто, публично, в ритуальной форме, так,

как это было бы на самом деле.

Римская католическая церковь предлагает индивиду возможность признать свои грехи и, таким образом, позволить голосу совести быть услышанным. Но индивидуального раскаяния недостаточно, так как оно не адресовано преступлениям, совершенным группой, классом, нацией или, что особенно важно, суверенным государством, которое не является субъектом диктата индивидуальной совести. До тех пор, пока мы бессильны совершить «признание национальной вины», мы будем идти прежним путем, лицемерно закрывая глаза на преступления наших врагов и оставаясь слепыми по отношению к нашим собственным преступлениям. Как могут отдельные люди начать следовать голосу совести сколько-нибудь серьезным образом, если нации, чье предназначение быть хранителем морали, совершают поступки без какой-либо оглядки на совесть. Неизбежно вытекает то, что голос совести молчит в каждом гражданине, а совесть так же неделима, как и правда.

В наших действиях не могут доминировать иррациональные эмоции, если человеческий разум начнет эффективно направлять их. Разум остается разумом, даже если он направлен на плохие цели. Тем не менее, разум есть наше ускользание от реальности как таковой, а не той реальности, которую хотели бы видеть, т. е. реальности, которую мы могли бы использовать в своих собственных целях. Разум, в этом смысле, может быть эффективен только в той степени, в какой мы способны отклонить наши иррациональные эмоции, т. е. в той степени, в которой мы, как человеческие существа, становимся истинными людьми, и эти иррациональные побуждения перестают быть главными мотивирующими силами, стоящими за нашими действиями.

Это приводит нас к вопросу о том, какие стимулы необходимы для выживания человеческой расы. Агрессия и деструктивность могут помочь одной группе искоренить другую и, таким образом, выжить; но эти стимулы принимают другое значение, если мы рассматриваем их в контексте всего человечества. Если бы агрессия распространилась на все человеческое население, то это могло бы привести не только к уничтожению той или иной группы, но, в конце концов, к искоренению всей человеческой расы. В прошлом подобная мысль не соотносилась с реальностью и была праздным размышлением. Сегодня наша любовь к жизни претерпевает глубокий упадок. Разрушение всего человечества – реальная возможность, так как мы имеем средства для саморазрушения и потому, что мы фактически играем с идеей использования этих средств. Сегодня мы обязаны осознать, что принцип выживания сильнейшего, который заключается в неограниченной воле к власти над независимыми государствами, может привести к уничтожению всего человечества.

В XIX в. Эмерсон сказал: «Вещи оседлали человечество и едут на нем верхом». Сегодня мы можем сказать: «Человечество сделало из вещей идолов, и культ этих идолов может уничтожить его».

Мы снова повторяем, что нет предела податливости человеческого существа, и при беглом анализе это кажется правдой. Обзор человеческого поведения на протяжении веков, показывает нам, что в нем практически нет действий, от наиболее благородных до наиболее низких, на которые человек был бы не способен и которые бы не совершил. Необходимо уточнить тезис «податливости человеческого существа». Всякое поведение, которое не служит развитию личности, ее прогрессу на пути полной самореализации, задерживает ее развитие. Эксплуататор боится эксплуатируемых, убийца боится осуждения, которое изолирует его, даже если эта изоляция не принимает форму изоляции в тюрьме. Разрушитель боится голоса собственной совести. Безрадостный потребитель боится жить, не испытывая полноты жизни.

В утверждении, что человек бесконечно податлив, подразумевается то, что он может быть физиологически живым, но разум его будет искалеченным. Такая личность несчастна, она не будет испытывать радости. Она будет испытывать ожесточение, и это ожесточение будет делать ее деструктивной. Только в случае, если человек сможет разорвать этот порочный круг, он сможет снова открыть для себя возможность радости. Проигнорировав врожденные патологии, можно сказать, что люди физиологически здоровы от рождения. Они становятся искалеченными только благодаря тем, кто хочет осуществить полный контроль над ними, кто ненавидит жизнь и не переносит звука радостного смеха. Если ребенок затем становится искалеченным, они чувствуют оправдание своей враждебной позы по отношению к нему и рассматривают свою враждебность как следствие его больного поведения, не видя при этом причины в себе.

Почему кому-то хотелось бы сделать искалеченным кого-то еще? Ответ на этот вопрос заключается в том, что я называю каннибализмом, все еще присутствующим в современном обществе и о котором было упомянуто выше. Психически искалеченную личность эксплуатировать легче, чем здоровую. Отпор может дать сильная, а не слабая личность. Слабая личность вызывает жалость у власть имущих. Чем больше правящая группа может психически искалечить подвластных ей людей, тем легче ей эксплуатировать их для ускорения достижения своих целей.

Так как человек есть существо, наделенное разумом, он способен критически анализировать свой опыт и увидеть, что способствует продвижению его развития и что мешает ему. Насколько возможно, он добивается гармоничного роста своих физических и ментальных сил с конечной целью достижения благополучия. Как продемонстрировал Спиноза, противоположностью благополучия является депрессия. Можно предположить, что радость есть продукт разума, а депрессия – результат неверного образа жизни. Это находит свое подтверждение в Ветхом Завете, где подобный образ жизни интерпретируется как смертный грех среди тех израильтян, чья жизнь была безрадостна, даже несмотря на то, что они жили в изобилии.

Основные условия существования индустриального общества состоят в конфликте с человеческим благополучием. Что это за условия?

Первое основное условие состоит в контроле над природой. Контролировало ли природу доиндустриальное общество? Ясно, что да; в противном случае человек должен был бы погибнуть от голода. Но способ, при помощи которого мы контролируем природу в индустриальном обществе, отличается от способа контроля природы в земледельческом обществе. Частично это стало так с тех пор, как индустриальное общество стало использовать технологию для осуществления контроля над природой. Для производства вещей технология использует способность человека мыслить. Это равнозначно замене женского начала мужским. Вот почему в начале Ветхого Завета описывается, как Бог создал мир посредством слова. В древнем вавилонском мифе о сотворении говорится о Великой Матери, давшей миру рождение.

Второе основное условие индустриального общества есть то, что человек может быть эксплуатируем посредством силы, вознаграждения или – что наиболее часто – сочетания того и другого.

Третье условие состоит в том, что экономическая деятельность должна приносить выгоду. В индустриальном обществе мотив выгоды не является в первую очередь проявлением личной алчности, а скорее является критерием правильности экономического поведения. Мы не производим товары, чтобы их употреблять, хотя большинство товаров должно иметь некоторую утилитарную ценность, чтобы пользоваться спросом. Мы производим товары для получения выгоды. Конечный результат моей экономической деятельности должен быть в том, что я зарабатываю больше, чем мне нужно вложить в производство или в приобретение материальных ценностей. Утверждение, что мотив выгоды является характерной психологической чертой личности, – основная ошибка алчных людей. Желание выгоды можно, конечно, объяснить так, но подобный взгляд на мотив выгоды не является образцом нормы в современном индустриальном обществе. Выгода – есть просто доказательство правильности экономического поведения и, следовательно, критерий успешного бизнеса.

Четвертая черта, которая является классической характеристикой индустриальных обществ, – это конкуренция. История показала, однако, что усиление централизации и разрастание некоторых концернов – и как результат нелегальной, но существующей баллансировки цен – конкуренция между большими концернами положила начало кооперации. В случае, если конкуренция существует, то она скорее встречается между двумя розничными магазинами, чем между двумя индустриальными концернами. В нашем современном экономическом укладе уже не осталось эмоциональной связи между продавцом и покупателем. В более ранние времена существовали специфические отношения между продавцом и его клиентом. Торговец был заинтересован в своем клиенте, и продажа была чем-то большим, нежели просто финансовой сделкой. Бизнесмен чувствовал определенное удовлетворение при продаже своему клиенту того, что было полезным и привлекательным. Это, конечно, случается и сегодня, но это исключение и ограничивается преимущественно маленькими старомодными магазинами. В дорогом супермаркете продавцы вежливо улыбаются, в дешевом они отрешенно смотрят перед собой. Здесь необходимо жестко уточнить, что улыбка в дорогом магазине является фальшью и является отражением высоких

цен магазина.

Пятый пункт, на который я бы хотел обратить внимание, это подавление в себе сочувствия в наш век, и я, наверное, добавил бы, что вместе с этим угасает способность человека страдать. Я не имею в виду, конечно, что люди сегодня страдают меньше, чем раньше, но они настолько отчуждены друг от друга, что уже не чувствуют полноту своего страдания. Подобно кому-то с хронической физической болью они приходят к тому, что принимают свое страдание как данное и ощущают его только тогда, когда оно выходит за рамки своего нормального фона. Но не стоит забывать, что страдание – это только эмоция, которая, как кажется, действительно является общей для всех людей и, возможно, для всех чувствующих существ. По этой причине страдающая личность, которая осознает, насколько страдание вездесуще, может чувствовать утешение в человеческой солидарности.

Существует множество людей, которые никогда не знали счастья, но нет никого, кто бы никогда не страдал, независимо от того, как упорно он избегает страдания. Сочувствие неотделимо от любви к человечеству. Где нет любви, там не может быть сочувствия. Безразличие противоположно сочувствию, и мы можем описать безразличие как патологическое состояние с шизоидными тенденциями. То, что выдается за любовь к другому индивиду, часто доказывает, что это не что иное, как зависимость от этой личности. Любой, кто любит одну личность, на самом деле не любит никого.

Глава I. Несколько предпосылок общего характера

I. Предупреждающее в сравнении с катастрофическим изменением

Общества живут своей собственной жизнью; они базируются на существовании определенных производительных сил, географических и климатических условиях, методах производства, идеях и ценностях и на определенном типе человеческой личности, развившимся в этих условиях. Они организованны таким образом, что имеют тенденцию продолжать существование в том виде, к которому сами себя приспособили. Обычно люди, принадлежащие к любому обществу, верят, что образ существования их общества – естествен и неизбежен. Они с трудом осознают какие-либо другие возможности и действительно склонны верить, что кардинальное изменение формы их существования приведет к хаосу и разорению. Они всерьез убеждены, что их путь верен, одобрен богами или законами человеческой природы и что единственной альтернативой исключительному порядку, в котором они существуют, является разрушение. Эта вера не просто результат доктринизации, она коренится в эмоциональной сфере человека, в структуре его характера, которая формируется всем социальным и культурным устройством, с тем чтобы человек делал то, что должен, с тем, чтобы его энергия направлялась на выполнение той индивидуальной функции, которую он должен выполнять как полезный член данного общества. Именно потому, что система мыслей уходит корнями в систему чувств, образ мыслей так сильно и упорно сопротивляется изменению.

Тем не менее общества меняются. Множество факторов, таких как новые производительные силы, научные открытия, политические завоевания, рост населения и т. д., способствуют изменениям. Вдобавок к этим объективным факторам растущее осознание человеком своих потребностей и самого себя и, что важнее всего, своей возрастающей потребности в свободе и независимости способствуют постоянному изменению его исторического положения, ведя от жизни обитателя пещер к человеку, в недалеком будущем путешествующему в космосе.

Как происходят эти изменения?

Чаще всего – посредством насилия и катастроф. Большинство обществ, ведущие и ведомые, было не в состоянии добровольно, мирным путем приспособиться к абсолютно новым условиям, предвосхитив необходимые изменения. Они склонны упорно продолжать то, что они порой поэтично называют «выполнением своей миссии», пытаясь сохранить основной социальный уклад, внося лишь незначительные изменения и модификации. Даже когда складывались обстоятельства, являвшиеся полным, вопиющим противоречием всей их структуре, такие общества продолжали слепо пытаться сохранить устоявшийся

образ жизни до тех пор, пока это становилось действительно абсолютно невозможным. Потом они завоевывались и уничтожались другими нациями или медленно умирали из-за своей неспособности управлять дальше жизнью в привычном ключе.

Больше всех сопротивлялась фундаментальному изменению элита, которая получала наибольшую выгоду от существующего порядка и поэтому не могла добровольно отказаться от своих привилегий. Но материальные интересы властвовавших и привилегированных групп не единственная причина неспособности многих культур предвосхитить необходимые изменения. Другой не менее важной причиной выступает психологический фактор. Ведущие и ведомые общества, гипостазируя и обожествляя свой образ жизни, свои идейные концепции и свою формулировку ценностей, становятся с ними неразрывно связанными. Даже не сильно отличающиеся концепции становятся помехой и рассматриваются как враждебные, дьявольские, безумные атаки на собственное «нормальное», «здоровое» мышление.

Для последователей Кромвеля паписты были посланниками дьявола; для якобинцев таковыми были жирондисты; для американцев – коммунисты. Кажется, что человек в любом обществе абсолютизирует образ жизни и образ мышления, созданные данной культурой, и скорее умрет, чем что-то изменит, поскольку изменение для него равносильно смерти.

Поэтому история человечества – это кладбище великих культур, пришедших к катастрофическому концу из-за своей неспособности на спланированную, рациональную, добровольную реакцию на вызов.

Тем не менее ненасильственные, упреждающие изменения все же случались в истории. Освобождение рабочего класса от статуса объекта жестокой эксплуатации и придание ему ранга важного экономического партнера – один из примеров ненасильственного изменения межклассовых отношений внутри общества. Готовность британского правительства подарить Индии независимость до того, как оно было бы вынужденно это сделать, – пример из области международных отношений. Но эти упреждающие решения являются пока скорее не правилом, а исключением из правил. Религиозный мир наступил в Европе только после Тридцатилетней войны[8 - Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. между габсбургским блоком (католицизм) и антигабсбургской коалицией (протестантизм). Окончилась Вестфальским миром 1648 г. – Прим. пер.], в Англии – лишь после полных насилия и жестокости обоюдных гонений папистов и антипапистов; в первой и второй мировых войнах мир был достигнут только после бесполезного массового убийства миллионов мужчин и женщин с обеих сторон и намного позже того, как стал ясен окончательный исход. Не выиграло ли бы человечество, если бы вынужденные решения принимались добровольно обеими сторонами до того, как стать вынужденными? Не предотвратил бы упреждающий компромисс страшные потери и массовое уподобление диким зверям?

Сегодня мы стоим перед лицом одного из решающих выборов, в котором разница между насилием и упреждающим решением может быть обозначена как разница между разрушением нашей цивилизации и дальнейшим ее развитием. Сегодня мир делится на два блока, противостоящих друг другу с ненавистью и подозрительностью. У обоих блоков есть возможность нанести противнику огромный ущерб, величина которого расценивается как одинаковая для обоих блоков только по причине неточности возможных изменений. (Предполагается, что потери Соединенных Штатов в случае ядерной войны могут составить от 1/3 до практически всего населения убитыми, и такие же оценки верны для Советского Союза.) Оба блока полностью вооружены и готовы войне. Они не верят друг другу, и каждый подозревает другого в желании завоевать и уничтожить противника. Равновесие подозрительности и угрозы, основанной на разрушительном потенциале, существующее в настоящий момент, может продлиться еще какое-то незначительное время. Но в долгой гонке альтернативами являются ядерная война со всеми ее последствиями, с одной стороны, и конец «холодной войны», включающий разоружение и политический мир между двумя блоками, – с другой. (Работа написана в период «холодной войны». – Прим. пер.)

Вопрос в том, должны ли США (и их западные союзники) и СССР с коммунистическим Китаем каждый следовать своему теперешнему курсу к горькому концу, или обе стороны в состоянии предвосхитить определенные изменения и достигнуть решения, которое исторически возможно и которое в то же время оптимально выгодно каждому из блоков.

Вопрос практически тот же, с которым сталкивались другие общества и культуры; а именно: способны ли мы применить понимание истории к политическим действиям.[9 - Эта тема великолепно проработана в кн.: Heilbroner R. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1960.]

Но при этом возникает дополнительный вопрос: что же делает общество жизнеспособным, способным откликнуться на изменение? Простого ответа нет, но очевидно, что общество должно в первую очередь быть способно отличить свои первичные, истинные ценности от вторичных, побочных ценностей и институтов (установленных законов, обычаев, систем). Это сложно, потому что вторичные системы создают свои ценности, которые становятся как бы необходимыми, как человеческие и общественные потребности, вкладывающие их в человека. По мере того как человеческая жизнь переплетается с институтами, организациями, стилями жизни, видами производства и потребления и т. д., у людей появляется желание принести себя и других в жертву творениям своих собственных рук, превратить эти творения в идолы и поклоняться этим идолам. Более того, институты сопротивляются изменению, и, таким образом, люди, связывающие себя с ними, не свободны предвосхитить изменения. Проблема общества, каким является сегодня наше, состоит в том, чтобы вновь обрести основные человеческие и общественные ценности нашей цивилизации и отказаться от преданности, если не сказать поклонения, тем идеологическим ценностям, которые нам препятствуют.

Существует одно огромное различие между прошлым и настоящим, которое делает этот вопрос безотлагательным. Насильственное, вынужденное, неупреждающее решение в нашем случае не приведет к плохому миру, как это было с Германией в 1918 и 1945 гг.; не приведет некоторых наших – или некоторых русских – людей в плен, как это случилось с народами, разбитыми Римской империей; наиболее вероятно, оно приведет к физическому уничтожению большинства американцев и большинства русских, живущих сегодня, и к варварскому, бесчеловечному, диктаторскому режиму для выживших. В наше время выбор между насильственно-иррациональным и упреждающе рациональным поведением – это выбор, который затронет человеческую расу и ее культурное, если не физическое, выживание.

Тем не менее пока надежды на то, что случится такое рационально-упреждающее действие, весьма слабы. Не потому, что нет возможности такого исхода в существующих обстоятельствах, но из-за того, что с обеих сторон выстроены мысленные барьеры из штампов, обрядовых идеологий и даже изрядной доли общественного безумия, которые препятствуют людям – ведущим и ведомым – видеть факты трезво и реально, отделять факты рт вымысла и, как следствие, находить альтернативные насилию решения. Такая рациональная, предупредительная политика требует от нас в первую очередь критической проверки наших предположений о – среди прочих вещей – природе коммунизма, будущем развивающихся стран, ценности средств устрашения в деле сдерживания войны. Она требует также устроить серьезный экзамен нашим собственным предубеждениям и некоторым полупатологическим формам мышления, определяющим наше поведение.

II. Исторические источники современного кризиса и перспективы на будущее

После периода, длившегося примерно 1000 лет, продолжавшегося с возникновения феодализма в Римской империи до позднего средневековья, периода, в течение которого Европа была пропитана христианством, а также идеями греческого, иудейского и арабского типов мышления, она дала рождение новой культуре. Человек Запада открывал природу как объект интеллектуального размышления и эстетического наслаждения; он создал новую науку, которая стала – в течение нескольких столетий – базой для техники, призванной преобразить природу и практическую жизнь человека невероятным образом. Он открыл самого себя как индивидуальность, наделенную почти неограниченными силами и энергией.

Этот новый период породил надежду на улучшение или даже на совершенствование человека. Надежда на возможность совершенствования человека на этой земле и на то, что он способен построить «справедливое общество», – это одна из самых характерных и уникальных особенностей западной мысли. Эта надежда поддерживалась пророками Ветхого Завета, так же как и древнегреческими философами. Позже она была отодвинута в тень – хотя и не потерялась совсем – трансъисторическими идеалами спасения и той силой,

с которой христианское мышление отвращало человека от материального. Она нашла новое выражение в утопиях XVI и XVII вв. и в философских и политических идеях XVIII и XIX столетий.

Параллельно с расцветом надежды после Ренессанса и Реформации последовал рывок в экономическом развитии Запада, первая индустриальная революция. В организационном плане это приняло вид капиталистической системы, характеризовавшейся частной собственностью в области производства, существованием политически свободных наемных рабочих и регулированием всех экономических действий принципами расчета и максимизации прибыли. К 1913 г. выпуск промышленных товаров возрос в семь раз по сравнению с 1860 f., причем практически все производство сосредоточилось в Европе и Северной Америке (на долю остального мира приходилось менее 10% всей продукции).

После окончания первой мировой войны человечество вступило в новую фазу. Природа капиталистической формы производства претерпела глубокие изменения. Новые производственные открытия (такие, как использование нефти, электричества, атомной энергии) и исследования в области техники во много раз увеличили производство товаров по сравнению с серединой XIX в.

Новые технические исследования принесли с собой новую форму производства. Она характеризовалась централизацией производств на больших заводах, наряду с доминирующей ролью больших корпораций; административной бюрократией, которая управляла этими корпорациями, но не владела ими; и такой моделью производства, при которой сотни тысяч работников физического труда и канцелярских служащих сотрудничали на равных, поддерживаемые мощными профсоюзами, которые разделяли бюрократизм крупных корпораций. Централизация, бюрократизация и манипуляция — характерные особенности новой формы производства.

Ранний период индустриального развития, с его потребностью постоянно наращивать тяжелую промышленность в ущерб удовлетворению материальных потребностей трудящихся, вылился в крайнюю бедность миллионов мужчин, женщин и детей, работавших на заводах в XIX в. В качестве реакции на их нищету и как выражение человеческого чувства достоинства и веры по всей Европе широко распространилось социалистическое движение, которое грозило свергнуть старый порядок и заменить его новым, служившим бы делу выгоды широких масс населения.

Организация труда в сочетании с техническим прогрессом и как результат увеличение выпуска продукции сделали доступным для рабочего класса все возрастающую долю национального продукта. Крайняя неудовлетворенность системой, характерная для XIX в., уступила дорогу духу сотрудничества внутри капиталистической системы. Появился новый вид партнерства между промышленностью и рабочими, представленными профсоюзами и (за исключением США) сильными социалистическими партиями. Тенденция к насильственным революциям умерла в Европе после первой мировой войны, за исключением России, наиболее отсталой в экономическом плане среди великих держав.

В то время как пропасть внутри западных индустриальных стран между «имущими» и «неимущими» заметно сократилась и продолжает сокращаться (медленнее в Советской России), пропасть между «имущими странами» Западной Европы и Северной Америки и «неимущими странами» Азии (за исключением Японии), Африки и Латинской Америки сегодня широка так же, как когда-то была в отдельно взятой стране, и продолжает расширяться. Но в то время как в начале нашего столетия жители колоний соглашались с эксплуатацией и бедностью, середина века является свидетелем полномасштабной революции бедных стран. Точно так же как в XIX в. трудящиеся внутри капиталистической системы отказывались продолжать верить, что их судьба предопределена божественным пророчеством или общественным законом, сегодня бедные нации отказываются принимать свою нищету. Они требуют не только политической свободы, но уровня жизни, приближающегося к западному, и быстрой индустриализации как средства достижения этих целей, 2/3 человеческой расы не склонны принимать ситуацию, в которой их уровень жизни колеблется от 10 до менее 5% относительно уровня жизни людей в самой богатой стране — Соединенных Штатах, но которые, составляя всего лишь 6% мирового населения, производят на сегодняшний день около 40% мировой продукции.

Колониальные революции вспыхнули по многим причинам, и среди них ослабление Европы в экономическом и военном плане в первой половине XX в. после двух мировых войн; националистическая и революционная идеология, полученная

Европой и Северной Америкой в качестве наследства XIX в.; новые формы организации производства и общественной жизни, которые позволили превратить возможность «догнать Запад» с уровня лозунга в область реальности.

Китай, позаимствовавший коммунистическую идеологию, общественные и производственные методы у Советской России, становится первой колониальной страной, добившейся видимых экономических успехов, начавшей превращаться в одну из великих мировых держав и пытающейся посредством убеждения и экономической помощи стать во главе колониальных революций в Азии, Африке и Латинской Америке.

После 1923 г. Советский Союз осознанно отказался от надежды на рабочие революции на Западе и фактически стремился сдерживать все западные революционные движения с тех пор, как появилась надежда поддержки национальными революциями на Востоке. Однако теперь, став одним из «имущих» государств, он чувствует опасность, исходящую от многочисленных атак развивающихся стран во главе с Китаем, и ищет взаимопонимания с США, но без дальнейшего преобразования этого взаимопонимания в альянс против Китая.

Любому описанию основных тенденций западной истории за последние 400 лет будет не доставать существенного элемента, пока оно не примет во внимание глубокое духовное изменение. В то время как влияние христианского теологического мышления уменьшалось начиная с XVII в., духовная реальность, подобная той, которая ранее была выражена в теологических концепциях, нашла новое воплощение в философских, исторических и политических формулировках. Философы XVIII в., как отмечал Карл Беккер[10 - Беккер Карл Генрих (1876–1933) – немецкий историк ислама. – Прим. пер.], были не менее верующими, чем теологи XIII в. Они просто отражали в различных концептуальных точках зрения свой жизненный опыт. Со стремительным ростом благосостояния и технических возможностей в XIX в. произошло фундаментальное изменение в позиции человека. Не только, как изложил это Ницше, «Бог умер», но и гуманизм, который был обычным явлением среди теологов XIII в. и философов XVIII в., тоже медленно умирал; доктрины и идеологии как религии, так и гуманизма продолжали использоваться, но подлинное применение все больше и больше истончалось, вплоть до состояния чего-то нереального. Это было подобно тому, как будто человек опьянел от своей собственной силы и превратил материальное производство в главный смысл наиболее достойной человеческой жизни, – в конец, заложенный в нем самом.

Крупномасштабное предприятие, государственное вмешательство, акцент на управление – более сильный, чем на обладание – собственностью в области производства – вот отличительные черты всех индустриальных систем сегодня. Западная капиталистическая система, хотя и обладает многими чертами капитализма XIX в., включает в себя достаточное количество новых особенностей, чтобы очень отличаться от предшествующих систем. Три существующие сегодня формы социализма, радикально порывающие с наследием предыдущего экономического этапа, демонстрируют новые тенденции в разной степени и с разной силой: а) хрущевизм – система полностью централизованного планирования и государственной собственности на промышленность и сельское хозяйство; б) китайский коммунизм – особенно это заметно с 1958 г. – система тотальной мобилизации наиболее значимых имущественных средств, 600 млн. человек, при полной манипуляции их физической и эмоциональной энергией и мыслями, игнорирующей их индивидуальности; в) гуманный социализм, цель которого заключается в смешивании необходимого минимума централизации, государственного вмешательства и бюрократии с максимально возможными децентрализацией, индивидуализмом и свободой. Этот третий тип социализма представлен в различных вариантах – от Скандинавии до Югославии, Бирмы и Индии.

Опираясь на распознавание этих исторических направлений, тезис, который я хочу представить или доказать на последующих страницах, звучит следующим образом:

«Советский Союз под руководством Хрущева – это консервативный, управляемый государством, индустриальный менеджериализм, а не революционная система; он заинтересован в законности и порядке и обеспокоен защитой самого себя от атак революций „неимущих“ стран».

По этой причине Хрущев стремится к взаимопониманию с Соединенными Штатами, окончанию «холодной войны» и всеобщему разоружению. Война ему не нужна, да

он и не желает ее.

Однако Хрущев не в силах отойти от революционно-коммунистической идеологии, не может выступить против Китая, не подорвав свою собственную систему. Следовательно, он вынужден осторожно маневрировать, чтобы сохранить свою идеологическую власть над русским народом и защититься как от противников внутри России, так и от Китая и его потенциальных союзников.

Если он потерпит неудачу в своей попытке завершить «холодную войну» с Западом, он (или его преемник) будет вынужден пойти на тесный альянс с Китаем и политику, которая оставит весьма призрачную надежду на мир.

Развитие бывших колониальных народов не пойдет по капиталистическому пути, потому что по психологическим, социальным и экономическим причинам капиталистическая система одновременно и не осуществима и не привлекательна для них. Вопрос не в том, присоединятся ли они к капиталистической или коммунистической системе. Реальная альтернатива для них заключается в следующем: они могут принять китайскую или русскую форму коммунизма, таким образом став близким союзником одной из этих двух стран, или они заимствуют один из вариантов демократического, децентрализованного социализма и сольются с нейтральным блоком, представленным Тито, Насером и Неру[11 - Тито (Броз Тито) Иосип (1892–1980) – президент Югославии с 1953 г. Насер Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта с 1956 г. Неру Джавахарлал (1889–1964) – премьер-министр Индии с 1947 г. – Прим. пер.].

Соединенные Штаты, таким образом, столкнулись со следующей альтернативой: или продолжающаяся борьба против коммунизма с наращиванием гонки вооружений и, следовательно, увеличением вероятности ядерной войны – или политическое взаимопонимание на основе status quo с Советским Союзом, всеобщее разоружение (включая Китай) и поддержка нейтральных демократических социалистических режимов в бывшем колониальном мире. Последнее из двух решений приведет к поляризации мира, который будет состоять из западного блока под руководством США и Европы, советского блока с СССР во главе, Китая, социал-демократического блока под предводительством Югославии и Индии и блока нейтральных стран, не вошедших в вышеперечисленные группировки.

Бесспорно, две системы, представленные СССР – Китаем и США – Западной Европой, сегодня соревнуются друг с другом на мировой арене. Любая попытка каждой из систем победить другую при помощи военной силы не просто обречена на провал, но приведет к разрушению обеих. Для США существует только один способ соревнования с коммунизмом: посредством демонстрации того, что возможно поднять уровень жизни в развивающихся странах до уровня, сравнимого с уровнем, достигнутым тоталитарными методами, без использования методов принудительной регламентации жизни.

Существование мира с несколькими центрами зависит от принятия существующего положения вещей всеми странами и эффективного всеобщего разоружения. Напряженность и подозрительность гонки ядерных вооружений не допускают политического взаимопонимания; нестабильная политическая ситуация не допускает разоружения. И разоружение, и политическое взаимопонимание одинаково необходимы, если мы хотим сохранить мир. Однако, чтобы эти шаги стали возможными, нужно предпринять некоторые другие: 1. Психологическое разоружение, окончание истеричной ненависти и подозрительности между основными действующими лицами, которые до сих пор делали затруднительным, если не невозможным, реалистическое и объективное мышление с обеих сторон. (Такое психологическое разоружение не подразумевает отказа от политических или философских убеждений или права критиковать другую систему. Напротив, это способствует такой критике и утверждению своих собственных убеждений, потому что они не будут испорчены ненавистью и не будут использоваться для подпитки духа войны.) 2. Массовая помощь – продуктами питания, деньгами, техническим содействием – слаборазвитым странам, которая станет возможна только когда (и только если) закончится гонка вооружений. 3. Усиление и реорганизация ООН таким образом, чтобы эта организация могла контролировать процесс международного разоружения, и организация широкомасштабной экономической помощи слаборазвитым странам.

В международной политике есть еще одна, вряд ли менее важная и связанная с первой, альтернатива. В процессе победы над бедностью и достижения богатства США, как и остальной Запад (и Россия), восприняли дух материализма, под воздействием которого производство и потребление скорее

замкнулись сами на себе, чем стали обозначать более богатую, творческую жизнь. Эти и другие установленные вторичные цели и ценности стали неотличимы для большинства людей от изначальных целей жизни. Помимо всех внешних опасностей наша внутренняя пустота и глубоко укоренившееся отсутствие надежды со временем приведут к падению западной цивилизации, если только подлинный ренессанс духа Запада не придет на смену современным самодовольству, смирению и замешательству. Этот ренессанс должен быть в точности таким же, каким был Ренессанс XV–XVII столетий, – дающим силы восстановлением связи с гуманистическими принципами и стремлениями западной культуры.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать: то, чему мы сегодня являемся свидетелями; это стремительно развивающаяся мировая революция, начавшаяся на Западе 400 лет назад. Она привела к новой системе производства, которая на первых порах сделала Америку и Европу мировыми лидерами. Она позволила широким массам трудящихся Европы пользоваться благодеяниями системы, и с тех пор народные революции в Европе (за исключением России) и в Северной Америке протекают мирно. Сейчас наступила новая стадия мировой революции – революция стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вопрос в том, будет ли эта революция носить мирный характер, который видится возможным, в случае, если великие промышленные державы признают эту историческую тенденцию и предпримут адекватные упреди-тельные шаги. Если они этого не сделают, они не остановят революцию в бывших колониях, хотя смогут подавить ее на небольшой период времени. Но во время этой попытки притормозить колониальную революцию возрастет напряженность между двумя блоками, выставляющими друг друга в качестве противников с ядерным боезапасом, что оставит нам ничтожную надежду на мир и выживание демократии.

III. Здравое и патологическое мышление в политике

Мысль о том, что Советский Союз – консервативное, не революционное государство, и мысль о том, что Соединенным Штатам не следует подавлять социал-демократический путь развития бывших колоний, но стоит приветствовать, входят в противоречие с предположениями, которые большинство людей высказывают в связи с этими вопросами, причем не только в области сознания, но также в области эмоций. Они звучат как ересь, вздор, ниспровержение по отношению к респектабельности читателей. Я полагаю, следовательно, что будет полезно, если я несколько поясню психологический механизм, заложенный в эти реакции, чтобы подготовить почву для лучшего понимания того, что я должен сказать в последующих главах.

Понимание своего собственного общества и культуры, так же как осознание самого себя, является задачей рассудка. Но препятствия, которые должен преодолеть разум, чтобы понять свое собственное общество, не менее серьезны, чем те ужасные помехи, которые, как показал Фрейд, блокируют дорогу к осознанию самого себя. Эти препятствия (Фрейд называл их «сопротивлением сознания [„я“]») лежат вовсе не в сфере интеллектуальных ограничений и недостатке информации. Они заключаются в эмоциональных факторах, которые притупляют и деформируют наши мыслительные инструменты до такой степени, что те становятся бесполезными в деле раскрытия реальности. Большинство людей в любом обществе не подозревает о существовании этой деформации. Они замечают искажение, только если это отклонение от позиции большинства, будучи уверенными, что мнение большинства логично и «здраво»[12 - См.: мое подробное исследование этой проблемы в книге: The Sane Society. Rinehart & Co. Inc., New York, 1995.]. Тем не менее это не так. Раз уж есть folie a deux, существует и умопомешательство миллионов, и единодушие в ошибке не делает ошибку истиной. Для более поздних поколений, годы спустя после вспышки массового умопомешательства, безумный характер такого мышления, даже если его разделяли почти все, может стать очевидным; так же как некоторые из наиболее крайних психических реакций на черную смерть[13 - «Черная смерть» – эпидемия чумы в Европе в 1347–1353 гг. Погибло около 24 млн. человек. – Прим. пер.] в средневековье, охота на ведьм в период Контрреформации[14 - Контрреформация – церковно-политическое движение в Европе в середине XVI–XVII вв., направленное против Реформации. – Прим. пер.], религиозная ненависть в Англии XVII в., ненависть по отношению к Гансам[15 - Нарицательное название немцев. – Прим. пер.] во время первой мировой войны по прошествии времени выглядят как проявления патологии. Но обычно существует слабое понимание патологичности многого, что считается «мышлением» в тот момент, когда те или иные события

происходят. Я освещу на следующих страницах некоторые из наиболее важных проявлений патологического мышления, относящихся к политике и международным событиям, поскольку жизненно важно, чтобы у нас был неиспорченный инструмент для понимания политических событий современности.

Я начну с описания одной из наиболее крайних форм патологического мышления – параноидального мышления. Положение о страданиях индивида от параноидальных иллюзий очевидно для психиатра и также для большинства обывателей. Человек, говорящий нам, что «все против него», что его коллеги, друзья и даже жена замышляют его убить, будет определен большинством как больной. На каком основании? Очевидно, что не потому, что обвинения, которые он предъявляет, логически невозможны. Может статься, его враги, знакомые и даже его семья объединились, чтобы его уничтожить; в жизни такие вещи случаются. Мы не можем правдиво ответить несчастному пациенту, и говорим что, то о чем он говорит, невозможно. Мы можем только утверждать, что это очень маловероятно; очень маловероятно только из-за редкости таких случаев вообще и из-за характера его жены и друзей в частности.

И все же мы не убедим пациента. Для него реальность опирается на логическую возможность, а не на логическую вероятность. Этот подход и есть базовая причина его болезни. Его контакт с действительностью опирается на маленькую базу ее совместимости с законами логического мышления и не требует оценки реальной вероятности. Он не требует оценки потому, что параноик не в состоянии ее сделать. Как и у всех психических больных, его контакт с реальностью чрезвычайно тонок и хрупок. Реальность для него главным образом состоит в том, что происходит внутри него, в его собственных эмоциях, страхах и желаниях. Внешний мир – всего лишь зеркало, символическое отображение его внутреннего мира.

Но в отличие от шизофреников параноики сохраняют одну черту здравого мышления: потребность в логической возможности. Они просто отказываются от другого – аспекта реальной вероятности. Если только возможность является условием истины, то легко достичь уверенности. Но, с другой стороны, если требуется вероятность, существует относительно мало вещей, в которых можно быть уверенным. Это именно то, что делает параноидальное мышление таким «привлекательным», несмотря на причиняемые им страдания. Оно спасает человека от сомнений. Оно гарантирует чувство уверенности, которое превосходит все то понимание, которое может нам дать здравое мышление.

Людям легко распознать параноидальное мышление в каждом конкретном случае параноидального психоза. Но распознать параноидальное мышление, когда оно разделяется миллионами людей и санкционируется стоящими во главе их властями, значительно труднее. Рассматриваемым случаем будет условное мышление по отношению к России. Большинство американцев думают о России в параноидальной манере; они задаются вопросом «что возможно» более, чем вопросом «что вероятно». Действительно возможно, что Хрущев хочет завоевать нас силой. Возможно, что он выдвигает мирные предложения чтобы не дать нам осознать опасность. Также возможно, что весь его спор с китайскими коммунистами на предмет сосуществования не более чем уловка, чтобы заставить нас поверить в то, что он хочет мира, чтобы застать нас врасплох. Если мы думаем лишь о возможностях, тогда на самом деле у нас нет шансов совершить трезвое и разумное политическое действие.

Здравое мышление подразумевает не только мысли о возможностях, которые действительно всегда относительно легко определить, но также мысли о вероятностях. Это означает оценивать реальные ситуации и предсказывать на ближайшее будущее вероятные действия противника при помощи анализа всех факторов и мотиваций, которые влияют на его поведение. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, я хочу заявить, что мои усилия, направленные на противопоставление здравого и параноидального типов мышления, не включают утверждения, что русские не могут иметь всех упомянутых зловещих и обманчивых планов. Наоборот, все это настойчиво заявляет, что мы должны провести основательную и беспристрастную оценку фактов и что логическая возможность ничего не доказывает и мало значит.

Другой патологический механизм, который угрожает трезвому и эффективному политическому мышлению, – проекция. Каждый близко знаком с этим механизмом в его грубых формах, когда он проявляется в индивидуальных случаях. Все представляют себе враждебную и деструктивную личность, обвиняющую любого во враждебности и изображающую себя невинной жертвой. Тысячи браков продолжают существовать на базе этого проективного механизма. Каждый из партнеров

обвиняет другого в том, что в действительности является его собственной проблемой, и, следовательно, преуспевает в погружении в состояние, когда его мысли полностью заняты проблемой партнера, вместо того чтобы встать перед лицом своей собственной. И снова то, что легко увидеть в частных случаях, не распознается, когда такой же проекционный механизм действует в миллионах и поддерживается их лидерами. Например, во время первой мировой войны жители стран-союзниц верили, что немцы все сплошь отвратительные Гансы, убивающие невинных младенцев, и что они являются истинным воплощением всего зла до такой степени, что даже музыка Баха и Бетховена превратилась в часть владений дьявола. С другой стороны, обвинители Гансов сражались только во имя благородных целей, во имя свободы, мира, демократии и т. д. Немцы, что достаточно странно, верили в то же самое применительно к союзникам.

Что же в результате? Враг предстает как воплощение всего зла, потому что все зло, которое я чувствую внутри себя, проецируется на него. Логично, что после того как это случится, я посчитаю себя воплощением всего добра, поскольку зло было перенесено на другой объект. В результате появляются негодование и ненависть по отношению к врагу и не подлежащее критике самовлюбленное самовосхваление. Это может создать настроение всеобщей мании и разделенного всеми чувства ненависти. Тем не менее это – патологическое мышление, опасное, когда оно ведет к войне, и убийственное, когда война подразумевает разрушение.

Наше отношение к коммунизму, Советскому Союзу и коммунистическому Китаю – в значительной степени демонстрация проективного мышления. Действительно, система сталинского террора была бесчеловечной, жестокой и отвратительной, хотя не более чем террор в ряде стран, которые мы называем свободными, не более чем, например, террор Трухильо[16 - Трухильо Рафаэль Леонидас (1891–1961) – диктатор Доминиканской Республики. – Прим. пер.] или Батисты[17 - Батиста-и-Сальдивар Рубен Фульхенсио (1901–1973) – диктатор Кубы. – Прим. пер.].

Я не подразумеваю, что некоммунистические жестокость и бессердечность могут служить оправдательными мотивами на суде сталинского режима, потому что очевидные проявления жестокости и бесчеловечности не уменьшают отвратительности друг друга. Я упомянул их, чтобы показать, что возмущение многих по поводу Сталина не является таким искренним, как они сами думают. Если бы оно действительно было таким, люди бы чувствовали негодование по поводу других случаев проявления жестокости и бессердечия, не придавая значения тому, являются ли преступники их политическим врагами или нет. Но более того, сталинский режим в прошлом. В настоящее время Россия представляет из себя консервативный, полицейский режим, который отнюдь не хорош для взращивания свободы и индивидуальности, но который также не вызывает такого глубокого чувства человеческого негодования, какого была достойна сталинская система. Это удача, что русский режим отошел от жестокого террора к методам консервативного полицейского государства. Это также показывает недостаток искренности в любителях свободы, которые настолько крикливы в своей ненависти к Советскому Союзу, что, кажется, не могут понять происшедшего значительного изменения.

Многие еще продолжают верить, что коммунизм – это миниатюрное изображение зла и что мы, свободный мир, включая таких союзников, как Франко[18 - Франко Баамонде Франсиско (1892–1975) – глава испанского государства в 1939–1975 гг.; диктатор Испании. – Прим. пер.], – воплощение всего хорошего. Результатом является самовлюбленная и далекая от истины картина, представляющая Запад борцом за добро, свободу и гуманизм, а коммунизм – противником всего человечного и порядочного. Этот же механизм определяет взгляд китайских коммунистов на Запад.

Если проекция смешивается с параноидальным мышлением, как это происходит во время войны, и в том числе «холодной войны», на самом деле мы имеем взрывоопасную психологическую смесь, которая препятствует трезвости и предусмотрительности мышления.

Обсуждение патологического мышления останется неполным, если мы не упомянем еще один тип патологии, который играет огромную роль в политическом мышлении, – фанатизм. Что такое фанатик? Как мы можем его распознать? Сегодня, когда подлинная убежденность становится крайне редким явлением, существует тенденция называть «фанатиком» любого, кто глубоко верит духовному или научному убеждению, которое радикально отличается от мнения

других и еще не доказано. Если бы это действительно было так, то наиболее известные и отважные мужи – Будда, Исайя, Сократ, Иисус, Галилей, Дарвин, Маркс, Фрейд, Эйнштейн – все считались бы «фанатиками».

На вопрос, кто является фанатиком, часто нельзя ответить, оценив суть его убеждения. Например, вера в человека и его потенциальные возможности не может быть доказана с помощью разума, хотя может иметь глубокие корни в аутентичном жизненном опыте того, кто верит. С другой стороны, в научном мышлении часто существует достаточно большое расстояние между стадиями гипотетической конструкции и обоснованного доказательства, и ученому необходима вера как составная часть мышления, пока он не достигнет стадии доказательства. Совершенно верно, что существует много утверждений, которые находятся в очевидном противоречии с законами рационального мышления, и любой, кто непоколебимо в них верит, может быть назван фанатиком с достаточной долей истины. Но часто непросто решить, что иррационально, а что нет, и ни «доказательство», ни всеобщее согласие не являются достаточными критериями.

На самом деле легче узнать фанатика по некоторым качествам личности, чем по сути его убеждений. Наиболее важной – и обычно видимой – чертой характера фанатика является вид «хладнокровного пыла», страсти, в которой нет ни капли теплоты. Фанатик не соотносится с окружающим его миром, он не заботится ни о ком и ни о чем – даже если он объявляет заботу важной частью своей «веры». Холодный блеск его глаз часто говорит нам больше о фанатичности его идей, чем очевидная «безрассудность» самих идей.

Говоря более теоретически, фанатик может быть описан как человек, страдающий крайним нарциссизмом и освобожденный от зависимости от внешнего мира. Он ничего по-настоящему не чувствует, поскольку истинные чувства всегда являются результатом взаимосвязи между человеком и внешним миром. Патология фанатика близка к патологии подавленного человека, который страдает не от уныния (которое было бы спасением), но от неспособности что-либо чувствовать. Фанатик отличается от подавленного человека (и в некотором смысле похож на маньяка) тем, что он нашел путь выхода из острой депрессии. Он сотворил себе идола, абсолют, которому он полностью подчиняется, но в тоже время частью которого себя считает. Поэтому он действительно думает и чувствует во имя идола, или, скорее, у него есть иллюзия этого «чувства», внутреннего возбуждения, в то время как подлинные чувства отсутствуют. Он живет в состоянии самодовольного, самовлюбленного возбуждения, с тех пор как заглушил чувство изоляции и пустоты полным подчинением идолу и одновременно обожествлением своего собственного «Я», которое он сделал частью идола. Он страстен в своем подчинении идолу и в чувстве собственной грандиозности, но холоден в своей неспособности на истинные чувства и взаимоотношения. Это состояние может быть символически описано как «горящий лед». Его отношение может быстрее ввести в заблуждение, если сущность его идола – это любовь, братство, Бог, спасение, Родина, человеческая раса, честь и т. д., чем когда он поклоняется откровенному разрушению, враждебности и неприкрытому желанию завоевания. Но, что касается человеческой действительности, не столь важны различия в природе идола. Фанатизм всегда результат неспособности на подлинные взаимоотношения. Образ фанатика так соблазнителен и, следовательно, опасен политически, потому что кажется, что он особенно сильно чувствует и особенно убежден. С тех пор как все мы стремимся к уверенности и страстному приключению, удивительно ли, что фанатики преуспевают в привлечении многих с помощью своей ложной веры и фальшивых чувств?

Паранойя, проективное и фанатическое политическое мышление являются подлинно патологическими формами мыслительного процесса, отличающимися от патологии в общепринятом смысле только тем, что политическое мышление разделяется большими группами людей и не запрещено для отдельных индивидов. Эти патологические формы мышления не являются, однако, единственными препятствиями на пути к правильному пониманию политической действительности. Существуют другие формы мышления, которые, вероятно, нельзя назвать патологическими, но при этом столь же опасные, возможно, только потому, что они более распространены. Я имею в виду главным образом неаутентичное, автоматизированное мышление. Процесс прост: я верю, что что-то является правдой не потому, что я достиг этой мысли самостоятельно, основываясь на собственных наблюдениях и опыте, но потому что это было «внушено» мне. При автоматизированном мышлении я могу испытывать иллюзию, что мои мысли – это мои собственные мысли, тогда как на самом деле я всего лишь перенимаю их, так как они были предоставлены источниками,

представляющими власть в той или иной форме.

Все современные способы манипулирования мышлением, в коммерческой ли рекламе или в политической пропаганде, используют технику внушения и гипноза, которая производит мысли и чувства в людях, не давая им осознать, что «их» мысли – вовсе не их собственные. Искусство промывания мозгов, столь великолепно освоенное китайцами, – просто более крайняя форма этого. С ростом уровня мастерства техники внушения аутентичное мышление все больше заменяется автоматизированным, хотя сильная иллюзия добровольного и спонтанного характера наших мыслей сознательно не уничтожается.

Достаточно показательно, с какой готовностью группы распознают неаутентичный характер мышления в своих противниках, но только не в себе самих. Американские путешественники, например, возвращаясь из Советского Союза, описывали свои впечатления о единообразии политического мышления в России. Кажется, все должны задаться вопросами начиная с: «Как насчет линчевания на Юге?» и заканчивая: «Зачем Соединенным Штатам столько военных баз, окружающих Советский Союз, если у американцев мирные намерения?».

Путешествовавшие по России люди, которые заявляют о единообразии взглядов, не понимают, что общественное мнение в США не менее единообразно. Большинство американцев считают доказанным ряд стереотипов, например, что русские хотят завоевать мир во имя революционного коммунизма; что из-за того, что они не верят в Бога, у них нет концепции морали, похожей на нашу, и т. д. Более того, в США – до какой степени это верно для Советского Союза, я, конечно, даже не берусь предполагать – стереотипное мышление отнюдь не ограничивается низшими слоями общества. Его также придерживаются те, кто, как действующие политики, интеллектуалы, газетные и радиокомментаторы и т. п., участвует в формировании реальной политики и общественного мнения.

Этот вид неаутентичного, автоматизированного мышления выливается в «раздвоение мышления», которое было столь блестяще охарактеризовано Джорджем Оруэллом[19 - Оруэлл Джордж (настоящее имя Эрик Блэр) (1903–1950) английский писатель и публицист. – Прим. пер.] как логика тоталитарного мышления. «Раздвоение мышления, – говорит он в своей книге „1984“[20 - Последнее издание The New American Library, 1961, с послесловием Э. Фромма.], – это способность удерживать две противоречащие друг другу веры в одном мозгу и соглашаться с ними обеими». Мы знакомы с русским вариантом раздвоения мышления. Такие страны, как Венгрия и Восточная Германия, правительства которых, это очевидно, действуют против воли большинства населения, называются «народными демократиями». Иерархическое, классовое общество, построенное на Жестких принципах экономического, социального и политического неравенства, называется «бесклассовым обществом». Система, в которой власть государства наращивалась на протяжении последних 40 лет, как говорят, ведет к «отмиранию Государства». Но раздвоение мышления отнюдь не только советское явление. Мы на Западе называем диктатуры «частью свободного мира». Диктаторы, такие как Чан Кай ши[21 - Чан Кайши (1887–1975) – глава (с 1927 г.) правительства, свергнутого в 1949 г. революцией в Китае; с остатками войск бежал на о. Тайвань, где закрепился при поддержке США. – Прим. пер.], Франко, Салазар[22 - Салазар Антониу ди Оливейра (1889–1970) – глава правительства Португалии (1932–1968); установил фашистский режим, став фактически диктатором страны. – Прим. пер.], Батиста, и это далеко не полный список, были провозглашены борцами за свободу и демократию, и правда о этих режимах замалчивается и искажается. Кроме того, мы позволяем людям, подобным Чан Кайши и Аденауэру[23 - Аденауэр Конрад (1876–1967) – федеральный канцлер ФРГ (1949–1963). – Прим. пер.], влиять и, иногда, видоизменять американскую внешнюю политику. Американское общество вводится в заблуждение насчет Кореи, Формозы[24 - Тайвань. – Прим. пер.], Лаоса и Германии до такой степени, что они предстают ужасающим контрастом нашей собственной действительности, со свободной прессой и информированной публикой[25 - За подтверждающими доказательствами этих утверждений я отсылаю читателя к последней книге Lederer W. J. A Nation of Sheep, Norton W. W. Inc., New York, 1961, в которой подробно обсуждаются «Лаосский обман» («The Laos Fraud»), «Что нам не говорят о Формозе» («What we aren't told about Formosa»), «Что нам не говорят о Корее» («What we aren't told about Korea») и роль «дезинформации», «гласности» и «секретности» в американском управлении.]. Мы говорим о «подрывной деятельности», когда русские разворачивают антиамериканскую пропаганду, но европейское «Радио Свободы», вещающее на страны Восточной Европы, не ведет подрывной деятельности. Мы

провозглашаем свое уважение к независимости всех небольших стран, но поддерживаем попытки свержения правительств Гватемалы и Кубы. Мы в ужасе от русского террора в Венгрии, но не от французского в Алжире.

Патологическое мышление и раздвоение мышления — не только проявления болезненности и бесчеловечности, но они угрожают нашему выживанию. В ситуации, когда ошибки в оценке могут повлечь катастрофические последствия, мы не можем позволить себе удовольствие обратиться к патологическим и стереотипным формам мышления. Ничем не затуманенное и как можно более реалистическое размышление над ситуацией в мире, особенно в свете конфликта советского и западного блоков, становится жизненно необходимым. Сегодня некоторые взгляды одобряются как «реалистические», в то время как на самом деле они столь же фантастичны и далеки от реальной жизни, как и идеи неисправимых оптимистов, против которых они направлены. Эта особенная моральная неустойчивость человеческих реакций служит тому, что многие склонны верить в то, что циничная, «жесткая» перспектива более похожа на «реальную», чем объективная, комплексная и конструктивная. По-видимому, многие, люди считают, что необходимо быть сильным и мужественным человеком, чтобы смотреть на вещи просто, без лишних сложностей или встретить катастрофу, не моргнув глазом[26 - Кажется, например, что восхищение, с которым последняя книга Германа Кана «О термоядерной войне» (Herman Khan. On Thermonuclear War. Princeton University Press, Princeton, 1960) принималась во многих домах, вызвано в первую очередь благодаря этому механизму. Любой, кто может, не поморщившись, представить «финансовую смету» на 5-160 млн. смертей в период ядерной войны, кто может убедить нас в том, что 60 млн. убитых не нанесут серьезного ущерба удовольствию, получаемому от жизни теми, кто выживет, должен быть решительным, сильным и «реалистичным». Но не все видят, насколько неубедительны и нереалистичны многие из его мыслей и «доказательств».]. Они забывают, что часто нужно быть фанатичным, самодовольным и невежественным человеком, чтобы спутать то, что Ч. Миллс так правильно назвал «сумасшедшим реализмом» с рациональным пониманием действительности.

Параноидальная, проективная, фанатическая и автоматизированная формы мышления — это варианты мыслительного процесса, имеющие корни в одном базовом явлении, — в том факте, что человеческая раса еще не достигла уровня развития, выраженного в великих гуманистических религиях и философиях, которые возникли в Индии, Китае, Палестине, Персии и Греции в период с 1500 г. до н. э. до появления Христа. В то время как большинство людей думают на языке этих религиозных систем и их нетеологических философских последователей, они эмоционально находятся на архаичном, иррациональном уровне, не отличающемся от того, который существовал до того, как были провозглашены идеи буддизма, иудаизма и христианства. Мы все еще поклоняемся идолам. Мы не называем их Ваалом и Астартой[27 - Ваал (Баал) — древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны. Астарта (Аштрат) — в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви. — Прим. пер.], но мы поклоняемся и подчиняемся нашим идолам под разными именами.

В плане техники и интеллекта мы живем в век атома; эмоционально же. мы находимся на уровне каменного века. Мы чувствуем превосходство над ацтеками, которые в день праздника приносили в жертву 20 тыс. человек, веря, что это удержит Вселенную на верном пути. Мы жертвуем миллионами во имя различных целей, которые, как мы думаем, благородны, и оправдываем массовые убийства. Но факты одинаковы, отличаются только рациональные объяснения. Человек, несмотря на технический и интеллектуальный прогресс, все еще опутан идолопоклонством кровным узам, собственности и институтам. Его разум все еще управляется иррациональными страстями. Он до сих пор не вынес из своего жизненного опыта, что значит быть до конца человеком. У нас все еще двойная шкала ценностей для оценки своих и чужих групп. История цивилизованного человека до настоящего момента действительно очень коротка, меньше часа, если сравнивать с длиной человеческой жизни. То, что мы еще не достигли зрелости, не удивляет и не обескураживает. Тем, кто верит в человеческую способность стать тем, кем он потенциально является, нет нужды беспокоиться, что расхождение между эмоциональным и интеллектуально-техническим развитием на сегодняшний день достигло таких размеров, что мы напуганы возможностью вымирания или нового варварства. В такое время нас спасет лишь фундаментальное и подлинное изменение.

Мы все еще очень слабо представляем себе, как свершить это изменение, а время не ждет. Выход один — это говорить правду. Мы должны вырваться из

плена рациональных объяснений, самообмана и раздвоенного мышления. Мы должны быть объективными и видеть мир и самих себя реалистично, не поддаваясь нарциссизму и ксенофобии. Свобода существует только там, где есть разум и правда. Архаичные трибализм и идолопоклонство расцветают там, где молчит голос разума. Не следует ли из этого, что знать правду о событиях внешней политики – жизненно важно для сохранения мира и свободы?

Глава II. Природа советской системы

Для большинства американцев советская система является неким мифическим существом; вероятно, не в меньшей степени, чем капиталистическая система для большинства русских. В то время как русские видят капитализм как систему, в которой эксплуатируемые, получающие зарплату рабы повинуются хлысту воротил с Уолл-стрит, Россия представляется американцам страной, ведомой людьми, представляющими из себя смесь Ленина и Гитлера, склонной поработить остальной мир силой или хитростью. Поскольку наша внешняя политика базируется на идее, что Советский Союз хочет силой завоевать мир, крайне важно проанализировать факты и получить ясное и реалистичное представление о природе советской системы. Эта задача тем более сложна, поскольку природа советской системы полностью изменилась в период между 1917 г. и настоящим моментом. Она преобразилась из революционной системы, считавшей себя центром и вдохновителем коммунистических революций в Европе и со временем во всем мире в консервативное, индустриальное классовое общество, идущее по пути, во многом повторяющем путь развития капиталистических стран на Западе.

Это изменение, однако, не было отмечено никаким официальным разрывом целостности и неизменности системы, потому что многие основные черты, такие как национализация средств производства и идея плановой экономики, остались прежними. Но еще более, чем неизменность определенных экономических моделей, запутывает неизменность идеологии. По причинам, которые будут обсуждены позже, Сталин, а за ним Хрущев благоговейно следовали «марксистско-ленинским» формулировкам и продолжали разговаривать на языке 1848 или 1917 гг., хотя представляли систему, которая очень отличалась от той, которую рассматривали такие революционеры, как Маркс и Ленин.

В настоящее время мы более способны определить различие между ритуальными идеологическими формулировками и жизненными реалиями. Не подвержены ли мы сами такому же противоречию, когда говорим о «личной инициативе» в обществе «организованного человека» или о «богобоязненном обществе», в действительности заботясь главным образом о деньгах, комфорте, здоровье и образовании и совсем немного о Боге? Однако – и это делает распознавание действительности еще более затруднительным – ни русские, ни мы не являемся лжецами. Обе стороны убеждены, что говорят правду, и воспринимают друг друга с одинаковым убеждением, что их собственное мировоззрение и даже до определенной степени мировоззрение их противников отражают действительность.

В этой главе я намереваюсь прорваться сквозь существующие стереотипы и добраться до реального понимания существующей советской системы. Я сравню короткий революционный период, который длился с 1917 по 1922 г., с трансформацией этой системы в тоталитарную систему управления Сталина и Хрущева. Я попытаюсь детально доказать несоциалистический и нереволюционный характер сегодняшней советской системы и, более того, показать, что со времени власти Сталина советские правители никогда не ставили целью коммунистическую революцию на Западе и использовали Коммунистические партии только как инструменты поддержки своей внешней политики.

I. Революция – надежда, которая провалилась

Середина XIX в. была временем социалистической надежды; эта надежда основывалась на сверхъестественном прогрессе науки и ее влиянии на промышленное производство, на успехе революций среднего класса 1789[28 - Великая французская революция 1789–1794 гг. – Прим. пер.], 1830[29 - Июльская революция 1830 г. во Франции. – Прим. пер.], 1848[30 - Э. Фромм, по-видимому, имеет в виду революцию 1848 г. во Франции, так как

буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Австрии, буржуазная революция 1848–1849 гг. в Венгрии, буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Германии и буржуазная революция 1848–1849 гг. в Италии в итоге потерпели поражение. – Прим. пер.] гг., на возрастающем количестве протестов трудящихся и на широком распространении социалистических идей. Маркс и Энгельс, как и многие другие социалисты, были убеждены, что недалеко то время, когда свершится великая революция и вскоре начнется новая эпоха в истории человечества, что существует явная перспектива, как сказал Энгельс, «превращения революции меньшинства» (какими были все предыдущие революции) «в революцию большинства» (какой он представлял социалистическую революцию). Но в конце столетия Энгельс вынужден был заметить: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития Европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства[31 - Engels F. Introduction (1895) to K. Marx. The Class Struggles in France 1848 to 1850; K. Marx and F. Engels. Selected Works. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1955. Vol. I, p. 125.]».

Первая мировая война наметила решительное изменение в истории социализма. Она обозначила коллапс двух наиболее значительных целей социализма – интернационализма и мира. С началом войны каждая социалистическая партия приняла сторону своего правительства и сражалась против других социалистов во имя «свободы». Это моральное падение социализма произошло не столько вследствие личного предательства некоторых лидеров, сколько из-за изменения экономических и политических условий. Явная и безжалостная эксплуатация рабочих, которая существовала в XIX в., медленно уступила место участию рабочего класса в экономических прибылях собственных стран. Капитализм, вместо того чтобы потерять свою способность функционировать по причине своих внутренних противоречий, как предсказывал Маркс, показал свою дееспособность в плане преодоления кризисов и трудностей в значительно большей степени, чем это ожидалось радикальными революционерами[32 - Эти факты создали базу для развития «ревизионистского» крыла в социалистическом движении, основным теоретическим представителем которого был Э. Бернштейн, в годы, предшествовавшие первой мировой войне.].

Именно этот успех капитализма привел к новому пониманию социализма. Если Маркс и Энгельс видели его как новую форму общества, вышедшего за предел капитализма, общество, в котором в полной мере реализуются принципы гуманизма и индивидуализма, то теперь социализм стал интерпретироваться большинством своих приверженцев как движение к политическому и экономическому подъему рабочего класса вне капиталистической системы. Несмотря на то что марксистский социализм XIX в. был самым существенным духовным и моральным движением столетия, антипозитивистским и антиматериалистическим в своей сущности, он медленно трансформировался в чисто политическое движение с важными экономическими целями, даже хотя старые моральные цели никогда полностью и не исчезали. Интерпретация социализма в терминах, присущих капиталистическим категориям, привела к новой политике социалистических партий, целью которых стало скорее государство всеобщего благосостояния, чем осуществление мессианских надежд, которых придерживались основоположники социализма.

Война 1914 г., эта бесчувственная кровавая резня миллионов людей всех национальностей ради неких экономических преимуществ, привела к возрождению – в новой и насущной форме – старого социалистического лозунга – против войны и национализма. Радикальные социалисты во всех странах были глубоко возмущены войной и встали во главе революционных движений России, Германии и Франции. Фактически радикализация социалистического движения была тесно связана с циммервальдским движением, попыткой международных социалистов покончить с войной.

Февральская революция в России дала новый стимул этим революционным лидерам. Первоначально Ленин, в соответствии с теорией Маркса, верил, что социалистическая революция может быть успешной только в стране с высокоразвитой капиталистической экономикой, такой как Германия. Он считал необходимым, чтобы такая слаборазвитая страна, как Россия, прежде чем двигаться к социалистической революции, сначала завершила революцию буржуазную[33 - Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1951. Vol. II, p. 270.]. По этой причине большинство членов Коммунистического центрального комитета сначала были против взятия власти в 1917 г., но возросший протест солдат крестьянского

происхождения против войны, усиленный неспособностью царского правительства и его революционеров-преемников завершить войну и реорганизовать русскую экономику, подтолкнул Ленина к Октябрьской революции. Ленин и Троцкий связывали свои надежды с революцией в Германии, которая, как они были уверены, должна была вскоре произойти. Они подписали Брест-Литовский мир с имперской Германией в надежде, что в Германии вскоре вспыхнет революция и сделает его недействительным. Если бы высокоиндустриальная Германия стала советским государством и слилась главным образом с аграрной Россией, тогда, так обосновывалось следование теории Маркса, социалистическая германо-русская советская система имела все шансы на выживание и расцвет. Так же как Маркс и Энгельс в середине XIX в., Ленин и Троцкий 70 лет спустя верили, что «социалистическая царство близится» и что они заложат фундамент истинно социалистического общества.

У надежды Ленина были свои пики и падения; 1917 и 1918 гг. представляли собой первый взлет. Через десять дней после Октябрьской революции он заявил: «Мы пойдем прямо и непоколебимо к победе социализма, которая будет окончательно решена передовыми рабочими большинства цивилизованных стран и принесет людям прочный мир и избавление от всех видов угнетения и эксплуатации»[34 - Quoted by Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1951. Vol. II, p. 107. Работа Карра великолепно документирована и объективно анализирует с исторической точки зрения все развитие революции в России с 1917 по 1923 г. См. более подробно о ранней истории русско-американских отношений после революции в книге Kennan G. Russia Leaves the War, and The Decision to Intervene. Princeton University Press, Princeton, 1956 and 1958, вышедшей в двух частях; и о периоде до 1941 г. книгу того же автора Soviet Foreign Policy 1917–1941. E). van Nostrand Co. Inc., Princeton, 1960. О более поздних периодах коммунизма в России, см.: David J. Dallin. Soviet Foreign Policy After Stalin. J. B. Lippincott Co., Philadelphia, 1961; W. W. Rostow. The Dynamics of Soviet Society. A Mentor Book, 1952; Alvin Z. Rubenstein. The Foreign Policy of the Soviet Union. Random House, New York, 1960; Robert V. Daniels. The Conscience of the Revolution. Harvard University Press, Cambridge, 1960; Louis Fischer. The Soviets in World Affairs. Vintage Books, New York, 1951 и 1960 и того же автора Russia, America and the World. Harper & Bros., New York, 1960; Isaak Deutscher. Stalin. Vintage Books, New York, 1960 и первые две части биографии Троцкого того же автора; The Prophet Armed и The Prophet Unarmed, Oxford University Press, London, 1959; L. Trotsky's Stalin. Harper & Bros., 1946; Zbignev K. Brzezinski. The Soviet Bloc. Harvard University Press, Cambridge, 1960; David Granick. The Red Executive. Doubleday, New York, 1960; H. L. Boorman, A. Eckstein, Ph. Mosely, B. Schwartz. Moscow-Peking Axis. Harper & Bros., 1957; Herbert Marcuse. Soviet Marxism. Columbia University Press, New York, 1958; Edward Kardely. Socialism and War. Beograd, I960. Кроме того, очень информативные статьи собраны в The Papers submitted by Panelist appearing before the Joint Economic Committee, Congress of the U. S. U. S. Government Printing Office, Washington 1959 (далее ссылки как на Congr. Committee Papers) и различные статьи в Foreign Affairs, Problems of Communism и Soviet Quarterly.]. Когда после вспышки революции в Германии в ноябре 1918 г. новое германское правительство проявило явное нежелание вступать в дипломатические отношения с Россией и когда немецкие рабочие не последовали русскому примеру, сомнения начали закрадываться в умы Ленина и Троцкого. В 1919 г. советские революции в Венгрии[35 - В результате буржуазно-демократической революции в октябре 1918 г. Венгрия стала независимым государством (16 ноября провозглашена республика). 21 марта 1919 г. Венгрия была провозглашена советской республикой. — Прим. пер.] и Баварии[36 - Э. Фромм имеет в виду образование Баварской Советской Республики (основана 13.4.1919). — Прим. пер.] породили новый взлет надежд, которые вскоре были разбиты поражением этих революций. Лето и осень 1920 г., когда гражданская война в России близилась к концу и Красная Армия стояла у ворот Варшавы, стали свидетелями пика престижа Коминтерна и коммунистических надежд на мировую революцию[37 - Cf.: E. H. Carr. Vol. III, p. 165 ft.]. II Конгресс Коминтерна был проникнут духом высокого революционного энтузиазма. И все же спустя небольшой отрезок времени, с разгромом Красной Армии под Варшавой[38 - Варшавское сражение (13–25. 8. 1920). В результате этого сражения Красная Армия была отброшена от Варшавы. — Прим. пер.] и провалом попытки польских рабочих восстать, все драматически изменилось. Революционные надежды испытали потрясение, от которого уже никогда не оправились.

Ленин, отдавая приказ о наступлении на Варшаву, после успешного отражения

польского нападения, поддавшись безумной надежде на мировую революцию, был в то время менее реалистичен, чем Троцкий, который (вместе с Тухачевским) выступал против наступления на Варшаву. История еще раз доказала, что революционеры ошибались в оценке революционных возможностей. Ленин осознал поражение; он согласился с тем, что западный капитализм все еще значительно более жизнеспособен, чем ожидалось; и он выступил инициатором и организатором отступления, чтобы спасти то, что еще было возможно спасти. Он ввел нэп, возвратил капитализм в важнейшие сектора российской экономики; он пытался убедить иностранных капиталистов инвестировать средства в «концессии» на территории Советского Союза и хотел достичь мирного взаимопонимания с великими западными державами, и в то же время он силой подавил восстание моряков в Кронштадте[39 - Кронштадтский мятеж (26 февраля – 18 марта 1921 г.). – Прим. пер.], которые выступали против того, что, по их мнению, было предательством революции.

Я устою перед искушением обсудить здесь ошибки Ленина и Троцкого и вопрос, в какой степени они следовали учению Маркса. Достаточно сказать, что ленинская концепция о том, что истинная заинтересованность делами рабочего класса свойственна лишь руководящей элите, а не большинству трудящихся, не была марксистской; фактически Троцкий стоял в оппозиции к ней на протяжении долгих лет своих разногласий с Лениным; Роза Люксембург, одна из недрогнувших и самых дальновидных марксистских революционных лидеров, также выступала против вплоть до ее предательского убийства немецкими солдатами в 1919 г. Ленин не замечал того, что видела Роза Люксембург и многие другие, того, что централизованная, бюрократическая система, в которой элита правит для рабочих, должна превратиться в систему, где она будет властвовать над рабочими и уничтожит все, что осталось в России от социализма. Но какими бы ни были разногласия между Лениным и Марксом, остается фактом, что великая надежда потерпела неудачу во второй раз. В этот раз провал застал Ленина и Троцкого, которые находились у власти, перед исторической дилеммой: как направлять социалистическую революцию в стране, лишенной объективных условий для того, чтобы стать социалистическим обществом. Им не суждено было решить эту дилемму. Ленин после первого удара в 1922 г., который сделал его практически недееспособным, прожил лишь до 1924 г. Троцкий был отстранен от власти несколькими годами позже; Сталин, с которым Ленин разорвал все личные отношения в последние месяцы перед смертью, вступил во владение страной.

Смерть Ленина и поражение Троцкого только ускорили конец периода революционных движений в Европе и надежд на новый социалистический порядок. После 1919 г. революция начала отступать, и с 1923 г. уже не было сомнений в ее поражении.

II. Превращение Сталиным коммунистической революции в административную

Сталин – практичный и циничный оппортунист, с ненасытной жаждой личной власти, исказил последствия провала. При его характере социализм никогда не означал для него человеческой мечты Маркса и Энгельса, и, следовательно, у него не было сомнений в проведении форсированной индустриализации в России под названием «социализма в отдельно взятой стране». Формулировка была лишь откровенным прикрытием для цели, которая должна была быть достигнута, – построение тоталитарного государственного менеджериализма в России[40 - Несмотря на то что и Ленин, и Троцкий также верили в то, что после краха революции в Германии надежда России в стремительной индустриализации, их социалистическое видение оставалось искренним, и, следовательно, они никогда бы не назвали эволюционирующую систему «социализмом». В апреле 1917 г. Ленин заявил со всей ясностью, что введение социализма не является задачей текущего момента, которая заключается просто в переходе контроля над производством и распределением к Советам рабочих депутатов.], и скорейшее накопление средств (и мобилизация человеческой энергии), необходимых для достижение этой цели.

Я использую термин индустриальный «государственный менеджериализм» как лишенный определенной двойственности и трудностей, сопутствующих термину «государственный капитализм». В ходе последующего обсуждения станет ясно, какие элементы капитализма обнаруживаются в сталинской системе и какие есть существенные различия. Другой термин, который может быть использован, – это введенный одним из ведущих немецких марксистских экономистов Хильфердингом (Hilferding), термин «тоталитарная государственная экономика».

Сталин ликвидировал социалистическую революцию во имя «социализма». Он использовал террор, чтобы принудить население смириться с материальными лишениями, которые были результатом быстрого наращивания базовых отраслей промышленности за счет производства потребительских товаров; более того, террор служил для создания новой рабочей морали, мобилизуя энергию в большинстве своем аграрного населения и заставляя его работать в темпе, необходимом для быстрого индустриального расширения. Возможно, он использовал террор в значительно большей степени, что было необходимо для выполнения его экономической программы, поскольку он был одержим экстраординарной жаждой власти, параноидальным подозрением в соперничестве и патологическим удовольствием от мести[41 - То, как он трансформировал коммунистическое движение в инструмент внешней политики России, будет описано позднее.].

Поскольку целью Сталина был высокоиндустриализированный централизованный русский государственный менеджериализм, он, конечно, не мог открыто сказать об этом. Только террор, даже самый жестокий, не смог бы принудить массы к сотрудничеству, если бы Сталин не умел влиять на разум и мысли людей. Он, конечно, мог бы сделать поворот на 180°, организовав идеологическую контрреволюцию, взяв на вооружение национал-фашистскую доктрину. Тогда у него появились бы идеологические средства, которые привели бы к похожему результату. Сталин не выбрал этот путь, и, следовательно, ему ничего не оставалось, как использовать единственную идеологию, имевшую в то время какое-то влияние на массы, — идеологию коммунизма и мировой революции. Религия была унижена коммунистической партией; национализм обесценился; единственной престижной доктриной оставался «марксизм-ленинизм». Но не только это; фигуры Маркса, Энгельса и Ленина имели харизматическую привлекательность для русских людей, и Сталин использовал эту привлекательность, представив себя их законным преемником. Для того чтобы совершить этот великий исторический обман, Сталин избавился от Троцкого и в конечном счете истребил всех старых большевиков, чтобы очистить себе путь для преобразования социалистической цели в другую — реакционный государственный менеджериализм. Он переписал историю так, чтобы исчезла даже память о старых революционерах и их идеях. Возможно, он боялся и подозревал их из-за своей паранойи, потому что чувствовал вину за предательство идеалов, символами которых они являлись.

Сталин преуспел в достижении своей цели, которой была не мировая революция, а индустриальная Россия, которая должна была стать мощнейшей промышленной державой в Европе, если не во всем мире. Успех его метода тоталитарного государственного-планирования, который был позже с некоторыми изменениями подхвачен Маленковым и Хрущевым, не является более вопросом для диспута. «Советская система централизованного управления доказала, что может быть более или менее равной рыночной экономике, представленной США»[42 - Nutter W. S. The Structure and Growth of Soviet Industry. A Comparison with the United States. Congr. Committee Papers, p. 118.]. Это заключение было рождено русским экономическим ростом[43 - См.: статьи Nutter W., I.e.; кроме того, Bornstein M. National Income and Product. A Comparison of Soviet and United States National Product, Congr. Committee Papers; Rostow W. W., Summary and Policy Implication, Congr. Committee Papers и Moorstein R. H., A Index of Soviet Industrial Output, The American Economic Review, June, 1960, p. 295–318.]. Несмотря на то что оценки разных американских экономистов отчасти разнятся, различия эти относительно малы. Бернштейн оценивает темп годового прироста национального валового продукта в период с 1950 по 1958 г. в Советском Союзе в 6,5–7,5%, а в США за тот же период — 2,9%[44 - Bornstein M. I.e. p. 391.]. Каплан-Моорштейн считает, что темп промышленного роста в России за тот же период времени составил 9,2%. Кэмпбелл оценивает темп роста в России на тот же момент в 6%[45 - Campbell R. W. Soviet Economic Power. Houghton Mifflin Co., Boston, 1960, p. 51.]. Если кто-то рассматривает ежегодный темп роста в России с 1913 г., т. е. включая разрушения, вызванные первой мировой войной и гражданской войной, цифры получаются, конечно, совсем другие. По Наттеру[46 - Наттер Гилберт Уоррен (р. 1923) — американский экономист. Основные труды по концентрации производства в США. — Прим. пер.], они составляют только 4,2% для гражданских отраслей промышленности, в то время как темп роста за последние 40 лет царского правления — 5,3%[47 - Я не увидел, чтобы фактор предполагаемых денежных инвестиций в царскую экономику принимался в расчет в этом сравнении. Россия, как и впоследствии Китай, должна была финансировать свою экономику практически полностью из своих собственных сбережений.]. Но с 1928 по 1940 г. (т. е. в период мира) — в советское

время – прирост составил 8,3%, а между 1950 и 1955 г. – 9%, что приблизительно вдвое выше американских показателей за те же периоды времени,[48 - Nutter W., I.e. p. 100. В статье Каплан-Моорштейна (Kaplan-Moorstein) сравниваются коэффициенты роста по оценкам различных американских экономистов.] и чуть менее чем в два раза выше показателей царской России. Наттер считает, что если заглянуть в ближайшее будущее, то «видится с достаточной определенностью, что промышленный прирост будет выше в России, чем в Соединенных Штатах, если в этих странах не случится каких-либо системных изменений», в то время как «очень сомнительно, что промышленный прирост в Советской Союзе будет выше, чем в быстро расширяющихся западных экономиках, таких как Западная Германия, Франция и Япония»[49 - Nutter W., I.e. p. 119.]. Наттер считает, однако, что в длительной перспективе советская система сумеет сгенерировать более быстрый рост, чем система частных предприятий. В сравнении с промышленным производством выпуск сельскохозяйственных продуктов в России сильно не дотягивает до запланированных цифр и все еще составляет одну из серьезнейших проблем русской системы.

Что касается потребления, принимая во внимание рост населения, оно оценивается в 5%, учитывая современное увеличение потребления среди крестьян[50 - Turgeon L. Levels of Living, Wages and Prices in the Soviet Union and United States Economies. Congr. Committee Papers, p. 319 ff.]. «Что касается пищи и одежды, – заключает Таржон, – у СССР есть отличный шанс превзойти наш уровень жизни», в то время как Соединенные Штаты далеко впереди по автомобилям и другим потребительским товаром, рассчитанным на долговременное пользование, а также по расходам на сервис и путешествия[51 - I.e. p. 335.].

Сталин заложил основу новой, индустриализированной России. Менее чем за 30 лет он превратил самую отсталую в экономическом плане из великих европейских держав в индустриальную систему, которая вскоре станет экономически наиболее развитой и процветающей, пропустив вперед только США. Он достиг этой цели, безжалостно разрушая человеческие жизни и счастье, цинично сфальсифицировав социалистическую идею, и при помощи жестокости, которая вместе с бесчеловечностью Гитлера разъедала чувство гуманности остального мира. Несколько в стороне от вопроса, могла ли эта цель быть достигнута менее жестоким путем, с использованием других методов, остается факт, что он оставил своим преемникам жизнеспособную и сильную экономически и политически систему. Многие черты сталинской системы остались прежними, другие были измены. На следующих страницах я попытаюсь описать суть современной советской системы, построенной на фундаменте, заложенном Сталиным.

III. Хрущевская система

1. Конец террора

Наиболее очевидная новая особенность, которой хрущевизм отличается от сталинизма, – это ликвидация террора. Если террор был необходим системе, в которой массы должны были упорно трудиться, не получая при этом соответствующего материального удовлетворения, он мог бы быть ослаблен, если бы рабочие смогли начать пользоваться плодами своего труда и рассчитывать на рост этого пользования. Преемники Сталина также достаточно травмировали себя безумным террором, который он осуществлял в последние годы и который ежедневно угрожал уничтожением любому из числа правящих высших руководителей. Психологический феномен, похожий на феномен, существовавший во Франции перед падением Робеспьера, вероятно, имел место и среди правящей верхушки России и привел, вместе с упомянутыми выше причинами, к решению ликвидировать террор.

Все сообщения из России подтверждают, что система террора прекратила существование. Лагеря рабского труда, которые были не только институтами террора, но также источниками дешевой рабочей силы при Сталине, постепенно исчезли. «Революционные тройки» и наказания были запрещены. Что касается политической свободы, хрущевское государство может быть сравнимо с реакционным, полицейским государством XIX в. и не сильно отличалось от системы царизма. Тем не менее это сравнение может ввести в заблуждение, не

только из-за очевидной разницы в экономической структуре этих двух систем, но также из-за другого, более комплексного фактора. Политическая свобода становится явной проблемой, только когда возникает значительное расхождение внутри самой фундаментальной структуры данного общества. При царизме большинство населения – крестьяне, рабочие, средний класс – находились в оппозиции к системе, и система использовала угнетение, чтобы обеспечить свое существование. С другой стороны, есть основания полагать, что хрущевская система успешно справилась с обеспечением преданности большинства советского населения. Это было сделано частично при помощи реального экономического удовлетворения, которое она обеспечила в то время и обоснованными надеждами на значительно более сильное улучшение в будущем, а частично посредством успеха в идеологическом манипулировании человеческими умами.

Из всех сообщений видно с абсолютной очевидностью, что средний русский уверен в том, что система работает довольно хорошо, с нетерпением ожидает улучшения в будущем, получает удовольствие от возможностей образования и досуга и боится главным образом лишь одного – войны. Когда он критикует систему, он критикует детали ее работы, бюрократические несуразности и низкое качество потребительских товаров, но не советскую систему как таковую. Он, конечно же, не думает менять ее на капиталистическую.

Без сомнения, во времена сталинского террора ситуация была совсем другой. Безжалостные расправы при терроре угрожали каждому, высокопоставленному и нет, тюрьмой или физическим уничтожением не только за совершенные ошибки, но и вследствие доноса, интриги и т. д. Но этот террор остался в прошлом, и дела обстоят по-другому. Средний американец неправильно оценивает ситуацию в России, ставя себя в положение антикоммуниста внутри России и предполагая степень осуждения, которую вызовет выражение его мнения. Он забывает, что, за исключением писателей и социологов, которые, возможно, и склонны критиковать систему, у среднего русского практически отсутствует такое побуждение. Следовательно, проблема политической свободы значительно менее насущна для него, чем это кажется с позиции американца. (Средний русский, наверно, почувствует то же самое, что и средний американец, если, представляя себя коммунистом, он представит запреты и опасности, с которыми он столкнется в Соединенных Штатах.) Все это не меняет того факта, что хрущевская Россия – это полицейское государство, где значительно меньше свободы расходиться во взглядах и критиковать правительство и мнение большинства, чем в западных демократических государствах. Более того, после стольких лет ничем не сдерживаемого террора потребуются годы, чтобы исчезли остатки страха и запуганности, созданные им. Таким образом, если учесть все, общий вывод состоит в том, что по сравнению со сталинизмом, хрущевизм обозначил значительное улучшение, если касаться вопроса политической свободы.

Изменение сущности методов управления в России также тесно связано с исчезновением системы террора. Правление Сталина было единовластным, без каких-либо консультаций со сподвижниками и без чего-либо, что можно было бы назвать в широком смысле обсуждаемым правлением или властью большинства. Ясно, что такому режиму единоличной власти требуется сила террора, с помощью которой диктатор может подавить любого, кто решится встать в оппозицию к нему. С уничтожением Берии власть терроризирующей государственной полиции была значительно ограничена, и ни один из русских лидеров после смерти Сталина не занимал диктаторской позиции, сравнимой со сталинской. Стало реальностью, что лидер, кем бы он ни был, должен убедить высший партийный эшелон в верности своих взглядов и в том, что в действиях руководящего комитета существует нечто похожее на коллегиальность и зависимость от мнения большинства. Все события последних лет ясно показывают, что Хрущев должен защищать свою политику от оппонентов, должен демонстрировать успех, чтобы удержаться наверху, и что в определенном смысле он находится в таком же положении, как и государственный человек на Западе, которого его продолжающиеся политические провалы приводят к политическому исчезновению.

2. Социоэкономическая структура

Поразительной особенностью социалистической экономики является отсутствие частной собственности на средства производства, а все предприятия управляются административной бюрократией, назначенной государством.

(Естественно, существует частная собственность на потребительские товары, например, дома, мебель, автомобили и частное накопление сбережений, например, банковские вклады и государственные долговые обязательства, так же как и в Соединенных Штатах. Разница в этом отношении заключается в том, что человек не может владеть фабрикой или пакетом акций в корпорации, отличие, которое в данном случае относится лишь к малой части населения Соединенных Штатов.)[52 - В Соединенных Штатах 1% семей владеет 4/5 всех промышленных акций, которыми могут владеть частные лица (Quoted from Robert L. Heil-broner. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1959, p. 125.).]. Советские лидеры и население полагают, что марксистский социализм характеризуется тем, что владеет и управляет предприятиями государство, и используют это в качестве доказательства того, что их система и есть социализм. Оправдано ли это заявление или нет, будет обсуждено позже, в соответствии с фактом, что текущее развитие советской системы по многим параметрам больше соответствует тенденциям, существующим в капитализме XX в., чем в социализме.

Всеобщее планирование, введенное сначала в первой сталинской пятилетке в 1928 г., предоставило советской идеологии дополнительную причину утверждать, что существующая система является социализмом. Всеобщий план (Госплан) для СССР непременно составлялся в Москве после интенсивного обсуждения огромного количества данных. Планирование определяло, что должно быть произведено и в каком объеме, в отличие от относительно свободного рынка западных стран. До 1957 г. московские министерства различных отраслей промышленности были центральной властью для соответствующих отраслей. Хрущев запретил эту централизованную систему, существовавшую более 20 лет, и ввел в действие процесс децентрализации, заменив министерства региональными экономическими советами (совнархозами):

Эти советы приняли на себя роль министерств в различных регионах Советского Союза. Существует приблизительно более 100 таких советов в Советском Союзе. Они назначают руководящий персонал (или подтверждают назначение) на подведомственные предприятия, разрабатывают программу выпуска продукции «своих» отраслей промышленности (хотя и в рамках всеобщего плана), активны в установлении цен и производственных методов и гарантировании обеспечения дефицитными материалами, также проводят исследования качества продукции и т. д. Управление совнархозом многими подведомственными отраслями промышленности осуществляется через подкомитеты, «главные администрации», которые в свою очередь управляют отдельными предприятиями, возглавляемыми их управляющими.

Кем же являются администраторы, работающие в региональных советах, главных администрациях и на отдельных предприятиях?[53 - Cf.: Granick D. The Red Executive, I.e., книга, из которой заимствовано большое количество последующих данных.]

Большинство из них имеют высшее образование (фактически больший процент, чем в Соединенных Штатах), причем больше количество специалистов в инженерной области и меньше — в области администрирования и управления бизнесом. Подавляющее большинство являются членами Коммунистической партии. (Для американского читателя важно помнить, что Коммунистическая партия в России не является массовой, но представляет цвет тех, кто хочет занять высшие позиции и собирается приложить большие усилия к этому; на самом деле только около 4% всего населения состоит в партии.) Директора предприятий зарабатывают (включая премии) в 5-10 раз больше рабочих, в зависимости от размера и вида предприятия.

Если мы сравним это с положением в США, то американский директор завода зарабатывает 22 тыс. долл. в год, что в соотношении с заработком рабочего повторяет эти цифры. Но крупномасштабное исследование американских фирм, проведенное в 1957 г., показало, что «в действительности высшее должностное лицо, определяющее политику фирмы, под началом которого находятся порядка 1 тыс. служащих, зарабатывает в среднем, включая зарплату и премии, 28 тыс. долл. в год»[54 - Cf.: Granick D., I.e. pp. 41-42.].

Эти цифры трудно сравнивать, так как, с одной стороны, цены на потребительские товары в Советском Союзе относительно выше, чем в США, в то время как, с другой стороны, плата за жилье — ниже, а дополнительные льготы (пенсии, оплаченные отпуска и т. д.) — значительнее. Таким образом, разница между доходами рабочих и менеджеров в СССР не слишком отличается от того, что мы видим в США.

Что действительно важно, так это роль премий, которые достигают 50-100% зарплаты менеджера и являются наиболее важным стимулом для оптимальной производительности. (Часто эта система акцентируется на объеме продукции более, чем на качестве, что приводит, следовательно, к производству потребительских товаров худшего качества.) Таким образом, менеджеры представляют социальную группу, которая по доходам, потреблению, власти так же отличается от трудящихся, как в любой капиталистической стране Запада. Фактически, судя по многочисленным сообщениям, жесткость классовой стратификации, разницы статусов и так далее больше, чем в Соединенных Штатах.

И еще одна важная характеристика управляющей группы. Граник сообщает, что советские данные показывают, что к 1930 г. была достигнута социальная стабильность. «Статистические данные по этому вопросу, — пишет Граник, — к сожалению, обрываются на 30-х годах. Более того, данные по виду занятости родителей классифицируются только по трем графам: рабочий, крестьянин и служащий. И все же даже эти данные достаточно показательны. Они демонстрируют, что сын служащего, квалифицированного рабочего или бизнесмена в США имеет в 8 раз больше шансов достичь вершин менеджмента, чем сыновья рабочих, занятых ручным трудом, и фермеров (1952 г.), и в 6 раз больше шансов, чем в Советском Союзе (1936 г.)»[55 - Cf.: Granick D., I.e. p. 54.] (Курсив мой. — Э. Ф.).

Что касается сегодняшнего положения, можно только догадываться. Но высказывание Граника, что тенденция уменьшения социальной мобильности, «вероятно, набрала силу в России на настоящий момент просто потому, что уменьшилась враждебность по отношению к детям служащих»[56 - Cf.: Granick D., I.e. p. 56.], звучит убедительно. Эта классовая стратификация существует несмотря на то, что образование в Советском Союзе абсолютно бесплатное и, кроме того, большинство хорошо успевающих студентов получают стипендии. Это очевидное противоречие, вероятно, до определенной степени объясняется тем, что, многие молодые люди в Советском Союзе не могут продолжать обучение из-за того, что их семьи нуждаются в их заработках[57 - Cf.: Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making. Cong. Committee Papers, p. 352.]. Принимая во внимание очень высокие схоластические стандарты русского высшего образования, становится более понятным, что культурная атмосфера в семьях менеджеров предоставляет лучшую подготовку в этом отношении, чем в рабочих и крестьянских семьях.

Поразительный факт — поразительный для тех, кто верит в социалистический характер советской системы, — это то, как сообщает Берлинер, что быть «рабочим» — это «нечто, чего искренне хотят избежать все молодые люди, достигшие высшей школы»[58 - I.e. p. 350.]. Такое отношение к тому, чтобы быть рабочим, конечно не выражается в официальной идеологии, которая превозносит рабочих как истинных хозяев советского общества, и миф о высокой социальной мобильности продолжает существовать в Советском Союзе.

Правильно ли тогда говорить о менеджериальном[59 - Управленческом. — Прим. пер.] классе в Советском Союзе? Если использовать концепцию Маркса, то термин «класс» нельзя употребить здесь с достаточным основанием, так как, по Марксу, он относится к социальной группе со ссылкой на ее отношение к средствам производства; другими словами, владеет ли группа капиталом или средствами его добычи (ремесленники) или скомплектована из не имеющих собственности рабочих. Естественно, что в стране, где государство владеет всеми средствами производства, в этом контексте не существует ни управленческого «класса», ни какого другого, и если кто-то использует термин «класс» строго в том смысле, который был заложен Марксом, он может заявить, что Советский Союз — бесклассовое общество.

В действительности, однако, это не так. Маркс не предусмотрел, что с развитием капитализма в нем появится огромная группа менеджеров, которые, не владея средствами производства, осуществляют управление ими и которые имеют в среднем высокий доход и высокий социальный статус[60 - Cf.: Berie A. A. Means Jr. and C The Modem Corporation and Private Property. The Macmillan Company, New York, 1948 and Schumpeter J. A., Capitalism, Socialism and Democracy. 3rd ed., Harper & Bros., New York, 1958.]. Следовательно, Маркс никогда в своем определении класса не уходил от владения средствами производства к управлению этими средствами и «человеческим материалом», задействованным в процессе производства, распределения и потребления.

В смысле управления Советский Союз — общество с жесткими классовыми различиями. Отдельно от управленческой бюрократии существуют политическая бюрократия Коммунистической партии и бюрократия военная. Они делят между собой престиж, управление и доход. Важно отметить, что они в значительной степени дублируют друг друга. Большинство менеджеров и высших офицеров не только являются членами партии, но также часто «заменяют друг друга», т. е. работая какое-то время менеджерами, они затем вновь становятся партийными функционерами[61 - В 1936 г. 98% всех директоров тяжелой промышленности были членами партии (Quoted from Granick I.e. p. 309).]. По краям трех типов бюрократии находятся ученые и другие интеллектуалы, артисты, которые хорошо зарабатывают, хотя и не обладают властью трех основных групп.

Дальнейшие рассуждения пояснит один пункт. Советский Союз в процессе развития в высоко-индустриализованную систему создал не только новые заводы и машины, но также новые классы, которые направляют производство и занимаются администрированием. Эти классы имеет свои собственные интересы, которые сильно отличаются от тех, во имя которых революционеры взяли власть в 1917 г. Они заинтересованы в материальных удобствах, в надежности, в образовании и продвижении своих детей по социальной лестнице, короче говоря, в том же, в чем заинтересованы соответствующие классы капиталистических стран.

Продолжающееся существование мифа о равенстве не означает, однако, что факт возникновения советской иерархии обсуждается в России. Сталин достаточно откровенно — и, конечно же, всегда цитируя вырванные из контекста подходящие отрывки из Маркса и Ленина, — еще в 1925 г. предостерегал XIV съезд: «Мы не должны играть с фразой о равенстве. Это — игра с огнем»[62 - Quoted by I. Deutscher. Stalin, I.e., p. 339.]. Как отмечал Дойчер, Сталин в последние годы «выступал против „уравнителей“ злобно и ядовито, что предполагало, что он защищает наиболее чувствительную и уязвимую грань своей политики. Она была столь чувствительна, потому что высокооплачиваемые и привилегированные менеджериальные группы стали опорой сталинского режима»[63 - i. e. p. 339.]. Фактически Советский Союз преодолевает ту же проблему, что и капиталистические страны, а именно: как примирить идеологию открытого, мобильного общества с нуждами иерархически организованной бюрократии и как обеспечить престиж и моральное оправдание тем, кто достиг вершины. Советское решение не слишком отличается от нашего собственного: оба принципа усиленно подчеркиваются, и предполагается, что отдельная личность не споткнется о противоречия.

Рост советской промышленности создал не только новый класс менеджеров, но также растущий класс рабочих, занятым ручным трудом. В 1928 г. 76,5% населения было занято в сельскохозяйственном секторе, 23,5% — в неаграрных областях; к 1958 г. пропорция составляла 52% и 48% соответственно[64 - Eason W. W. The Labor Force. Cong. Committee Papers, p. 75.]. Но развитие индустрии требует большего, чем просто рост числа промышленных рабочих. Требуется также увеличение производительности рабочей силы. Насколько серьезна эта потребность для Советского Союза, иллюстрируется тем фактом, что в машиностроительной индустрии, в соответствии с официальным справочником Госплана, производительность труда в США в 2,8–3 раза выше, чем в Советском Союзе[65 - Цифры взяты из статьи: Herman Z. The Labor Force: Who does What? Saturday Rewiew, January 21, 1961, p. 34 ff.]. Кроме более высокого технологического уровня, одним из решающих факторов для производительности труда является сама личность рабочего. Чтобы способствовать развитию более независимого и ответственного характера, карательные меры были не просто заменены (абсентеизм, бывший при Сталине позорным преступлением, сейчас является дисциплинарным вопросом, который должен решаться с менеджментом), но «советская политика в области труда во многих отношениях двигается к поощрению рвения и эффективности на работе» (в области выплат и даже увеличении роли рабочих в принятии ежедневных решений на предприятиях), «однако без фундаментальной узурпации прерогатив менеджмента»[66 - Eason W. W. I.e. p. 92.].

Роль образования, материального удовлетворения и стимулирования в общем смысле признаны советской иерархией определяюще важными, и государство делает все возможное, чтобы повысить ценность этих факторов и таким образом увеличить производительность труда. Развитие в этом направлении несомненно приведет к тому же, к чему оно привело западные страны. Трудящиеся не только лучше работают, они также в большей степени удовлетворены системой и лояльны по отношению к ней: в одном случае к «капитализму», в другом — к

«социализму».

Несмотря на то что разрыв между положением рабочих в обеих системах сокращается, существует различие, не демонстрирующее никаких признаков исчезновения, скорее политическое и психологическое, чем экономическое, – отсутствие независимых рабочих профсоюзов в Советском Союзе. Соответствие по духу русских профсоюзов американским «компанейским профсоюзам»[67 - «Компанейские профсоюзы» организовывались предпринимателем для борьбы с независимыми профсоюзами. – Прим. пер.], конечно, отрицается советской идеологией. Объяснение заключается в том, что в стране рабочих, где трудящиеся сами «владеют» средствами производства, не нужен вид профсоюзов, необходимый рабочим при капитализме. Но объяснение это по большей части идеологическое. Главное заключается в том, что господство партии и государства над профсоюзами душит дух независимости и свободы и, таким образом, ведет к усилению авторитарного характера советской системы в целом.

3. Образование и мораль

Система образования в Советском Союзе, как и в любой другой стране, служит тому, чтобы подготовить человека к той функции, которую он будет выполнять в обществе. Основная задача – привить те отношения и ценности, которые господствуют в советском обществе. Ценности, внушаемые советской молодежи и гражданам, соответствуют господствующей на Западе морали, хотя и сильно сдвинуты в сторону консерватизма. «Забота, ответственность, любовь, патриотизм, усердие, честность, трудолюбие, предписание не препятствовать счастью другого человека, осознание всеобщих интересов – в этом списке ценностей нет ничего, что не могло бы быть включено в этические законы западной традиции»[68 - Marcuse H. I.e. p. 232. См. его великолепную главу об этике, pp. 195–167.].

Уважение к собственности внушается как уважение к социалистической собственности, подчинение властям, – как национальная и международная солидарность. Что касается сексуальной морали, советский вариант – это консерватизм и пуританство. Семья превозносится как центр социальной стабильности, и любой вид сексуальной неразборчивости сурово осуждается. Поскольку измена партии и советской системе является едва ли не самым тяжелым преступлением с точки зрения советской морали, следующее высказывание покажет сущность этого советского пуританизма. «Комсомольская правда» (апрель 1959 г.) спрашивает, описывая случай супружеской измены: «Сколько же шагов отделяет это от измены в более широком смысле..?»[69 - Quoted from Goldhagen E. The Glorious Future. Realities and Chimeras. Problems of Communism, November-December 1960, pp. 10–18.]. Коммунизм описывается как система «консистентной моногамии», принципиально выступающая против любовных связей, рожденных «распущенностью и ветреностью»[70 - Kharchew A. Kommunist, Nov. 7, 1960, p. 63, quoted from Goldhagen E. I.e. p. 17.]. В стороне от основной цели советского образования, исполненного сознания долга подчинения отдельной личности требованиям советского общества и его представителей, находится другая – создание соответственного духа трудовой соревновательной морали. Следующее утверждение, принятое Центральным Комитетом комсомола показывает, что даже семья должна служить делу подготовки надлежащих трудовых качеств: «Семья, в которой очевидно наличие подлинной обоюдной убежденности в необходимости культурного роста и домашние обязанности равномерно распределены между всеми членами семьи, должны быть приняты за образец. Необходимо поощрять участие детей, подростков, юношей и девушек в выполнении работы по дому и оценивать это как важную составную часть трудовой подготовки»[71 - Komsomolskaya Pravda, August 5, 1960, p. 3, quoted from E. Goldhagen, I.e. p. 17.].

Досуг, как и семейная жизнь, должен служить трудовой подготовке. Он не должен служить «праздному наслаждению», но готовить человека к социальной интеграции и развивать в нем лучшие трудовые качества. Это очень удачно выражено в следующем утверждении: «С увеличением свободного времени при социализме каждый трудящийся получил прекрасную возможность повышать свой культурный уровень, увеличивать объем знаний; он может лучше выполнять свои общественные обязанности и растить детей, лучше организовывать свой отдых, заниматься спортом и т. д. Все это необходимо для всестороннего развития человеческой личности. Одновременно, свободное время… является важнейшим

фактором в повышении производительности труда. Именно в этом смысле Маркс называл свободное время величайшей по продуктивности силой, в свою очередь оказывающей влияние на производительность труда. Таким образом, свободное время и рабочее время взаимосвязаны и взаимозависимы»[72 - Prudenski G. Kommunist, Nov. 16, I960, quoted from E Goldhagen, I.e. p. 18.]. (Здесь необходимо отметить, что эта ссылка на Маркса — циничная фальсификация; Маркс говорил о свободном времени изначально как о подлинном царстве свободы, которое начинается, когда заканчивается работа, и в котором человек может раскрыть свои собственные силы — как цель саму по себе, а не как средство достижения производительности.) Насколько далеко такой советский лидер, как Хрущев, отошел от марксистской концепции социализма, становится совершенно ясно из разговора между ним и президентом Сукарно[73 - Ошибка Э. Фромма. Президента Индонезии звали не Сукарно (Sukarno), а Сухарто (Suharto). — Прим. пер.]. Сукарно[74 - Сухарто. — Прим. пер.] сформулировал в простой и достаточно правильной форме традиционную социалистическую концепцию: «Индонезийский социализм… направлен на достижение хорошей жизни для всех, без эксплуатации». Хрущев: «Нет, нет, нет. Социализм означает, что каждая минута просчитана, жизнь строится на расчете». Сукарно[75 - Сухарто. — Прим. пер.]: «Это — жизнь робота»[76 - The New York Times, March 2, 1960, quoted from Goldhagen, I.e. p. 10.]. Ему следовало добавить: и ваше определение социализма в действительности является определением капиталистического принципа.

В некоторых отношениях, как указывал Маркузе[77 - Маркузе Герберт — немецко-американский философ и социолог. — Прим. пер.], советская мораль похожа на кальвинистскую трудовую этику: обе «отражают необходимость объединения больших масс „отставших“ людей в новую социальную систему; необходимость создания хорошо подготовленной, дисциплинированной рабочей силы, способной принять бессрочную рутину рабочего дня с этическими санкциями, производящую все возрастающее, сверх разумного предела, количество товаров, в то время как разумное использование этих товаров для нужд отдельных людей постоянно задерживается обстоятельствами»[78 - Marcuse H. I.e. p. 239. См. также: анализ общественных функций кальвинистской этики в книге: Fromm E. Escape from Freedom. Rinehart & Co., New York, 1941.]. В то же время, однако, Советский Союз использует самые современные технологии, технику и методы производства и, следовательно, вынужден комбинировать потребность в разумной творческой фантазии, личной инициативе и ответственности с потребностью старомодной, традиционной, трудовой дисциплины. Советская система в своих организационных методах, так же как и в психологических целях, комбинирует (или «складывает подобно телескопу», как удачно говорит Маркузе) старые с очень новыми фазами, и именно это складывание подобно телескопу делает столь трудным для западного наблюдателя понимание ее — не говоря уже о дополнительной сложности, которую эта система выражает в идеологических терминах марксистского гуманизма и философии Просвещения XVIII в.

В то время, как на словах советская идеология признает Марксов идеал «разносторонней личности», которая не прикована всю жизнь к одному занятию, советское образование направляет все свои усилия на подготовку — «подготовку специалистов на базе тесной кооперации учебы и производства» — и призывает к «усилению связи науки с производством, с конкретными требованиями национальной экономики»[79 - Резолюция была принята на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, quoted from H. Marcuse, I.e. p. 183.].

Советская культура сосредоточена вокруг интеллектуального развития, отрицая развитие эмоциональной стороны человеческой личности. Последний из названных фактов находит свое выражение в низком уровне советской литературы, изобразительного искусства, архитектуры и кино. Во имя «социалистического реализма» культивируется низкий уровень викторианского[80 - Период британской истории, названный по имени королевы Виктории (1837–1901). — Прим. пер.] буржуазного вкуса, и это в стране, которая, особенно в литературе и кино, была когда-то одной из наиболее творческих в мире. В то время как в некоторых традиционных видах искусства, таких как балет и исполнение музыкальных произведений, русские демонстрируют ту же одаренность, которая была присуща им на протяжении многих поколений, виды искусства, связанные с идеологией, особенно литература и кино, не показывают и толики этой креативности. Они наполнены духом крайнего утилитаризма, дешевых призывов к труду, дисциплине, патриотизму и т. д. Отсутствие каких-либо истинных человеческих чувств — любви, печали или сомнений, выдают степень отчуждения, которая вряд ли

превышена где-либо в мире. В этих фильмах и романах мужчина и женщина превращены в вещи, полезные для производства и чуждые для самих себя и друг друга. (Остается только посмотреть, приведет ли в конечном счете изменение сталинизма в хрущевизм к видимому улучшению уровня советской культуры, что означает уменьшение степени отчуждения, существующей сейчас; такое развитие видится возможным только в случае, если в социальной системе Советского Союза будут иметь место крайне фундаментальные изменения.)

Возможно, что эти факты могут быть опровергнуты набором других фактов, а именно большим количеством «хорошей» литературы (Достоевский, Толстой, Бальзак и др.), которая издается и, по-видимому, читается в Советском Союзе. Некоторые авторы, верящие, что хрущевская система может быть основой, из которой разовьется подлинно гуманный социализм, часто приводят этот аспект советского книгоиздательства в качестве доказательства своих надежд. Если люди пропитаны такой литературой до такой степени, как в Советском Союзе, то, доказывают они, их человеческое развитие будет определяться духом этой литературы. Я не нахожу этот аргумент достаточно убедительным. Только с логической точки зрения население, которое принуждено жить в состоянии постоянно возрастающего отчуждения, испытывает острую нехватку в подлинно человеческом существовании, каким оно представлено в «хорошей» литературе. Но тот факт, что романы Достоевского, Бальзака и Джека Лондона занимают свое место в других странах и культурах, совершенно отличных от советской действительности, делает их высококлассной, далекой от действительности литературой; эта литература удовлетворяет неутолимую жажду истинно человеческого существования, которая остается неудовлетворенной в современной советской действительности, и в то же время абсолютно не связана с этой действительностью, и, следовательно, ей не угрожает.

Если мы хотим провести параллель с явлением западной культуры, нам просто нужно вспомнить, что Библия – все еще самая продаваемая и, по-видимому, самая читаемая книга на Западе и в то же время что она тоже не имеет сколько-нибудь заметного влияния на реальную жизнь современного человека, на его чувства и поступки. Короче говоря, Библия стала литературой, не связанной с жизнью, необходимой, чтобы спасти человека от бездны пустоты, которую открывает перед ним образ его жизни, но без заметного эффекта, потому что между Библией и реальной жизнью нет никакой связи.

Глава III. Является ли мировое господство целью Советского Союза?

Политика и общественное мнение в Соединенных Штатах базируются на предпосылках, что Советский Союз является: 1) социалистическим государством и 2) революционной и/или империалистической системой, нацеленной на покорение мира. Каждая из этих предпосылок требует детального исследования. В то же время внимание должно быть обращено на связь между внутренней социальной структурой Советского Союза и его революционной и/или империалистической направленностью на мировое господство.

I. Является Советский Союз социалистической системой?

Если верить лидерам Советского Союза, «Союз Советских Социалистических Республик» – является социалистическим не только по названию, но и по сути. Уже в 1936 г. Сталин провозгласил «окончательную победу социализма во всех сферах народного хозяйства»[81 - Stalin J. Problems of Leninism. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1947, p. 548.], и в настоящее время советская идеология утверждает, что Советский Союз стремительно движется к претворению в жизнь коммунизма. (Характеризующегося известным изречением Маркса: «От каждого по возможностям, каждому по потребностям»[82 - Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К. и Энгельс Ф Соч., т. 19.].)

Ответить на вопрос о социалистическом характере Советского Союза можно, только сравнив видение социализма Марксом и действительность советской системы. Какие логические основания есть у советских лидеров, от Сталина до Хрущева, чтобы называть их систему социализмом? Они делают это заявление исключительно на основе своего толкования Марксова социализма, в котором определяющими для социалистического общества считаются два фактора:

«социализация всех средств производства» и плановая экономика. Но социализм в понимании Маркса или, коли на то пошло, в видении Оуэна, Гесса, Фурье, Прудона и т. д., не может быть определен таким образом.

В чем же была суть идеи Маркса и марксистского социализма? Сбивает с толку, почему же теория Маркса фальсифицирована и очернена не только невеждами, но и многими из тех, кто мог и должен бы был лучше разбираться в этом вопросе. Как точно отметил это Роберт Л. Хейльбронер, наши общественные газеты и книги «затушевывают тот факт, что литература социалистического протеста — одна из самых подвижных и ищущих в моральном плане среди всех летописей человеческой надежды и отчаяния. Отделаться от этой литературы, оставив непрочитанной, очернить ее, даже приблизительно не понимая, что она представляет, не просто ужасно, но и опасно глупо»[83 - Heilbroner R. L. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1959, p. 113–114.].

Понимание Маркса уже в самом начале блокируется одним из самых распространенных и совершенно ошибочных стереотипов — «материализмом» Маркса[84 - Я уже отмечал это заблуждение в статье «Uber Aufgabe und Methode einer analytischen Sozialpsychologie» Ztschr. fur Sozialforschung, C. L. Hirschfeld, Leipzig, Vol. I, 1932. То же самое сделал И. Шумпетер в своей кн.: Capitalism, Socialism and Democracy. Harper & Bros., New York, 1947.]. Предполагается, что этот материализм означает, что основной мотивацией человека является его желание материальной наживы в противовес духовным, этическим и религиозным ценностям. Но весьма парадоксально, что те, кто нападает на Маркса за этот приписываемый ему материализм, превозносят капитализм в сравнении с социализмом, заявляя, что только денежный стимул может являться достаточно сильной мотивацией для человека, чтобы признать свое превосходство, на самом же деле теория Маркса изначально стоит в оппозиции к этому приписываемому ему материализму. Главным в его критике капитализма было то, что эта система в первую очередь требует экономической и материальной мотивации, и в его концепции социализм является обществом, которое благосклонно к людям, живущим в полном смысле этого слова, а не имеющим больше. Марксов исторический материализм вообще не говорит об экономическом факторе как о психологической мотивации. О нем говорится как о социоэкономическом условии, которое ведет к определенному образу жизни и, таким образом, формирует человеческий характер. Его отличие от идеализма Гегеля (идеализм и материализм — философские термины и не имеют ничего общего с разницей между идеалистической и материалистической мотивациями, как это должно быть известно любому студенту высшей школы) состоит в том, что «…мы не отталкиваемся ни от того, что человек воображает, представляет себе, ни от того, что о человеке рассказывается, думается, воображается, представляется, для того чтобы понять человеческую сущность. Мы отталкиваемся от реальных, активных людей, и на основе процесса их реальной жизни демонстрируем развитие идеологических рефлексов и отголосков этой жизни»[85 - Marx K. and Engels F. Die Heilige Familie, N 9. 1845 (перевод мой. — Э, Ф.).]. Или, как он это выразил где-то в другом месте: «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы они и сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляет собой индивид — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»[86 - Marx K., Engels F. The German Ideology. International Publ. Inc., New York, 1939, p. 7.]. Открытие Маркса заключалось в том, что образ жизни в том виде, в котором он определяется экономическими системами, определяет чувства и мышление человека. В соответствии с этой точкой зрения какая-то система может благоприятствовать развитию материалистических усилий; другая система ведет к преобладанию аскетических тенденций[87 - В концепции «социального характера» я попытался проанализировать связь между социоэкономической структурой общества и превалирующими эмоциональными и интеллектуальными отношениями (см.: Escape from Freedom, Rinehart & Co. Inc., New York, 1941, и мою еше более раннюю статью «Uber Aufgabe und Methode einer analytischen Sozialpsychologie»).].

Главным убеждением Маркса, как и Гегеля, было достигшее высшей точки развитие человеческих потенциальных возможностей, то, что Гегель выразил, как «перевод себя из мрака возможности в свет действительности». Человек, как учил Маркс, развивает свой потенциал в процессе истории. Ему следует быть тем, кем он может быть, тем, кем еще не является. В современном индустриальном обществе человек, по Марксу, достиг пика отчуждения. В процессе производства отношение рабочего к своей собственной активности существует как нечто «не относящееся к нему. В то время как человек, таким образом, становится чуждым самому себе, продукт труда становится „чуждым

объектом, господствующим над ним“. Трудящийся существует для процесса производства, а не процесс производства для трудящегося»[88 - Marx K. Capital. Charles H. Кегг, Chicago, 1906, Vol. I, p. 536.]. Не только вещи, производимые человеком, становятся его повелителями, но также социальные и политические обстоятельства, которые он создает. «Это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии»[89 - German Ideology, I.e. p. 23. Вряд ли может быть более яркий пример этой власти вещей над людьми, чем ядерное оружие, которое человек создал и которое сейчас, кажется, управляет им.]. Тот человек, который всесторонне развит, тот человек, который является субъектом, а не объектом истории, тот человек, который перестанет быть «уродливым чудовищем и станет полноценным человеческим существом», и есть, в соответствии с Марксом, цель социализма.

Цель человека, в концепции Маркса, независимость и свобода. «Существо, — говорит он, — не воспринимает себя независимым, пока не является хозяином самому себе, и только тогда оно им становится, когда отвечает за свое существование перед самим собой. Человек, живущий в угоду другому, считает себя зависимым существом»[90 - Fromm E. Mane's Concept of Man., с переводом из книги Маркса «Экономическо-философские рукописи», выполненным в 1844 г. Т. Б. Боттомором (T. B. Bottomore). Frederick Unger Publishing Co., 1961, p. 138.]. Как полагал Маркс, человек независим только тогда, когда он «полностью принимает свое существование во всем его многообразии, и таким образом, как полноценный человек. Все его человеческие связи с миром — зрение, слух, обоняние, осязание, чувство вкуса, мышление, наблюдательность, чувствование, желание, деятельность, любовь, — короче говоря, все органы его личности… являются… восприятием человеческой действительности. Частная собственность сделала нас столь глупыми и пристрастными, что предмет является нашим, только если мы владеем им, когда он существует для нас в роли капитала, когда его можно съесть, выпить, носить, можно в нем жить и т. д., короче говоря, использовать каким-то способом… Таким образом, все физические и интеллектуальные чувства были заменены простым отчуждением всех этих чувств — чувством обладания. Человек должен был быть опущен в эту абсолютную нищету, чтобы обрести возможность дать рождение всему своему внутреннему богатству»[91 - I.e. p. 131–132.].

Марксова идея полной самореализации человека подразумевает, что эта самореализация может произойти лишь во взаимосвязи человека с внешним миром, природой, с другим человеком и в отношениях мужчины и женщины. Социализм для Маркса — что П. Тилих обозначил как «движение сопротивления против разрушения любви в общественной действительности»[92 - Protestantische Vision Ring Verlag. Stuttgart, 1952, p. 6. (перевод мой. — Э. Ф.)] — становится особенно понятным из следующего отрывка: «Предположим теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли, проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье»[93 - I.e. p. 168.].

Продуктивная, свободная, независимая, любящая личность — таково было видение человека Марксом. Он не был озабочен максимальным производством и потреблением, хотя он был сторонником того, чтобы сделать возможным для каждого достижение экономического уровня, являющегося основой достойной человеческой жизни. Сначала он также не был обеспокоен вопросом уравнивания доходов, хотя и был против такого неравенства, которое мешает людям одинаково наслаждаться основными радостями жизни. Главное убеждение Маркса было связано с освобождением человека от того вида работы, который разрушает его индивидуальность, превращая в вещи, выведением его из состояния рабского подчинения вещам, им же созданным.

Концепции Маркса берут начало в пророческом мессианстве, в индивидуализме Ренессанса и в просвещенном гуманизме. Философия, лежащая в основе его концепции, — это философия активной, продуктивной, связной личности,

философия, которую наилучшим образом представляют имена Спинозы, Гете, Гегеля.

То, как идея Маркса была деформирована и искажена, превращена практически в свою противоположность и коммунистами, и противниками социализма из капиталистического лагеря, является отличным – хотя отнюдь не единственным – примером человеческой способности извращать факты и мыслить иррационально. Однако чтобы понять, представляют ли Советский Союз и Китай марксистский социализм и чего действительно можно ожидать от подлинно социалистического общества, важно осознать то, что имел в виду Маркс.

Сам Маркс не считал бы Советский Союз и Китай социалистическими государствами. Это следует из следующего высказывания: «Этот (вульгарный) коммунизм[94 - Маркс ссылается здесь на определенных эксцентричных коммунистических мыслителей, которые заявляют, что коммунизм означает коммуну, члены которой владеют всем совместно.], который отрицает человеческую личность в любой социальной сфере, лишь логическое выражение частной собственности, которая и есть это отрицание. Всеобщая зависть, возвысившаяся как сила, является лишь закамуфлированной формой алчности, которая сама восстанавливается и удовлетворяет себя различными способами. Мысли, сопутствующие индивидуальной частной собственности, по крайней мере направлены против более обширной частной собственности, в форме зависти и желания сократить все до общего уровня; таким образом, эта зависть и разбиение на уровни и составляют сущность конкуренции. Сырой, незрелый коммунизм – лишь кульминация этой зависти и уравниловки по принципу снижения до заранее определенного минимума. В какой малой степени эта отмена частной собственности исполняет свое истинное предназначение, показывают трудное для понимания отрицание целого мира культуры и цивилизации и регресс к противоестественной непритязательности бедной и лишенной желаний личности, которая не только не превосходит частную собственность, но даже не добивается этого. Это сообщество – всего лишь сообщество по работе и равенству зарплаты, выплачиваемой из средств сообщества сообществом же как универсальным капиталистом. Две стороны отношений воздвигают здание предполагаемой универсальности: труд, как состояние, в котором пребывает каждый, и капитал, как признанная универсальность и сила сообщества»[95 - I.e. p. 125. // Здесь следует добавить, что русские писатели от марксизма заявляют, что некоторые идеи, содержавшиеся в этих ранних произведениях, были позже отбракованы самим Марксом. В то время как он кое-где изменил свою терминологию, не подлежит сомнению, что основные гуманистические идеи молодого Маркса лежали в основе его мышления на протяжении всей жизни, до последних страниц «Капитала». Детальное обсуждение целостности мышления Маркса можно найти в книге «Концепция человека» у К. Маркса. См. Фромм Э. Душа человека. М., 1998. – Прим. пер.].

Кто угодно, но только не Маркс, верил в отрицание личности и в то, что социализм означает всеобщую уравниловку. Его ошибки имеют различное происхождение, но не имеют ничего общего с недооценкой индивидуальности. Он недооценивал запутанность и силу человеческих иррациональных страстей и его готовность принять системы, которые могут освободить его от ответственности и груза свободы. Он недооценивал способность капитализма восстанавливать свои силы и огромное количество форм, в которые эта система может эволюционировать и таким образом предотвращать неизбежные, катастрофические, как считал Маркс, последствия своих внутренних противоречий. Другая ошибка Маркса заключалась в том, что он не мог в достаточной степени освободиться от той определяющей важности, которую мышление XIX в. придавало законной собственности. Законное владение тогда соответствовало управлению и контролю со стороны общества. Следовательно, Маркс заключал, что если законная собственность будет отобрана у работающего на себя капиталиста и перейдет к обществу, то рабочие будут управлять своими собственными делами. Он не понимал, что изменение во владении может быть только изменением в области управления, от владельцев к бюрократии, действующей от имени акционеров или государства, и что это изменение может иметь незначительное (либо не иметь вообще) влияние на реальное положение рабочих внутри системы производства.

Поколения спустя национализированные отрасли промышленности в Англии, Франции и России наглядно показали это. Теоретически социалистическая организация в Англии, теоретически и на практике югославские коммунисты осознали двусмысленную сущность государственной собственности и построили систему, основанную на владении и управлении заводов рабочими, а не

государственным и бюрократическим аппаратом.

Как я отмечал ранее, с нарастающим развитием капитализма не только экономические, но и психологические, духовные, гуманные цели социализма были заменены целями победоносной капиталистической системы – целями максимальной экономической эффективности, максимального производства и потребления. Эта ошибочная интерпретация социализма как чисто экономического движения, принимающая национализацию средств производства за самоцель, имела место и в правом, и в левом крыле социалистического движения. Изначальной целью лидеров-реформистов социалистического движения в Европе было поднятие экономического статуса рабочего внутри капиталистической системы. Для них самой радикальной мерой в этом направлении являлась национализация некоторых крупных отраслей промышленности. Лишь недавно пришло понимание того, что национализация предприятий сама по себе не является реализацией социализма и что быть под управлением бюрократического аппарата, назначенного обществом, для рабочего практически то же самое, что и управляться кем-то лично назначенным бюрократией. Лидеры Советского Союза также оценивали социализм по капиталистическим стандартам, и их принципиальным требованием к советской системе является принцип, что «социализм» может производить больше и работать эффективнее, чем «капитализм».

Оба крыла социализма забыли, что Маркс ставил целью общество, отличное в человеческом плане, а не просто более процветающее; Его концепция социализма, несмотря на изменения в его собственном мышлении, в принципе подразумевала общество, в котором каждый гражданин будет активным и ответственным членом сообщества, участвующим в управлении всеми социальными и экономическими механизмами, а не – как в современной советской практике – «цифрой», которая накачивается идеологией и управляется ничтожным бюрократическим меньшинством. Для Маркса социализм был управлением общества снизу, его членами, а не сверху, бюрократией. Советский Союз может быть назван государственным капитализмом или как-то еще; но только одному определению эта менеджериальная, бюрократическая система не может соответствовать – «социализму», как понимал его Маркс. Не может быть дано лучшего ответа чем утверждение Шумпетера, что «между истинным значением послания Маркса и практикой и идеологией большевизма такая же пропасть, какая разделяла религию смиренных галилеян и идеологию кардиналов или воителей средневековья»[96 - Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. Harper & Bros., New York, 1959, p. 3.].

В то время как советская система заимствовала концепцию национализации средств производства и всеобщего планирования из марксистского социализма, она ничуть не меньше разделяла многие черты современного капитализма.

Развитие капитализма в XX в. привело ко все более возрастающей централизации в промышленном производстве. Крупные корпорации все больше и больше становятся центрами производства металлургической, автомобильной, химической, нефтяной, пищевой отраслей промышленности, банковского дела, кино и телевидения. Только в некоторых ветвях производства, например в текстильной промышленности, мы все еще видим картину XIX в. – огромное количество мелких и остро конкурирующих предприятий. Большинство предприятий управляется сегодня огромными бюрократическими аппаратами с иерархической структурой, которые ведут дела предприятия в соответствии с принципами максимизации прибыли и относительно независимы от миллионов акционеров, которые являются законными владельцами. Такая же централизация присутствует и в правящих кругах, военных силах и даже в научных исследованиях.

В то время как «частные предприятия» в идеологическом плане преуменьшают значение всех социалистических тенденций, значительно проще принимать большие – прямые и косвенные – дотации от государства. Это же привело к важным изменениям в отношении свободного рынка и свободной конкуренции. Свободный рынок и свободная конкуренция в том смысле, в котором они понимались в XIX в., – явления, оставшиеся в прошлом.

Даже несмотря на то, что западные системы сохранили некоторую долю конкуренции, нескрываемые и тайные ценовые соглашения между крупными корпорациями, государственные дотации и т. д. (несмотря на антимонопольное законодательство в Соединенных Штатах) сильно ограничивают конкуренцию и роль свободного рынка. Представьте на минуту, что тенденция к централизации развивается дальше и что в конце концов будет существовать одна огромная

корпорация, производящая, соответственно, автомобили, сталь, фильмы и т. д., картина «капиталистической» экономики будет не так уж сильно отличаться от социалистической экономики России. Конечно, существует все усиливающийся элемент государственного планирования в западном капитализме, не только посредством крупномасштабного государственного вмешательства, но также в том смысле, что Государственная комиссия по атомной энергии[97 - Комиссия по атомной энергии (КАЭ) образованна в 1946 г. Ведала разработкой ядерного оружия, производством расщепляющихся материалов и др. (более 20 научно-исследовательских лабораторий). В 1975 г. преобразована в Управление энергетических исследований и разработок. — Прим. пер.] — самое крупное промышленное предприятие в Соединенных Штатах, и что военная промышленность, хотя и находится в частной собственности, производит огромное количество оружия по государственному заказу. Это, однако, не означает, что в Соединенных Штатах, за исключением оружейного производства, существует всеобщее планирование или даже план перехода военной промышленности к мирной экономике.

Метод производства современного капитализма — это крупные конгломераты рабочих и клерков, которые трудятся под руководством менеджериальных, бюрократических аппаратов. Они являются частью громадной производственной машины, которая, чтобы вообще работать, должна работать ровно, без трения, без остановок. Отдельный рабочий или служащий становится гайкой в этом механизме, его функции и действия определяются всей структурой организации, в которой он трудится. В крупных предприятиях законное владение средствами производства отделяется от управления и теряет свое значение. Менеджеры лишены качеств былых владельцев — личной инициативы, смелости, способности рискнуть, зато у них есть качества, присущие бюрократам, — недостаток индивидуальности и воображения, безликость, осторожность. Они управляют вещами и людьми и относятся к людям так же, как к вещам. Гигантские корпорации, которые управляют экономической — и в большой степени политической — судьбой страны, определяют процесс, сильно отличающийся от демократического; они представляют собой власть, не контролируемую теми, кем они правят.

Помимо промышленной бюрократии подавляющее большинство населения управляется другими бюрократическими аппаратами. Во-первых, существует государственная бюрократия (включая военную), которая влияет на жизни миллионов людей, направляет их в той или иной форме. Все больше и больше индустриальная, военная и правительственная бюрократии переплетаются как в своих действиях, так и в составе. С дальнейшим развитием крупных предприятий профсоюзы превратились в большие бюрократические машины, в которых голос отдельного человека практически ничего не значит. Многие профсоюзные лидеры являются менеджериальными бюрократами, так же как и шефы индустрии.

Все эти бюрократические аппараты имеют вид, весьма отдаленно напоминающий нормальный; и благодаря особой природе бюрократической администрации это так и должно быть. Они функционируют скорее как электронные компьютеры, в которые загружены все данные и которые — в соответствии с определенными принципами — «принимают решения». Если человек превратился в вещь и управляется подобно вещи, менеджеры сами становятся вещами, а у вещей нет воли, нет мечты, нет замыслов[98 - «Старомодный» капиталист Дж. Пол Гетти недавно написал по этому поводу следующее: «По моим расчетам, мания подчинения может причинить Свободному Миру вреда больше, чем дюжина Никит Хрущевых» (Money and Conformity, Playboy, February, 1960, p. 135).].

С появлением бюрократического управления людьми демократический процесс превращается в ритуал. Собрание ли это акционеров или политические выборы, или профсоюзное собрание, отдельный человек практически теряет возможность активно участвовать в принятии решения. Особенно в политической сфере выборы все больше и больше нисходят до уровня плебисцитов, во время которых избиратель может выразить предпочтение одному из двух занесенных в список профессиональных политиков. Лучшее, что можно сказать в защиту этого, это то, что им управляют с его собственного согласия. Но способы, которые используются для получения этого согласия, — внушение и манипуляция, и при всем этом наиболее фундаментальные решения — в сфере внешней политики, включающей войну и мир, — принимаются маленькими группами, о которых средний гражданин вряд ли даже имеет представление!

Отдельным человеком управляют и манипулируют не только в сфере производства, но также в области потребления, которая, как утверждают,

является той сферой, где может найти выражение человеческая свобода выбора. Является ли это потреблением продуктов питания, одежды, напитков, сигарет или кинофильмов и телепрограмм, могущественный аппарат внушения работает в направлении двух целей: во-первых, постоянно увеличивать аппетит на новые предметы потребления и, во-вторых, направлять эти аппетиты в выгодное для промышленности русло. Предельный размер инвестирования капиталов в индустрию производства потребительских товаров и конкуренция между небольшим количеством гигантских предприятий делают невозможным пустить потребление на самотек или оставить потребителю возможность свободно решить, хочет ли он что-либо купить и что именно. Его аппетиты должны постоянно разжигаться; его вкусами необходимо манипулировать, управлять ими, их нужно делать предсказуемыми. Человек трансформируется в «потребителя», вечно голодного, чье единственное желание – потреблять больше вообще и «более хорошие» вещи.

Советский Союз служит западному индустриальному обществу предостережением того, куда мы можем прийти, если будем продолжать двигаться в сегодняшнем направлении. Мы развили на Западе индустриальный менеджериализм и сопутствующего ему человека организации; Россия, перепрыгнув через средний этап, на котором все еще находимся мы на Западе, довела это развитие до логического конца – под лозунгами марксизма и социализма. Национализация (запрещение частной собственности на средства производства) не является отличительной особенностью «социализма» и «капитализма». Это просто техническая схема для более эффективного производства и планирования. Советская система – эффективная, полностью централизованная система, управляемая промышленной, политической и военной бюрократиями; это скорее завершенная «менеджериальная революция», чем социалистическая революция. Советская система – не противопоставление капиталистической системе; это то, во что разовьется капитализм, если мы не вернемся к принципам западной традиции – гуманизму и индивидуализму.

Если концентрированное владение собственностью, бюрократическое управление процессом производства и манипулирование потреблением – необходимые элементы капитализма XX в., отличие от советского коммунизма представляется скорее в степени, чем в качестве. Если капитализм, как выразился Кейнс, может выжить только при значительной степени социализации, можно заявить с равной обоснованностью, что советская система выжила благодаря значительной степени капитализации. Фактически и советская, и западная системы сталкиваются с одними и теми же проблемами индустриального и экономического роста в высокоразвитом, централизованном, менеджериальном обществе[99 - Cf.: W. W. Eason's paper. Congr. Committee Papers, I.e. p. 93 and Industrialism and Industrial Man. By C. Кегг, J. T. Dunlop, F. Harbison and C. A. Myers. Harvard Univeisity Press, Cambridge, 1960.]. Обе эти системы используют методы менеджериального, бюрократического управления обществом, характеризующегося возрастающей степенью человеческого отчуждения, групповой адаптации и преобладанием материальных интересов над духовными; они обе создали человека организации, который управляется бюрократическими аппаратами и машинами и все еще верит в то, что преследует возвышенные цели гуманистических идеалов.

Схожие стороны советской системы и «капитализма» были ярко продемонстрированы в представлении классовой стратификации и целях советской системы образования; сравнение, которое показывает, что во многих отношениях советская система походит на капиталистическую систему XIX в., хотя в то же время она более современна и «продвинута», чем западная. Схожесть этих сторон станет даже очевидней, если мы учтем один фактор, который заключается в том, что, с западной точки зрения, краеугольным камнем капитализма являются денежные стимулы. Какие же данные есть о стимулах, существующих в Советском Союзе?

Что касается рабочих в России, стимулом являются наличные деньги. Действие этого стимула осуществляется двумя путями. Во-первых, это тот факт, что зарплата по большей части основывается на принципе сдельности. Размер зарплаты «фиксирован для определенного требуемого выпуска продукции трудящимся определенной специальности. Если рабочий выполняет норму, система стимулирования предоставляет ему возрастающую оплату, чтобы компенсировать увеличение производительности. Для трудящегося, который превышает норму на 1-10%, компенсация достигает в долевой пропорции 100%»[100 - Javits B. A. A Comparison of Incentives in the Economic System of the United States and Soviet Russia, Congr. Committee papers p. 343.]. Если он перекрывает норму в два раза, его месячный заработок также

удваивается относительно зарплаты. Вторым денежным стимулом для рабочих являются премии, которые выплачиваются из прибыли предприятия. «Во многих случаях премии составляют большую часть годового дохода рабочего в России»[101 - Javits B. A. I.e. p. 343; Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making: A Comparison between the United States and the Soviet Union, Congr. Committee Papers, p. 356, Javits B. Factory and Manager an the USSR. Harvard University Press, Cambridge, 1957.].

Что касается советских менеджеров, главным стимулом является премиальная выплата за перевыполнение плана.

«Размер дохода, заработанного в виде премий, весьма значителен. В 1947 г. управляющий персонал сталелитейной промышленности получил премий в среднем в размере 51,4% от основного дохода. В пищевой промышленности, которая занимает по этим показателям последнее место, – 21%. Поскольку это усредненные показатели, многие отдельные менеджеры заработали значительно больше. Премии таких размеров должны на самом деле являться могущественным стимулом»[102 - Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making: A Comparison Between the United States and the Soviet Union, Congr. Committee Papers, p. 356, cf: у того же автора Factory and Manager an the USSR, Harvard University Press, Cambridge, 1957.]. Символ статуса и размер трат также стали, по Джэвитсу, важными стимулами для советского менеджера. Подводя итог, Берлинер утверждает, что «личная выгода была на протяжении последних 25 лет основным принципом системы стимулирования управленческого персонала», и «мы с уверенностью можем сказать, что, по крайней мере, несколько следующих десятилетий личная выгода будет ведущим экономическим стимулом в обеих (американской и российской) системах»[103 - I.e. p. 355.].

Для крестьян деньги также являются одним из главных экономических стимулов. «Существует один стимул, – отмечает Джэвитс, – который парадоксален постольку, поскольку он показывает ослабление государственного стимулирования Советами, с одной стороны, и продолжающееся экспериментирование Соединенными Штатами – с другой. Это относится к широко разрекламированному призыву заняться сельским хозяйством в Соединенных Штатах – с предлагаемым высоким личным доходом фермера за счет государства… В Советском Союзе… после продажи обязательной части урожая правительству членам колхозов разрешено продавать излишки зерна населению на основе принципа спроса и предложения. Эта область советской экономики, пожалуй, единственная, где можно обнаружить свободный рынок»[104 - Javits B. A. I.e. p. 346.].

Россия – спокойное реакционное, богатое государство; мы – спокойное либеральное, богатое государство. Но предполагается, что положение вещей в Советском Союзе будет медленно меняться. Очевидно, что чем больше Советский Союз будет удовлетворять материальные потребности своего населения, тем менее ему будут необходимы методы полицейского государства. Советская система будет склоняться к тем же средствам, что используются на Западе: методы психологического внушения и манипулирования, которые предлагают отдельному человеку иллюзию, что у него есть свои собственные убеждения, которым он следует, в то время как в действительности «его» решения создаются элитой «принимающих решения».

Русские верят, что они представляют социализм, потому что говорят на языке марксистской идеологии, и они не осознают, насколько их система похожа на одну из наиболее развитых форм капитализма. Мы на Западе верим в то, что представляем систему индивидуализма, личной инициативы, гуманистической этики, потому что мы держимся за нашу идеологию и не видим, что наши институты на самом деле все больше и больше походят на ненавистную коммунистическую систему. Мы верим, что сущность коммунистической системы в России – подчинение отдельной личности Государству, и, следовательно, она не свободна. Но мы не признаем, что в западном обществе отдельный человек все более и более подчиняется экономической машине, большой корпорации, общественному мнению. Мы не осознаем, что отдельная личность, сталкиваясь с гигантским предприятием, гигантским правительством, гигантскими профсоюзами, боится свободы, не верит в свои силы и ищет укрытия в установлении тождественности с этими гигантами.

Наш метод организации промышленности также нуждается в людях, таких же, какие необходимы советской системе: людях, которые ощущают себя хозяевами своего общества (это одинаково утверждают и социализм, и капитализм), но в то же время хотят, чтобы ими управляли, хотят делать то, что от них ждут,

влиться в общественную машину без трения, и кого можно вести без применения силы, кем можно руководить без руководителей, побуждать, не выдвигая никакой цели за исключением одной – приносить пользу, быть в движении, стать первым. Мы пытаемся добиться этих результатов посредством идеологии свободного предпринимательства, личной инициативы и т. д.; русские – идеологией социализма, солидарности, равенства.

Итак, вопрос, является ли советская система социалистической, получил отрицательный ответ. Мы сделали вывод, что это – государственный менеджериализм, использующий самые передовые методы тотальной монополизации, централизации, манипулирования массами и медленно продвигающийся в осуществлении этого манипулирования от методов насилия к методам массового внушения. Он, все еще сохраняя социализм в некоторых своих проявлениях и свое особое противоречие в социальном и человеческом плане, в действительности повторяет тенденции наиболее развитых капиталистических стран, что обеспечивает сохранение прежнего курса. Это очень успешная в экономическом плане система, хотя она не благоприятствует развитию подлинных свободы и индивидуализма; в ней присутствуют многие черты планирования и общественного благосостояния, которые можно отнести к позитивным достижениям.

II. Является ли Советский Союз революционно-империалистической системой?

Тезис, что целью Советского Союза является мировое господство, основан на двух предположениях. Основное заключается в том, что Хрущев, будучи коммунистом и преемником Ленина, хочет революционизировать мир для победы коммунизма. Добавочное предположение состоит в том, что Хрущев как наследник царизма является лидером русского империализма, цель которого – мировое господство. Иногда эти два предположения комбинируются, иногда даже заявляется, что несерьезно «обсуждать, 'действительно ли' Советский Союз заинтересован в мировом господстве ввиду того, что советская система безопасности в результате приведет к разрушению других государств»[105 - Cf.: Kissinger H. A. The Necessity of Choice. Harper & Bros., New York, 1960, p. 149.]. Более того, существуют различные мнения насчет того, как Советский Союз хочет достичь мирового господства. До последнего времени преобладала – и, вероятно, все еще преобладает сейчас – точка зрения, что Советский Союз хочет покорить мир силой оружия, хотя в свете мирных жестов России последнее предположение трансформируется. Оно теперь утверждает, что, если и не насильственно, Советский Союз хочет достичь мирового господства экономическими средствами и ненасильственным подчинением.

Давайте же обсудим различные точки зрения на советский курс на достижение мирового господства и исследуем обоснованность аргументов в защиту этого тезиса.

1. Советский Союз как революционная держава и роль Коминтерна

Старейшей и, наверно, все еще самой популярной концепцией является преемственность режимов Ленина – Сталина – Хрущева и соответствие советской державы коммунизму 1917–1921 гг. сорок лет спустя. Действительно, если бы Хрущев являлся легитимным наследником Ленина и коммунистом, в марксистско-ленинском понимании, его основным интересом было бы распространение коммунизма по всему миру, так как, без сомнения, Ленин надеялся и трудился во имя интернациональной революции и победы коммунизма – не в отдельно взятом российском государстве – во всем мире.

Но, как я пытался показать ранее, Сталин и Хрущев, вся их идеология не представляют революционный коммунизм. Они, напротив, представляют консервативный тоталитарный менеджериализм и класс, доминирующий в этой системе. Возникает вопрос, могут ли быть представители этой системы и этого класса революционерами и коммунистами – могут ли они желать революций в других странах (или просто симпатизировать им), дух которых противоречил бы духу, господствующему внутри России.

Ответ на этот вопрос зависит от политического предположения более общего характера, а именно, внутренняя структура режима определяет его отношение к

революциям. Консервативной державе нет пользы, по причине ее особой природы, от революционных движений за рубежом. Во-первых, лидеры консервативной державы – это люди, которые правят, основываясь на власти и повиновении, а революции – это движения, борющиеся против власти и повиновения. Те, кто приходит к власти в консервативной системе, лично не симпатизируют антиавторитарным отношениям. Более важен, однако, тот факт, что революции в других странах, особенно если они не слишком далеки (в географическом и культурном плане), представляют опасность для консервативных держав. Конкретно же это означает, что, если бы произошли рабочие революции, например, в Берлине, Западной Германии, Франции, Италии, советская бюрократия встала бы перед сложной задачей сдерживания распространения этих революций на Восточную Германию, Польшу, Венгрию и т. д. В лучшем случае советскому режиму опять пришлось бы использовать танки и пулеметы, как они использовались против восстаний в этих странах, чтобы подавить выступления революционно настроенных рабочих. Может ли все это понравиться и нравится ли Хрущеву?

Мой тезис, что Советский Союз, будучи консервативной, иерархической системой выступает против революций, сперва поразит многих читателей не намного меньше, чем абсолютная нелепица. Они будут думать о надежде Ленина и Троцкого на мировую революцию, о декларациях Сталина и Хрущева о «победе коммунизма» и о завоевании Балтийских государств, Польши, Болгарии, Чехословакии и Румынии Россией. Как, следовательно, будут утверждать они, кто-либо может считать хрущевизм нереволюционной системой в свете всех очевидных доказательств обратного?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте проследим, шаг за шагом, изменения от существования подлинной надежды на мировую революцию, которая руководила Лениным и его соратниками, к трансформации коммунистических партий в инструмент внешней политики Сталина.

Всегда существовала двойственность в отношениях России и международного коммунистического движения. Но природа этой двойственности решительно изменилась в период между 1917 и 1925 гг. Как я уже отмечал, Ленин и Троцкий верили, что только революция в Германии (или Европе) может спасти русскую революцию. Их внешняя политика была подчинена их революционным целям, но когда осуществление германской революции потерпело крах и Россия осталась единственной коммунистической страной, она стала символом и центром коммунистических надежд. Выживание стало само по себе целью коммунистической России, хотя все еще верилось, что выживание России необходимо для окончательной победы коммунизма. Таким образом, если проницательней взглянуть на вещи, интересы зарубежных коммунистических партий начали подчиняться интересам советской внешней политики.

Эта тенденция получила свое развитие начиная с 1920 г. После того как исчезла угроза гражданской войны и союзной интервенции, были осуществлены первые попытки установления торговых контактов с Западом, и интересы выживания России были поставлены выше интересов мировой революции. Чичерин призвал правительства союзнических держав к началу мирных переговоров, и он, и Радек заявляли в первую очередь, что капиталистические государства и Советская Россия могут мирно сосуществовать, как, например, «либеральная Англии не боролась постоянно против крепостнической России»[106 - Cf.: Carr E. H. Vol. Ill, p. 161.]. Но поддержанная Францией польская атака против России и первоначальные успехи России положили конец этому первому проявлению надежды на мирное сосуществование. Вместо этого эти события привели к кульминации революционных надежд Ленина. Как я уже отмечал, разочарование в этих надеждах было в сущности концом революционной стратегии Москвы на Западе.

1921 и 1922 гг. безошибочно обозначили этот конец. В 1921 г. восстание германских коммунистов было подавлено, Ленин ввел новую экономическую политику, заключил торговое соглашение с Великобританией и подавил Кронштадтское восстание. Ленин и Троцкий не оставили революционных надежд, но они осознали поражение. Первый раз в истории Коминтерна немецкими и итальянскими коммунистами и левыми социалистами было озвучено подозрение, что существует скрытое противоречие между интересами России и Коминтерна и входящими в него на правах членов партиями[107 - Carr, i.e. pp. 395–396.].

Один из первых признаков подчинения коммунизма внешней политике России может быть замечен в новом курсе Коммунистической партии Германии (КПГ) в период заключения Рапалльского договора[108 - Рапалльский договор 1922 г.,

(советско-германский, подписан 16.4) о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий и торгово-экономических связях. — Прим. пер.]. Хотя до того момента КПГ заявляла о своей поддержке буржуазного правительства Германии (доказательством этого может служить ее пассивное отношение к реакционному капповскому путчу[109 - Капповский путч 1920 г. — попытка переворота в Германии, предпринятая монархистами и милитаристами во главе с крупным помещиком В. Каппом. — Прим. пер.]), в период между летом 1921 г. и заключением Рапалльского договора в апреле 1922 г. развился новый подход. Коммунисты поддержали договор в рейхстаге, и «Роте Фане»[110 - «Роте Фане» («Die Rote Fahne») — немецкая газета, с 31.12.1918 — орган Коммунистической партии Германии. — Прим. пер.] провозгласила это «первой независимой внешнеполитической акцией германской буржуазии с 1918 г.»[111 - Carr E. H., I.e. Vol. Ill, p. 415.]. Эти события означали, пишет Карр, «что среди самых передовых коммунистических партий мира подход и политические тенденции менялись в соответствии с тем, в каких, враждебных или дружественных, отношениях правительства соответствующих стран были с советским правительством, и модифицировались время от времени, принимая во внимание изменения в этих отношениях. Потребовалось долгое время для окончательного развития этой следственной связи, и, конечно, она до конца не осознавалась теми, кто заключал договор Рапалло весной 1922 г.»[112 - I.e. p. 415.]. Через шесть месяцев после заключения этого договора советское правительство сделало вторую попытку вернуть себе ранг мировой державы, поддержав турок на конференции в Лозанне[113 - Лозаннская мирная конференция (20.11.1922 — 24.7.1923) по вопросам Ближнего Востока после победы Турции в войне (1919–1922) против англо-греческих сил. — Прим. пер.]; преследование коммунистов в Турции не послужило препятствием для русско-турецкой дружбы.

К 1922 г. крах революционных надежд был признан открыто. Радек заявил на IV Конгрессе Коминтерна (ноябрь-декабрь 1922 г.): «Отличительной чертой времени, в котором мы живем, является то, что, хотя вопрос власти все еще остается самым центральным из всех прочих вопросов, широчайшие слои пролетариата потеряли веру в способность завоевания власти в обозримом будущем… Если ситуация такова, если подавляющее большинство рабочего класса чувствует себя бессильным, тогда завоевание власти, как немедленная задача, на повестке дня не стоит»[114 - Protokoll des IV [Congresses der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1923, p. 33; цитата Carr E. H., I.e. Vol. HI, p. 444.]. Речи Ленина и Зиновьева хотя и не были столь решительно пессимистичными, звучали в том же минорном ключе.

То, что произошло к 1922 г., понятнее для историка сегодня, чем тогда для участников событий. Надежда на мировую революцию потерпела крах. Так же как Маркс и Энгельс в середине XIX в. недооценивали жизнеспособность капитализма, так и Ленин с Троцким в период между 1917 и 1922 гг. не смогли понять, что большинство рабочих на Западе не откажется от экономических и социальных преимуществ, предоставленных им капиталистической системой, ради неспокойного и опасного пути социалистической революции.

Сперва, в 1921 и 1922 гг. революционное отступление было сделано Лениным и другими лидерами честно. Они совершили отступление в стратегических целях, надеясь, что через некоторое время в будущем возникнет новая революционная ситуация. Но с болезнью и смертью Ленина, постепенным отлучением Троцкого от власти, восхождением Сталина отступление превратилось в откровенный обман. Хотя, вероятно, не существует отдельной точки в истории, в которой это изменение можно было бы увидеть, его развитие можно проследить с достаточной ясностью в последовательности событий начиная с Рапалльского договора в 1922 г. и заканчивая пактом с Гитлером в 1939 г.

После путча в Германии в 1923 г., в результате которого «престиж коммунистов вновь пострадал, и на этот раз уже непоправимо»[115 - Kennan G. F. Soviet Foreign Policy, 1917–1941, I.e. p. 49.], точка зрения Сталина на превалирование национальных интересов России над революционными интересами коммунистических партий возобладала окончательно и бесповоротно. Он никогда не уважал зарубежные коммунистические партии и неоднократно выражал это неуважение. «Коминтерн ничего из себя не представляет. Он существует только благодаря нашей поддержке»[116 - Цит. по Deutscher I., I.e. p. 392.], — сказал он Ломинадзе[117 - Ломинадзе В. В. (1897–1935) — советский партийный деятель, — Прим. пер.] в 20-х годах. Такое же отношение проявилось много лет спустя, когда он заявил польскому лидеру Миколайчику[118 - Миколайчик Станислав (1901–1966) — премьер-министр польского эмигрантского правительства в 1943–1944 гг. С 1945 г. член Временного правительства

Польши. – Прим. пер.], что «коммунизм подходит Германии как корове седло»[119 - Цит. по Deutscher I., I.e. p. 537.]. Его личное презрение к китайским коммунистам было общеизвестно. При нем взаимоотношения России и коммунистического движения изменились кардинально; мощь России стала целью, и коммунистические партии должны были этой цели служить.

В первый раз Сталин официально признал, что период острой революционной активности после первой мировой войны остался в прошлом и за ним последовал период «относительной стабилизации», в 1925 г. Только в 1947 г. было опубликовано его обращение к коммунистическим студентам, сделанное в 1925 г., проливающее ретроспективный свет на его отношение: «Я считаю, что революционные силы на Западе велики, что они растут, что они будут продолжать расти и что они сметут буржуазию повсеместно. Это – истина. Но им будет чрезвычайно сложно отстоять свои завоевания… Значение нашей армии, ее мощи и боеготовности будет неминуемо возрастать в связи с осложнениями в окружающих нас странах… Это не означает, что в какой-либо возможной ситуации мы связаны обязательством активно выступить против кого бы то ни было»[120 - Цит. по Deutscher I., I.e. p. 411.].

Это заявление – прекрасный пример разницы между ритуальным языком и реальной политикой, которая с того времени пропитывает все заявления русских. Выражения надежды на рост революционных настроений – ритуалы, без них было бы немыслимо ни одно коммунистическое заявление, но резолютивная часть заключается в том, что Сталин ускользает от каких бы то ни было обязательств насчет того, что Красная Армия придет на помощь зарубежным революциям, чтобы отстоять их завоевания. Он оставляет этот вопрос открытым, но настаивает, что «не связан обязательством» вмешиваться.

Внешняя политика России выглядела успешной в своих попытках установления дружественных отношений с Западом, особенно с Великобританией, довольно долго. Но британское консервативное правительство ясно обозначило движение к разрыву с Россией между 1924 и 1927 гг. На советскую торговую делегацию в Лондоне был совершен полицейский налет 12 мая 1927 г., и хотя эта акция не дала никаких очевидных обличающих материалов, тем не менее британское правительство прервало все официальные отношения с Россией 26 мая 1927 г[121 - Cf.: George F. Kennan, I.e. p. 63.]. После этой неудачи во внешней политике «советское правительство вернулось, и даже более решительно чем раньше, к революционной активности за рубежом, частично изолировалось от внешнего мира и направило свои усилия на осуществление двух основных внутренних программ»[122 - 1. c. p. 77.]. Этими программами были: быстрая индустриализация России, нашедшая отражение в плане первой пятилетки 1928–1933 гг., и установление жесткого управления в российском сельском хозяйстве. Троцкий был отлучен от партии, и Сталин начал строительство менеджериального индустриализма в России. Как отмечал Джордж Кеннан[123 - Кеннан Джордж Фрост (р. 1904) – американский дипломат, публицист. В марте-октябре 1952 г. – посол в Москве. – Прим. пер.], эта новая программа требовала огромного самопожертвования от населения России, и Сталин, чтобы оправдать эти трудности, должен был сделать акцент на внешней опасности[124 - 1. c. p. 79.]. Он также использовал радикальную фразеологию, чтобы скрыть окончательный отказ от революционных идей и, в дополнение к этому, показать западным державам неприятную ценность коммунистических партий в ответ на их враждебную реакцию в период после 1924 г.

Новый, воинственный курс Коминтерна после 1927 г. объясняется этими тремя причинами. Сталин провозгласил в своем сообщении 3 декабря 1927 г., что «стабилизация капитализма становится все более и более нетвердой и нравственно испорченной»[125 - Cf.: Kennan G. F. I.e. p. 86.]. Официальный курс Коминтерна был изменен в соответствии с тем, что капиталистический мир начал новый «этап войн и революций». Этот новый, «революционный» курс часто использовался американскими советологами в качестве доказательства того, что сталинизм никогда не отказывался от своих революционных планов. Эти наблюдатели не видят того, что эта радикальная линия служила исключительно целям внешней и внутренней политики России, а не была проявлением подлинно революционных планов.

Наилучшее объективное суждение об этом новом революционном курсе было представлено Густавом Хиглером, бывшим в то время консулом немецкого посольства в Москве. «Таким образом, компетентный наблюдатель, находившийся в те дни в Москве», – пишет Кеннан, – позже, описывая советскую политику в период первой пятилетки, мог сказать, что Советский Союз «скрывал

непробиваемый изоляционизм за фасадом интенсификации активности Коминтерна, которая была призвана, в частности, отвлечь внимание от его внутренних проблем»[126 - George F. Kennan, I.e. p. 80, Gustav Hilger и Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies. The Macmillan Co., New Yoric, 1953, p. 225.]. Более того, необходимо отметить, что, несмотря на все радикальные заявления, Коминтерн не издавал никаких директив, требующих захвата власти, но лишь предписания продолжать борьбу против «наступления капитализма»[127 - Capitalist Stabilization has Ended, Thesis and Resolutions of the Twelfth Plenum of the Ex. Comm. of the Comintern. Workers Library Publ., New York, 1932, p. 7; цитата H. Marcuse, I.e. p. 54. См.: анализ Маркузе курса 1927 года. «Таким образом, – суммирует он, – даже самая „левая“ коммунистическая программа не противоречит нашему предположению, что стратегия Сталина включала эффективное сдерживание революционного потенциала в западном мире после краха революций в Центральной Европе».].

С укреплением власти Сталина над всеми оппонентами, вступлением на престол Гитлера и началом эры Рузвельта Сталин предписал сделать еще один поворот. Он не пытался мобилизовать немецких рабочих против Гитлера с целью установления в Германии левого правления. Напротив, КПГ, во главе которой стояла марионетка Москвы, абсолютно презираемая московскими боссами, было приказано следовать практически самоубийственной политике. Представляя социалистов в роли своих главных врагов и заключая тактическое соглашение с нацистами, коммунистическая партия делала все, чтобы не препятствовать победе нацизма. Немыслимо, чтобы Сталин настолько деморализовал немецкую коммунистическую партию и свел на нет результаты всей ее работы, если его целью была революция в Германии или хотя бы просто поражение Гитлера. Говоря это, я не подразумеваю, что Сталин хотел победы Гитлера. Он определенно опасался Гитлера и делал все возможное, чтобы предотвратить эту угрозу. Но существует много веских причин – хотя неоспоримых доказательств нет, что Сталин предпочитал победу Гитлера истинно рабочей революции в Германии. Диктатор в Германии представлял военную угрозу, с которой Сталин мог надеяться справиться дипломатическими маневрами и военными приготовлениями. Рабочая же революция в Германии подрывала основу всего его режима.

Попытки Сталина достичь антинацистской коалиции с Западом подкреплялись новыми предписаниями иностранным коммунистическим партиям. Им было приказано держать курс на кооперацию с либеральными и демократическими силами своих стран и формировать единый фронт со всеми «антифашистскими» силами, включая социал-демократов. Эта политика была санкционирована VIII (и последним) Конгрессом Коминтерна в 1935 г.

Внешняя политика Сталина провалилась, несмотря на новую линию Коминтерна. «Во многих столицах, и не только в Лондоне, существуют серьезные препятствия на пути любой политики сотрудничества с Советской Россией, даже в целях сдерживания фашизма. Лига Наций[128 - Лига Наций (1919–1946) – международная организация. СССР вошел в состав Лиги Наций в 1934 г. (исключен в декабре 1939 г. из-за советско-финской войны 1939–1940 гг.). – Прим. пер.], отражая эти запреты, доказала свою неэффективность и слабость. Окончательный вариант текста франко-советского пакта был запутанным и неопределенным, и его действие было поставлено в зависимость от приоритетных, с ее точки зрения, событий Лигой Наций. Обсуждение конкретных военных вопросов (вплоть до 1939 г., когда было уже слишком поздно) ему не сопутствовало. В конце концов, французское правительство так долго медлило с его ратификацией и проявляло в процессе этого много сомнений, что его ценность как политической демонстрации была практически сведена на нет. Презрение немцев к его существованию было со всей очевидностью продемонстрировано повторным захватом Рейнской демилитаризованной зоны[129 - Рейнская демилитаризованная зона, установленная Версальским договором 1919 г., – полоса территорий по берегам Рейна, на которой запрещалось размещать германские войска и возводить военные укрепления. – Прим. пер.] в марте 1936 г.; неспособность же западных держав ответить какими-либо серьезными мерами показала неэффективность пакта в том смысле, который подразумевала Москва, заключая его»[130 - Kennan G. R, 1. c. p. 86.].

Гражданская война в Испании, в которой Запад способствовал поражению республиканского правительства введением эмбарго на поставки оружия и в то же время не препятствуя серьезной военной помощи, которую оказывали Гитлер и Муссолини Франко, не могла оправдать ожиданий Сталина. Тем не менее даже здесь его действия были далеки от революционности. После некоторых колебаний в начале франкистского восстания русские решились вмешаться,

поскольку победа Франко «означала бы окружение Франции фашистами, вероятный триумф фашистских настроений внутри самой Франции и дальнейшее ослабление сопротивления Гитлеру на Западе. В этом случае открывался бы свободный путь для германской агрессии на Восток»[131 - I. с. р. 87.].

Россия посылала военную помощь, но смирилась с поражением республики, когда стало очевидным, что только значительно более серьезная поддержка России может перевесить итало-германскую помощь. В то время как советская военная помощь начала сокращаться к 1937 г., Сталин продолжал истреблять своих социалистических и анархических противников внутри Испании. Когда уничтожение его политических оппонентов (которые — в противовес мнению России — хотели перевести гражданскую войну в сражение за социализм) вступило в противоречие с требованиями успешного продолжения войны, «Кремлем было, с достаточной жестокостью, отдано предпочтение первому из этих двух требований, что ожесточило испанских республиканских лидеров»[132 - 1. с. р. 89.].

Большинство из сражавшихся в Испании коммунистических деятелей и генералов были казнены в России вскоре после возвращения. Сталин хотел уничтожить всех, кто, познакомившись с западными революционными идеями, стоял у него на пути в деле окончательной ликвидации революционной традиции, которую он предпринял в те годы чисток. Короче говоря, отношение Сталина к Франко было таким же, как и к Гитлеру. Он предпочитал падение Франко, но не за счет народной революции, которая могла послужить сигналом началу революционных выступлений в других европейских странах.

Когда попытки Сталина прийти к соглашению с Западом провалились (и не совсем неестественно предположить, что уничтожение им почти всех ведущих коммунистов ленинской эпохи было его последней попыткой показать Западу, что он не обременен революционным прошлым), он вновь изменил курс, на этот раз заключив пакт с нацистами. Коммунистические партии незамедлительно последовали этому примеру. Молотов дал им подсказку своим заявлением, что «нацизм — дело вкуса». Коммунисты изменили свою антифашистскую линию, начав атаку против «западных империалистов». В знак дружбы по отношению к нацистам немецкие коммунисты, нашедшие убежище в России, выдавались гитлеровскому гестапо, если возникало малейшее сомнение в их приверженности новой партийной линии. Коминтерн занял нейтральную позицию по отношению к двум лагерям.

Стержень этой новой политики Сталина в период между заключением советско-нацистского пакта и нападением Германии на Россию был кратко описан Дойчером: «Оба противоборствующих лагеря, как сейчас говорится, преследовали империалистические цели, и если говорить о выборе, то между ними практически не было разницы. И там и там рабочий класс призывался к сопротивлению войне и борьбе за мир. Внешне эти воззвания были похожи на политику революционного пораженчества, которую исповедовал Ленин во время первой мировой войны. Это сходство было обманчивым. В оппозиции Ленина к войне были революционные прямота и последовательность, в то время как политика Коминтерна просто соответствовала временным интересам сталинской дипломатии и была такой же неискренней, как эта дипломатия. В то время оппозиция к войне имела безошибочно узнаваемую прогерманскую окраску, как, например, в октябре 1939 г., когда Коминтерн эхом отозвался на призыв Молотова и фон Риббентропа к достижению мира путем переговоров и обвинил Францию и Британию в стремлении к войне. Результат этой политики, особенно во Франции, был скорее пораженческим, чем революционным. Это дополнило пораженческие настроения, которые разъедали верхи французского общества, квазипопулярным видом пораженчества, идущим снизу. Только после того как вред был причинен, когда Москва, обеспокоенная победами Германии, начала поощрять сопротивление нацистской оккупации, Французская коммунистическая партия начала осуществлять новую политику. Менее очевидным, хотя не менее важным, было влияние, произведенное пактом Молотова-Риббентропа на антинацистские силы внутри Германии; он сделал их смятение еще более отчаянным, он углубил их чувство поражения и подвигнул часть из них на примирение с гитлеровской войной»[133 - Isaak Deutscher's Stalin. Vintage Books, New York, 1960.].

С нападением Германии на Россию линия коммунистических партий вновь изменилась в сторону поддержки России. Французским коммунистам было приказано присоединиться к движению Сопротивления, и лозунги периода после 1939 г. были пересмотрены. Ясно, что Сталин не пытался использовать войну в качестве плацдарма революции на Западе. Даже наоборот, особенно в Италии и

Франции, где коммунисты, благодаря своему участию в движении Сопротивления, заняли самые престижные и влиятельные позиции, Сталин делал все, чтобы доказать, что эти партии не преследуют революционных целей. Они сложили оружие и «в первый раз в истории, вопреки своим собственным программам, запрещавшим им участвовать в буржуазном правлении, вошли в правительства, созданные по принципу широкой коалиции национальных сил. Хотя в то время они являлись сильнейшими партиями своих стран, они довольствовались второстепенными постами в этих правительствах, в которых они не могли надеяться взять власть в свои руки ни в то время, ни позже и из которых они были, в конечном итоге, без особых усилий вытеснены другими партиями. Армия и полиция остались в руках консервативных, или, другими словами, антикоммунистических, группировок. Западная Европа осталась вотчиной либерального капитализма»[134 - Deutscher, I. c. p. 518.].

Тем, кто заявляет, что Сталин хочет завоевать мир в интересах Коминтерна, будет трудно ответить на вопрос, почему после войны, имея вооруженных и полных энтузиазма коммунистов во Франции и Италии, он не издал распоряжения совершить революцию и поддержать ее военным вторжением русских войск; почему вместо этого он провозгласил период «стабилизации капитализма» и заставил коммунистические партии следовать политике кооперации и «программного минимума», который никогда не имел своей целью коммунистическую революцию.

Джордж Кеннан приходит в принципе к такому же заключению, когда пишет, что Сталин «в целом проявлял нерешительность в вопросе поощрения попыток зарубежных коммунистических партий взять власть в свои руки»[135 - Kennan G. F, 1. c. p. 54.], хотя он приходит к нему на других основаниях — к которым я также присоединяюсь, — а именно: страха Сталина, что противники внутри России могут сообща с лидерами сильных иностранных коммунистических партий выступить против него.

После 1946 г. отношения между Востоком и Западом начали охлаждаться. Запад разоружился и стал подозревать Россию в притязаниях на захват всего западного мира, когда Сталин, нарушив Ялтинские соглашения, установил свои режимы в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии. Черчилль в своем выступлении в Фултоне, Миссури, озвучил это опасение Запада, и это, очевидно, было понято Сталиным как отражение нового западного альянса против Советского Союза. Эта боязнь западного альянса против Советов всегда владела умом Сталина. Она была отнюдь не только тактическим оправданием; да и не так уж беспочвенна, хотя в 1946 г. она была скорее надумана, чем обоснована фактами. С другой стороны, Запад всегда подозревал Россию в планах революционного завоевания мира, и действия Сталина после войны, похоже, подтверждали худшие опасения. Таким образом, основываясь на взаимных подозрениях, которые были в основном далеки от реальности в то время, началась «холодная война». Сталин ответил на жесткое отношение Запада агрессивной стратегией России в 1947–1948 гг. (создание Информационного бюро в 1947 г., успех в Чехословакии, блокада Берлина, разрыв с Тито в 1948 г.). Но в то же время ведущий советский теоретик в области экономики, Варга[136 - Варга Евгений Самойлович (1879–1964) — советский экономист, академик АН СССР. — Прим. пер.], получил разрешение на публикацию своего анализа развития капитализма, в котором он осторожно признавал стабилизирующую и продуктивную функции капитализма. Даже хотя его теоретические выкладки были забракованы, их публикация в жестко управляемой и контролируемой сталинской системе была намеком Западу. После этого советская идеология возродила (и в 1956, и в 1958 гг.) старую теорию о том, что внутренние противоречия капиталистической системы являются определяющими факторами в эволюции капитализма. Эта теория подразумевала, что нет смысла в серьезных революционных действиях в западных странах, поскольку они сами в конечном итоге падут под грузом собственных противоречий. (Я буду обсуждать идеологический характер этой теории позже; здесь же достаточно сказать, что оперативной частью этой теории является то, что нет необходимости в революционных действиях, в то время как ритуальной — надежда на коммунистическую революцию.)

Принципы либерализации 1956 г. были повторены и усилены в заявлении, принятом в Москве в ноябре 1960 г.[137 - Опубликовано в «The New York Times», December 7, 1960.]представителями 81 коммунистической партии. Это заявление, которое, скорее, несло отпечаток взглядов Хрущева, а не точки зрения китайских коммунистов по всем важным вопросам, содержало следующее: «Ход общественного развития подтверждает предсказание Ленина, что страны победившего социализма будут влиять на развитие мировой революции главным

образом экономическим строительством. Социализм сделает беспрецедентный рывок в производстве, науке и технологии и в создании нового, свободного сообщества людей, в котором удовлетворение их материальных и духовных потребностей будет постоянно возрастать.

Недалеко то время, когда доля социалистических стран в мировом производстве превысит долю капиталистических стран. Капитализм потерпит поражение в имеющей решающее значение сфере приложения человеческих усилий – сфере материального производства. (Курсив мой. – Э. Ф.).

Укрепление и развитие социалистической системы оказывает все возрастающее влияние на жителей капиталистических стран. Силой своего примера социалистическая система, революционизируя мышление рабочих капиталистических стран, вдохновит их на борьбу против капитализма и будет всемерно содействовать этой борьбе».

Более того, это заявление гласило: «В мире, поделенном на две системы, единственным правильным и разумным принципом международных отношений является принцип мирного сосуществования государств с разными общественными системами, выдвинутый Лениным, и усовершенствованный в московской декларации и манифесте мира 1957 г., в решениях XX и XXI съездов КПСС и в документах других коммунистических и рабочих партий». И еще раз был повторен аргумент Хрущева: «Мирное сосуществование стран с разными системами или разрушительная война – вот альтернатива на сегодняшний день. Другого выбора нет. Коммунисты настойчиво отвергают американскую доктрину „холодной войны“ и балансирования на грани вооруженного конфликта, так как эта политика ведет к термоядерной катастрофе».

Поддерживая принцип мирного сосуществования, коммунисты борются за полное прекращение «холодной войны», ликвидацию военных баз, за всеобщее и полное разоружение под международным контролем, за урегулирование международных разногласий путем мирных переговоров, уважение равенства государств и их территориальной неприкосновенности, независимости и суверенитета, невмешательство во внутренние дела других стран, широкое развитие торговли, культурных и научных связей между странами.

Ясно, что мы обнаруживаем здесь то же явление, которое вновь и вновь повторяется начиная с 20-х годов. Хрущев хочет мира с Западом, и политика коммунистических партий приспосабливается к политике России. Однако существует одно фундаментальное различие между периодом, предшествовавшим второй мировой войне, и 60-ми годами. Сталин безраздельно господствовал над зарубежными коммунистами и приказывал им. С возвышением коммунистического Китая Хрущеву пришлось считаться с влиятельным противником, для которого революционные лозунги и агрессивные цели – больше, чем просто ритуальные заявления. Этот соперник имеет своих собственных союзников внутри международного коммунистического движения и, вероятно, внутри самого Советского Союза. Мирная политика Хрущева должна быть успешной – в противном случае он проиграет своим противникам[138 - Политический подход Хрущева был очень сжато описан Уолтером Липманом в сообщении по поводу его интервью с Хрущевым в апреле 1961 г.: «Мышление Хрущева значительно более походит на мышление Ришелье и Меттерниха, чем на образ мыслей Вудро Вильсона».].

2. Советский Союз как империалистическая система

Даже если Советский Союз – вряд ли революционная держава, является ли он не империалистической державой, и если нет, является ли его целью – мировое господство? Подчинение себе государств-сателлитов рассматривается как первый шаг к осуществлению таких притязаний.

(Очевидно, что подчинение государств-сателлитов вряд ли можно считать революционным достижением. Эти завоевания были достигнуты не революциями рабочих, а русской военной оккупацией. Они были, особенно в первое время, не более чем завоеванные государства, вынужденные принять общественную и политическую систему завоевателя.)[139 - Единственное государство-сателлит, появление которого было результатом подлинно коммунистической национальной революции, а не русской оккупации, – Югославия – заявило о своей полной независимости от России в 1948 г.]

И в самом деле, в Ялте Сталин утвердил общее заявление, оговаривавшее следующее: «Чтобы способствовать развитию условий, в которых освобожденные народы смогут осуществлять эти права, три правительства будут совместно помогать им в любой освобожденной европейской стране, равно как и на территории европейских стран, учавствовавших в войне на стороне Германии, где, по их мнению, обстановка требует (а) установления мира внутри страны; (б) осуществления мер экстренной помощи терпящему бедствие населению; (в) формирования временных, предоставляющих все демократические элементы населения правительственных структур, которые должны быть официально введены в свои полномочия посредством проводящихся в, по возможности, кратчайшие сроки свободными выборами исполнительной власти, отвечающей волеизъявлению населения; и (г) обеспечивать в случае необходимости проведение таких выборов». Сталин нарушил свое обещание и превратил эти государства в сферу своих интересов. Какие же мотивы им руководили?

Я верю, что З. К. Бжезинский[140 - Бжезинский (Brzezinski) Збигнев (р. 1928) — американский социолог и государственный деятель. — Прим. пер.] дал верный ответ на этот вопрос в следующем высказывании: «Безотлагательные цели, определявшие советскую политику в Восточной Европе во время войны и сразу после нее и влиявшие на модель советского отношения в связи с этим, могут быть разделены на пять основных областей предположительных интересов России. Первая включает желание России оказывать свое влияние на страны, лежащие к западу от границ России, чтобы не допустить в эту область Германию — в прошлом главный источник угрозы безопасности России. Не подлежит сомнению, что с точки зрения перспективы доядерного века советские лидеры не могли быть уверены, что просто поражение Германии обеспечит безопасность России и что не повторится ситуация, сложившаяся в мире после первой мировой войны. Усилия Москвы, направленные на безопасность, были с готовностью поняты западными державами, особенно с точки зрения военного успеха России. Премьер-министр Уинстон Черчилль часто заявлял, выступая в палате общин во время войны, что Запад хочет пойти на многое, чтобы гарантировать безопасность России перед лицом Германии, на условиях, удовлетворяющих русских. И как результат этого западные лидеры были склонны оправдать Советский Союз „за недостаточностью улик“ в вопросе, касающемся второй основной советской цели: быть уверенными, что Восточная Европа не будет управляться внутренними силами, которые, будучи враждебно настроенными по отношению к Германии, были бы также враждебны по отношению к Советскому Союзу. Сталин столкнулся с небольшим затруднением в демонстрации того, что Восточная Европа не может быть щитом СССР против возрожденной Германии в том случае, если она в то же время не захочет тесно сотрудничать с СССР[141 - Эта позиция отказа сотрудничать с Советским Союзом была занята польским правительством незадолго до того, как Польша была захвачена Германией.]. Следовательно, как он утверждал, необходимо, чтобы Восточная Европа была не только огорожена от влияния Германии, но чтобы она управлялась режимами, очищенными от всех противников СССР. В свете обладания положительным балансом сил от Сталина зависело принятие решения, какой критерий считать определяющим в определении врага СССР.

Оставшиеся три предполагаемые советские цели относительно Восточной Европы казались в тот момент менее очевидными для Запада, или, может быть, Запад просто чувствовал неспособность противостоять им. Первой из них было желание использовать эту область в целях экономического восстановления России. Разрушения, причиненные России немцами во время войны, могли быть значительно быстрее компенсированы заимствованием капиталов из Восточной и Центральной Европы, посредством перемещения предприятий и ресурсов. Поскольку это касалось держав оси „Берлин — Рим“[142 - Страны, участвовавшие во второй мировой войне на стороне Германии и Италии. — Прим. пер.] — таких как Болгария, Венгрия и Румыния, так же как и Германия, западные державы сошлись во мнениях, и политика репатриаций была одобрена. Ситуация кардинально отличалась в случае с Польшей, Чехословакией и Югославией, всеми союзническими странами. Не могло быть и речи о прямых репатриациях, но в конечном счете в случаях с Польшей и Югославией Советский Союз извлек некоторую экономическую выгоду. В отношении Польши это выразилось во вхождении Восточной Польши в состав СССР и перемещении промышленного оборудования в СССР из тех частей Германии, которые были отписаны Польше в качестве компенсации за немецкую оккупацию и потерю территорий. В случае с Югославией акционерные компании учреждались, если верить югославам, только если СССР находил это выгодным…

Четвертой целью, которую мы можем подозревать, было оградить эту область от капиталистического мира, так как он казался источником враждебных действий

против СССР. Несомненно, что советские лидеры, даже в разгар Великого Союза, должны были предполагать возможность того, что однажды, после завершения войны, капиталистический мир вновь выстроится в боевой порядок против СССР[143 - См. о подозрениях Сталина насчет западного альянса, направленного против него, Kennan G. I.e. p. 172.]. Многие советские подозрения военного времени относительно предполагаемых британских или американских контактов с антинацистскими группами внутри Германии происходили из идеологических предположений общего плана о капиталистическом поведении. В результате этого англо-американские декларации о том, что послевоенные правительства в Восточной и Центральной Европе должны быть демократическими, изначально рассматривались в Москве с большой долей недоверия. Кремль несомненно подозревал, что подобные правительства задумывались как плацдарм для капиталистического нападения на СССР, которое в конечном счете должно было последовать.

Пятая цель была связана с предшествующей. Если идеологические предположения играли роль в кристаллизации советских оборонительных интересов в Восточной Европе, тогда похоже, что другая сторона идеологической ориентации, а именно ее агрессивная часть, также присутствовала. Ленинско-сталинские концепции всегда подчеркивали важность сильной базы для экспансионистских операций, и естественно, что любой территориальный прирост к социалистической базе рассматривался как отражение марша социализма к окончательной победе. Невозможно не соотнести новую политическую ситуацию в Восточной Европе с этим историческим процессом, особенно с тех пор, как превалирующее положение вещей ясно предполагало, что эта область должна быть освобождена от господства капитализма пространственно и эры капитализма во временном отношении. Невозможно было бы не посчитать установление советской власти в Восточной Европе еще одной вехой революционного процесса, который должен пойти дальше»[144 - Brzezinski Z. K. The Soviet Bloc. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1960, p. 4–6. Третий пункт Бжезинского усилен данными, которые предоставили Herbert Feis. (Churchill – Roosevelt – Stalin, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1957) и William Appelman Williams {The Tragedy of American Diplomacy. World Publishing Company, Cleveland, 1959), которые отмечают американское нежелание помогать России в послевоенном восстановлении.].

Что касается пятого пункта Бжезинского, то он нуждается в некоторых оговорках. Несомненно, Сталин хотел показать себя преданным коммунистической идеологии, революционным преемником Ленина и удачливым государственным деятелем, но также очевидно, что в случае с государствами-сателлитами он проявил себя наследником скорее царизма, чем Ленина и Троцкого. Безотносительно к этому первые четыре цели, упомянутые Бжезинским, достаточно убедительно объясняют завоевание Сталиным этих государств-сателлитов и тот факт, что они были объектами военного наступления, которые как таковые не имели никакого отношения к коммунизму, мировой революции и т. д. Желание превратить эти государства в часть советской сферы влияния одинаково существовало бы и у царского, и у либерального правительства.

На Западе это нарушение обещания было в основном интерпретировано не только как признак сталинской ненадежности, но также как доказательство его намерения завоевать Европу и затем мир. В действительности его действия в принципе не отличались от позиции британских, французских и итальянских лидеров после первой мировой войны. Несмотря на принятие четырнадцати пунктов Вильсона, они настаивали, прикрываясь различными рациональными объяснениями, на территориальных приобретениях, согласованных в секретных договорах во время войны, которые были насмешкой над вильсоновскими принципами самоопределения. Они хотели извлечь свою выгоду из войны, и они нанесли Вильсону поражение. Сталин сделал практически то же самое, и он также использовал различные уловки, чтобы дать рациональное объяснение нарушению своего обещания. Он, возможно, действительно думал, что Рузвельт и Черчилль не воспринимали Ялтинскую декларацию до конца всерьез, и, может быть, он был удивлен, обнаружив их искреннее негодование. Вопрос заключается в следующем: если захват государств-сателлитов не был революционной акцией, был ли он актом русского империализма, отражающим желание России завоевать мир?

Не подлежит сомнению, что Советский Союз является наследником царской России. Как я отмечал ранее, индустриальное развитие потенциально богатой страны, такой как Россия, должно было привести к появлению сильной,

промышленной России с любой идеологией, обеспечивающей управление правительством, которое может выбрать адекватные методы ее экономического развития.

Царская Россия была империалистической державой, такой же, как Великобритания, Франция и Германия. Ее главные стремления сводились к тому, чтобы получить порт в теплых водах (предпочтительно с контролем над Дарданеллами), подчинить Персию (в 1917 г. царская Россия согласилась разделить контроль над Персией с Великобританией) и расширить сферы влияния на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Правительство России не достигло желаемого успеха в своих попытках осуществления территориальных приобретений, особенно после поражения от Японии в войне 1905 г. Но совсем независимо от этого царский империализм был связан такими же ограничениями, как и другие европейские страны.

Что же это были за ограничения? Первый, и существенный, момент, приходящий на ум, это то, что европейский империализм XIX в. никогда не ставил своей целью мировое господство. Исследование истории европейской дипломатии с середины XIX в. и до начала первой мировой войны показывает, что из-за экономических интересов, соображений безопасности и престижа каждая держава желала приобрести новые сферы влияния; что существовали острая конкуренция, интриги, тайные действия, которые сегодня были бы названы подрывными, чтобы обеспечить Советскому Союзу статус обвиняемого, но серьезных попыток господствовать в мире не было. Даже кайзер и Гитлер, несмотря на их агрессивные позы, никогда не помышляли о мировом господстве. Гитлер, даже в наиболее экспансионистские периоды, никогда не хотел большего, чем гегемония в Западной Европе и приобретение определенных территорий за счет Чехословакии, Польши и России. Ни Англия, ни Соединенные Штаты в его мечтах никогда не входили в состав его империи. Правда, гитлеровские солдаты пели «Morgen Gehort Uns die Ganze Welt» («Завтра весь мир будет принадлежать нам»), но это относилось к царству идеологии нацизма и было не более серьезным, чем его «социалистические» обещания. Несмотря на свое полубезумие, Гитлер был в достаточной степени реалистичен (а также в достаточной степени подконтролен своим промышленным и военным советникам), чтобы понимать, что завоевание мира неосуществимо, даже если он, может быть, и мечтал об этом.

Не только ни одна из западных империалистических держав не была нацелена на мировое господство, но и их дипломаты были очень энергичны в том, чтобы не зайти в преследовании своих ограниченных целей за тот рубеж, где могла быть спровоцирована крупномасштабная война. В 1914 г. эта мирная стратегия потерпела крах, хотя вопрос, была ли война действительно «необходима» или она явилась результатом глупой ошибки всех сторон, все еще остается открытым.

Как бы там ни было, что я хочу особо отметить, так это то, что империализм и «движение к мировому господству» — не одно и то же, и что то, что Россия в большой мере является наследницей царского империализма, не превращает ее в силу, стремящуюся покорить мир. Я отмечал прежде, что завоевание Россией государств-сателлитов было ограниченным захватом большой страны, совершенным по экономическим причинам и соображениям безопасности, в тот момент, когда Сталин полагал, что сможет выйти сухим из воды. Но в целом экспансионизм Советского Союза в своих проявлениях не превосходил ограниченного экспансионизма западных держав. Причины достаточно очевидны. Россия, будучи потрясающе огромной территориально, нуждается как в сырье, так и в рынках сбыта. В этом отношении она находится в одинаковом положении с Соединенными Штатами, которые, несмотря на некоторые действия империалистического характера (Куба, Филиппины), не нуждаются в завоевании новых территорий. Кроме того, в ядерном веке у лидеров Советского Союза даже больше причин предотвратить крупномасштабную войну, чем было у государственных деятелей Европы в XIX в.

Однако все эти предположения остаются относительно теоретическими, пока не подкреплены фактами политического поведения Советского Союза. Мы уже рассмотрели послевоенное завоевание государств-сателлитов. Существует вторая попытка России расширить сферу своих интересов — нападение на Южную Корею. Необходимо отметить, что первоначально это была организованная и поддерживаемая Россией, но не Китаем, атака и что, вероятно, она была направлена скорее против Китая, чем против Соединенных Штатов[145 - Cf.: Fischer L. Russia. America and the World, I.e. p. 57.]. (Беглый взгляд на карту показывает стратегическую важность, которую имеет Южная Корея для

позиции России на Дальнем Востоке.) Сталин, возможно, был введен в заблуждение декларацией Дина Атчисона, которая не включала Корею в список стран, которые Соединенные Штаты собирались защищать, и еще более тем, что деньги, выделенные конгрессом на защиту Кореи, едва ли были потрачены во время нападения. Сталин жестоко просчитался. Соединенные Штаты дали отпор, и китайцы (в результате того, что американцы просчитались с эффектом, который был вызван их переходом 38-й параллели) вступили в войну и приобрели самоуверенность и престиж своей способностью сдержать западные силы на старой разделительной линии.

Без сомнения, завоевание сателлитов и Корейская война были экспансионистскими, агрессивными действиями[146 - То же самое верно применительно к присоединению Балтийских государств, частей Польши и территорий, завоеванных в Финляндии в 1940 г. Но во всех этих случаях Сталин действовал из стратегических соображений, и эти завоевания бывших царских территорий, будучи типичными империалистическими действиями, не являлись первыми шагами к мировому господству.]. Что же можно сказать об остальных данных по России? Советский Союз, как я говорил ранее, не только не воспользовался преимуществом ситуации во Франции и Италии после войны, но он также не предпринял наступательных действий и не пытался навязать свое иго правительствам там, где это можно было сделать без какого-либо серьезного риска. Финляндия, Австрия, Греция, Турция, Иран, Ирак, Ливан, Египет, Камбоджа, Лаос — примеры советской политики, которая оставляла эти страны либо на западной орбите, либо нейтральными.

Эта картина в достаточной степени противоречит существующему стереотипу, утверждающему, что Берлин, Лаос, Конго и Куба — это приметы агрессивного желания России господствовать в мире. Если бы эти мнения были верными, стоило бы отказаться от наших прежних заключений. Следовательно, мы должны рассмотреть этот аргумент более детально.

Я рассмотрю вопрос о Берлине позднее. На данный момент достаточно навести на мысль, что политика Советского Союза, говоря стратегически, — оборонительная политика; он хочет официального признания западных границ своей сферы влияния (включая Восточную Германию) и не хочет допустить, чтобы Западная Германия вновь вооружилась. Берлинский спорный вопрос используется в тактическом плане, чтобы побудить западных союзников пойти на уступки относительно первых двух проблем, но не существует доказательства того, что Советский Союз намеревается сделать Западный Берлин частью Восточной зоны. Что касается Лаоса, суть ситуации в том, что Советский Союз хотел сделать Лаос нейтральным, и западные державы согласились на создание независимой комиссии для надзора за нейтралитетом Лаоса. После всего этого Соединенные Штаты попытались присоединить Лаос к западному лагерю и отвергли нейтральную комиссию. Когда Советский Союз среагировал, поддержав коммунистические силы в Лаосе, мы заявили протест против русской агрессии. Достаточно очевидно, что русские хотят вернуться к первоначальному соглашению о нейтралитете Лаоса. (Необходимо отметить, что здесь, как и во многих других частях света, Россия соревнуется с Китаем и что некоторые акции русских нацелены в большей мере на сдерживание Китая, чем на завоевание новых территорий[147 - См.: следующее описание ситуации в Лаосе, которое радикально отличается от стереотипа, существующего в большинстве наших заявлений, сделанное корреспондентом «Ньюсуик», много лет проработавшим в Юго-Восточной Азии, Робертом С. Элегантом (Robert S. Elegant) (Newsweek, May 15, 1961): «Первый существенный факт, проигнорированный теми, кто вершит нашу политику, заключался в том, что окруженный сушей Лаос — жизненно важен для безопасности Китая. Любая попытка превратить Лаос в антикоммунистический бастион была изначально обречена на провал. Хотя Соединенные Штаты добивались этого наименее подходящими средствами. Наши союзники, традиционно правящий класс, были мало заинтересованы в реформе. Политические методы, которые они использовали — наполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями и запугивание нейтральных избирателей, достигли успеха только в том, что подтолкнули умеренных в сторону левых».].) Что можно сказать о Конго? Несмотря на решение ООН, бельгийцы оставили за собой твердые позиции в богатой Катанге и, можно предположить, сконструировали военный успех, приведший к свержению законного правительства Лумумбы. Сразу же после этого русская миссия получила от правительства Касавубы предписание покинуть страну в течении 24 часов — и покинула. Бельгийские офицеры продолжали командовать силами Чомбе в Катанге[148 - Название провинции Шаба до 1972 г. — Прим. пер.], Касавубу доставил Лумумбу Чомбе, чтоб его там убили, и ни одна из западных держав не оказала достаточного давления, чтобы

предотвратить то, что произошло. Русские потерпели довольно суровое дипломатическое поражение, которое должно было стать серьезной неудачей Хрущева, тем более что китайцы были достаточно активны в Конго и могли обвинить Хрущева в провале его политики. Запад добился успеха в деле ограждения Конго от какого-либо влияния со стороны Советского Союза, но нет никаких оснований думать, что Россия была тогда столь агрессивна, чтобы послать пятнадцать коммерческих самолетов. Кажется, что рациональным решением было бы оградить Конго от дальнейшего бельгийского господства, надежно гарантировать ее независимость от лица ООН и не мешать столь бесцеремонно Советскому Союзу оказывать какое бы то ни было влияние на вновь создаваемые государства.

Это же случилось с нашей программой помощи: большая ее часть была использована для создания моторизированной армии (в практически лишенной дорог стране), рядовые которой часто были вынуждены месяцами ждать зарплаты, в то время как генералы жили в роскоши. Фонды, выделенные на улучшение в области экономики, также растрачивались не по назначению. Например, в 1960 г., только $ 590 750 из $7 млн. были выделены на помощь сельскому хозяйству, – в стране, сельскохозяйственной на 99%, тогда как более чем $ 4 млн. пошли на выплату зарплат и содержание персонала, отвечавшего за американскую помощь. Самым плохим было, вероятно, то, что вершители американской политики не пришли к соглашению с другими силами в Лаосе, кроме тех, которые они считали воинствующе антикоммунистическими. Эта политика вынудила ЦРУ вернуться к военному восстанию, возглавляемому генералом Фуми Нозаваном (Phoumi Nozavan) против законного, но нейтрального правительства принца Суванна Фума. Армия – и представители правого крыла – победили, но, сделав это, подвигли другие значительные группировки к созданию боевой коалиции, которая приняла «красную поддержку» и сейчас находится на пути к власти. Наиболее вероятный лидер этой коалиции, которая включает коммунистов, – человек, которого Соединенные Штаты отвергли с презрением, – принц Суванна Фума.

Куба является не более веским доказательством планов России на мировое господство[149 - Более детальное обсуждение ситуации на Кубе последует позже.]. Кубинская революция не была спровоцирована ни Москвой, ни кубинскими коммунистами, которые сотрудничали с Батистой, пока не приблизилось время его падения. Кастро никогда не был коммунистом, но планировал революцию, выходящую за пределы чисто политических ограничений освобождения страны от диктатуры. Он начал социальную революцию, экспроприацию земельных владений и промышленности. Правительство и общественное мнение Соединенных Штатов повернулись против него и заставили Кастро, шаг за шагом, искать помощи в экономическом и политическом плане у Советского Союза и принять поддержку Коммунистической партии Кубы, которая до того презиралась кастристами по причине ее оппортунизма и продажности.

Хрущев пригрозил однажды защитить Кубу ядерными бомбами от американской военной интервенции, потому что достаточно хорошо понимал, что Соединенные Штаты не вмешаются в столь прямой манере. Проясняя ситуацию, он позже сгладил эту угрозу, заявив, что она была символической[150 - Когда эта рукопись корректировалась (конец апреля 1961 г.), Хрущев, несмотря на поддерживаемое американцами вторжение, не повторил свою прежнюю угрозу, но заявил только, что поможет Кубе защититься, а это уже совсем другое дело.]. Он предоставил кубинцам лишь минимальную помощь и ссуды и, создается такое впечатление, оказывал сдерживающее влияние на Кастро, которое с возвращением Гевара[151 - Гевара Эрнесто (Че) (1928–1967) – латиноамериканский революционер. – Прим. пер.] из Москвы привело к повторному – хотя и отвергнутому – приглашению к «новому началу» в кубино-американских отношениях. На Кубе Хрущев также должен был справиться с китайской конкуренцией, которая ограничивала его свободу действий. Но общая картина показывает, что Кастро, а не Хрущев начал революцию и что его альянс с Советским Союзом был вызван скорее действиями Соединенных Штатов, чем желанием Хрущева проникнуть в Латинскую Америку.

Несомненно, Хрущев хотел сохранить коммунистические партии в Латинской Америке по причине их индекса вредности для Соединенных Штатов. Он должен был предоставлять им определенную поддержку – как лидер коммунистического лагеря (особенно в свете соревнования с Китаем), но нет доказательств того, что Хрущев всерьез желал уничтожить все возможности взаимопонимания с Соединенными Штатами, пытаясь превратить Латинскую Америку в часть своей империи.

Суммируя вышесказанное, заметим, что стереотип советского наступления против Соединенных Штатов в Берлине, Лаосе, Конго и на Кубе не опирается на реальные факты, это скорее подходящая формулировка для поддержки дальнейшего вооружения и продолжения «холодной войны». Это согласовывается с китайским стереотипом, который изображает Соединенные Штаты ищущими мирового господства и ради этой цели поддерживающих Чан Кайши, господство Южной Кореи и Окинавы, соглашение СЕАТО и т. д. Все эти взаимные обвинения не могут выдержать трезвого и реалистичного анализа.

Киссинджер высказал мысль, что на самом деле не имеет значения, хочет ли Советский Союз мирового господства, потому что если бы он даже хотел подорвать все некоммунистические страны из соображений безопасности, результат был бы таким же. Такая точка зрения ведет из царства анализа политической действительности в мир фантазий. Остается загадкой, почему, принимая существующее на сегодня равенство сил, Советский Союз должен хотеть завоевать остаток мира, чтобы быть в безопасности, особенно когда ясно, что еще до того, как он предпримет первые шаги в этом направлении, разразится ядерная война, которая будет концом всей «безопасности».

Предполагая, что Советский Союз – очень ограниченная форма империализма, необходимо добавить еще несколько предположений. Стало традиционным доказывать неограниченность империализма России, считая Китай с населением 600 млн. человек еще одним доказательством присоединений России. Любой, кто знаком с фактами, знает, конечно, что это – абсолютная ерунда. Китайская революция – подлинно китайская; она победила, несмотря на убеждение Сталина, что она этого сделать не сможет; и Китай получил, как я продемонстрирую позже, очень ограниченное количество помощи от России, даже после победы коммунистов. Китайско-русский союз был бы логичен для обеих сторон, но при этом создал бы серьезные проблемы, особенно для России. Считать Китай «завоеванием» России – это не более чем демагогическая формулировка.

Что можно сказать по поводу отношения Советского Союза к коммунистическим партиям и национальным революциям в других слаборазвитых странах, которые мы еще не обсудили? Что касается коммунистических партий в слаборазвитых странах, частью их назначения является служба в качестве вспомогательных сил внешней политике России, так же как и у коммунистических партий на Западе. Однако что касается революций в развивающихся странах, есть существенная разница. В то время как Сталин определенно не желал коммунистических революций на Западе, он, так же как и Хрущев, был за национальные революции в Азии и Африке. Эти национальные революции в развивающихся странах не являются для консервативного советского режима угрозой, в отличие от революций рабочих на Западе. Но они – очень важная политическая поддержка для советской политики, потому что приводят к власти режимы, не являющиеся частью западного лагеря.

Запад и особенно Великобритания вынуждены сейчас расплачиваться за прошлые ошибки. Западные страны часто поддерживали правящие режимы высших классов в Азии и Африке. В итоге сегодня, если где-либо свергается такой режим, новые правители занимают антибританскую и часто антизападную позицию. Естественно, Советский Союз использует этот факт для своего собственного продвижения, играя роль антиколониальной державы, для чего у него имеются идеологические инструменты. Как я попытаюсь показать позже, он при этом не настаивает на том, чтобы новые державы интегрировались в советский блок, и удовлетворяется их нейтралитетом. Обнадеживает тенденция, появившаяся в администрации Кеннеди. Она направлена на то, чтобы принимать нейтралитет как удовлетворительный итог; не подлежит сомнению, что у Соединенных Штатов за идеями антиколониализма и независимости стоит больший исторический опыт, чем у Советского Союза.

Глава IV. Значение и функция коммунистической идеологии

Вопрос о значении коммунистической идеологии, пожалуй, самый сложный из всего того, что необходимо для понимания Советской России и ее политических намерений. Выше я уже попытался показать, что Россия с 1923 г. не являлась революционной системой, не стремилась экспортировать революцию в страны Запада, скорее делала попытки сдерживать ее, и если это так, как понимать постоянные разговоры русских об «окончательной победе коммунизма во всем мире», о капитализме как враге, который со временем уступит место

коммунизму, и тому подобное?

Чтобы понять этот явный парадокс, нужно знать, что такое идеология[152 - Это слово впервые было употреблено французским философом Де-стюттом Антуаном де Траси (1754–1836).].

«Идеология» — это система идей. Говоря, например, о консервативной идеологии, имеют в виду консервативную систему взглядов и т. д. Подобное использование понятия «идеология» можно назвать дескриптивным. С середины XIX столетия появляются другие, более динамичные концепции. Динамичная концепция идеологии, которую я здесь использую, основана на признании того факта, что человеческие чаяния и страсти глубоко укоренены в природе человека и в самих условиях человеческого существования[153 - Для детального рассмотрения того, какие чаяния присущи природе человека, см.: Fromm E. The Sane Society. Rhinehart & Co. Inc., New York, 1955 and Man/or Himself. Rhinehart & Co., Inc. New York, 1947.]. Этими внутренними потребностями человека являются свобода, равенство, счастье и любовь. Если эти потребности остаются неудовлетворенными, они становятся перверсивными иррациональными страстями — стремлением подчинить себе других, жаждой власти, страстью к разрушению и т. д. Во многих культурах эти иррациональные страсти являются основными движущими силами, но лишь немногие общества открыто признают, что стремятся к разрушению или завоеванию. Желание человека верить в то, что его побуждения были человечными и конструктивными, столь велико, что он всегда скрывает от себя или других свои самые аморальные и иррациональные импульсы, пряча их под личиной благородства и добра.

За историю последних четырех тысячелетий духовные вожди человечества — Лао-цзы, Будда, Исайя, Зороастр, Иисус и многие другие — выразили глубочайшие чаяния человека. Удивительно, насколько схожи фундаментальные идеи, выраженные этими столь разными вождями. Они проникли в самую суть привычки, безразличия, страха — всего того, чем большинство людей защищаются от аутентичного опыта, и нашли людей, которые, пробудившись от дремоты, стали их последователями. Это произошло в Китае, Индии, Египте, Палестине, Персии, Греции, где образовались новые религии и философские школы. Но спустя какое-то время эти идеи потеряли свою силу. В пору расцвета этих идей люди переживали свои мысли, но постепенно они становились чисто умозрительными, отчужденными от реального опыта.

Здесь не место рассуждать об этой сложной проблеме, о том, почему произошло такое затухание. Достаточно сказать, что было бы гораздо легче объяснить это только смертью харизматического лидера. Было бы слишком просто указать на тот факт, что свобода, любовь и равенство — качества, для обретения которых нужны смелость, воля и самопожертвование; было бы слишком просто сказать, что насколько люди жаждут свободы, настолько они ее и боятся, убегают от нас, и когда первоначальный энтузиазм испаряется, люди более не способны придерживаться изначальных идей. Как бы верно это ни было, существует другая, более серьезная причина. Человек в процессе развития изменяет окружающую среду и меняется сам. Но это медленный процесс. Если не рассматривать примитивные общества, развитие цивилизации и развитие человека шло таким образом, что большинство было на службе у меньшинства, поскольку материальная основа достойной жизни для всех была недоступна.

Как мог аутентично осуществляться идеал любви и равенства рабами, крепостными, бедняками, чья жизнь являла собой борьбу с голодом и болезнями? Как мог сохраняться идеал свободы у тех, кто должен был подчиняться требованиям немногих, власть предержащих? Но все же люди не могли жить без веры в эти идеалы, без надежды на то, что в свое время они будут претворены в жизнь. Священники и короли, шедшие за пророками, использовали эту веру. Они присваивали себе идеалы, систематизировали их, превращали в ритуал, используя их для манипулирования людьми и контроля над ними. Таким образом идеал превращался в идеологию. Слова оставались теми же, но, превращенные в ритуал, переставали быть живыми словами. Идея становилась отчужденной, она не была больше живым аутентичным переживанием человека, а превращалась в идола, которого он обожал и который использовал для оправдания и рационализации своих самых иррациональных и аморальных действий.

Идеология служит тому, чтобы связать людей воедино, заставить их подчиняться тем, кто управляет идеологическим ритуалом; она нужна для рационализации и оправдания всей иррациональности и аморальности,

существующих в обществе. В то же время идеология, содержащая в себе законсервированную идею, удовлетворяет приверженцев системы; они верят, что соприкасаются с самыми насущными потребностями человека – любовью, свободой, равенством, братством, поскольку слышат и произносят эти слова. Но в то же время, однако, идеология хранит эти идеи. Превращаясь в ритуалы, они тем не менее остаются выраженными; они снова могут стать живыми идеями, когда историческая ситуация будет способствовать пробуждению человека и переживанию в реальности того, что превратилось в идола. Когда идеология перестает быть ритуалом, когда она опять становится связанной с индивидуальной и социальной реальностью, тогда из идеологии она опять превращается в идею. Идеологию можно сравнить с семенем, которое долгие годы лежало, но пересаженное в благодатную почву, оно снова прорастает. В таком случае идеологию можно назвать обманным заменителем идеи, ее хранительницей пока не придет время возрождения.

Идеологиями управляют бюрократии, контролирующие смысл идеологии. Бюрократии развивают системы, решают, какой образ мыслей правильный, а какой неправильный, кто правоверный и кто еретик; короче говоря, манипулирование идеологиями становится одним из самых важных средств контроля над людьми посредством контроля над их мыслями. Идеологии становятся системами и приобретают свою собственную логику: слова приобретают специфическое значение, и – что очень важно– новые или даже противоположные идеи выражаются в рамках старых идеологий. (Одним из самых поразительных примеров может служить отрицание Спинозой монотеистского Бога, что он выразил в тех терминах определения Бога, которые почти ничем не отличаются от ортодоксальных.)

Идеи, Маркса стали идеологиями. Верх одержала новая бюрократия и установила свое господство, используя принципы, прямо противоположные первоначальным идеям. Русские заявляют, что у них бесклассовое общество, что у них подлинная демократия, что они идут по пути отмирания государства, что их цель – наиболее полное развитие личности и самоопределение человека. Все это идеи Маркса, которые он разделял с другими мыслителями социалистической и анархистской ориентации, идеи, развитые в русле философии Просвещения и в конечном счете в русле всей традиции западного гуманизма. Что же касается русских, они превратили эти идеи в идеологию; бюрократия, которая повышает роль государства за счет индивида, правит под знаменем идей развития личности и равенства людей.

Как понять этот феномен? Кто такие советские вожди – обыкновенные лжецы, обманывающие свой народ? Циники, не верящие в то, что они проповедуют?

Нелегкий вопрос; многие склонны предполагать, что русские либо полностью верят в то, что говорят, либо являются отъявленными лжецами. Но если мы внимательнее присмотримся к себе, то обнаружим, что делаем то же самое, не осознавая этого. Многие на Западе верят в Бога и в Божьи заповеди любви, милосердия, справедливости, истины, смирения и т. д., однако эти заповеди не слишком сильно влияют на их поведение. Большинство из нас движимы стремлением к достатку, комфорту, надежности и престижу. Хотя люди верят в Бога, они не очень-то этим обеспокоены, т. е. не теряют сон из-за духовных и религиозных[154 - См. блестящую работу С. А. Стауффера о гражданской свободе. Он считает, что, если рассматривать нацию в целом, подавляющее большинство верит в Бога, но очень немногие действительно всерьез относятся к религиозным, духовным проблемам, остальных больше заботят деньги, здоровье и образование (Communism, Confomity, Civil Liberties, Doubleday & Co. Inc., Garden City New York, 1960 cf. 1. c. p. 58).] проблем. Но мы гордимся тем, что мы «богобоязненны», а русских считаем «безбожниками». Или другой пример: большинство американцев верят, что основой капиталистической системы, при которой мы живем, являются свободный, неконтролируемый рынок, частная собственность при минимуме правительственного контроля, индивидуальная инициатива. Если это и было так 100 лет тому назад, сейчас это совсем не так. Средства производства, по сути дела, неподконтрольны тем, кто ими владеет (а таких очень немного); личная инициатива тонет в бюрократической системе, и ее чаще можно встретить в западных фильмах, чем в реальной жизни; свободный рынок превратился в управляемый, и им манипулирует государство; государство, которое якобы ни во что не вмешивается, на самом деле является самым крупным нанимателем и поддерживает только ту индустрию, которая нужна бюрократии «правительственных-деловых-армейских служб». Мы заявляем, что мы – союз свободолюбивого народа, но в этом союзе есть свои диктатуры. Мы обвиняем коммунистов в том, что они хотят обратить нас в свою веру, а коммунизм

сделать мировой системой, но при этом сами заявляем: «Мы стремимся к тому, чтобы и русские, и китайцы освободились от рабства, в котором они находятся, мы хотим видеть всех людей свободными»[155 - Finletter Th. P. Foreign Policy. The Next Place. Frederick Praeger. New York, 1960. p. 65. cf. I.e. p. 58.]. Выходит, мы все лжецы? Или они все лжецы? Или просто и мы, и они высказываем свои убеждения?

Чтобы окончательно понять, что эти альтернативы не являются единственно возможными, стоит вспомнить одно из важнейших открытий Фрейда – природу рационализации. До Фрейда считалось, что если человек не лжет, его сознательные мысли есть то, что он на самом деле думает. Фрейд обнаружил, что человек субъективно может быть совершенно искренен, но при этом его мысль может мало что значить или иметь весьма слабое отношение к реальности, либо она может быть лишь «прикрытием», «рационализацией» действительного побудительного импульса. Сейчас уже многим известны примеры этого механизма. Кто не встречал высоконравственного индивида, подавляющего жену и детей и лишающего их свободы и непосредственности во имя добродетели и их же блага? Он не лжет, когда излагает свои принципы, но если приглядеться к нему внимательно, т. е. проанализировать его мотивации, обнаружится, что в действительности им движут жажда власти, стремление к контролю над другими или просто садистский импульс задушить любого рода самостоятельность. Эта реальность бессознательна, а его сознание не истинно. Но он искренен и будет искренне негодовать, если его мотивы ставятся под сомнение. Более того, его идеология есть сплошная ложь, средство подчинить себе семью, потому что он только использует благородные слова, воздействуя на своих близких. Он действительно хочет добра, нравственности и любви, но вместо того чтобы поступать согласно этим импульсам, он преобразует их в слова и обманывает себя иллюзорной любовью, только говоря о любви.

Сталин или Хрущев использовали слова Маркса, но делали они это идеологически, так же как многие из нас используют слова Библии, Джефферсона, Эмерсона – тоже идеологически. Но мы не осознаем идеологический и ритуальный характер коммунистических фраз, так же как мы не усматриваем идеологию и ритуал во многих наших высказываниях. Поэтому, слушая Хрущева, цитирующего Маркса или Ленина, мы думаем, что он понимает, что они значат; на самом же деле эти идеи не более реальны для него, чем желание европейских колонистов спасти души язычников. Парадоксально что только здесь, в Соединенных Штатах, мы воспринимаем коммунистическую идеологию всерьез, в то время как русские вожди с большим трудом ставят ей подпорки в виде национализма, этического учения, материальных стимулов.

Тот факт, что коммунистическая идеология теряет свое влияние на умы людей вообще и молодого поколения в частности, явно присутствует в ряде сообщений из Советского Союза. Очень яркое описание этого процесса можно найти в недавней статье Марвина Л. Кальба «Русская молодежь задает кое-какие вопросы»[156 - The New York Times Magazine. April 23, 1961.]. Автор в своем сообщении из Москвы говорит о новом опросном листе института общественного мнения газеты «Комсомольская правда», органа 18-миллионной организации коммунистической молодежи. Они сочли необходимым задать вопросы типа: «У тебя лично есть цель в жизни?», «Что это за цель?» и т. д. не столько ради статистики, сколько ради преодоления апатии и материалистических устремлений молодого поколения. Вот отрывок из письма, очень характерный для многих: «Ты доволен своим поколением?» – спрашивает анкета. «Нет», – ответила одна нигилистка.

«Почему?» – вопрошает анкета. «Мне 19 лет, – отвечает она, – а я отношусь с апатией и равнодушием ко всему, что меня окружает, взрослые удивляются и спрашивают: „Такая молодая и тебе уже скучно, что же будет с тобой в 30 лет?“ Но это не удивительно, ведь сама по себе жизнь не очень интересная штука, И мою точку зрения разделяют все мои друзья».

«У тебя есть цель в жизни?» – задается другой вопрос.

«Раньше, когда я плохо представляла себе жизнь, – пишет она, – у меня была цель – учеба. Я закончила школу, теперь учусь в заочном институте. Сейчас все мои мечты только об одном – иметь деньги. Деньги – это все. Роскошь, процветание, любовь, счастье – все это у тебя будет, были бы деньги… Я все еще не знаю, как я собираюсь все это иметь, но каждая девушка мечтает об удачном замужестве с богатым человеком. Конечно, не каждому это удается, многие хотят денег, но немногие их имеют… Но я уверяю вас, мне это удастся.

Моя уверенность основана на том, что я всегда делаю то, что хочу, а того, чего хочу, я, как правило, добиваюсь».

Конечно, из этого письма не следует, что оно представляет все молодое поколение Советского Союза. Но обзор опубликованных писем показывает, что для руководителей страны эта проблема является очень серьезной.

Здесь, на Западе, мы не должны удивляться. Мы сталкиваемся с теми же проблемами – преступность малолетних, отсутствие морали, и они имеют те же причины. Материализм, преобладающий и в нашей системе, и в Советском Союзе, разъедает у молодежи ощущение смысла жизни и приводит к цинизму. Ни религия, ни учение о гуманизме, ни марксистская идеология не являются достаточными противоядиями до тех пор, пока во всем обществе не произойдут существенные изменения.

Поскольку идеология и ложь не синонимичны, поскольку и они, и мы не знаем, что стоит за сознательной идеологией; мы не может ожидать, что они скажут – или могут сказать: «Мы действительно не подразумеваем то, о чем говорим, все это на потребу публике, ради контроля над умами людей». Может быть, случайно и затесался циник, который так думает, но в самой природе идеологии обманывать не только других, но и ее носителей. Итак, единственный путь научиться распознавать, где реальность, а где идеология, – анализировать действия, а не принимать на веру слова.

Если я вижу отца, грубо обращающегося с сыном только потому, что отец считает своим долгом научить сына добру, я не настолько глуп, чтобы спрашивать его о мотивах действий; я проанализирую его личность, другие его поступки, в том числе и на невербальном уровне, и тогда уж буду взвешивать, какова доля его сознательных интенций и реальной мотивации.

Вернемся к Советскому Союзу. Какова его идеология? Это марксизм в его самой грубой форме. Развитие человека связывается с развитием производительных сил. Развивая производительные силы, технику, способы производства, человек развивает свои способности, но вместе с тем развивает и классы, которые становятся все более антагонистичными друг другу. Развитие новых производительных сил тормозится устаревшей социальной организацией и классовой структурой общества. Когда это противоречие становится достаточно драматичным, устаревшая социальная организация сменяется на другую, более соответствующую полному развитию производительных сил. Эволюция человечества суть прогресс; и развитие человека, и покорение природы идут все быстрее. Капитализм – самая высокоразвитая система экономической и социальной организации, но частная собственность на средства производства тормозит развитие производительных сил и мешает полному удовлетворению потребностей человека. Социализм, т. е. национализация средств производства плюс планирование, освобождает экономику от оков, освобождает человека, уничтожает классовую структуру и ведет к постепенному отмиранию государства. В настоящий момент сильное государство еще необходимо, чтобы защищать социализм от нападок извне, поскольку сам Советский Союз – уже бесклассовое социалистическое общество. Капитализм, все еще обремененный присущими ему противоречиями, однажды должен принять социалистическую систему, частично из-за неспособности справиться с этими противоречиями, частично из-за того, что пример социалистических стран настолько убедителен, что все страны захотят ему следовать. И тогда постепенно весь мир станет социалистическим, что станет основой мира и полной реализации человека.

Таков вкратце советский катехизис. Это смесь идеологии и теории.

Сначала о теории. Западный исследователь должен преодолеть одну сложность. Мы не удивляемся тому, что средневековое мышление было структурировано в рамках теологии. История рассматривалась как промысел Божий, как результат грехопадения человека, смерти Христа и его воскрешения и как финальная форма его второго пришествия. Противоречия и даже чисто политические разногласия рассматривались с этой точки зрения. XVIII и XIX столетия имели политико-философскую точку отсчета. Монархия против республики, свобода против угнетения, влияние среды против врожденных качеств человека – таковы были поля битвы.

Здесь, на Западе, мы все еще мыслим частично с религиозной, частично с политико-философской точек зрения. Русские же приняли новую точку отсчета – экономическую теорию истории, т. е., как они считают, марксизм. Весь мир

рассматривается ими в этой перспективе, и все аргументы и нападки исходят тоже из нее. Западному наблюдателю, считающему эти теории делом нескольких профессоров, трудно понять, что русские ведут все разговоры с позиций классовой борьбы, противоречий капитализма и победы коммунизма. На Западе человек видит за этими словами агрессивные и активные попытки обратить в свою веру весь мир. Следует помнить, что наша религиозная идеология, согласно которой христиане, например, верят в грядущий приход всего человечества к истинному Богу, не означает, что мы все хотим обратить в свою веру язычников. Это означает лишь то, что, придерживаясь основной системы взглядов, мы вынуждены выражать наши идеи в определенных терминах; русские, имея свою систему взглядов, делают это в других.

Как я уже говорил раньше, советское мышление эволюционно, т. е. основными факторами человеческой эволюции они считают развитие производительных сил, преобразование одной социальной системы в другую, находящуюся на более высокой стадии. Такая точка зрения не является идеологической в том смысле, в каком я использую это понятие, просто советские лидеры именно так смотрят на историю, следуя исторической теории Маркса в ее грубой форме. Это идеологично лишь в негативном смысле – что советские лидеры используют его теорию для анализа своей собственной системы. (Такой марксистский анализ советской системы сразу выявил бы фиктивный характер советской идеологии.) Тем не менее эта теория сама по себе приводит большинство западных исследователей к серьезным недоразумениям. Когда в коммунистическом катехизисе заявляется, что «коммунизм победит во все мире», или когда Хрущев говорит: «Мы вас похороним», – все это нужно понимать в рамках их исторической теории, т. е. в том смысле, что следующей стадией эволюции будет коммунизм; это не значит, что Советский Союз ставит своей целью насильно, путем подрыва, вызвать эту смену.

Важно понять двусмысленность марксистской теории. Согласно этой теории исторические перемены происходят тогда, когда экономическое развитие приводит к необходимости таких перемен. Этот аспект теории был основой социалистической реформистской мысли Европы в том виде, в каком он представлен Бернстайном и другими его единомышленниками. Эти социалисты верили в «окончательную победу» социализма, но они считали, что рабочий класс не нуждается в том, чтобы форсировать события, да и не может. Они считали, что капитализм должен пройти все необходимые стадии развития и постепенно, в каком-то неопределенном будущем, трансформироваться в социализм. Теория Маркса не является такой детерминистской и пассивной. Хотя он тоже считал, что социализм наступит только тогда, когда созреют экономические условия для этого, он верил, что в этот период рабочий класс и социалистические партии, в которые к тому времени будет входить большинство, должны будут активно защищать новую систему от всех враждебных нападок со стороны бывших правящих групп. Позиция Ленина отличалась от позиции Маркса тем, что весь рабочий класс он заменил его авангардом и большее значение придавал силе, особенно в России, еще не прошедшей через буржуазную революцию. Я хочу подчеркнуть, что и неактивные реформисты, и Ленин разделяли марксистскую точку зрения об окончательной победе социализма как основной их цели. Сама формула «окончательная победа коммунизма» как историческое предсказание абсолютно применима к эволюционной, неагрессивной политике, представленной Хрущевым.

Если судить о том, стремится ли Хрущев к «мировой революции», нужно задаться вопросом, что, собственно, понимается под «революцией». Конечно, слово может использоваться в различных смыслах, но основной означает любого рода полную и насильственную смену правительства. При таком понимании Гитлер, Муссолини и Франко были революционерами. Но если использовать термин в определенном смысле, например, как свержение существующего деспотического правления народными массами, ни одну из этих вышеназванных личностей мы не можем назвать революционером. По сути дела именно такое понимание термина бытует на Западе. Когда мы говорим об английской, французской и американской революциях, мы имеем в виду второе значение термина, а не первое: борьба народа с авторитарными системами, а не захват власти такой системой.

Именно в этом смысле Маркс и Энгельс использовали понятие «революция», и именно такую революцию, как он полагал, начал Ленин. Он был убежден, что авангард выражал волю и интересы подавляющего большинства населения даже когда созданная им система уже не выражала волю народа. Но «победы» коммунистов в Польше, Венгрии и т. д. не были революциями, это были военные вторжения русских. Ни Сталин, ни Хрущев не были революционерами, они были

вождями консервативных, бюрократических систем, само существование которых основано на беспрекословном подчинении властям.

Было бы наивностью не замечать связи между авторитарно-иерархическим характером системы и тем фактом, что лидеры такой системы не могут быть «революционерами». Ни Дизраэли, ни Бисмарк не были революционерами, хотя благодаря им в Европе произошли значительные перемены, и их страны получили явные преимущества; не был революционером и Наполеон, использовавший идеологию французской революции. Но, несмотря на то что сам Хрущев и не революционер, его вера в превосходство коммунизма абсолютно искренна. Для него и, возможно, для любого простого русского человека коммунизм и социализм – это гуманистическая система, идущая на смену капитализму, как считал К. Маркс; это экономически более эффективная система, в которой нет кризисов, безработицы и подобных явлений, которая в конечном счете способна удовлетворить нужды массового технологического общества. Вот почему русские коммунисты верят, что мирное соревнование двух систем приведет к победе коммунистической системы во всем мире. Их концепции и по этому вопросу, и по многим другим схожи с концепциями о капиталистической конкуренции в сфере экономики. Все же мы колеблемся, стоит ли принять вызов Хрущева соревноваться с его системой, мы предпочитаем верить, что он хочет завоевать нас при помощи силы.

Возвращаясь к идеологически-ритуальной части советского катехизиса, следует подчеркнуть еще несколько пунктов, В любой системе, где реальность заменена ритуализированной идеологией, приверженность правильной идеологии служит доказательством лояльности. Поскольку русские превратили свои идеи в ритуалы, они должны настаивать на «святости» или, как они говорят, «верности» их идеологических формул; и поскольку авторитет Хрущева базируется на его легитимности как наследника идеализированного образа Маркса – Ленина, они должны настаивать на нерушимой последовательности идеологии, идущей от Маркса к Хрущеву. В результате бесконечно повторяется «верная» формула, а все новые идеи выражаются лишь в небольших изменениях слов или в подчеркивании того или иного момента в рамках идеологии. Этот метод хорошо знаком специалистам по истории религии. Большие перемены нашли свое выражение лишь в несущественных изменениях доктрины, почти незаметных для человека непосвященного. Рассмотрим более конкретный пример: официальная доктрина Римской католической церкви, согласно которой протестантизм – это ересь, формально не считалась отмененной с XVI в. Однако из этого не следует, что католическая церковь хочет насильно обратить протестантов в свою веру. Если абстрагироваться от ее отношения к этому во время религиозных войн XVII в., католическая церковь встала на путь сосуществования, не изменив при этом официальной доктрины. Как мы убедились во время последней предвыборной президентской кампании, только некоторые фанатически настроенные группы выразили опасение, что выборы президента-католика означают попытку Ватикана подмять под себя Соединенные Штаты.

Такая ритуализация идеологии ведет к сакрализации не только слов, она направлена на умы и сердца людей. Отличие религиозной догмы от коммунистической идеологии заключается в том, что первая состоит из теологических постулатов, а вторая является социологической или исторической теорией. Но чтобы действовать на массы, политической идеологии нужны моральные оценки вроде «хороший», «плохой», «священный», «проклятый». В советской идеологии «капитализм» или «империализм» символизируют силы тьмы, а «коммунизм» – символ света, и этот квазирелигиозный окрас нужен для того, чтобы обрисовать картину космической битвы Ормузда и Аримана, Христа и Антихриста. Здесь, на Западе, мы делаем то же самое с нашей идеологией, которая является прямой противоположностью русской. Мы являем собой добро, а они – зло. Но если мы рассмотрим обвинения и самовосхваления- обеих сторон, они похожи друг на друга и по содержанию, и по накалу страстей.

Итак, Советский Союз – консервативное, директивное государство, использующее коммуниста чески-революционную идеологию, и для оценки его внешней политики важна его социально-политическая структура, а не идеология. Режим Хрущева должен быть очень заинтересован в развитии своей системы; бюрократия, правящая в Советском Союзе, растет и обеспечивает хорошую жизнь себе, своим детям и со временем всему населению. Хрущев не верит в возможность революции на Западе, не хочет ее – это не нужно для развития его системы. Мир, сокращение вооружений, полный контроль над своей системой – вот все, что ему нужно.

Наша ошибка заключается в том, что мы изготовили смесь из революционного Ленина и империалистического царя и ошибочно принимаем довольно условные и сдержанные жесты Хрущева за признаки «коммунистическо-империалистического стремления к мировому господству»[157 - В очень важной книге о внешней политике У. Ростоу «Соединенные Штаты на мировой арене» (Rostow W. W. The United States in the World Arena. Harper & Bros., New York, 1960) автор приходит к заключениям, которые в некоторых аспектах параллельны моим; Ростоу пишет: «При анализе… взаимосвязей между нынешним поворотом в советской внутренней и внешней политике в свете постоянных сил, действующих в ней, критерием оценки должно служить не то, что „коммунизм“ как термин будет отброшен, и не то, что возникнет парламентская двухпартийная система, а то, будет ли значительно изменена политика внешней экспансии немыслимого подавления потребления и централизованного государственного управления» (с. 418). При этом особое внимание автор уделяет реальности социального и экономического развития, а не идеологии. Видимо, автор считает, что внешняя экспансия, политика полицейского государства и подавление потребления — существенные элементы коммунизма, которые трудно изменить, а я думаю, что эти элементы были характерны для сталинского, а не хрущевского периода.].

Но Ростоу все-таки питает определенные надежды, «потому что динамика российской истории вынуждает советское общество отступать от условий коммунистического правления в том, что касается агрессивных намерений Москвы по отношению к остальному миру» (с. 422–423). Далее он продолжает: «…но есть причины верить, что когда более молодое поколение, сформировавшееся в военные и послевоенные годы, придет к власти, оно будет вынуждено следовать по пути, ведущему русское общество к более высокому уровню благосостояния и потребления, большей децентрализации и меньшему деспотизму в осуществлении политической власти. Оно сочтет более подходящим строить политику, направленную на интересы российского национального государства, а не на сохранение старых марксистско-ленинских концепций и сталинских формул управления государством, значение и жизненность которых постепенно уменьшались» (с. 426). Я считаю, что профессор Ростоу все еще находится под слишком большим впечатлением от коммунистической идеологии и ошибается в своем предположении, что резкое увеличение потребления «создаст значительные трудности в сохранении политической и социальной основы коммунистического правления в России». Наоборот, в своей работе я пытался показать, что полноценное потребление позволит системе отказаться от откровенно репрессивных мер и заявить, что это — выполнение «социалистических» обещаний хорошей жизни. Почему население, «живущее в автомобильную эпоху», должно превратиться в угрозу системе? Скорее оно будет оказывать весомую поддержку управленческой бюрократии государства, которая выполнит некоторые свои обещания.

Глава V. Китайская проблема

Будущий историк может решить, что китайская революция была самым выдающимся событием XX в. Эта революция ознаменовала собой перемену исторического курса, длившегося несколько сотен лет. Китай, как и другие страны Азии и Африки, политически и экономически подавлялся мощными европейскими державами; сейчас же Китай не только стремится завоевать статус «великой державы», он строит свою собственную индустриальную систему, хотя и за счет нарушения прав человека и суровых материальных жертв со стороны крестьянских масс.

Китайская революция имеет такое важное значение потому, что в данный момент являет собой самый выдающийся пример движения, охватившего весь мир. т. е. колониально-освободительной революции. Слаборазвитые нации в Азии, Африке и Латинской Америке — «новый мир» XX столетия — имеют общую формулу, которая в упрощенном виде звучит так: национализм (политическая независимость) плюс индустриализация. Стремление к быстрой индустриализации, конечно, в большой степени мотивировано экономически, но этим не исчерпывается. Оно имеет много психологических мотивов; индустриализация так долго была привилегией западных стран — их символом власти, что индустриальная независимость стала целью, к которой колониальные нации стремились и по чисто психологическим причинам.

С исторической точки зрения китайская революция знаменует собой конец западного колониализма и начало индустриализации в остальной части мира. В то время как цель, к которой стремится Китай, является общей для

большинства слаборазвитых стран, не менее важный исторический вопрос состоит в том, будут ли также и китайские методы постепенно приняты слаборазвитым миром.

Очень важное историческое значение имеет китайское «открытие», представляющее собой реальную угрозу традиционным гуманистическим ценностям. Оно заключается в том, что бедная страна с недостаточным материальным капиталом может использовать другую форму капитала — «человеческий капитал», централизованно организуя и направляя физическую энергию, энтузиазм, страсти и мысли своего населения[158 - Наиболее полно это выражено А. Д. Барнеттом в его книге «Коммунистический Китай и Азия» (Communism China and Asia. Harper & Bros., New York, 1960). Кроме книги Барнета в этой главе используются также следующие работы: Schwartz B. E. Chiunese Communism and the Rise of Mao. Harvard University Press, Cambridge, 1952; Fairbank J. K. The United States and China. Harvard University Press, new ed., Cambridge, 1958; Wint G. Common Sense about China. The Macmillan Co., New York, 1960 и многочисленные статьи из «Foreign Affairs» и «The China Quarterly»).]. Этот максимально полно организованный человеческий «сырой материал» может стать заменой недостающих материальных ресурсов. Конечно, в истории и раньше были попытки мобилизовывать и направлять физическую и духовную энергию людей. Так строились египетские пирамиды; так маршировали нацистские армии; так работали русские рабочие. Но ни одна из предыдущих попыток не достигла такой степени тщательности и тотальности, которой добиваются китайские лидеры. Более того, китайская система, кажется, настолько преуспела в том, чтобы внушить значительному числу людей., может быть даже большинству, эти мысли, что они считают свои жертвы добровольными и идут на них с радостью.

Каким способом китайцам удалось добиться такого результата — вопрос, который будет будоражить историков и годы спустя. Но уже можно выделить некоторые аспекты этого метода. Во-первых, они используют марксистскую идеологию (как они ее понимают) в качестве интеллектуальной отсылки. Таким образом они получают доктрину, вернее догму, ядро, с которым соотносятся все мысли и планы. Эта догма не допускает никаких сомнений, и она подпирается мифическими фигурами Маркса, Энгельса, Ленина, превращенным в идола Мао Цзе-дуном и примером Советского Союза. Этот «теоретический» аспект китайской системы прекрасно согласуется с прошлым, в котором знание было самой большой ценностью и давало доступ к бюрократической системе, в течение тысячелетий управляющей Китаем, пока не разразилась революция 1911 г. Коммунистические лидеры — это новые мандарины, они знают «книгу» и доказывают свою власть, ссылаясь на нее.

Но к традициям мандаринов и Конфуция прибавились новые элементы: особая смесь религиозного усердия, русских методов получения признаний и самообвинений и самого изощренного психологического метода убеждения. Квазирелигиозная мотивация сама по себе очень сложна. Если выразить это попроще, китайцы говорят: каждая личность является продуктом своего окружения и ее можно изменить, если изменится это окружение. Тех, кого нельзя изменить, нужно уничтожить[159 - Cf.: Chen J. Writers and Artists Confer. The China Quarterly. October-December, 1960, p. 76 ff; Schwartz B. Totalitarian Consolidation and the Chinese Model. The China Quarterly, January-March, 1960, p. 18 ff.].

Первая часть этой формулы представляет философию Просвещения XVIII в., теорию, согласно которой среда — единственный фактор, определяющий различия характеров, отношений, достоинств и пороков. К формуле Просвещения примешивается концепция, которую можно приравнять к догме католической церкви. Церковь может спасти большинство людей (в китайской формуле это благотворное влияние новой среды), но считаются потерянными те, кого нельзя обратить. Китайский метод отличается от других форм диктатуры и коммунизма тем, что он не сразу полагается на силу, сначала на убеждение, и, более того, это убеждение рассчитано не. столько на интеллект, сколько на эмоции — на личностное чувство вины, изоляцию, желание быть вместе с группой — в настоящее время это партия и коммуна, а не семья, как это было раньше.

Это не значит, что сила не применяется; она наличествует в процессе убеждения. Между китайским и сталинским методами существуют фундаментальные различия. Сталин хотел уничтожить все опасные элементы, а китайцы хотят их «перевоспитать». Никогда русские не предпринимали такую тотальную попытку формирования умов и страстей человеческих, как это сделали китайцы; никогда психологический метод «убеждения» (индивидуальная или общественная промывка

мозгов) не был таким универсальным, продуманным и — как нам кажется — таким успешным.

Особой чертой китайского коммунизма, если говорить вкратце, является то, что китайские лидеры создали новую эффективную религию. Точнее, религию без Бога — но, в конце концов, ни даосизм, ни конфуцианство не имели теистической концепции Бога в своих системах. Эта новая религия концентрируется вокруг строгой морали, которая сама по себе не должна казаться чужеродной любому западному человеку. Гордыня, обман, эгоизм — вот основные пороки; их должны заменить скромность и беззаветное служение нации. Эта новая религия имеет много ответвлений — она касается и политических взглядов человека, его личных привычек, его философии. В любой сфере жизни есть «правильное» и «неправильное», «добро» и «зло». При помощи «реформы мысли», обучения и переобучения индивида подводят к распознаванию зла внутри себя, его учат, как достичь «добра», его учат отказаться от «грязи» в пользу «чистоты». Мысли и чувства, отвлекающие его от политико-моральной цели, — зло, с ними нужно бороться изо всех сил[160 - Очень хорошее описание этого процесса можно найти в работе Lifton R. J. Thought Reform and The Psychology of Totalism. W. W. Norton, New York, 1961.].

Эта «тоталистская» система так же эффективна и трагична, как и везде; она противоречит всем тем ценностям индивидуализма и свободной критической мысли, которые являются самыми драгоценными цветами западной культуры. Но нужно заметить, что такой контроль над мыслями был обычным во многих религиях и такого рода индоктринация существовала во многих культурах мира.

Эти и другие характерные черты китайского коммунизма можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать его в целом и затем сравнить его с советской русской системой.

Прежде всего для китайской революции характерно то, что это революция крестьян, а не рабочих. Часто отмечалось, что именно эта особенность китайской революции не позволяет назвать ее марксистской. У китайских лидеров была нелегкая задача — найти теоретическую формулу, которая смогла бы сгладить это явное противоречие, и здесь нет смысла разбирать по пунктам их аргументы[161 - См. расширенную дискуссию по вопросу маоистской линии между Б. Шварцем и К. Витфогелем в «The China Quarterly».]. Революция шла убыстренным курсом к коллективизации в аграрном секторе, кульминацией которой было принятие в 1958 г. Конституции коммун.

Чтобы дать оценку проблемы китайского сельского хозяйства, нужно иметь в виду, что Соединенные Штаты с населением 180 млн. человек имеют 570 тыс. кв. миль обработанной земли, в то время как Китай — около 650 тыс. на 700 млн. человек[162 - Эти цифры взяты из книги Дж. К. Фэрбенка. Соединенные Штаты и Китай, с. 17.]. Тем не менее, если нет надежды на более или менее значительное увеличение этой площади, есть возможность, по словам Фэрбенка[163 - Там же, с. 19.], увеличить производство продуктов, используя ирригацию и удобрение земель. (Нужно отметить, что это могло бы произойти, если быть часть избыточного количества продуктов, за хранение которых мы тратим больше денег, чем на всю нашу экономическую помощь Азии, мы отдали Китаю под дешевые и долгосрочные кредиты.)

Кроме нехватки пахотной земли Китай страдает от примитивной сельскохозяйственной техники. Приведу следующие цифры: чтобы засеять и получить урожай на 1 акре зернового поля в Соединенных Штатах требуется 1,2 человеко-дня, а в Китае для этого нужно 26 человеко-дней[164 - Fairbank, I.e. p. 26.]. Кажется, за первую пятилетку коллективизации годовой продукт вырос на 2,65%, что ненамного больше, чем прирост населения (2,2%)[165 - Cho-Ming Li. Economic Development. The First Decade. Part II. The China Quorterly. January-March, 1960.]. (Официальная статистика в Китае объявила о 3,7%-ном годовом приросте. Ситуация ухудшается еще и тем, что значительную часть сельскохозяйственных продуктов Китай экспортирует, чтобы покрывать расходы на индустриализацию. В результате — очень скудный рацион китайских крестьян. Однако есть причины верить, что крестьяне будут лучше питаться, как только успехи индустриализации позволят Китаю производить свои трактора, удобрения, механизмы для ирригации и покупать продукты у других стран мира, в основном в странах Юго-Восточной Азии.

Понимая это, китайское правительство делает большую ставку на индустриализацию страны. Результаты процесса индустриализации вполне

впечатляют, даже если не особенно доверять официальной китайской статистике. Недавняя западная оценка валового национального продукта Китая на 1950–1957 гг., сделанная Уильямом Холлистером, использовавшим официальные данные и независимые вычисления, показывает, что валовой продукт вырос на 8,6% в 1952 г. и на 7,4% – в 1953 г.[166 - Cho-Ming Li, I.e. p. 36; HoIIister W. W. China's Gross National Product and a Social Account 1950–1957. The Free Press, Glencoe, III, 1958, p. 2.].

Эти цифры, принятые и Барнеттом, становятся еще более впечатляющими, если сравнить их с цифрами роста в других азиатских странах, особенно в Индии, которая начала свою пятилетку в условиях, не слишком отличающихся от китайских. Коэффициент роста в Индии с 1950–1951 по 1955–1956 гг. (первая пятилетка) равнялся только 3,3% (или 4% согласно другим источникам[167 - Malenbaum W. India and China. Contrasts in Development Performance. American Economic Review, vol. 49, June, 1959, p. 284–309; Barnett A. D. 1. c. p. 45.]), т. е. половине (если не меньше) китайского коэффициента[168 - Cm: Cho-Ming Li, I.e. p. 37 также и для следующих цифр по Японии.]. Вряд ли нужно еще раз подчеркивать, что, если развитие пойдет так и дальше, китайский пример будет притягательным для Индии и других слаборазвитых стран, население которых тоже может захотеть экономического улучшения, надежды на лучшее и удовлетворения национальной гордости даже ценой палочной дисциплины и потери свободы. Интересно сравнить китайские и индийские данные с японскими: Япония в 1898–1914 гг. имела рост валового национального продукта 4,6%, с 1914 по 1936 г. – 4,9 %-, в то время как реальный национальный доход, по оценкам специалистов, вырос в 1956–1959 гг. на 8,6% по сравнению со средним годовым коэффициентом[169 - См. табл. VI – 1 в: Cohen J. B. Japan's Postwar Economy. Indiana University Press, Bloomington, 1958, цитируемую Барнеттом 1. с. р. 45.]. Очень справедливо замечание Барнетта: «Пример Японии показывает, что и некоммунистическая страна может достичь большого экономического прогресса, не прибегая к тоталитарным методам; Япония уже не слаборазвитая страна, и коэффициент роста в Китае так значителен только в сравнении с другими странами Азии»[170 - Harriett A. D., 1. c. p. 45.].

С индустриальным прогрессом Китая непосредственно связан рост его военной мощи. Нет нужды говорить, что Китай не нуждается в людских ресурсах[171 - Китай, кроме своей регулярной армии, расширяет милицию, численность которой может вырасти до 120 млн. мужчин и женщин, имеющих базовую военную подготовку. (См.: Powell R. L. Everyone a Soldier. Foreign Affairs, Oct., 1960).]; кроме того, они дисциплинированы и воспитаны в духе национальной гордости и фанатизма. Помимо прочего Китай наращивает производство своего собственного оружия. Оценки этого производства, конечно, ненадежны, но уже через несколько лет Китай сможет производить собственное атомное и термоядерное оружие.

Для американской внешней политики очень важно не только понять природу китайского коммунистического режима, важно еще и дать оценку его отличию от российского, а также тем конфликтам, которые могут возникнуть в результате различия режимов. До недавнего времени Советская Россия и коммунистический Китай воспринимались как близнецы. (Такой подход все еще встречается в прессе и в высказываниях не очень хорошо информированных политиков.)

При анализе отношений между Советским Союзом и Китаем вводит в заблуждение тот факт, что они имеют одну и ту же идеологическую систему и тот же политический альянс. Тем. кто не различает идеологию и факты, эти две системы кажутся более или менее идентичными. Но истина заключается в том, что реальность этих двух систем радикально различна, несмотря на их идеологическое сходство.

Советский Союз превратился из революционного государства рабочих и крестьян в политически консервативное индустриальное управленческое государство. Советская Россия – последняя великая европейская держава, вставшая на путь полной индустриализации, она находится в процессе превращения в одну из богатейших и мощнейших держав мира. Ее идеология все еще является революционной, марксистской и т. д., но она все больше «худеет», если говорить о ее влиянии на умы и сердца людей. Идеология общества, основанного на равноправии, братстве и бесклассовости, общества, идущего по пути отмирания государства, все больше контрастирует с реальным обществом, построенным на жестких классовых различиях.

Нынешний коммунистический Китай не относится к богатым странам. Как и в

других слаборазвитых странах, уровень жизни китайского населения более чем в 20 раз ниже уровня жизни в индустриальных странах. Более 100 лет европейцы эксплуатировали китайцев и относились к ним с презрением (кстати, Сталин тоже очень презирал китайцев). Теперь они пробуждаются под руководством одаренных, решительных, некоррумпированных людей, тех, кто начал и выиграл революцию. Они настроены националистически, горды и чувствительны к любого рода пренебрежению со стороны Запада. Они решили превратить Китай в мощное индустриальное государство, одну из ведущих держав мира. Коррупция (пока еще) там отсутствует.

У китайских лидеров есть свое понимание коммунизма, совершенно отличающееся от Марксова: в то время как цель его системы коммунизма — эмансипация и полный расцвет индивида, китайские коммунисты пытаются осуществить полную коллективизацию индивидов, сделать их неразличимыми членами коллектива; они подавляют индивидуальность ради общества. Соответственно, они верят, что их система коммун, в которые объединено подавляющее большинство китайцев, — это шаг вперед в осуществлении коммунизма. Они создают новую форму религии, особую смесь идеологии просвещения, культивирования и использования чувства вины и стыда. Отличаясь от всего того, что Маркс имел в виду под социализмом (или коммунизмом), их система отличается и от русской индустриальной системы управления государством. Будет лишь небольшим преувеличением сказать, что китайцы, эти «синие муравьи», как их часто называют в России, кажутся русским такими же чужими и «дикими», как казались сами россияне Западу в 1917–1920 гг.[172 - См.: Hudson G. Mao, Marx and Moscow. Foreign Affairs, July, 1959 («аналогия не с хрущевской Россией, а с Россией конца 20-х годов»), p. 565.], Несмотря на то что Китай и Советская Россия объединены общим противостоянием Западу и общей идеологией, — как раньше, так и в настоящее время — расхождение двух держав все увеличивается. Конфликт имеет несколько причин. Самая главная, возможно, заключается в том, что Россия входит в число богатых государств Запада, а Китай является частью бедного сектора, включающего страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это конфликт совершенно иного рода, нежели конфликт между Россией и Западом. Последний — это битва между двумя блоками, имеющими гораздо больше общего между собой, чем Россия имеет с Китаем; Китай, пытаясь стать лидером колониальной революции, экспортировать революцию в Индию, Индонезию, на Средний Восток и в Латинскую Америку, потенциально гораздо более опасен для Советского Союза, чем для Соединенных Штатов. Если Китай захочет иметь новые территории для все возрастающего населения, слабо заселенная Сибирь станет более соблазнительной, чем густо населенная часть Южной и Юго-Восточной Азии.

Кроме этой потенциальной угрозы в качестве лидера колониальной революции китайское руководство представляет еще одну угрозу для Советского Союза как ведущей страны коммунистического мира. Придя к власти, китайские коммунисты заявили, что их революция является «классическим примером», моделью всех других революций в Азии и других слаборазвитых странах. Введя систему коммун, китайские руководители заявили, что они обогнали русских в строительстве коммунистического общества. Нынешний Китай — бедная страна, изо всех сил стремящаяся к индустриализации, а Россия превращается в богатое общество, пытающееся развить и сохранить то, что имеет.

История отношений между Китаем и Россией прошла через несколько фаз, которые мы не будем обсуждать детально. С 1920–1921 гг., когда надежда на революцию в Европе начала таять, ожидание революции в Азии стало важным пунктом в революционной повестке дня. Даже в то время среди коммунистов существовал конфликт: Ленин выступал за поддержку и союз с национальной революцией китайской буржуазии против западных держав, в то время как Индия в лице Роя ратовала за необходимость рабоче-крестьянской революции против своей буржуазии[173 - См. детальное описание в: Carr E. H. The Bolshevic Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1953. Vol. III. p.254 ff., а также дискуссию между К. Виттфогелем и Б. Шварцем в: «The China Quarterly».].

Важно помнить, что победа китайских коммунистов — почти целиком заслуга самих китайцев, помощи от России почти не было. Сталин поддерживал правительства гоминьдана и Чан Кайши, и есть причины предполагать, что его очень устраивала слабость режима гоминьдана[174 - См.: Wint G. Common Sense About China, p. 96; по всей проблеме китайско-русских отношений см.: Boorman, Eckstein, Mosley, Schwartz. Moscow-Peking Axis. Harper & Bros., New York, 1957.]. Такое предположение подкрепляется тем фактом, что в Ялтинском соглашении Сталину удалось восстановить права русских в

Маньжурии, и после войны он вынудил гоминьдан отказаться от прав на Внешнюю Монголию.

Когда правительство гоминьдана вынуждено было отдать Нанкин, Сталин велел советскому послу сопровождать правительство Чан Кайши в Кантон, в то время как большинство других послов остались в Нанкине в ожидании коммунистов. Даже после успеха китайских коммунистов экономическая помощь России была очень ограниченной. Китайские инвестиции, по сути дела, были сделаны благодаря внутренним сбережениям, финансовая поддержка Советского Союза была несущественной[175 - Cf.: Cho-Ming Li, 1. c p. 38–39. Barnett A. D.(1. c. p. 47–48, а также: Louis Fischer. Russia, America and the World. Ch. IV. Harper & Bros., New York, 1960.]. С 1950 по 1956 г. Советский Союз обещал техническую и финансовую помощь по 211 проектам. Финансовая помощь заключалась в займах, а не в грантах, достаточно было платить только около 1/3 стоимости оборудования, необходимого для проектов, поддерживаемых русскими, и в период с 195? по 1956 г. российский кредит на новое оборудование составлял каких-то 3% всех государственных инвестиций[176 - 1. c, pp. 38–39.].

Тем не менее такая ограниченная финансовая помощь не снижает огромной важности того факта, что техническая помощь России, заключающаяся в посылке специалистов, позволила выполнить первый пятилетний план, который вряд ли был бы выполнен без нее. Но что касается технической помощи, нельзя забывать, что писал Чжоу Эньлай в газете «Пиплз дейли» в октябре 1959 г.: «Советский Союз в предыдущем десятилетии послал около 800 специалистов в восточноевропейские страны и более 1500 — в Китай»[177 - Цит. по: Cho-Ming Li. 1. c. p. 38–39.], и далее, что большинство русских специалистов уехали из Китая в 1960 г.

Двусмысленность русско-китайских отношений переросла в явный антагонизм только после 1959 г., хотя все элементы конфликта уже существовали и были упомянуты выше. Основные причины конфликта двух сил заключаются в следующем: 1) мирное сосуществование с Западом; 2) мирные методы достижения победы коммунизма в различных странах; 3) атомное вооружение Китая; 4) спор о том, какой путь к коммунизму — русский или китайский — является более правильным[178 - Кроме уже процитированных работ см. Bzrezinski Zb. K. Pattern and Limits of the Sino-Soviet Dispute. Problems of Communism, September-October, 1960, p. 1–7; Zagoria D. S. Strains in the Sino-Soviet Allience. Problems of Communism, May-June, 1960, p. 1–11; Hudson G. F., Mao, Marx and Moscow., Foreign Affairs, July, 1959, p. 561–572; Peking on Coexistence, Foreign Affairs, July, 1960, p. 678–687: Halpern A. M. Communist China and Peaceful Coexistence. The China Quarterly, July-Sept. 1960, p. 16–31. Далее: Boorman H., et al. Moscow-Peking Axis (которая была написана до важных перемен в 1958 г.), цитируемая выше; Trager F. N. Marxism in South East Asia. Stanford University Press, Stanford, 1959. См. также интересную статью Сиднея Ленса о русско-китайском расколе в коммунистических партиях и о том что лежит за пограничным спором Китая и Индии, опубликованную в чикагской «Daily News», Dec. 9, 1959.].

С точки зрения западной внешней политики основной вопрос, несомненно, — это конфликт между российской политикой мирного сосуществования и китайской политикой, которая не отрицает возможность военных методов. Если признать убедительным анализ А. М. Холперна, этот конфликт стал явным во время визита Хрущева в Пекин в 1959 г. на праздновании 10-й годовщины китайской революции.

Хотя в речах на праздновании подчеркивалось мирное сосуществование, Хрущев уехал из Пекина, даже не подписав обычное дружеское коммюнике с Мао, Что же случилось? «Мы можем предполагать, — пишет Холперн, — что Хрущев, прибыв в Пекин, поставил китайских лидеров в известность, что он очень удовлетворен возможностью мирного сосуществования с Западом и намеревается вступить с ним в серьезные переговоры. Возможно, он им указал на необходимость в будущем ограничить развитие вооружения. Вероятнее всего, он потребовал несколько смягчить внешнюю политику и провести кое-какие существенные политические перемены. Может быть, он уверял их в том, что будет учитывать их интересы, но в то же время посоветовал уменьшить их максимальные требования»[179 - Halpern A. M., 1. c. p. 26. Несколько иная версия у Ричарда Левенталя См.: Lowental R. Diplomacy and Revolution: The Dialectics of a Dispute. «The China Quarterly», January-March, 1961, p. 186.].

После некоторого размышления китайцы, по-видимому, согласились, что их

отношения с Южной и Юго-Восточной Азией не были успешными, однако что касается политики по отношению к Западу (и других проблем, упомянутых выше) – она только ужесточилась. Они выдвинули тезис о неизбежности постоянного конфликта между двумя лагерями, а американские «мирные жесты» считали не чем иным, как дымной завесой, скрывающей стремление Соединенных Штатов к мировому господству. Позиция же России оставалась четко выраженной – «мирное сосуществование». Приведенные ниже заявления очень ясно выражают две позиции.

Хрущев: «Давайте не будем подходить к делу с коммерческих позиций и высчитывать, какие потери понесет та или иная сторона. Война будет катастрофой для народов всего мира».

«Представим себе, что произойдет, когда бомбы начнут падать на города. Эти бомбы не будут различать, коммунист ты или не коммунист… Нет, все живое будет стерто с лица Земли пламенем ядерного взрыва».

«В наши дни только безрассудный человек может не бояться войны»[180 - Из речей Хрущева перед индийском парламентом 11 февраля 1960 г., перед членами французского Совета мира 23 марта 1960 г. и во Владивостоке 8 октября 1960 г. (цит. по: Zagoria D. S.; 1. ср. 3 (курсив мой. – Э. Ф.).].

Далее приводится китайская позиция, выраженная словами Мао Цзедуна: «Если империалисты настаивают на разжигании еще одной войны, мы не должны ее бояться… После первой мировой войны появился Советский Союз с населением в 200 млн. человек. Результатом второй мировой войны было появление социалистического лагеря с общим населением 900 млн. человек. Если империалисты настаивают на разжигании третьей мировой войны, еще несколько сот миллионов обратят свои взоры к социализму»[181 - Yu Chao-ti. Red Flag, March 30, 1960. Цит по: Zagoria, 1. с. р. 3. См. статью в Red Rag, April, Vol. 15, в которой выражается та же линия, что и в «Peking and Coexistence», Foreign Affairs, July, 1960, p. 676–687,].

При сравнении отношения русских и китайцев к войне и миру возникают два вопроса. Во-первых, действительно ли существует различие, или это только кажется; некоторые полагают, что Хрущев «мягко стелил», создавая благоприятный климат для будущего саммита. Учитывая тот факт, что длительный и интенсивный идеологический спор между двумя блоками закончился компромиссным решением (после трехнедельных переговоров) почти полностью в пользу позиции Хрущева, выраженной в Декларации 81 коммунистической партии (Москва, 1960), не было смысла предполагать, что китайцы положили бы конец яростной идеологической оппозиции, если бы они считали заявление Хрущева только кратковременным тактическим приемом. Только параноик, а не серьезный исследователь может предположить, что вся китайская оппозиция является частью хитрого заговора, цель которого – заставить поверить в серьезность Хрущева.

Во-вторых, почему китайцы относятся к термоядерной войне так, будто они ее боятся гораздо меньше, чем русские. Напрашивается один очевидный ответ: поскольку у китайцев меньшая централизация и гораздо большая численность населения, они полагают, что в случае термоядерной войны разрушений у них будет гораздо меньше, чем в Советском Союзе или в Соединенных Штатах, и поэтому после войны они будут самой сильной державой мира. Что бы они ни думали по этому поводу, мы не должны забывать, что у китайцев поистине евангелическая страсть, чего нет у русских по причинам, указанным нами выше. Значат ли все эти рассуждения, что китайцы хотят войны и их курс – при всех обстоятельствах – является неизменно агрессивным, это уже следующий вопрос, к которому мы вернемся позже.

По вопросу о возможности мирных методов в борьбе за коммунизм расхождения между русскими и китайцами так же сильны, как и по вопросу мирного сосуществования. В цитируемой выше статье из «Красного флага» за 15 апреля 1960 г. говорится, что освобождение рабочих и крестьян «может произойти только в грохоте революции, а никак не путем реформизма». Югославские лидеры, которых называют ритуальным словом «ревизионисты», считаются архиврагами, а Югославию центром мирового ревизионизма. Но они часто служат фоном всего лишь фоном действительного оппонента – Хрущева, которого, конечно же, открыто не называют ревизионистом. Но позиция Хрущева становится совершенно ясной уже из Декларации 81 коммунистической партии, где он делал упор на мирном экономическом соревновании двух систем, а не на революционной деятельности[182 - См. там же., с. 95–96.].

В сущности, конфликт между русской и китайской сторонами не ограничивается проблемами отношений с индустриальными странами (он в основном теоретический и не относящийся к реальности). Конфликт приобретает особую остроту в связи с политикой в отношении различных слаборазвитых стран. Похоже на то, что внезапное прекращение коммунистической агрессии в Ираке летом 1959 г. произошло благодаря давлению Хрущева и вопреки намерениям китайцев; гораздо понятнее случай с Алжиром. В своем докладе на заседании Верховного Совета в октябре 1959 г. Хрущев, в противоположность своей прежней позиции относительно планов де Голля, неожиданно выступил в поддержку североамериканского плана прекращения огня, в то время как китайцы продолжали клеймить план де Голля «как хитрость от начала и до конца»[183 - Цит. по: Zagoria D. S., 1. с. р. 8. См. также все рассуждения по данной проблеме, которыми я пользовался.].

Собственно говоря, китайско-русский конфликт — это конфликт по поводу лидерства внутри коммунистического движения. Китайские лидеры заявляют, что их коммуны — это крупный шаг в направлении истинного коммунизма, а Мао Цзедун — ведущий теоретик коммунистического лагеря, русские же, естественно, отвергают эти притязания[184 - Такое расхождение выражается, например, в следующих высказываниях: по случаю дня рождения Мао в 1958 г. Хрущев поздравил его как «верного последователя великих идей марксизма и ленинизма», в то время как китайское радио вещало: «Мы должны изучать марксизм-ленинизм так же, как и идеологию Мао Цзедуна», т. е. идеологию Мао — на первом месте (цит. по: Zagoria D. S., I.e. p. 3–4).]. Этот конфликт нельзя объяснить только личной ревностью. Он касается очень важного вопроса: кто со временем станет лидером всех слаборазвитых стран, особенно, коммунистических партий этих стран — Советский Союз или коммунистический Китай. Различие между русским и китайским видением коммунизма очень весомо. Россия являет собой консервативный индустриальный управленческий организм, но в то же время она должна поддерживать колониальные революции ради сохранения своей политической позиции в мире, всегда включавшей в себя заботу о собственной безопасности и желание договориться с Западом. С другой стороны, Китай с его идеями, противоречащими социализму Маркса, сохранил мессианскую веру в эгалитарный тип массового общества; эта вера основана на непоколебимой убежденности в том, что коммуны — это укороченный путь к новой форме общества и что капитализм никогда не откажется от своего стремления разрушить коммунистические страны.

Русско-китайский антагонизм проявляется не только в конфликтах по поводу проблемы сосуществования, мирного перехода к социализму и т. д., но и во многих практических вопросах, касающихся внешней политики. Известно также, что кроме расхождений в отношении де Голля и, возможно, Ирака, были и другие: Хрущев выразил сожаления по поводу агрессивного поведения китайцев в китайско-индийском пограничном конфликте. Серьезные споры между Россией и Китаем велись не только о влиянии в различных коммунистических партиях мира, но и о влиянии в таких важных стратегических точках земного шара, как Конго, Алжир и Куба, где китайцы пытались переиграть местных лидеров в их агрессивной политике, в то время как русские придерживались позиции умеренного вмешательства, используя, одна-. ко, «жесткий» язык, чтобы не оставить поле битвы за китайцами.

Еще более важно, возможно, что русские не хотят снабжать китайцев атомным оружием. Есть много свидетельств тому, что Китай оказывает давление на Советский Союз с целью получить атомное оружие, но Россия не согласна уступить их требованиям[185 - Cf.: Zagoria D. S., 1. с. р. 9–10.]. Со стороны Восточной Германии[186 - Восточная Германия, помимо Албании, — это коммунистическая система, дружески настроенная по отношению к Пекину, но вынужденная следовать московской линии.], и Китая было оказано совместное давление получить атомное оружие в том случае, если западные державы предоставят Западной Германии термоядерное оружие. Однако Хрущев в недатированном письме к Европейской федерации против атомного оружия, опубликованном ТАСС 18 марта 1959 г., подчеркнул «нежелательность расширения так называемого атомного клуба» и предупредил, что действия Соединенных Штатов по снабжению своих союзников атомным оружием вызовут «своего рода цепную реакцию распространения атомного оружия по всему миру»[187 - Цит. по: Zagoria D. S., 1. с. р. 10.].

Все же одну проблему нужно рассмотреть ввиду ее огромной важности в понимании будущего китайской политики. Проблема заключается в том, свидетельствует ли агрессивность нынешней китайской политики о стремлении

Китая к территориальной экспансии и – со временем – к войне.

Принимая во внимание рост населения и низкую продуктивность сельского хозяйства Китая, можно предположить, что по экономическим причинам он нуждается в территориальной экспансии, которая может быть направлена либо в сторону слабо населенных Внешней Монголии и Сибири, либо в сторону густонаселенной Юго-Восточной Азии с ее сказочными запасами риса, нефти, резины и т. д. Все возрастающая агрессивность Китая, конечно, может однажды привести к началу территориальной экспансии, однако существует много причин считать, что это не тот путь, который предпочтут китайские руководители. Экспансия в сторону Сибири превратит Советский Союз во врага Китая и приведет к созданию американо-советской антикитайской коалиции, что чревато для Китая смертельными последствиями. Что касается экспансии на юго-восток, которая может произойти лишь при скрытой или явно выраженной поддержке России, то нет реальной необходимости такой экспансии. Китай действительно нуждается в сырье, имеющемся в изобилии в Юго-Восточной Азии, но задача Китая не в подчинении этих стран, а прежде всего в свободной, беспрепятственной торговле с ними по приемлемым ценам.

Решающим для всей китайской экономики является тот факт, что у Китая почти нет долгосрочных кредитов, поэтому он вынужден проводить индустриализацию, имея небольшие средства, и вынужден экономить на ограничении потребления. Вот какую картину рисует Барнетт. «Приступая ко второму пятилетнему плану, – пишет он, – они действовали по принципу „по одежке протягивай ножки“, и, может быть, именно этот фактор определил радикальные перемены во внутренней политике в течение 1957–1958 гг. Драматическое решение организовать разобщенные, мелкие, трудоемкие индустрии, провести широкомасштабную мобилизацию трудовых резервов на орошение полей и другие проекты, требующие небольших капиталовложений, распределять население Китая и его ресурсы и дальше по коммунам – все это, может быть, объясняется, во всяком случае в некоторых аспектах, тем, что Китай выполнял свои программы развития без долгосрочных иностранных займов»[188 - Barnett A. D. Communist China and Asia, I.e. p. 231.].

Несмотря на усердие в построении своего типа коммунизма, их упорный национализм, их гордость и их агрессивный язык, можно предполагать, что нынешние лидеры Китая, будучи людьми реалистически и рационально мыслящими, предпочитают достичь своих целей мирными методами, а не разжигать войну, хотя они и не боятся ее, как русские. Вот к какому заключению приходит Барнетт: «Существует много причин, позволяющих считать, что в своей стратегии пекинские лидеры не стремятся ни к территориальной экспансии, ни к насильственному экспорту революции. Завоевание мира в традиционном военном смысле и мировая революция в рамках коммунистической доктрины – совершенно разные концепции. Тем не менее Китай считает приоритетом наращивание военной мощи и, не желая большой войны, в различных целях может использовать давление и силу»[189 - Barnett A. D., 1. с p.76.]. Даже после недавнего противостояния китайских лидеров хрущевской политике сосуществования Барнетт не верит, что китайцы отказались от курса, основанного на намерении избежать войны и на возможности сосуществования на основе соревнования, которому они следовали до фиаско «периода 1000 цветов». Он пишет: «Конечно, нельзя полностью исключить того, что китайцы решили больше полагаться на вооруженные силы для достижения своих целей. Тем не менее сейчас, в начале осени 1959 г., почти ничто не указывает на то, что китайцы решили следовать политике широкомасштабной военной агрессии. То давление, которое они оказывают на соседние страны, достаточно ограничено, и, очевидно, планы Пекина по отношению к китайско-индийской границе и по отношению к Лаосу также ограничены[190 - Что касается Лаоса, кажется, что эта проблема больше волнует русских, а не китайцев; можно предполагать, что русские занимаются Лаосом, чтобы он не попал в руки китайцев.]. В обеих ситуациях действия китайцев явно объясняются внутренними факторами, а не долгосрочной тактикой, и, может быть, решив местные проблемы, Пекин предпочтет действовать в отношении Южной и Юго-Восточной Азии при помощи пряника, а не кнута[191 - Bamett A. D., 1. с. p. 108–109.]».

Если посмотреть на китайскую проблему трезво, не ослепляясь ненавистью к их коммунизму, можно прийти к выводу: чем более сложной будет экономическая ситуация в Китае, тем более нетерпимым будет режим Китая и более агрессивной его внешняя политика. Если существующая сейчас политика максимальной экономической изоляции и политического унижения сохранится, агрессивные тенденции внутри Китая усилятся, что поможет врагам Хрущева в

Советском Союзе одержать верх. Такой ход событий, скорее всего, приведет к термоядерному вооружению Китая, потом Германии и в конечном итоге к войне. Если, с другой стороны, пекинскому правительству предоставить кредиты, возможность свободно торговать и место в Организации Объединенных Наций, если решению экономических проблем не помешают враждебные правительства Юго-Восточной Азии, существует реальная возможность того, что Китай вернется к прежней политике соревнования и сосуществования, которой он придерживался до 1958 г.

Глава VI. Немецкий вопрос

Существует множество политических проблем, препятствующих урегулированию российско-американских отношений: Корея, Тайвань, Лаос, Средний Восток, Конго, Куба, Южная Америка. Но нет более сложных проблем, чем те, что формируют еще большие препятствия на пути взаимоотношений с Германией.

По окончании второй мировой войны появилось соглашение, по которому Германию необходимо сдерживать от ее нового превращения в военную угрозу либо Западу, либо России. Когда был отвергнут фантастический план Моргентау по превращению Германии главным образом в аграрную страну, согласились, что Германия не должна иметь сильной армии. Немцы, казалось, тоже согласились с этим. Аденауэр прямо высказался против идеи сильной немецкой военной власти, а социал-демократы, сильнейшая оппозиционная партия, неистово сопротивлялись вооружению и «Atomtod» (ядерной угрозе). В нескольких немецких городах состоялись крупные массовые демонстрации против атомного вооружения.

Теперь, не так уж много лет спустя, ситуация полностью изменилась. Германия стала сильнейшей военной державой в Европе, если не считать Россию. Ее генералы (все служившие при Гитлере) заявляют, что Германия в целях самозащиты нуждается в атомном оружии. Социал-демократы, особенно с тех пор, как Вилли Брандт стал лидером партии, выступают не менее ярыми защитниками военной мощи Германии, чем партия Аденауэра.

Позиция Запада достаточно проста — Советский Союз, стремясь к мировому господству (что он продемонстрировал своим покорением восточноевропейских стран после войны), наводнит своими Силами Западную Европу, если Европа не сможет отстоять свои позиции достаточно крепкой военной силой[192 - Этот стратегический курс находится в противоречии стратегии «массированного возмездия», существовавшей при президенте Эйзенхауэре, когда считалось, что атомная мощь Америки сдержит Россию от завоевания Европы. В этом случае кажется, что администрация Кеннеди перенесла акцент европейской стратегии с атомного сдерживания на создание конвенционных сил, которые, конечно, сделают военную роль Германии еще более важной чем при Эйзенхауэре. Ср. Maxwell D. Taylor. Security Will not Wait. I. c; Henry H. Kissinger, 1. c.]. Однако без вооруженной Германии Европа не так сильна, чтобы противостоять русскому нападению; следовательно перевооруженная, милитаристски сильная Германия, нужна, чтобы защитить свободный мир. Этот аргумент далее подкреплен допущением, что сегодняшняя Германия демократична и миролюбива, и таким образом она больше не может быть угрозой России или еще кому-то, у кого нет злых намерений.

С другой стороны, русские никогда не разделяли этих взглядов. Они ощущали, что им угрожает милитаристски сильная Западная Германия, и они верили, что перевооруженная Германия повторит попытки кайзера и Гитлера напасть на Россию.

Разве может упор Запада на миролюбивость и демократическую природу сегодняшнего немецкого режима служить существенным основанием для России отказаться от этих страхов? Разве Германия «изменилась» настолько, как об этом заявляют западные союзники?

Германия — самая поздняя из индустриальных крупных европейских держав (за исключением России), проявивших свою полную зрелость. Мир уже был разделен между старыми державами (Англией, Францией, Голландией, Бельгией). Германия, индустриальное развитие которой пошло чрезвычайно быстро после 1870 г., когда в ней была создана высокоразвитая промышленность (характеризовавшаяся, как и в Японии, высокой степенью картелизации), со строгой дисциплиной и высокой трудоспособностью населения, с географической

точки зрения была относительно маленькой страной, не имеющей природных ресурсов и рынков для реализации ее промышленного потенциала. В то же самое время в Германии (особенно в Пруссии) был класс феодалов, который создал самую впечатляющую военную касту, компетентную, преданную и чрезвычайно националистическую. Сочетание промышленной экспансии с ее военным потенциалом вывело Германию на тропу войны. С начала XX в. Германия пыталась бросить вызов превосходству Англии на море, создав свою собственную морскую программу[193 - Ухудшение немецко-британских отношений произошло не вследствие, как часто представляют, немецких планов экономического завоевания Турции (железная дорога в Багдад), а из-за морской программы Германии, которой она угрожала Англии.].

Уже в 1891 г. с основанием Всеобщего германского союза («Alldeutscher Verband») начал распространяться лозунг «Народ в борьбе за место под солнцем» («Volk ohne Raum»). Гутенберг, один из представителей немецкой индустрии, а позднее – лидер консервативной партии, помогший Гитлеру достичь власти, стал одним из соучредителей этой организации. Австро-венгерская провокация в 1914 г. позволила настроенным на войну немецким вооруженным силам, связанным с немецкой тяжелой индустрией, оказать достаточно сильное давление на более миролюбиво настроенное, но слабое гражданское правительство Бетман-Гольвега, чтобы навязать ему решение о начале войны. Во время войны политические представители немецкой тяжелой промышленности, Всегерманский союз, как и вновь организованная Партия отечества (Vaterlandspartei), а также традиционные партии, от правой центристской до консервативной, поддержали старые экспансионистские военные устремления, что в форме меморандума было представлено 20 мая 1915 г. канцлеру рейха Центральной организацией немецких промышленников (Zentralverband Deutscher Industrieller).

Генерал Людендорф, подлинный лидер немецкой военной машины, в меморандуме от 14 сентября 1916 г. одобрил более или менее те же самые цели: территориальная экспансия на запад, экспансия на восток за счет Франции, Голландии и Бельгии в целях поддержания немецкой тяжелой индустрии.

Эти группы помешали миру в 1917 г., и поэтому они ответственны за конечное поражение Германии.

Кайзер был всего лишь марионеткой промышленных и военных сил, развязавших войну. После ухода кайзера и после краткого революционного периода, угрожавшего самому существованию этих промышленных и военных сил, они вновь заявили о себе в рамках демократической Веймарской республики. Армию модернизировали и перестроили (секретно и против условий Версальского договора). Индустрия процветала, и ее лидеры (или их политические представители) достигли постоянно растущей политической роли в Веймарской республике. После 1929 г., однако, радикализм начал заявлять о себе. Ряды коммунистической и социалистической партий пополнились миллионами безработных, ставших их членами и сочувствующими, за счет чего эти партии получили большинство голосов в рейхстаге.

В момент Гитлер предложил свои услуги. Он обещал две вещи. Первое: уничтожить коммунистическую и социалистическую партии и таким образом спасти промышленность от угрозы утраты ею преимущественной позиции; второе: создать в стране националистический психоз, при помощи которого будет достигнута база для полного и открытого перевооружения и внезапно возникших новых претензий на «место под солнцем».

Сохранились обширные материалы, подтверждающие, что Гитлера поддержала немецкая тяжелая индустрия и что без этой поддержки он никогда не смог бы захватить власть.

20 февраля 1933 г. Гитлер встретился с 25 магнатами немецкой индустрии (включая Круппа) и повторил им примерно ту же программу, которую он 27 января 1932 г. представил более узкой группе людей: защита частного предпринимательства, авторитарный режим, перевооружение; решение по этой программе должно было быть принято не в Женеве, а в Германии, по мере того как будет уничтожен внутренний враг. В 1933 г. (3 февраля) он произнес речь перед генералами, в которой потребовал жизненного пространства на востоке и новых рынков для экспорта.

Программа Гитлера по своей сути не очень отличалась от программы промышленно-военной коалиции в первой мировой войне, и поддержали ее те же

самые группы[194 - В течение всего этого периода, от первой до второй мировой войны, ср.: Der Nationalsozialismus-Dokumente 1933/45, ed. W. Hossbach. Fischerbiicherei, 1957; W. Thyssen. I Paid Hitler. New York, 1941; George W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie, Europaische Verfagsanstalt, Frankfurt/Main. Franz L. Neumann. Behemoth, New York, 1942; E. Fromm. Escape from Freedom. Rinehart and Co. Inc., N. Y., 1941.]. Ни промышленникам, ни генералам Гитлер не нравился, но казалось, что он — тот единственной человек, который мог бы попытаться сделать то, что не удалось кайзеру. Его безумный расизм был той необходимой платой, которую он требовал за свою службу.

Важно отметить, что причиной второй мировой войны был не Гитлер, а тот же альянс между промышленниками и военными, бывший ведущей силой за кулисами первой мировой войны. (Тот факт, что генералы были более осторожны в своих планах, чем Гитлер, и что некоторые из них отвернулись от него, не меняет характер этой основной констелляции.) Снова, как и во время первой мировой войны, немецкая элита сделала несколько ошибок при выборе своего лидера. Сходство между Людендорфом и Гитлером действительно поразительное. Они оба были одаренными, но истеричными, полубезумными националистами с необузданным воображением; оба не смогли почувствовать тот момент, когда уже не было никакой возможности выиграть войну. Между ними есть только одно, но весьма важное отличие: когда Людендорф вдруг понял, что все потеряно, он сдался, в то время как Гитлер, более нездоровая и деструктивная личность из этих двоих, намеревался уничтожить всю Германию вместе с собой в грандиозной Lotterdammerung (гибели богов)[195 - «Гибель богов» — одна из частей цикла музыкально-драматического произведения «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера. — Прим. пер.].

Германия проиграла, а промышленники и милитаристы снова ушли в тень. Оккупация западными союзниками не привела к существенным социальным и политическим переменам. Подлинными виновниками признали фашистов, а не людей, их нанявших. В 1918 г., вопреки шумихе, кайзера не повесили, однако повесили его последователей, высших лидеров фашизма. Однако этот акт можно сравнить с заклинанием дьявола. Логика была такова: поскольку фашисты отвечали за ход войны и поскольку они полностью проиграли ее, Германия теперь, при новом руководстве, стала демократическим, миролюбивым государством. Когда после 1947 г. напряженные отношения с Советским Союзом усугубились, Запад стал все больше и больше склоняться к подталкиванию старого врага к перевооружению, оправдывая свою политику подтекстом заявления, что кое в чем Гитлер был прав: он не очень ошибался, утверждая, что спасать «христианскую культуру Запада» от «варварских орд большевизма» — задача именно Германии.

Новая Германия для выполнения новой агрессивной роли обладала не только промышленным и военным потенциалом, но и националистическим потенциалом, который можно было использовать в агрессивных планах. Во-первых, немецкое правительство никогда не признавало реки Одер и Нейсе в качестве окончательной границы. Мудрость и справедливость решения о передаче без права оспаривания части немецких земель Восточной Германии, России и Польше и депортации миллионов немцев из этих территорий можно поставить под серьезное сомнение, но не следует забывать, что в действительности это решение исходило от западных союзников, хотя и не в виде формального мирного договора.

На деле результаты этого шага оказались менее болезненны экономически и социально, чем можно было предположить. Эти провинции были самыми бедными в Германии, а их население, эмигрировавшее в Западную Германию, так удачно приспособилось к условиях роста немецкой экономики, что, наверное, сегодня найдется очень мало людей, пожелавших бы вернуться на свою родную землю, если бы им предложили это сделать. Однако это не мешает шумихе вокруг «украденных территорий», и ни одна немецкая политическая партия не осмеливается обуздать эти шумные протесты. (Даже бывшие судетские немцы, которые кричат, что им должны вернуть их землю, понимают, что на самом-то деле эту землю Гитлер украл у Чехословакии.)

Это националистическое чувство поддерживается и может быть раздуто в большой пожар в любой момент, если вдруг немецкое правительство захочет это сделать. Националистический потенциал Германии не меньше, чем потенциал Данцигского коридора, Австрии и Судетской области, где Гитлер начал свои военные приготовления. Немецкое правительство смогло показать свои мирные намерения признанием границы по Одеру-Нейсе, но заявление, что Германия

никогда не будет пытаться вернуть свою бывшую территорию с помощью силы, — просто бессмысленные слова (в духе многих деклараций Гитлера), так как вполне очевидно, что они могут приобрести эти территории вновь только одним путем — силой.

Достижения Германии представляются особенно зловещими, если проследить линию их развития в последние пять лет. Это линия не в сторону демократизации и мира, а в сторону нового подъема милитаризма и национализма. Бундесвер уже выплеснул множество демократических призывов, направленных на демонстрацию отказа от старого духа прусского милитаризма. Генералы уже предприняли неконституционный шаг, публично требуя атомного вооружения для защиты страны. Кроме того, они требуют увеличения немецкого флота; они ведут переговоры с Франке о базах в Испании и т. д., и т. д.

Многие бывшие фашисты все еще занимают высокие правительственные посты. (Доктор Глобке, высокий гражданский служащий при Гитлере и автор самых важных комментариев к расистским законам Гитлера, — начальник канцелярии Аденауэра.) Характерно, что главный аргумент против Вилли Брандта, социал-демократического оппонента Аденауэра, состоит в том, что он эмигрировал из Германии при Гитлере, т. е., другими словами, не был лояльным патриотом.

В настоящее время Германия осуществляет свой новый подъем в Западной Европе не путем войны, а через свое экономическое превосходство в едином Западноевропейском экономическом блоке. Так, Германия, господствуя над Францией, Голландией, Бельгией и, возможно, Италией, сейчас, наверное, намного сильнее, чем она была когда-либо раньше. Неудивительно, что русские подозрительно относятся к этому развитию и видят в нем угрозу для себя. Странно, что Великобритания и Соединенные Штаты делают вид, что ничего не подозревают. В обеих этих странах страх перед Россией уничтожил страх перед новой мощной Германией, которая в будущем может выступить как против Запада, так и против Востока.

Глава VII. Предложения к миру

Какими могут быть многочисленные ответы на один единственный вопрос — как разрешить современный мировой конфликт, избежав ядерной войны?

I. Мир путем устрашения; вооружения и союзы

Первый и самый популярный ответ на этот вопрос в Соединенных Штатах сводится к следующему: лагерь коммунизма стремится к мировому господству, а потому невозможно прекращение «холодной войны». Избежать ядерную войну возможно лишь в том случае, если Соединенные Штаты будут готовы к ответному удару, что и должно стать сдерживающим моментом для русских[196 - К примеру, Оскар Моргенштерн, один из известных военных аналитиков, пишет: «То, что русские не напали на Соединенные Штаты сразу после второй мировой войны, говорит либо о том, что русские не хотят нападать на нас (по той причине, что мы не обладаем достаточно устрашающими средствами), либо, напротив, наши устрашающие средства слишком велики, особенно если иметь в виду ядерное вооружение». (The Question of National Defense. Randon House, New York, 1959, p. 29.).]. А потому наша свобода, как и мир, зависят от ядерного вооружения, а также военных союзов, что и явится сдерживающим моментом для советских руководителей. Наиболее влиятельный эксперт в военных вопросах Генри А. Киссинджер пишет: «Без преимущества, которое дает нанесение удара первыми и отсутствия такового в случае нанесения удара вторыми, не будет и причины, ведущей к неожиданной атаке или более сильному удару. Обоюдная неуязвимость означает обоюдное устрашение. Это наиболее устойчивая позиция с точки зрения предотвращения войны»[197 - Kissinger H. A. The Necessuty Forchoice. Harper and Bros., New York 1961, p. 33.].

А что думают наши эксперты по поводу ситуации развязывания русскими военных действий за пределами Соединенных Штатов на территориях, которые мы обязаны защищать? Большинство стратегов, особенно из армии и флота, уверены, что мы должны быть готовы как в политическом, так и в военном отношении к ограниченным военным действиям, поддерживая «ограниченную угрозу ядерного

нападения во избежание превращения войны в тотальную». Они считают, что «массовое возмездие» за ограниченные военные действия противника приведет к тотальному и всеобщему разрушению, главная же цель накопления ядерной силы, по их мнению, – предотвратить возможность какого-либо ее использования. Среди тех, кто разделяет данную точку зрения, – Генерал Максвелл Д. Тейлор, член администрации президента Кеннеди. Он пишет: «По моему мнению, должна быть задействована программа, опирающаяся на следующие принципы:

а) в случае неожиданного нападения со стороны противника иметь снаряды дальнего действия для нанесения ответного удара;

б) иметь равные, хорошо вооруженные, мобильные силы, способные справиться с локальными военными конфликтами и тем самым предотвратить развязывание атомной войны между двумя ядерными державами;

в) создать эффективный альянс с союзниками;

г) привести в действие методику, эффективно обеспечивающую выполнение данной программы.

Доказательством справедливости и пользы данной программы может служить следующий аргумент: главная причина тщательности подготовки к атомной войне заключается в том, что другой войны после нее уже не будет. Данная программа преследует цель – достичь баланса и равновесия в возможностях использования ядерной силы между двумя блоками с тем, чтобы атомная война стала невозможной»[198 - Taylor M. D. Security will not ait. Foreign affairs, January, 1961, p. 177.].

Однако, как мы увидим, есть и другие точки зрения экспертов, особенно представителей военно-воздушных сил, расходящиеся с приведенными позициями и утверждающие, что бывают такие обстоятельства, в которых мы должны и будем необходимо вовлечены в ядерную войну в случае поражения в локальной войне.

Среди приверженцев «безопасности путем устрашения» сложились две позиции. Одна, которую разделяет и поддерживает администрация президента, сводится к тому, что если обе стороны будут иметь достаточно эффективные и надежные средства защиты, ядерную войну возможно избежать. Данная позиция исходит из предположения, что разрушения, которые может принести термоядерная война, настолько глобальны, что ни одно здравомыслящее правительство не станет пытаться применить это оружие, если оно знает, что его противник готов отразить нападение теми же средствами. Другая линия не разделяет подобных оптимистических надежд на «невозможность войны» и гарантию успеха политики устрашения. Приверженцы этой позиции также делятся на две непримиримые во взглядах группы. С одной стороны, это те, кто ратует за полное разоружение, так как считают, что политика устрашения не гарантирует невозможности развязывания войны, с другой стороны, те, кто считает, что невозможна выиграть термоядерную войну. Последние убеждены, что подобная война вовсе не так страшна, как считают многие; что страх перед ее ужасами можно уменьшить, вкладывая значительные суммы на эффективные меры защиты, строительство бомбоубежищ и в более эффективное термоядерное вооружение. Наиболее последовательным приверженцем данной точки зрения является Герман Кан, чьи идеи я привожу ниже[199 - Cf.: Kahn H. Report on a Study of military Defense. Published by the Rand corp., Santa Monica, Cal., 1958. The arms Race and its Hagards, Daedalus Tall 1960, and On Thermonuclear War. Princenton University Press, Princeton, New Jersey, 1960. В последней книге, содержащей лекции, прочитанные для слушателей от влиятельных промышленных групп и военных, он пишет: «Главная идея этой лекции заключается в том, что нам или Советскому Союзу необходимо тщательно подготовиться к ядерной войне с тем, чтобы сохранить как можно большее количество жизней и восстановить разрушенное войной, доведя до довоенного уровня, в максимально короткий срок. Но не стоит обольщаться, что это возможно, до тех пор, пока обе нации не осознают необходимости более тщательной подготовки, чем это есть сейчас, и не начнут необходимые приготовления» (с. 71). Старший персонал «Рэнд Корпорэйшн» разослал письма издательствам по всему миру, книга Кана всколыхнула общественность, которая объявила идеи Кана «пещерными» и «апокалиптическими». Ср.: Katrenbach E. L. jr. Ideas: a New Defense Industry//The Reporter, March, 1961. Бесполезно задаваться вопросом, почему эта критика не прозвучала тогда, когда Кан делал доклад генералам и промышленникам, прежде чем она прозвучала от лица общественности. Может быть, «Рэнд Корпорэйшн» обеспокоилась тем, что Кан

показал общественности несостоятельность официальной точки зрения на безопасность, выражающуюся в политике устрашения, которая была широко пропагандирована – от Пентагона до наиболее известных журналов и газет?]. У Кана есть две причины, по которым он считает, что глупо думать, будто политика устрашения приводит к невозможности войны. Во-первых, бывают ситуации, когда лучше развязать войну, чем не делать этого, при условии, если быть уверенным в победе. Другая причина сводится к утверждению о том, что даже если обе стороны не желают развязывания войны, она все-таки возможна.

Анализируя различные возможности развязывания войны, Кан убедительно разбивает иллюзии политики устрашения. А возможности могут быть следующими.

1. Случайная война. Такими случайными факторами могут быть ложная тревога по поводу нападения, неадекватные действия со стороны противника, механические или чисто человеческие ошибки, возможности которых возрастают по мере возрастания численности вооружения. Далее, всегда существует опасность неверного истолкования каких-то защитных или вызывающих тревогу действий со стороны противника, которые истолковываются как сигнал к нападению и развязыванию войны в целях самозащиты.

Ко всему сказанному о случайных возможностях начала развязывания войны следует добавить, что среди так называемой «нормальной» части населения всегда имеется значительный процент параноиков, для которых напряженное ожидание войны может вылиться в разрушительную манифестацию с требованиями – неважно, к кому – объявить тревогу или нажать на кнопку с тем, чтобы он мог спасти страну. Эта опасность усугубляется тем, что даже полный параноик внешне, за пределами своих галлюцинаций, выглядит вполне разумным человеком, и потому его, как и большинство потенциальных параноиков, выявить чрезвычайно сложно. 2. Разумность неразумного. Чтобы пояснить, что это означает, Кан приводит наглядный пример, заимствованный у Бертрана Рассела. «Эта спортивная игра называется „птенец“. Игра заключается в том, что выбирается длинная прямая дорога с белой линией посередине, и два автомобиля движутся навстречу друг другу с разных сторон. Требуется, чтобы каждый автомобиль придерживался белой полосы колесами одной стороны. По мере приближения друг к другу возможность их столкновения все нарастает, но если один из них съедет с белой линии, то другой тут же кричит в его адрес: „Птенец!“, и тот, кто отклонится с прямого пути, становится объектом насмешки». Совершенно очевидно, что если одна сторона желает победить в этой игре, лучшей (разумной) стратегией для нее будет настроить себя на победу. Если ей удастся убедить в этом противника, последний должен сдаться. Однако, если другая сторона отказывается сдаться после того, как было заявлено намерение первой, то ее поведение становится иррациональным (неразумным). Ведь если обе стороны попытаются воспользоваться этой стратегией, то совершенно очевидно, что игра не состоится[200 - Kahn, in Daedalus, I.e. p. 756.].

«Разумность неразумной войны проявляется в ситуации, когда обе стороны преследуют несовместимые цели и идут на риск: только в этом случае может начаться война. Разумность неразумной войны заключаются не в том, что обе стороны уверены в победном исходе, а в том, что они стремятся использовать все возможное для того, чтобы противник сдался. Война в такой ситуации может быть приостановлена только в том случае если одна из сторон вовремя осознает, что другая не сдается, несмотря ни на какое давление на нее»[201 - I.e. p. 757.].

3. Война по расчету (или по ошибке). Здесь Кан рассматривает ситуацию, когда «после должного изучения нация поймет, что война неизбежно будет ей навязана»[202 - I.e. p. 757.] в форме превентивной или захватнической войны. Превентивная, или война «предварительною удара», еще не означает решения начать атаку. Одна из сторон может нанести удар лишь в том случае, если глубоко убеждена, что другая тоже готова атаковать. «Это такая ситуация, – говорит Кан, – когда обеим сторонам нечего бояться, но они боятся, и знание о том, что другая сторона боится, оправдывает этот страх. В этом обоюдном страхе многое может послужить поводом к неожиданному нападению»[203 - I.e. p. 760.].

4. Эскалация. Часть стратегии политики общего устрашения допускает ведение локальных войн, не опасаясь их дальнейшего расширения, поскольку обе стороны сознают, что это может привести к их полному уничтожению. А все же и здесь существует опасность катаклизма либо как результата чьей-то ошибки

в расчетах, либо как кризиса в рамках локальной войны. «Это может случиться по той причине, что рамки ограниченной войны не были достаточно предусмотрены, или неожиданно большее число участников оказались вовлечены в нее, или когда конечные результаты отличаются от тех, что были задуманы вначале, или, наконец, по причине неожиданных и непродуманных действий подчиненных. Когда каждый заинтересован в контроле над ситуацией, трудно найти причины для эскалации, хотя никто не отрицает, что эскалация может и вероятно случится[204 - I.e. p. 762.]».

5. Каталитическая (пособническая) война. Причинами развязывания этой войны могут стать амбиции или отчаяние третьей стороны, которые могут принудить одну из крупных держав совершить нападение, даже если они этого не желают. Преимущество Кан отдает войне, которая началась в результате того, что отчаявшаяся нация считает, что ее проблемы могут быть разрешены только путем войны. Кан говорит: «Представим себе войну между Китаем и Индией, которая завершилась поражением последней. Индусы могут прийти к решению обратиться за помощью к Соединенным Штатам и попросят их нанести удар по Китаю и России, это поможет разрешить их проблему, и любые методы, которые они используют, чтобы покончить с этим, будут хороши. А теперь наоборот, представим ситуацию, когда Китай, ощущая давление с чьей-либо стороны (возможно со стороны Тайваня), обратится к русским: „Завтра мы намерены нанести удар по Соединенным Штатам и вы можете к нам присоединиться, поскольку они ударят по вам, даже если вы не сделаете этого“. Согласитесь, ситуация не из приятных, но можно создать гипотетическую модель, в которой она выглядит вполне положительной. Для этого необходимо расширить понятие каталитической войны. Любые методы к использованию военной или дипломатической силы, к которым прибегает нация в целях вовлечения в конфликт других наций и расширения конфликта, будут называться каталитическими. С этой точки зрения первая мировая война была каталитической, развязанной Сербией и Австрией, продиктованной „обоюдным страхом внезапного нападения“ и „предвидением удачи“, поскольку сторона, развязавшая войну, надеялась на победу. Это означало, что оборонительная мобилизация (со стороны русских) вызвала защитно-наступательную мобилизацию (со стороны Германии), и это вызвало уверенность, что, несмотря на отсутствие тщательно продуманных действий, силы быстрого реагирования будут отброшены защитными силами другой стороны»[205 - I.e. p. 763–764.].

Все перечисленные различные варианты возможностей начала войны не были спровоцированы желанием или волей двух могущественных держав развязать ядерную войну[206 - Кан не единственный эксперт, подчеркивающий опасность случайной, каталитической войны, эскалации и отсутствия просчетов. Среди тех, кто разделяет точку зрения Кана, — Г. Браун и Дж. Риэл. Они пишут: «Даже если будут существовать только две державы, имеющие ядерное вооружение, и четыре ядерных нации в мире, случайность всеобщей ядерной войны становится реальной. Она может разразиться либо по чисто механическим причинам, либо по причине человеческих факторов. Нет совершенных машин. Никто из людей не застрахован от ошибок или от желания совершить правосудие. К примеру, в Америке было несколько случаев, принудивших военно-воздушные силы вооружиться ядерными бомбами». (Community of Tear, Center for the Study of Democratic Institutions. Santa Barbara, California, 1950, p. 25).]. Хотя совершенно очевидно, что обе державы готовы были уничтожить друг друга при первой же возможности, что и привело их к необходимости примкнуть к одной из воюющих сторон, хотя обе и предпочитали избежать подобной ситуации.

Самое поразительное во всех этих переплетениях заключается в том, что наиболее сознательные и разумные из военных лидеров будут вынуждены развязать действия, несмотря на нежелание войны. Как отмечает Кан, с каждым «новым поколением» оружия никем не желаемая война становится более ужасной в перспективе, поскольку логика устрашения вынуждает наращивать вооружение, и неважно, сколько бомб может выпустить противник, важно иметь уверенность, что его можно уничтожить в любой момент. Кан в своих высказываниях доходит до описания экстремальной ситуации, когда устрашающие силы нации могут превратиться в некую машину Страшного суда, готовую взорвать весь мир. Он пишет: «Наши военные силы напуганы… и они спешат. Гонка вооружений есть гонка, а потому она требует ускорения»[207 - Kahn H. p. 764.].

Мрачные и консервативные умозаключения Кана, которые многие разделяют, приводят к очевидному выводу, что надежность устрашения — всего лишь наши надежды и иллюзии, и тем не менее они принимаются общественностью.

Часть экспертов, особенно представляющих армию и флот, предприняли ряд действий для создания такой системы вооружения, которая ограничивала или сводила бы до минимума возможность случайности или ошибки, о которых так ярко говорит Кан. Эти действия исходят из следующих предположений. Опасность от случайности или нажатия кнопки можно свести до минимума, создав «неуязвимые» средства устрашения, которые могут обеспечить выживание независимо от того, какой силы будет нанесен удар; в этом случае опасность неожиданного удара будет сведена до минимума. Этой цели могут служить, к примеру, подводные лодки системы «Поларис», которые имеет и Россия. Оскар Моргенштерн, в частности, отмечает, что эффективная система устрашения включает в себя атомные подводные лодки и самолеты, которые благодаря высокой мобильности не могут быть уничтожены одним неожиданным ударом. «Если обе стороны примут систему „Океан“, — заявляет он, — наиболее важным последствием этого будет то, что обе стороны объединятся: создавая свою эффективную систему защиты, они оградят себя от возможности неожиданного нападения, помогая противникам вовремя проверить сигнал атаки и выявить ошибку. Ясно… что и при этой системе немедленно применить все силы устрашения при поступлении сигнала атаки, который может оказаться фальшивым, нереально. Даже если сигнал окажется настоящим, потребуется некоторое время для применения всех возможных сил»[208 - Morgenstem O. I.e. p, 98.].

Отметим, что Моргенштерн говорит «если обе стороны примут систему „Океан“». Стратегия неуязвимого устрашения обязывает каждую из сторон учитывать, что противная сторона находится в зависимости от оружия, созданного специально для этой системы; это оружие огромной разрушительной силы, но сравнительно слабой точности попадания, способное разрушить населенные пункты, но оставить в целости военные установки и часть городов-заложников. Если русские убедятся в том, что мы тоже имеем оружие массового уничтожения, а значит способны нанести первый удар, едва ли они станут сомневаться в наших намерениях карательного характера. В ситуации напряженности они станут опасаться, что мы перехватим инициативу, а потому постараются сделать это сами, зная, что мы можем нанести ответный удар, и предпочитая надеяться на себя, а не на наши добрые намерения. Таким образом, если неуязвимые средства устрашения действительно устрашают, мы должны отказаться от всей техники точного попадания, от разведывательных действий по выявлению мест расположения баз снарядов точного попадания противника (в том числе оружия и объектов военно-воздушных сил) и свои собственные силы устрашения довести до определенного уровня с тем, чтобы их возможности точного попадания не угрожали ни военным базам, ни мирным городам. К примеру, установлено, что если мы будем иметь более 45 подводных лодок, то этого вполне достаточно для разрушения мощностей нанесения второго удара противника, даже при неточном попадании с подводной лодки. Правдоподобно ли, что в ситуации нарастания гонки вооружения мы добровольно хотим ограничить себя подобным образом? Даже если мы осуществим это, как убедить в этом русских? Как отмечает Шеллинг, мы не можем показать русским наши военные установки, чтобы доказать, что у нас имеется лишь оружие для устрашения, потому что оружие — это то, что служит защите, и его следует держать в секрете.

Другой аргумент в пользу оружия устрашения сводится к тому, что обе стороны, действуя трезво и расчетливо, постоянно должны знать, каковы силы противника на данный момент, и всегда быть в напряжении для уверенности. Киссинджер так высказывается в пользу защитного устрашения: «Чтобы быть эффективной, политика устрашения должна соответствовать следующим четырем требованиям: 1) политика устрашения должна быть достаточно надежной, чтобы не восприниматься как блеф; 2) потенциальный агрессор должен продуманно принимать решение, не поддаваясь на сигнал атаки или чье-то давление со стороны; 3) противник должен быть достаточно разумным, т. е. он должен отстаивать собственные интересы, но быть при этом предсказуемым; 4) преследуя свои интересы, потенциальный агрессор должен изыскивать возможности сдерживания. Иными словами, удар агрессора должен быть продуманным»[209 - Kissinger H. A.!.c. p. 41.]. Концепция сводится к тому, что обе стороны должны действовать разумно. Сторонники политики устрашения должны все это учитывать, поскольку, если существует возможность такого разрушения, не стоит рисковать до тех пор, пока нет уверенности в рациональных действиях людей.

Насколько действенны эти предположения? Даже если мы обладаем неуязвимым оружием устрашения (а насколько оно неуязвимо, зависит от прогресса в области военной техники), если противника не сдержать, по меньшей мере половина населения Америки будет уничтожена[210 - Единственно верная

политика сдерживания предполагает необходимость показать русским наши военные объекты, чтобы их страх перед нашей карательной мощью не основывался на догадках, но опирался на твердое знание. Как отмечает Томас Шеллинг (The Strategy of Conflict. Harvard University Press, Cambridge, 1960, p. 176), подобная процедура, хотя и желательна, в то же время даст такие знания противнику о размещении наших стратегических баз, что сама по себе станет бессмысленной.]. Более того, даже при условии наличия защитного устрашения все возможности для развязывания нежелаемой войны, о которых говорил Кан, остаются, с единственной модификацией: мы потратим больше времени на подтверждение факта попадания, пока не выяснится, насколько оно серьезно, чтобы разрушить наши наступательные возможности. С другой стороны, сосредоточение сил устрашения (подводных лодок, воздушной авиатехники и т. д.) может вызвать иррациональные действия.

Тактики защитного устрашения опираются на необходимость обоюдного знания о силах противника и здравый смысл со стороны как России, так и Соединенных Штатов. У некоторых это вызывает ироническую усмешку, многие эксперты вообще отрицают возможность взаимопонимания и разумного соглашения в таком вопросе, как разоружение. И действительно, если можно добиться разумного соглашения с обеих сторон, то теория устрашения становится ненужной. Одно можно сказать: в мирные Бремена у людей находится достаточно разумных, доводов, чтобы прийти ко взаимовыгодным решениям. Ну а если это не тот случай, то трудно ожидать от людей разумных действий, когда над ними нависает угроза уничтожения большей части населения или даже «только» одного многомиллионного города.

Возможно, как утверждают сторонники теории «защитного устрашения», ей нет альтернативы. И если она не будет реализована, то Соединенные Штаты ожидает поражение. К примеру, Моргенштерн заявляет: «Защиты против этого оружия практически не существует, его нет на данный момент. Она существует лишь в буйной фантазии некоторых, в физической реальности ее нет»[211 - Morgenstem O. 1. ср. 10.]. В противовес этому высказыванию иную точку зрения преподносит Герман Кан, заявляя, что устрашение вовсе не обязательно способствует предотвращению войны и что ядерная война не обязательно ведет к катастрофе, как это утверждает «ядерный пацифист» Моргенштерн. Основная идея, которую Кан хочет отстоять, сводится к следующему: «Сейчас почти каждого волнует вопрос: будут ли счастливы и будет ли нормальной жизнь тех, кто уцелеет в войне, и их потомков. Несмотря на широко распространенное мнение, что все будет не так, я утверждаю: объективные исследования показывают, что нарастание трагичности существования в послевоенный период не приведет к исчезновению нормальной и счастливой жизни большинства уцелевших и их потомков».[212 - Khan H. 1. c. p. 74.]

Кан считает, что эксперты только из-за щепетильности не хотят признавать возможность тотальной войны. «Если мы все-таки исходим из уверенности, что люди выживут даже после длительного воздействия радиации, каков будет образ их жизни в послевоенный период? Будут ли они жить так, как привыкли жить американцы, — иметь автомобили, телевизор, дачи, холодильники и так далее? Никто не может точно ответить на этот вопрос, но я уверен, что есть вероятность того, что если даже мы вообще не сможем никак подготовиться к восстановительному периоду, а вооружимся лишь измерителями радиации, напишем и распространим указатели, подготовим группы обеззараживания территории и предпримем еще ряд минимальных действий, страна восстановится значительно быстрее и эффективнее после незначительного удара. Это утверждение не совпадает с мнением большинства простых людей, профессиональных экономистов и военных»[213 - Khan H. On Thermonuclear War. 1. c. p. 21.].

Что следует понимать под тщательной подготовкой, способной свести до минимума потери в ядерной войне? Если Соединенные Штаты будут иметь систему бомбоубежищ, спасающих от радиоактивных осадков по всей стране, плюс систему убежищ, защищающих от воздействия ударной волны (плюс меры для быстрой эвакуации), плюс 30–60 минут предупредительного времени, плюс стратегию эвакуации городов (за несколько дней до нападения), приблизительные потери составят «всего лишь» 5 млн. человек на 150 городов; если же ни одна из этих подготовительных мер не будет осуществлена, Кан определяет потери в 160 млн. Перевес в ту или иную сторону будет зависеть от степени подготовленности. К примеру, Кан утверждает, что противоударные убежища плюс тщательно подготовленная эвакуация населения приведут к потере приблизительно 850 млн. человек, при условии предупредительного времени от 30 до 60 в минут[214 - Khan. H. Report on a Study of non-military Defense.

The Rand Corporation, Santa Monica, 1958, p. 11. Cf, and on Thermonuclear War. p. 113–114.].

Что стоит за этими расчетами? Во-первых, некоторые из них абсолютно нереальны, к примеру, предупредительное время от 30 до 60 минут, поскольку управляемый снаряд с подводной лодки или с любого другого носителя на земле практически не оставляет возможности предупредительного времени и долетит с любой базы русских за 15 минут. Далее, тактическая эвакуация в противоударные убежища даже если на нее будут выделено 15 минут, даст людям достаточно времени только для того, чтобы затоптать друг друга, прежде чем они попадут в убежища. Моргенштерн пишет по этому поводу: «Если предупредительное время исчисляется минутами, почти никто не сможет добраться до тех нескольких убежищ, которые будут в больших городах»[215 - Morgenstern. I.e. p. 113.] «Глупо… эвакуировать Лос-Анджелес по морю через Сьеру, так как на это уйдет много часов, а предупредительное время снаряда, выпущенного из-под воды, равно нулю»[216 - Morgenstern I.e. p. 121.]. И даже сам Кан сомневается в своих подсчетах. Погибнут все или не все американцы зависит также от ряда других факторов. «С другой стороны, — говорит он, — даже при наличии системы прочных убежищ возможны и случайности, и более интенсивные, чем предполагается, разрушения. До тех пор, пока американские наступательные и оборонительные силы не добьются контроля над военной ситуацией, противник может двумя повторными ударами добиться любого разрушения и любого уничтожения, какое он пожелает»[217 - Kahn H. Report on a Study on Non-Military Defense, p. 13].

В книге «О термоядерной войне» Кан, оспаривая пессимистическую точку зрения на ядерную войну, утверждает, что, если даже все огромные метрополии в Соединенных Штатах будут уничтожены, все же 1/3 Штатов и половина богатства сохранятся. «С этой точки зрения, перечисленные разрушения не являются экономической катастрофой. Просто они отбросят производительную способность нации на десяток-другой лет назад, плюс уничтожат „излишки роскоши“»[218 - Khan H. Report on a Study of non-military Defense, p. 77.]. Кан, делая подобные заявления, все время старается подчеркнуть, что есть и другая возможность, при которой, тем не менее, не исчезают его радостные проекты ядерной войны. Так, он говорит о минимальных разрушениях для Америки с учетом того, что мы можем выиграть войну. Или, к примеру, они говорит о том, что «в отдаленном будущем чисто военное решение проблемы безопасности может привести к гибели цивилизации, и под этим далеким будущим я имею в виду десятилетия, а не века»[219 - Khan H. On Thermonuclear War. p. 160.].

Но есть и другие упущения в его доводах, которые игнорируют многие существенные факты. Во-первых, его подсчет количества смертей основан на идее убежищ. Но сейчас уже общепризнано, что в ближайшие несколько лет будет налажено производство бомб, разрушительная сила которых превышает 10 или 20 мегатонн, а потому убежища будут бесполезны, даже если мы все будем жить под землей. Он забывает о том, что гораздо легче нарастить ударную мощь ядерного оружия, чем увеличить защитные свойства убежищ и укрепить базы[220 - Cf.: O. Morgenstern's Statement, p. 50.]. Моргенштерн говорит об этом в ином контексте (защиты баз от атаки): «Укрепление ложится гораздо большим временем на страну, чем те затраты, которые предпринимает противник, чтобы усилить ударную мощь и тем самым создать эффект укрепления»[221 - Morgenstem O. I. c. p. 50.]. Отсюда следует, что несмотря на все оптимистические цифры, если гонка вооружения продлится более пяти лет, то и нам, и русским, и большей части мира угрожают гораздо большие потери, чем подсчитал Кан, если не полное вымирание.

Кроме того, Кан не придает большого значения психологическим и политическим проблемам, которые неизбежно встанут, если, как он подсчитал, все большие города, сосредоточивающие в себе 1/3 населения страны и половину ее богатства, будут уничтожены за несколько дней. Он радостно заявляет, что «нации переживут, даже без предварительной подготовки, эквивалентный удар и быстро восстановятся до довоенного уровня. В прошлом подобный шок растянулся бы на многие годы; в наше время он продлится всего несколько дней. Но с точки зрения индивидуальных психологических последствий (в противоположность организационным или политическим), это скорее хорошо, чем плохо. В то время, как большинство людей под воздействием трудностей, которые они должны испытывать продолжительное время, становятся разобщенными, за короткое время их на-склонности и привычки не изменить. Если это рассмотреть в целом, тогда с точки зрения устойчивости лучше перенести такой удар за короткий срок, нежели его последствия растянутся на многие годы»[222 - Khan H. On Thermonuclear War. 1. c. p. 89–90.].

Удивительно, как Кан затрагивает здесь наиболее спорные вопросы из области психологии и психопатологии, ни разу не сославшись ни на один из научных фактов, даже на данные такой применимой к его теории отрасли, как травматический невроз. Психологу совершенно ясно, что неожиданный удар и угроза медленной смерти для большинства американцев, как и русских, да и для большей части населения мира, вызовет такую панику, такую ярость и отчаяние, какие можно сравнить лишь с массовым психозом «черной смерти» в средние века.

Отсутствие хотя бы каких-то психологических прозрений приобретает особую важность, поскольку речь идет лишь о практическом осуществлении идеи убежища, а не о разрушающем характере убежища. Об этом Моргенштерн говорит очень скупо.

«Продолжительность разрушений, растянувшихся на долгое время заставляет оставаться в убежищах; они малы и тесны; у людей развивается клаустрофобия, они испытывают недостаток в еде и воде, заболевают. Короче, ситуация может привести к тому, чти они захотят выйти, несмотря на риск подвергнуться радиации и умереть. Трудно даже представить те психологические ситуации и проблемы, которые захотят разрешить для себя люди, заключенные в убежища. В сознании тех, кто находится в убежище, может возникнуть страшное представление о том, что они попали в такое бедственные положение, какого еще не знала человеческая раса.

Это может быть похоже на „черную смерть“, нашествие монгольских орд или другие страшные бедствия, имевшие место в прошлом, которые либо растянутся на долгие годы, либо приведут к образованию изолированных, разбросанных на далекие друг от друга расстояния городов, мелких по современным стандартам. И тогда бедствие охватит большие пространства, сконцентрируется во времени, или же будет длиться неопределенно долго, если этого захочет противник»[223 - Morgenstem O. 1. c. p. 117.].

Травматический эффект от подобной катастрофы может привести к новой форме примитивного варварства, возрождению наиболее архаичных элементов, которые в потенциальном виде имеются в каждом из нас и проявление которых мы могли наблюдать в террористических режимах Гитлера и Сталина. Не верится, что человечество сохранит память о свободе, любовь к жизни — словом, все, что мы называем демократией, после того, как оно станет свидетелем и участником неограниченной жестокости по отношению к людям, которую несет термоядерная война. Трудно что-либо возразить против факта, что жестокость порождает жестокость в отношениях между партнерами и тотальная жестокость приводит к тотальной жестокости. И даже в случае только частичного разрушения — 60–80 млн. жертв в Америке (и приблизительно такое же количество в других странах) — одно совершенно определенно: после подобного события демократия не выживет нигде, и только жестокая диктатура будет установлена выжившими в наполовину уничтоженном мире.

Моральная проблема в выкладках Кана представлена в еще меньшей степени, чем психологическая. Затрагивается только один момент — сколько нас будет убито; моральная сторона уничтожения миллионов представителей человечества — мужчин, женщин, детей — едва упоминается. Предполагается, что после массового убийства выжившие смогут жить вполне благополучно и счастливо. Хочется задать вопрос — с точки зрения какой моральной и психологической позиции делаются подобные заверения? Испытываешь шок, когда читаешь цитату из торжественного заверения, сделанного Каном на заседании подкомиссии Объединенного комитета по атомной энергетике, проходившем 26 июня 1959 г.: «Да, война ужасна. Сомнений здесь нет. Но таков и мир. И потому необходимо, опираясь на те подсчеты, которые мы сегодня имеем, сравнить ужас войны и ужас мира и увидеть, что чего стоит»[224 - Khan H. 1. c. p. 47. (Курсив мой — Э. Ф.). Отвечая на вопрос репортера по поводу этого заявления, Кан сказал: «Я имел в виду только то, что качество жизни после термоядерной войны не будет слишком отличаться от теперешнего. А разве теперешний ад можно назвать счастливой и нормальной жизнью? То же самое будет и после войны и все же в экономическом отношении мы будем сильней». San Francisco Chronicle, March, 27, 1961].

Я сказал, что данное заявление вызывает удивление и шок потому, что оно наводит на мысль о выходе за пределы разумного. Тот, кто делает подобные заявления (или соглашается с ними), страдает от депрессии и устал жить; чем же еще объяснить то, что ужас термоядерной войны (с убийством 60 млн.

американцев и миллионов русских) сравнивается с «ужасами мира»? Я убежден, что заявления, подобные Кану, как и другие подобные, объяснимы лишь глубоко личным отчаянием. Тому, для кого жизнь утратила смысл, ничего не стоит подготовить балансовые ведомости, в которых они просчитывают «приемлемое» количество смертей, – между 60 и 160 млн. Приемлемое для кого? То, что подобный образ мыслей становится популярным, свидетельствует о серьезных симптомах отчаяния и отчуждения и о таком положении, когда моральные проблемы перестали существовать, когда жизнь и смерть сводятся к подсчетам – балансам, и когда ужас войны сводится до минимума, потому что мир – а это и жизнь – стал не намного лучше смерти.

Здесь мы имеем дело с одной из критических проблем нашего века – трансформацией человека в цифру на бумаге; и кто-то убежден, что разумный просчет смертей от 1/3 до 2/3 нации обеспечит скорейшее восстановление экономики. Да, войны были всегда; всегда были люди, которые жертвовали собственной жизнью или убивали других – во имя свободы или опьяненные ненавистью. Что же нового и шокирующего в том, что и наш век вносит свой вклад своими хладнокровными подсчетами и заключениями об уничтожении миллионов человеческих жизней.

Сталин сделал это, уничтожив миллионы крестьян. Гитлер сделал это с миллионами евреев. Он руководствовался ненавистью, но для многих его подчиненных это были всего лишь простые бюрократические меры; не задумываясь о мотивах, а следуя приказу, миллионы людей уничтожались систематически, экономически и тотально! Адольф Эйхман является образцом такого типа безумного бюрократа; Роберт С. Берд дает о нем краткую, но пронзительную зарисовку: «Он знал на зубок свои функции, – пишет Берд о поездке Эйхмана в Иерусалим, – при выгрузке миллионов евреев и переправке их в лагеря смерти он вдруг решил тронуть некие струны в сознании таможенного наблюдателя. Разговаривая как какой-то безликий „компаньон“ от какой-то промышленной организации, краснея, пятясь и заикаясь, он рассчитывал, что будет услышан теми, кто испытывал одинаковые эмоции и был воспитан одинаковой идеологией»[225 - New York Herald Tribune, April 23, 1961.].

То, что говорит Берд об Эйхмане, применимо и ко всем нам. Он говорит, что Эйхман вдруг, неожиданно, стал «понимающим», «проявляющим заботу о человечестве». Да, Эйхман «сделался» человечным, потому что мы понимаем, что он бесчеловечен, как и все мы. Этот новый тип бесчеловечности, который можно воспринимать как проявление индивидуальности Эйхмана, не жестокость и не деструктивность. Эта бесчеловечность более бесчеловечна, хотя, возможно, и более невинна, если можно употребить это слово. Она характеризуется безразличным отношением и отсутствием заботы о ком-то; это отношение тотальной бюрократизации, которая управляет человеком как вещью.

Сейчас можно говорить о врожденном характере зла в человеке, что позволяет оптимистические взгляды на лучшее будущее рассматривать как грешную гордыню. Но если мы действительно так злы, то наша жестокость в конечном счете человеческая жестокость. Однако бюрократическое безразличие к жизни, когда Кан строит графики и составляет калькуляции на людей, – это сильно действующие примеры, говорящие о симптомах новой и ужасающей формы бесчеловечности, в которой человек превращается в вещь.

Такое понимание приводит нас к другой моральной проблеме, которая возникает в спорах о разоружении. В ней присутствует альтернатива «смерть или порабощение», и глашатаи разоружения убеждены, что лучше рабство, чем смерть. Этот аргумент, который сводит идею разоружения и риска войны на моральную почву, и вводит в заблуждение во многих смыслах. И не потому, что другие альтернативные идеи абстрактны или недостаточно реалистичны с точки зрения политики, а потому, что в них содержатся ошибочные моральные идеи. Да, решение отдать свою жизнь во имя жизни другого («за того парня») или за свою честь и свои убеждения – одно из величайших моральных достижений человечества. Но морально оправданным оно становится только тогда, когда является результатом личного решения, решения, мотивированного не тщеславием, депрессией, мазохизмом, а преклонением перед другой жизнью, т. е. преданностью идее. Найдется немного тех, кто имеет мужество и убежденность, чтобы совершить эту высокую жертву во имя идеи. Большинство не желают подвергать себя риску даже за собственные убеждения. Но если подобное решение не исходит от индивида, а является национальным, оно теряет свое этическое значение. Это не аутентичное решение отдельного индивида – это решение для миллионов, принимаемое горсткой лидеров,

которые, чтобы привлечь индивидов «этическими» соображениями, должны превратить их в опьяненных ненавистью и страхом.

Есть и другая причина, по которой «этические» соображения войны не являются таковыми. Я как индивид имею право распоряжаться своей жизнью; у меня нет права распоряжаться жизнью других — детей, неродившегося поколения, наций и всей человеческой расы. Смерть одного человека — событие личное, не имеющее исторических или социальных последствий. Уничтожение части человеческой расы, цивилизации аморально по многим соображениям. Здесь искажается смысл мученичества, который, будучи по природе своей индивидуальным решением, используется с целью, в высшей степени аморальной, — с целью кровопролития.

Позиция Кана наивна не только с психологической и моральной точек зрения, но и с точки зрения политической. Его стратегия в целом не только уводит за рамки русско-американских отношений и возможностей договоренности, но и, в дополнение, выражает чаяние Кана, «что война (возможно) продлится всего несколько дней после первого удара, а затем она будет приостановлена путем переговоров»[226 - Khan H. 1. c. p. 107.], и далее, что «частью и необходимым моментом борьбы и смягчения войны является то, что мы должны сохранить достаточно защитной силы для того, чтобы либо уничтожить защитные силы противника либо склонить его к переговорам»[227 - Khan H. 1. c. p. 108.]. Переговорам о чем? К чему тогда нужен будет мир? Почему вдруг все аргументы против гонки вооружений приобретут силу тогда, когда война завершится? Почему кто-то считает, что переговоры возможны через три дня после массового убийства и не возможны до того, как обрушатся бомбы?

Совершенно ясно с позиций здравого смысла, что надежды на выживание человечества после войны маловероятны. Также и надежды на политику устрашения с целью сохранения мира остаются догадкой, и не более.

Против точки зрения, выраженной здесь, что ядерная война может стать катастрофой, выдвинуто возражение, с которым мы должны считаться, особенно если оно исходит от такого влиятельного человека, как Г. А. Киссинджер. Убежденность в том, что продолжение гонки вооружения неизбежно приведет человечество к гибели «обязывает», пишет Киссинджер, «оказывать давление в целях достижения одностороннего разоружения, что переводит инициативу серьезных переговоров на сторону коммунистов»[228 - Kissinger H. A. 1. c, p. 285.]. Прежде всего, факты есть факты, и если кто-то убежден, как об этом говорит подавляющее большинство экспертов, что ядерная война приведет нас к гибели, как он может не впасть в отчаяние, если переговоры об окончании гонки вооружения не состоятся? Одно это уже доказывает невозможность допущения фатального характера войны, о котором говорит Кан; но если некому опровергнуть тезис Кана, то некому предложить и нечто обнадеживающее.

То, что говорит Берд об Эйхмане, применимо и ко всем нам. Он говорит, что Эйхман вдруг, неожиданно, стал «понимающим», «проявляющим заботу о человечестве». Да, Эйхман «сделался» человечным, потому что мы понимаем, что он бесчеловечен, как и все мы. Этот новый тип бесчеловечности, который можно воспринимать как проявление индивидуальности Эйхмана, не жестокость и не деструктивность. Эта бесчеловечность более бесчеловечна, хотя, возможно, и более невинна, если можно употребить это слово. Она характеризуется безразличным отношением и отсутствием заботы о ком-то; это отношение тотальной бюрократизации, которая управляет человеком как вещью.

Сейчас можно говорить о врожденном характере зла в человеке, что позволяет оптимистические взгляды на лучшее будущее рассматривать как грешную гордыню. Но если мы действительно так злы, то наша жестокость в конечном счете человеческая жестокость. Однако бюрократическое безразличие к жизни, когда Кан строит графики и составляет калькуляции на людей, — это сильно действующие примеры, говорящие о симптомах новой и ужасающей формы бесчеловечности, в которой человек превращается в вещь.

Но даже с позиции личного мнения, Киссинджер неправ. Главным последствием вывода о катастрофическом характере ядерной войны является требование установления всеобщего контроля над разоружением, а не одностороннего разоружения. Пока сомнительно, даст ли одностороннее разоружение тактическое преимущество русским (хотя с точки зрения тех, кто выступает за него, вопрос о тактическом преимуществе должен быть тщательно рассмотрен), главным доводом этой книги, а также большинства американцев — сторонников разоружения является требование многостороннего разоружения. В позиции

фактов оно также важно для русских, как и для Европы, если предположить, что русские столь же разумны в этих вопросах, как и мы. На самом деле они, в отличие от Китая, постоянно подчеркивают, что опасность «термоядерной катастрофы» грозит всему миру и это является главной причиной необходимости всеобщего разоружения. «Давайте не будем пренебрегать подсчетами, – говорит Хрущев, – и выведем цифры потерь, которые понесет та и другая сторона. Война обернется бедствием для всех народов мира.

Представьте, что будет, когда бомбы начнут взрывать наши города. Бомбы не станут разбираться, где коммунисты, а где некоммунисты… Нет, все живое будет уничтожено в большом пожаре ядерного взрыва. Только неразумный может в наше время не бояться войны».

Идея всеобщего, многостороннего разоружения часто сталкивается с идеей контроля над вооружением. «Контроль над вооружением многими рассматривается как первый шаг к разоружению, и если это и есть основная функция контроля, то серьезных возражений быть не может. Но на деле оказывается, что большинство теорий контроля над вооружением не выглядят как реальные шаги к всеобщему разоружению, а представляют лишь некий суррогат»[229 - См.: великолепная глава о контроле над вооружением, написанная Джеймсом П. Варбургом. Warburg S. P. Disarmament: The Challenge of the nineteen Sixties. Doubleday, New York, 1961.].

В действительности контроль над вооружением может быть рассмотрен как часть стратегии неуязвимости. В обоих случаях стороны неуязвимы, и потому в интересах обеих ограничить запасы и удержать другие страны от накопления атомного оружия. Тем не менее, по мнению военных идеолога, такой умеренный контроль над вооружением вызывает сомнение. Как отмечает Киссинджер: «Более того, отчаяние, порождаемое неуверенностью в достижении контроля над вооружением, доказывает, что его недостижимость на самом деле является надуманной. Без контроля над вооружением, как кажется, трудно достичь стабильности. Но, возможно, ее можно достичь и без этого. Выравнивание сил ответного удара, наращивание их мобильности, возможно, в большей степени обеспечит неуязвимость, чем достижение результатов в переговорах по контролю»[230 - Kissinger H. A. 1. c. p. 285.].

Из этой цитаты, которая выражает точку зрения большинства военных экспертов, ясно, что контроль над вооружением является составной частью теории вооружения, а не разоружения. Когда говорят об опасности войны, контроль над вооружением рассматривается как позиция пораженчества и полной зависимости от риска тотальной войны, хотя большинство теоретиков контроля, к примеру Монгерштерн, признают, что в случае провала политики устрашения не будет победителей и в живых останутся лишь немногие. С позиций национальной политики и того эффекта, который она оказывает на американцев, аргументы в пользу контроля над вооружением имеют целью достижение иного результата, ведущего к ложному успокоению фальшивой безопасностью. Чувство отчаяния от невозможности установления контроля над вооружением, говорят нам, «фактически ошибочно».

Как видно из приведенных фактов, контроль над вооружением, как и политика устрашения, требуют, чтобы мы и наши противники действовали сверхосторожно, как в любой игре. Как заявляет один из ведущих теоретиков контроля над вооружением, «угрозы и ответы на угрозы, репрессалии и контррепрессалии, ограничение войны, гонка вооружений, балансирование на грани, неожиданная атака, доверчивость и обман могут быть результатом как горячности, так и холодных, трезвых расчетов. Если к ним относиться как к теории, что означает трезвость и взвешенность в действиях, это вовсе не означает, что они таковыми и являются. Едва ли кто согласится, что продуманные действия являются результатом систематической теории. Если действия будут достаточно трезвыми, то легче и быстрее можно будет создать и действенную, релевантную теорию. Если результаты действий будут соответствовать реальности, а не теории, то нам удастся избежать многих пагубных последствий неверных теорий»[231 - Cf.: Schelling Th. C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, Cambridge, 1960, p. 16. Оба – Киссинджер и Кан – оспаривают Шеллинга и предлагают читателю сделать собственный анализ, основанный на теории игры.].

Далее Шеллинг продолжает показывать, как контроль над вооружением и стратегия действия могут, быть проанализированы как модель игры, хотя и предупреждает, что между игрой и данными ситуациями существуют различия. Но и в данном случае Шеллинг и другие стратеги, высказывающиеся категориями

теории игр не столько воспроизводят действительность, сколько уходят от нее. Аналогия игры основана на величайшем заблуждении и незнании природы игр и природы войн. Игра предполагает, что каждый из ее участников, желая выиграть, все-таки готов принять поражение достаточно хладнокровно; потери в игре легче переносятся и едва ли угрожают существованию ее участников. Единственный волнительный момент игры фактически заключается в возможности потери, без страха, что игра примет опустошающий характер. Если я поставил свое будущее в зависимость от броска кости или витка рулетки и не буду играть, то я буду безрассудным человеком.

Именно по этой причине теорию игр можно сравнить с подсчетами, основанными на допущениях, догадках, вероятностных предположениях. В вопросах же жизни и смерти, будь то медицина или проблемы мира, на догадки полагаться нельзя, потому что последствия могут быть очень серьезными. Здесь абсолютно противоположны предпосылки теории игр, а именно потери (имеется в виду всеразрушающая война) что следует, что теория игр неприемлема.

Но даже если, что маловероятно, продолжение гонки вооружения – под контролем или без – сможет приостановить ядерную войну лет на 25, какова вероятная судьба социальных черт человека в двусторонне или многосторонне вооруженном мире, в котором неважно, насколько комплексно в нем будут решаться проблемы и полно удовлетворяться интересы отдельного общества, в мире, где наиболее полной и убедительной реальностью будет наличие определенного количества метательных снарядов, жужжание от их работы, противорадиационные установки и сейсмографы, все превосходящее совершенство техники (безупречной, но бессильной побороть страх перед ее возможным несовершенством), наличие механизмов тотального уничтожения?

Жизнь на протяжении какого-то отрезка времени под постоянной угрозой уничтожения вызывает определенные психологические эффекты у большинства людей – чувство постоянного страха, враждебности, бессердечности, тяжесть в сердце, безразличие ко всем ценностям, которые мы заботливо храним. Такие условия превратят нас в варваров, но варваров, имеющих совершенные машины. И если мы действительно считаем, что наша цель – сохранить свободу (а это значит, раскрепощение каждого индивида от власти государства), то следует заявить, что мы ее потеряем, независимо от того, будет ли политика устрашения эффективной или нет.

Чарльз И. Осгуд[232 - A Case for Graduated Unilateral Disengagement. Bulletin of the Atomic Scientists, April 1960, p. 127ff.] высказал схожую мысль: «Я пришел к выводу, – говорит он, – что в этой гонке мы не добьемся ничего хорошего, если не пересмотрим весь наш образ жизни настолько кардинально, насколько это возможно. Тогда мы сможем направить энергию наших людей на подготовку к войне, заставим молодежь изучать физические науки, принимать решения и вершить изменения невзирая на демократические процессы».

В цикле лекций, прочитанных на радио Би-би-си в Англии, Джордж Кеннан высказал следующие идеи о результатах продолжения гонки вооружений: «Но кроме того, – заявляет Кеннан, – что это будет за жизнь, если эти фанатики гонки вооружения станут нашим проклятием?» – спрашивает он. Технологические возможности этого состязания нарастают из месяца в месяц, из года в год. Не превратимся ли мы в этой погоне за все более совершенными, дорогостоящими и «человечными» устройствами в спасающихся бегством от охотника существ, загнанных однажды под землю, разрушивших затем свои города и стремящихся окружать себя тщательно собранным электронным щитом, чтобы во что бы то ни стало сохранить свои жизни, уничтожая все те ценности, ради которых только и стоит жить? Если бы я был уверен, что обеспечит лучшее будущее для нас, я собрал бы вместе всех, кто призывает: «Давайте вместе сбросим с себя все оружие; давайте доверим наше спасение милости Бога, а также нашему собственному ясному сознанию и здравому смыслу, которые есть и у нашего противника; и в конце концов давайте шагать по жизни как подобает человеку, с гордо поднятой головой и так долго, как нам будет суждено». Мы не должны забывать о том, что на данный момент большинство народов в этом мире живет в подобной ситуации; и пока я не хочу признаться в том, что они сейчас в большей безопасности, чем мы, потому что не имеют оружия, я тем самым подтверждаю, что они действительно в большей безопасности, чем мы могли бы быть, если бы мы отказались полностью от негатива динамичной гонки вооружения, как хотят этого многие.

«В этой страшной проблеме начало к ее пониманию заложено в признании того

факта, что оружие массового уничтожения – бесплодное и безнадежное оружие, которое может служить недолго само по себе, и быть ненадолго надежным щитом, оберегающим от глобального катаклизма, но которое никоим образом не способствует конструктивной и плодотворной внешней политике. Конечной целью политики является убедить людей; атомной бомбой этого не добиться. Суицидная природа этого оружия делает невозможными как дипломатические санкции, так и достижение союза. Это не то оружие, которое способствует плодотворной политической поддержке; оно не то, к помощи которого прибегают, чтобы защитить друга. Между этим оружием и достижением нормальных отношений в национальной политике не может быть никакого соответствия. Защитное свойство этого суицидного оружия в случае его применения в дальнейшем может лишь надолго парализовать национальную политику, разрушить союзы и ввергнуть во все углубляющуюся, бесконечную гонку вооружений»[233 - Kennan G. T. Russia, the Atom and the West. Harper and Bros., New York, 1957, p. 54–55.].

Подведем итог. Добиться всеобщего контроля над разоружением чрезвычайно трудно, возможно даже, как считают оппоненты этой теории, это нереально. Но упование на то, что стратегия всеобщей угрозы самым разрушительным из всех видов оружием может когда-нибудь предотвратить ядерную войну и помочь обществу, вставшему на этот путь, сохранить демократию, кажется еще более нереальным. Поистине, проявлением крайней иррациональности человеческой природы является тот факт, что мы ищем легких, краткосрочных решений потому, что боимся трудностей фундаментальных и реалистичных мер. Но как в личной, так к в общественной жизни логика фактов, а не благих пожеланий определяет реальность.

II. Российско-Американский союз против Китая и колониальных народов

Тем, кто разделяет точку зрения о консервативном характере российской системы и об угрозе России, как и Соединенным Штатам, со стороны азиатских, африканских и латино-американских революций под руководством Китая, не покажется чересчур неблагоразумным иной путь достижения мира, который в ближайшем будущем получит возрастающую поддержку. Почему бы Советскому Союзу и Соединенным Штатам не создать прочный военный и политический союз, принудить китайское правительство (угрожая ядерной атакой) принять идею разоружения, не помешать малым государствам (если необходимо, тоже силой) приобретать ядерное оружие и не подчинить весь мир российско-американскому господству? (И не важно, будет ли это российско-американское господство называться Мировое государство, Объединенные нации или как-то еще.) Эта идея может показаться соблазнительной для некоторых военных и политических лидеров как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах, потому что она по сути своей консервативна, она передает всю власть в руки военных группировок и не ведет ни к каким базисным изменениям в американской и советской системах. Но я верю, что этот союз наиболее нежелателен и, что более важно, практически невозможен. Нежелателен он потому, что означает установление наиболее реакционной мировой диктатуры двух величайших держав. Эта диктатура обуздает революционные движения стран Азии, Африки и Латинской Америки, и, более того, она установит диктаторскую полицейскую систему, чтобы приостановить исторический процесс, который в конце концов уже нельзя будет остановить силой. Возможно, такая система способна будет спасти мир от грядущей ядерной войны в ближайшее время, но, исходя из своей природы, она потребует полного вооружения Соединенных Штатов и Советского Союза, и в конце концов едва ли сможет предотвратить развязывание войны, когда советско-американское доверие истощится.

Однако вряд ли необходимо обсуждать преимущества или недостатки этого нового, «священного союза», поскольку он абсолютно неприемлем для Советского Союза. Неприемлем, потому, что для Советского Союза будет чрезвычайно трудно сменить идеологические установки, которые настолько прочны, что никаких трещин в них не просматривается. Это можно сделать и другим путем, к примеру, обвиняя Китай в измене коммунизму и тем самым «объясняя», почему «миролюбивые» круги в Соединенных Штатах поддерживают «авантюристические» элементы в Китае, желающие развязать мировую войну с целью установления мирового господства Китая; осуществить эту линию будет трудно, но возможно. Однако причина, по которой американо-советский священный союз невозможен, вероятно, вовсе не в идеологии, а в реальностях политического характера. Несмотря на то, что Советский Союз ощущает угрозу со стороны все крепнущего Китая, его позиция по отношению к Западу тем не

менее укрепляется благодаря существованию Китая и сопротивлению колониальных народов. Если Советский Союз откажется от своей роли союзника Китая и представителя по договоренностям между колониальными народами, то столкнется с объединенным американо-западноевропейским союзом в одиночку и должен будет опасаться, что его «союзники» нападут на него после того, как Китай и колониальные народы будут разоружены. По этой причине кажется вполне понятным, что такой союз неприемлем для русских и, следовательно, не является осуществимой возможностью для мира. Конец «холодной войны» может привести к боль-, шей независимости Советского Союза от своего китайского союзника, но все попытки расколоть эти две силы и разорвать этот альянс будут отвергнуты русскими по причине простого выживания.

III. Предложение мира

1. Глобальное и контролируемое разоружение

Если правда, что политика гонки вооружений (контролируемой или нет), по всей вероятности, приведет к термоядерной войне и что даже если «удерживание на грани» сможет предотвратить такую войну, гонка вооружений приведет к тому, что общества будут милитаризированы, запуганы, склонны к диктаторской форме власти, и тогда первым условием для осуществления мира и демократии является глобальное и контролируемое разоружение. Это будет справедливо, даже если владеть ядерным оружием будут только США, Великобритания, Франция и Советский Союз (Россия). Однако никто не сомневается, что большое число других стран — Китай, Германия, Индия, Израиль, Швеция и др. — будут способны производить ядерное оружие в ближайшем будущем и что это распространение ядерных вооружений еще больше сузит возможности для мирного сосуществования.

Обсуждая эту опасность обладания «энной страной» ядерным вооружением, представляется важным не пропустить то главное, о чем часто забывают. Малые страны, как, например, Израиль или Швеция, могли бы, конечно, взорвать свои ядерные бомбы либо случайно, либо из-за неразумности своих руководителей, но они едва ли могут сделать ядерные силы частью своей политики. Более серьезная опасность лежит в распространении ядерного вооружения в таких сильных странах, как Китай, Германия и Япония, так как эти страны, так же как и члены «атомного клуба», смогут использовать собственную военную силу как дополнение к своим политическим амбициям. Поэтому возможность ядерной войны как результата взаимных угроз в контексте такой повсеместной политической стратегии вполне может значительно возрасти.

Как же тогда можно помешать этим силам овладеть ядерным вооружением? Остается фактом, что Советский Союз до сих пор не дал такого вооружения Китаю, да и Германия (ФРГ) не располагает ядерным оружием. Но учитывая общий ход развития, который мы имеем в Германии (ФРГ), можно предположить, что скорее всего Германия вскоре получит ядерное оружие как член НАТО или даже независимо от этого. Если это случится, русские не смогут или не захотят удерживать Китай от овладения ядерным оружием, что, в свою очередь, приведет к ядерному вооружению Японии.

Конечно, не исключено, что США и СССР смогут экономическим или даже военным давлением удержать эти страны от овладения ядерным оружием. Но это должно подразумевать российско-американский союз, направленный против Китая (и Германии), который еще более невероятен из соображений, приведенных выше. Представляется, что существует только один путь предотвращения распространения ядерного оружия в другие большие страны, — это глобальное разоружение, в котором будут участвовать все большие государства.

Очевидно, что эта идея высказывается с запозданием относительно предложенного Хрущевым плана разоружения. Он ясно обозначил альтернативу: или всеобщее разоружение, или гонка вооружений между США и СССР, плюс ядерное вооружение таких стран, как Германия (ФРГ), Китай, Япония. Беда в том, что пока реакция Запада на предложения о разоружении довольно прохладная. Запад не отвергал всеобщее разоружение открыто, но он никогда и не принимал его полностью как практическую цель. Русские, со своей стороны, не хотят соглашаться на инспектирование, которое лишит их одного из их военных преимуществ, а именно секретности; замена же инспекции на

ограниченный «контроль над вооружением» приведет всего-навсего к дальнейшей гонке вооружений. (На последней Пагоушской конференции, состоявшейся в Москве, американские ученые предложили компромисс, согласно которому инспекция будет усиливаться пропорционально росту разоружения, и русские восприняли эту идею как основу для обсуждения.)

В этой ситуации важно спросить себя, почему Запад пока не хочет воспринимать всеобщее разоружение всерьез. Единственный подходящий ответ, который всегда дается, – потому что русские не позволят проводить инспекцию. Но этот ответ не очень разумен (логичен) перед лицом того факта, что они вновь и вновь повторяют, что разрешат любой вид инспекции, который обеспечит признание Западом всеобщего разоружения как конкретной и ближайшей цели. По крайней мере, мы должны вести переговоры, чтобы убедиться, серьезны ли их намерения относительно инспекции. Однако я не рекомендовал бы проявлять подозрительность и поверхностность при переговорах, при которых каждый шаг обусловливается «железными» гарантиями. Я уверен, что односторонние инициативы на пути к разоружению необходимы, чтобы выработать атмосферу, в которой истинные переговоры станут возможными. (Ряд таких односторонних шагов в деталях был обрисован Чарлзом Осгудом[234 - Osgood Ch. The Bulletin of Atomic Scientists, Vol. 16, No.4.] и мной[235 - Fromm E. Daedalus, Vol. 89, No. 4.]). Кроме того, мы должны осознать тот факт, что не существует безопасной системы инспекции, но тем не менее риск от инспекции окажется слабее, чем гонка вооружений. Обсуждая все «за» и «против» в системах инспекции, мы должны, кроме того, придать вес их вкладу в атмосферу законности. Осуществление русскими и нами формального соблюдения согласованных правил – пусть даже они соблюдаются символически – сделает в дальнейшем затруднительной для каждой стороны возможность нарушать эти правила и относиться с пренебрежением к надеждам на мир и законность, которые были высказаны обеими сторонами. Так, может быть, мы видим не так отчетливо, как русские, опасности вооруженного атомным оружием мира; или мы так захвачены созданной нашим воображением картиной их «стремления к мировому господству», что уже не можем поверить в то, что они говорят то, что думают? Или мы боимся, что не сможем совладать с экономическими последствиями разоружения, которые затронут нашу систему? Или правда ли, что армейские службы, сопротивляющиеся разоружению, уже настолько сильны, что смогут воспрепятствовать даже серьезному обсуждению проблемы разоружения?[236 - Ср. высказывание Брауна Г. и Риала Дж. (Harrison Brown & James Real) в работе «Общество страха». Community of Fear, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1960, p. 28.]

Поскольку эта тема есть вопрос жизни или смерти для США и всего остального мира, представляется крайне важным проверить не только – что мы обычно делаем – возможные дефекты в российской позиции, но также возможные основания для нашего отказа обсуждать разоружение более серьезно.

2. Российско-американское временное соглашение (modus vivendi) на основе status quo

Даже если признано, что всеобщее разоружение есть необходимое условие для сохранения мира и свободы, как сделать разоружение возможным, если не будет закончена «холодная война»? Как могут обе противоборствующие силы серьезно обсуждать проблему разоружения, пока каждый подозревает другого в желании уничтожить его? Ответ ясен: никакое политическое взаимопонимание невозможно или практически неосуществимо до тех пор, пока существует взаимная угроза уничтожения; и в то же время разоружение невозможно, пока не будет достигнуто политическое взаимопонимание. Что придет раньше – это спорный вопрос. Обе проблемы должны быть взаимосвязаны, и можно даже рассчитывать на то, что поиск пути решения политической проблемы должен быть легче, чем поиск пути решения проблемы разоружения, и наоборот.

Уолтер Миллис поставил этот вопрос в сжатой форме. Он писал: «Советский Союз очень заинтересован в разоружении. Он, вероятно, хочет, чтобы разоружение решило его внутренние экономические проблемы. Как и кое-кто на Западе, он хочет, вероятно, избежать ядерной опасности, но он, конечно, заинтересован и в тех политических выгодах, которые могут быть получены от разоружения в современной международной ситуации. Мне кажется, что истинный ответ Запада на советскую позицию по разоружению – не проявлять недоверия, а спросить, как СССР представляет себе согласованность противостояния с

условиями его предложений. И я считаю, что СССР имеет право предъявлять те же претензии к Западу. Ни одна из двух великих держав не готова сейчас дать ответ на эти претензии. С другой стороны, обе стороны явно прощупывают друг друга. Если это вскроется и разрешится, проблема мира будет решена. Если нет, большинство из нас, вероятно, погибнет от взрыва и лучевой болезни, а те из нас, кто останется в живых, будут вести очень скудную жизнь на планете, ни в какой мере не соответствующей нынешнему человеческому существованию[237 - Millis W. Permanent Peace, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1961, p. 31. (Курсив мой. – Э. Ф.)]».

Попытаюсь ответить на вопрос Миллиса, а именно: как противостояние между США и СССР может происходить при условии разоружения?

Первое условие для политического взаимопонимания – преодолеть истерические, неразумные и искаженные представления обоих блоков друг о друге. Я надеюсь доказать, что СССР является консервативной, тоталитарной, административно-командной, а вовсе не революционной системой, стремящейся к мировому господству, Хрущев – вовсе не наследник Маркса и Ленина, как могло бы следовать из политической позиции, которую он провозглашает. Мы ведь не имеем больше капиталистической системы, основанной на индивидуальной инициативе, свободной конкуренции, минимальном государственном вмешательстве. Мы теперь тоже являемся бюрократическим индустриальным обществом.

Однако это единственная точка, на которой Восток и Запад сходятся в стереотипе мнения друг о друге. Не согласиться с этим совпадением и означает начать реалистическое взаимопонимание. Следующий шаг заключается в осознании того, что экономические и даже политические разногласия между двумя блоками не настолько важны, чтобы из них выводить обоснование для войны; надо осознать, что есть только одна опасность, которая может вызвать войну, – взаимный страх, рождающийся в результате гонки вооружений или вследствие идеологических расхождений.

Что же тогда является реальной основой для русско-американского взаимопонимания? Конечно, ответ чрезвычайно прост. Основой является взаимное признание существующего состояния (status quo), взаимное соглашение не менять существующего политического баланса сил между двумя блоками.

Это прежде всего означает, что Запад должен отказаться от каких бы то ни было планов изменить настоящее положение России и ее сферу интересов в Восточной Европе, а СССР должен сделать то же по отношению к Западу. Совершенно верно, что Россия добилась власти над своими сателлитами с помощью силы и в результате победоносного окончания войны. Верно и то, что имелась возможность посредством твердой и настойчивой политики в конце прошлой войны спасти некоторые из этих стран от русского владычества, но сегодня все это – пустые рассуждения.

Очевидно, что Советский Союз не откажется от того, чем владеет, без войны. Ни одна великая держава на гребне своего могущества, будь это коммунисты или капиталисты, не сделает этого никогда[238 - Пример Великобритании, потерявшей Индию, не является исключением. Это была империя в эпоху упадка, которая потеряла Индию исходя не столько из соображений империалистических, сколько потому, что у власти было лейбористское правительство. С другой стороны, сравните позиции Британии в ситуации в Суэцком канале с позициями Голландии в Индонезии, Франции – в Алжире и Бельгии – в Конго.].

Ни один российский политический руководитель, который так поступит, не выживет как политик. Идея «быть освобожденным» благодаря войне, в которой их страны должны быть опустошены и разорены, это совсем не то, чего могут хотеть народы стран-сателлитов, и уж конечно это не входит в наши намерения. Несмотря на это, перед лицом того факта, что народы стран-сателлитов, как показали все прошедшие мятежи, являются слабым местом в структуре России, советские лидеры наиболее остро реагируют на прямые и косвенные угрозы с их стороны. Поэтому наша позиция – не признавать, что нынешнее состояние России есть один из факторов, мешающих взаимопониманию. И в то же время, наша позиция вовсе не ведет к большей свободе для отдельной личности в странах-сателлитах. Если она что и делает, так это мешает процессу либерализации. Конкретные события показывают, что пока советские вожди ни за что не позволят ни одному государству, находящемуся в

сфере своего влияния, покинуть эту сферу. Они могут разрешить ему определенную долю независимости во внутренних делах, особенно если уменьшится напряженность между двумя блоками.

Вопрос о Берлине должен рассматриваться в контексте вышесказанного. Нет сомнения, что русские хотят включить Западный Берлин в восточную зону. Однако они жизненно заинтересованы в сохранении стабильности своей сферы интересов в Восточной Германии. Дипломатический гамбит Хрущева заключается в угрозе Западу относительно Берлина, где он имеет преимущества, для того чтобы вынудить Запад принять свою позицию в Восточной Германии, где Запад может доставить ему много неприятностей. Решение проблемы Берлина лежит в полном официальном признании сателлитов России, включая Восточную Германию, в обмене на полную гарантию независимого существования Берлина как части западного мира.

Что стоит на пути признания русских владений в Восточной Европе? Здесь мы сталкиваемся с несколькими парадоксами и иррациональностями политической мысли. С одной стороны, нет никакого сомнения и признано всеми аналитиками, что Запад не имеет намерений освободить какой-либо из сателлитов России силой. Более того, точно так же очевидно, что Запад даже не желает какой-либо антикоммунистической революции в Восточной Германии, так как это вынудило бы Запад помогать этому, что означало бы риск мировой войны; или же отказаться от этого и признать невозможность такой помощи, даже ценой унижения. Почему тогда западный альянс не принимает status quo формально и недвусмысленно? Или, с другой стороны, почему русские не удовлетворены признанием Америкой de facto этого status quo? Почему они настаивают на более формальных и обязывающих договоренностях, типа мирного договора?

Ответ на эти многочисленные вопросы заключается в факте существования динамичной и имеющей экспансионистские замыслы Западной Германии. Русские уверены, что Западная Германия угрожает сфере их интересов и что политика США является угрозой по большей части не такой уж далекой, как это следует из их политики в отношении Западной Германии. Я попробовал показать в предыдущей статье, что этот страх (опасение) будущей агрессии Западной

Германии, не является таким уж безосновательным. Даже если это не является угрозой сегодня, это станет угрозой завтра.

Фактически большая часть населения Восточной Германии живет при режиме, при котором они жить не хотят, и этот режим противен всем тем, кто любит политическую свободу. Поэтому решение смириться с существующим коммунистическим правлением в Восточной Германии является жестким для тех, кто действительно лелеет мысли о свободе. (Это не слишком жесткое решение для тех, кто довольно легко смирился с русской диктатурой.) Но если кто-то действительно стоит перед этой дилеммой, тогда остается только один ответ: принять факты как они есть с осознанием, что цель избежать войну является гораздо важнее цели «освободить» Восточную Германию. Ирония этого заключается в отсутствии такой альтернативы, так как действительный выбор лежит между коммунистически управляемой или разрушенной Восточной Германией.

Идеологический аргумент смещается в центр такого вопроса, как национальное стремление немцев к объединению. Не пришло ли то время, когда мы должны начать спрашивать такой пароль: «Немецкое национальное единство»? Идея немецкого единства берет начало 90 лет назад, как результат государственной политики Бисмарка. Но даже Бисмарк намеренно исключал Австрию и предпочитал не говорить об объединении всех немцев. С другой стороны, был Гитлер, чьи агрессивные цели основывались на требовании объединения всех немцев. Если необходимо объединить Восточную и Западную Германии, почему бы не присоединить к ним Австрию, Тироль, Судетскую землю, Эльзас, Силезию, Восточную Пруссию? Не следуем ли мы тем же курсом, что и Англия с Францией с 1933 по 1938 г., когда они приняли гитлеровское требование объединения всех германоговорящих людей в одну страну и когда они не поняли, что эти национальные претензии — только идеологическая подготовка для завоевания всего мира?

Правительство Западной Германии достаточно хорошо знает, что Германия не может быть снова объединена быстро без войны. Но оно сохраняет эти требования как средство поддержать национальное чувство и предотвратить политическое взаимопонимание между США и СССР. Поскольку мы одержимы идеей русской угрозы и, таким образом, необходимостью помощи Германии, мы

проводим поддержку политики Германии, что со временем сделает невозможным политическое соглашение с Россией, вследствие чего мирное решение вопроса маловероятно.

Мы должны попытаться сами освободиться от исключительно идеологических клише. Если «отделенное государство (Восточная Германия) — даже будь оно не коммунистическим — выступает против германского национального чувства», почему мы должны приспосабливаться к этому «национальному чувству»[239 - Kissinger H. A., The Necessity for Choice, Harper & Bros., New York, 1960, p. 131.)], которое так или иначе является искусственным? Почему «мы не можем не уступить перед правом немцев определять свою собственную судьбу в недалеком будущем?»[240 - I.e. p. 137.] Не есть ли это другой способ сказать, что мы должны позволить немецкому экспансионизму иметь его собственный путь? Почему именно это решение, которое отстоит статус Берлина «взамен признания Восточной Германии, было бы большой победой коммунистов?»[241 - I.e. p. 144.].

Из-за нашей навязчивой идеи, что русские желают мирового господства (и может быть также из-за многочисленных американо-германских финансовых интересов), мы соглашаемся с требованиями Западной Германии, делая таким образом всестороннее соглашение с Россией невозможным. Ведется много разговоров о том, что уступки Советскому Союзу — это повторение политики умиротворения в отношении Гитлера. Я уверен, что если кто-то настаивает на аналогии сегодняшнего дня и политики умиротворения нацистской Германии, разгадка этому лежит в нашей сегодняшней политике умиротворения Германии Аденауэра.

По существу, политика Франции и Британии по отношению к Гитлеру с 1933 по 1938 г. не была связана с идеей отклонить экспансию Гитлера с запада на восток. Те, кто был против политики умиротворения, подобно Черчиллю, признавали, что Гитлер не удовлетворится экспансией только на восток. Сегодня, когда вся наша внешняя политика основывается на идее, что мы должны защитить самих себя от русской угрозы с помощью милитаризации, мы снова ублажаем Германию. Мы уступаем ее все возрастающим требованиям на вооружение и позволяем Аденауэру влиять на нашу политику таким образом, что мирное взаимопонимание с СССР становится все более затруднительным. Существуют даже некоторые основания поверить, что Германия вскоре станет такой сильной, что многие американские политики и военные руководители могут прийти к мнению, что уже слишком поздно останавливать ее, даже если мы захотим этого. Действительно ли мы так наивны, что видим сегодняшнюю Германию и не видим завтрашнюю Германию, которую мы возрождаем к жизни?

Поскольку мы имеем дело с обоюдным признанием status quo в Европе, мое предложение заключается в недвусмысленном принятии этого status quo и обуздании какого-либо дальнейшего перевооружения Германии.

В связи с этим давайте вернемся к нашей берлинской политике. Стереотип состоит в том, чтобы говорить, как бескопромиссна и агрессивна позиция Хрущева по отношению к Берлину. А что на самом деле? Хрущев потребовал, чтобы Западный Берлин был свободным городом. Он намекнул о своей готовности принять контроль США или даже контроль четырех стран над этим свободным городом. Он никогда не требовал, чтобы Западный Берлин был присоединен к Восточной Германии. Как я уже говорил, его требование по существу сводилось к тому, чтобы заставить Запад признать Восточную Германию и прекратить дальнейшее вооружение Западной Германии. Осознавая, что даже эти две цели не были достижимы, он показывал готовность быть удовлетворенным, по крайней мере в переходный период, небольшими уступками со стороны Запада.

Этими уступками, в основном предложенными Западом на конференции четырех министров в 1959 г., были уменьшение численности войск в Берлине (так как эти войска имели скорее символическое, а не военное значение); сожаление о запрете на хранение на территории Берлина ядерного оружия (оно там никогда и не хранилось); соглашение прекратить пропаганду против России из Западного Берлина.

В то время как эти уступки не были никогда формализованы, они, очевидно, были основой «Кэмп-дэвидской атмосферы» во время визита Хрущева в Вашингтон, и для замечания Эйзенхауэра, сделанного в то же время о том, что ситуация в Берлине была «ненормальной». Хрущев вернулся в Москву, обнадеженный Эйзенхауэром и успехом своего визита. Что же произошло потом? Возможно, под давлением Аденауэра, возможно под впечатлением, что Россия не

рискнула бы начать войну за Берлин, как мы заметили (в выступлении мистера Диллона), все уступки были аннулированы и не было сколько-нибудь продолжительного согласия на компромисс, как это было обозначено во время визита Хрущева в Вашингтон.

Реакцией Хрущева стало агрессивное выступление в Баку. Мы тогда нанесли еще один удар Хрущеву, хотя, вероятно, скорее бестактный, чем запланированный, нашей реакцией на инцидент с У-2. В то время как Хрущев пытался в первую очередь сохранить существующее положение дел, декларируя, что, как он верит, президент Эйзенхауэр ничего об этом не знал, президент ответил тем, что взял на себя полную ответственность за этот полет и объявил, что он был оправдан. Что оставалось делать Хрущеву? Могли ли мы удивляться тому, что он почувствовал личное оскорбление и, что более важно, должен был отреагировать на это поражение, сохранив свое лицо в России? Хрущев покинул саммит в раздражении, сделал агрессивное заявление и впоследствии оскорбил президента. В своем выступлении в этом городе несколькими днями позже он заметил, что по главному вопросу – относительно Берлина – он придерживается своего первоначального обещания – не форсировать его. Он не угрожал, а отложил этот вопрос в целом до обсуждения с новой администрацией США. Поведение Хрущева в этой ситуации выглядело как сугубо оборонительная позиция, если не быть достаточно наивным и не предполагать, что в политике более значимо кричать, чем действовать[242 - Уолтер Липпман в своем интервью с Хрущевым (апрель 1961 г.) сделал это очень явным в напоминании Хрущева, что будущее Германии есть ключевой вопрос. «И по двум причинам: 1) из-за опасности атомного вооружения Западной Германии; 2) из-за необходимости мирного договора, определяющего границы Польши и Чехословакии и стабилизирующего существование Восточной Германии как государства».].

Если американо-российское временное соглашение (modus vivendi) на основе status quo в Европе произносится с трудом, то такое понимание в отношении остального мира кажется еще более невозможным. Все еще нельзя отрицать факт, что пока соглашение не будет достигнуто, будет существовать напряженность и продолжится гонка вооружений, и сохранится вероятность термоядерной войны.

Так что такое понимание в первую очередь должно было бы вылиться в возможное требование, чтобы ни одна из сторон не имела намерения конкурировать в мире. Я не намерен доказывать американским читателям, что завоевание мира есть цель США. Что это не является каким-либо намерением Советского Союза, я уже попытался показать в предыдущей главе. Но как могут эти два блока достигнуть согласия в поддержании status quo в Азии, Африке и Латинской Америке, когда эти части мира постоянно находятся в состоянии постоянного брожения и политически, и социально-экономически? Не означало ли бы такое согласие, даже если оно было бы достигнуто, замораживание существующих структур власти во всем мире, стабилизацию того, что не может оставаться стабилизированным? Не дает ли это международных гарантий для продолжающих существовать некоторых наиболее реакционных режимов, которые, однако, рухнут рано или поздно?

Эта трудность будет казаться менее значительной, если принять, что согласие не менять существующих владений и сфер интересов между СССР, США и Китаем, не то же самое, что заморозить внутреннюю структуру всех азиатских, африканских и латиноамериканских государств. Это значит фактически, что нации, даже если бы они и сменили свои правительства и свои социальные структуры, не заменят по этой причине альянса с одним блоком на альянс с другим.

Существует ряд примеров, показывающих, что такое возможно. Наиболее яркий пример – Египет. Египет, который был одной из наибеднейших стран мира и, в дополнение к этому, одним из наиболее коррумпированных государств, был близок к революции.

Как и все другие революции в Азии и Африке, египетская имела два аспекта: она была националистической, и она была социалистической в широком смысле, нацеленной в основном на экономические изменения, выгодные широким массам населения Египта. Насер смог освободиться от остатков британского господства, но он твердо решил никогда не подпадать под власть России. Он придерживался единственно разумного курса, не присоединяясь ни к одному из блоков, использовать соперничество между ними для своей выгоды и для политического выживания независимого Египта.

Едва ли будет преувеличением сказать, что внешняя политика США, в формулировке покойного мистера Даллеса, почти привела Насера в российский лагерь. Нейтралитет, в соответствии с этой доктриной, был безнравственным, и дружеские связи с СССР со стороны такой малой державы, как Египет, которые, рассматривались как враждебные по отношению к США и должны были быть наказаны соответствующим образом[243 - Последний знаменитый пример политики Даллеса — обработка мистером Хертером (Herter) президента Ганы во время его визита в Нью-Йорк в 1960 г., что явно контрастирует с общением Кеннеди и президента Ганы год назад.]. (В случае Египта мгновенная потеря обещанного займа для строительства Ассуанской плотины.) Однако Нассер сохранял нейтралитет, даже вопреки мощной англо-французской военной провокации на Суэцком канале.

Все это справедливо и для Ирака, Ливана, Индонезии. В отношении Ирака и Ливана США, казалось, были уверены, что новые правительства могут соскользнуть на советскую орбиту, и мы подготовились к военной интервенции, но прогноз госдепартамента не сбылся. Позиция США сводилась к тому, чтобы не допустить влияния Советов на эти страны, несмотря на то, что существование таких намерений с их стороны было маловероятно и еще менее вероятным было желание соответствующих стран попасть под влияние Советов.

Попытки США усилить продолжавшие существовать «прозападные правительства» в странах, где эти правительства определенно непопулярны, в перспективе обречены на провал. Единственная конструктивная политика состоит в том, чтобы позволить — и даже способствовать — появление блока неприсоединенных, нейтральных стран. Только таким способом можно избежать острого американо-российского конфликта, сопровождаемого угрозой применения ядерного оружия.

Русские предприняли более мудрые реальные шаги, чем мы: они приняли нейтралитет как достаточное условие для дружественных связей и экономической помощи. Пришло время и США перейти на ту же позицию. Одна из наиболее многообещающих особенностей администрации Кеннеди заключается в том, что она показала определенный поворот в этом направлении, по крайней мере в отношении Азии и Африки. Главное в моих аргументах — это подчеркнуть, как жизненно важны эти перемены и что они не должны делаться равнодушно.

Обсуждение необходимости принятия и поощрения политического нейтралитета значительной части развивающегося мира тем не менее только в начале. Политическая позиция этих стран не может быть отделена от их внутреннего социального и экономического развития. И именно здесь особенно важна более реалистическая позиция.

Западные правительства, подобно коммунистам, рассуждают с точки зрения выбора между капитализмом и коммунизмом. Эта альтернатива почти единственное, в чем согласны оба лагеря. Фактически, однако, вопрос более комплексный. Капитализм середины XX в. — это не капитализм индивидуальной инициативы, минимальной активности государства и т. п., как это было в XIX столетии. И русский, и китайский типы коммунизма отличаются друг от друга и уж совершенно отличны от социализма Маркса, который каждый из них претендует представлять. Каковы же факты и реалистические возможности?

Прежде всего мы должны признать, что развивающиеся страны в обозримом будущем не выберут капитализма ни по экономическим, ни по психологическим соображениям. Они не могут выбрать систему, которая развилась в Европе в течение нескольких столетий, в соответствии с историческим условиями на этом континенте. Этим развивающимся странам необходима система, которая удовлетворяет следующим условиям: во-первых экономическая власть должна быть отобрана у небольшой клики, которая использует ее только в своих собственных интересах, не учитывая нужды основной массы населения; во-вторых, экономика должна следовать плану распределения ресурсов в интересах и для оптимального развития экономики в целом.

Главное заключается в том, что альтернативой для развивающихся стран является выбор не между капитализмом и коммунизмом — альтернатива, которой содействуют Россия и Китай, а выбор состоит в том, какой вид социализма они предпочтут: российское государственное планирование, китайский антииндивидуалистический коммунизм или гуманный, демократический социализм, который пытается комбинировать необходимый минимум бюрократического централизма с оптимальной индивидуальной инициативой, соучастием и

ответственностью.

Если Запад настаивает на выборе между коммунизмом и капитализмом, если это тесно связано со старомодным реакционным режимом, который обречен на провал своей историей, тогда он поможет русским, а более вероятно китайским, коммунистам получить признание 2/3 – а внутри отдельных поколений и 4/5 – представителей населения мира. Бедняки во всем мире будут верить, что они должны выбрать путь, который позволяет Китаю развиваться в два раза быстрее, чем Индия, доказывая, что другой альтернативы нет.

Но несмотря на всю китайскую пропаганду, существует много доказательств того, что китайский путь полного и безжалостного единообразия совсем не то, что предпочитает большинство этих людей. Желание свободы и независимости не есть, как это иногда утверждается, относительно недавнее открытие Запада. Это – имеющая глубокие корни необходимость существования человека, но не единственная необходимость. Если этот выбор конкурирует с чувством голода, страхом и беспомощностью, большинство людей, как на Востоке, так и на Западе будут готовы продать свое желание свободы. Вопрос заключается в том, как избежать такого выбора.

Кроме того, даже если миллионы крестьян во всех этих странах жили до сих пор в крайне тяжелых условиях голода и безнадежности, что в данный момент они не. могут быть полностью заинтересованы в свободе, то это имеет меньшее политическое значение, чем полагают многие люди. История неразвитых стран делается относительно небольшими группами образованных представителей элиты среднего класса, понимающих опасность и вред тоталитаризма. Очень примечательно, как сильно Индия и другие страны Азии, так же как Латинская Америка и Африка, воспротивились соблазнам коммунизма. Но также ясно, что юное поколение станет все более и более нетерпеливым, если не будут проводиться необходимые фундаментальные реформы.

Слаборазвитым странам я предлагаю принять единственно верное решение в выборе демократическо-социалистической системы, учитывающей особенности каждой страны и, соответственно, отличающейся, как, например, Югославия отличается от Индии, но ни в коем случае не теоретически. Остается фактом, как заметил Барнетт, что «марксизм имел глубокое и широко распространенное влияние среди интеллектуалов во многих странах ареала (Южная и Юго-Восточная Азия). Большинство этих лидеров в Южной и Юго-Восточной Азии принимала социализм в той или иной форме. Многие надеялись создать общества, которые лучше всего характеризовать как социалистические демократии, сочетающие свободу и представительную власть с различным уровнем планируемой государственной экономики. Чаше всего при выборе своих моделей они обращаются к Западу, пытаясь применить опыт Запада к своим собственным нуждам. Но немногие из них могут принять какую-либо западную модель без всяких оговорок, поэтому они сталкиваются с огромными трудностями в попытках ввести западные институты в своих странах. Многие, отказавшись от коммунизма как от системы власти, почувствовали, что коммунистический опыт в СССР и Китае очень полезен для решения их собственных проблем»[244 - Barnett A. D., I.e. p. 298.].

Проблема заключается в том, что либо эти лидеры найдут в конце концов демократически-социалистический образец, который покажет достижения, сравнимые с достижениями в Китае, либо они должны будут сделать акцент на коммунистическом решении, которого они хотели бы избежать. Их решение зависит одинаково сильно как от позиции Запада, так и от коммунистической пропаганды.

До сих пор Запад был очень эффективным пропагандистом для коммунистов, настаивая, что коммунисты – истинные наследники Маркса и что не существует другой альтернативы капитализму. США допустили эту ошибку в более грубом виде, чем Европа, поскольку Европа была очень близка демократическим социалистическим идеям и партиям, которые с 1918 г. вплоть до 1960 г. время от времени появлялись у власти в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Исландии.

Во многих из этих стран в последние годы социалисты потерпели поражение, поскольку консервативные партии включили часть социалистических программ в свои, а сами социалисты закоснели среди изобилия. Но было бы серьезной ошибкой считать, что социализм в развивающихся странах прекратил свое существование, потому что в богатых странах в данный момент он находится в обороне. Фактически помощь демократическому социализму в развивающихся

странах и интерпретация его на Западе – одна из наиболее важных задач демократического социализма в Европе.

Существуют достаточно серьезные возражения предложенным здесь идеям, чтобы быть сразу же рассмотренными. Эти возражения выстраиваются так: если цель развивающихся стран сводится к тому, чтобы достичь экономического благополучия на протяжении жизни нескольких поколений, если они хотят построить свою собственную индустрию и обеспечить большей части своего населения достойную жизнь, которая может быть, по крайней мере, сравнима с жизнью в беднейших европейских странах, то они не могут отказаться от китайского пути – тоталитарной организации, силы и массового внушения.

Не вынуждены ли их лидеры насаждать дух фанатизма и страха для того, чтобы добровольно поддерживалось недостаточное потребление? Я уверен, что это не так уж и необходимо. Существует, конечно, проблема мобилизации человеческой энергии для достижения гораздо более высокой экономической продуктивности, чем эти страны имеют сейчас. Запад официально настаивает, что очень важно нацеливаться на денежный прирост, и нет сомнений, что такая мотивация является эффективной в рамках определенной модели. (Русские с этим практически также согласны). Но существуют другие способы мобилизации человеческой энергии. Существует китайский путь всеобщей мобилизации мозгов, сердец и мускулов путем силы и принуждения. И этот способ, по-видимому, работает, хотя и дорогой ценой. Существует также еще один путь, который предлагает демократический, человеческий социализм: обращение к чувству самоуважения, индивидуальной инициативы, социальной ответственности и гордости отдельной личности.

Если такое обращение является всего лишь чисто идеологическим трюком и. фикцией, оно не будет иметь реального и продолжительного эффекта. Но если оно основано на реальных возможностях, то система позволит этим качествам развиваться, и, более того, такое обращение, сделанное в плановой системе, в которой индивидуальное усилие рассматривается как вклад в прогресс общества как целого, дает уверенность в том, что человеческая энергия может быть мобилизована в степени, сравнимой с тоталитарной системой[245 - Югославия, которая имела темп ежегодного прироста производства (9%), такой же как в СССР, является довольно выразительным примером; в то время как Югославия не имела двухпартийной системы или выборов в западном смысле, она в то же время не проводила политического террора и имела свою систему развитой индивидуальной активности и ответственности и поддержки децентрализации.].

Сущность заключается, как я уже настаивал, не только в психологической необходимости или желаниях широких масс, но также в характерной структуре воспитания элиты среднего класса. В чем же их мотивация? Является ли эта необходимость необходимостью материального благосостояния, которая была мотивацией западного бизнесмена XIX–XX столетий? Если это так, то единственно возможным выходом может быть коррумпирование государственных бюрократий. Если личное благосостояние лидеров развивающихся государств стоит на первом месте, то они должны будут обогатиться за счет масс, возможно, путем обмана и угнетения.

Но существует множество примеров того, что обогащение никоим образом не является мотивирующей силой для новой элиты и фактически для некоторых представителей старых элит. Правящие группы в Югославии и Египте, самая верхушка в Индии, а также вожди Китая, согласно всем сообщениям, не коррумпированы. (Кстати, я не имею в виду, что они не имеют более высоких стандартов уровня жизни, чем основная часть населения, но эти их привилегии определенно ограничены и не получены за счет воровства и взяточничества.) Очевидно, что сильная мотивация среди этих новых лидеров – это гордость за мастерство в администрации и организации. В противоположность традиционным денежным мотивациям предпринимателей новая элита побуждается теми же факторами, что и профессионалы в нашей системе: удовлетворение в применении полученного мастерства и получение полезных результатов.

Мы на Западе часто забываем, что удовлетворение в работе, успешное применение полученного мастерства могут быть такой же сильной побудительной причиной, как выгода.

В дополнение к личному удовлетворению, корни которого находятся в мастерстве исполнения, новая элита нуждается и часто имеет другие потенциальные факторы удовлетворения – это чувства социальной обязанности и

солидарности с широкими массами их родных стран. Чаще всего они приобретают форму национальной гордости; не имеет значения, о какой конкретной стране идет речь: о Египте, Китае или любой другой из вновь пробудившихся стран, все они управляются людьми с истинными национальными чувствами, часто граничащими с иррациональным национализмом. Профессиональная и национальная гордость вместе с чувствами социальной справедливости и ответственности, как можно сказать, являются очень важной мотивацией новых лидеров многих развивающихся государств. С психологической точки зрения эта мотивация столь же потенциальна и реальна, как и желание денег и вожделение власти, – все они относятся к естественной человеческой природе. Вопрос заключается в том, какая именно мотивация пользуется общественной поддержкой и содействием или, другими словами, какой тип личности будет восходить к вершинам власти.

Вопрос в том, что предпочтет новая элита, – Россию, Китай или демократическую форму социализма. На этот вопрос трудно найти ответ. Но одно кажется очевидным: какой предпочтет путь новая элита, зависит от двух факторов – психологического и экономического. Эти новые лидеры очень горды и чувствительны; они негодуют по поводу обработки, которой они подвергались со стороны Запада более чем столетие. (Русские лидеры проявили такую же чувствительность, особенно до того, как они достигли сегодняшних успехов.) Они не забыли унижения «опиумной войны», работорговлю, а также американскую «банановую политику». Они реагируют совершенно нормальным образом, будучи чувствительными, а иногда и сверхчувствительными, и занимают агрессивную антизападную позицию, когда Запад продолжает угрожать им, открыто или высокомерно, не слишком маскируясь при этом. Тон морального превосходства в отношении развивающихся стран, которым пронизаны наши официальные заявления, лишь способствует возникновению глубокого антагонизма по отношению к Западу и увеличивает их стремление присоединиться к коммунистическому блоку.

Существуют и еще более удручающие причины. Запад представляет картину морального банкротства в «новом мире». Мы проповедовали христианство «язычникам», в то же время заставляя их быть рабами и угрожая им как низшим; сейчас мы проповедуем духовность, мораль, веру в Бога и свободу, в то время как наши реальные ценности (и это часть нашей системы «двойной мысли», которую мы также проповедуем им) – это деньги и потребление (потребительство). Пока мы не почувствуем на опыте истинный ренессанс исповедуемых нами ценностей, мы будем только возбуждать вражду в тех, в ком мы поддерживали презрение к себе. Только крутое изменение нашей позиции по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки может устранить глубокое подозрение народов этих стран к нашим мотивам и нашей искренности.

В дополнение к этому психологическому фактору можно добавить еще и экономический фактор. Если новые страны должны достигать индустриализации без значительной иностранной помощи, они вправе выбрать китайский путь полного контроля всего и использования их «человеческого капитала» (человеческого фактора). Но если они хотят принять экономическую помощь от Запада, они, по всей видимости, предпочтут более человечный и демократический путь. Кое-кто из этих новых лидеров может быть куплен, но это будет исключением. Большая часть их возглавит попытки дальнейшего развития своих народов. Их позиция по отношению к Западу будет зависеть по большей части от нас самих, от нашей способности полностью расстаться с нашей прошлой колониальной психологией, а также от экономической и технической помощи, которую мы готовы им предоставить по доброй воле, не пытаясь силой склонить их к политическому альянсу с нами.

Станут ли эти страны тогда демократическими, «свободными» странами? Очень неудачно что, как я уже замечал ранее, слова «демократия» и «свобода» используются слишком часто в ритуальном смысле и с большой долей неискренности. Многие наши «свободолюбивые» союзники на самом деле диктаторы, и, видимо, нас мало заботит, демократическая это страна или нет, лишь бы этот политический и военный союзник был против коммунистического блока. Но и в стороне от оппортунистской неискренности мы также получаем неглубокий, поверхностный взгляд на демократию. Политическая концепция демократии и свободы развивалась в течение нескольких сотен лет европейской истории. Она явилась результатом победы над монархической автократией, достигнутой великими революциями в Англии и Франции. Суть этой концепции заключается в том, что безответственная монархия не имеет права решать судьбы людей, но только сами люди, ее цель – «правительство народа, из народа и для народа».

Но демократия не родилась в один день. На всем протяжении большей части XIX столетия, как в Англии например, право голоса было ограничено, им обладали только те, кто владел собственностью, в то время как в США даже сегодня значительное число негров практически лишены избирательного права. Хотя в целом, с экономическим и социальным развитием последних сотен лет, универсальное избирательное право принято в основном в большей части западных стран.

Система, которая разрешает свободу и не ограничивает политическую активность и реальную свободу выборов, очень желанна, даже если имеет свои недостатки. Но это только один аспект демократии. Ее нельзя легко трансформировать к различным социальным системам, которые не имеют среднего класса, в которых небольшая степень грамотности или которые управляются меньшинством, не готовым поступиться своими привилегиями. Если нас действительно волнует роль личности в обществе, мы должны предвосхитить особую концепцию свободы выборов и многопартийной системы и взглянуть на проблемы демократии в нескольких измерениях. Я полагаю, что о демократическом характере системы можно судить, только рассматривая ее со всех аспектов, из которых следующие четыре являются наиболее важными:

1) политическая демократия в западном смысле: многопартийная система и свободные выборы (обеспеченные на самом деле, а не поддельные);

2) атмосфера личной свободы. Под этим я подразумеваю ситуацию, в которой личность может чувствовать свободу выразить свое мнение (включая Критические мнения по отношению к правительству), не опасаясь репрессий. Понятно, что степень личной свободы может быть различной. Могут быть, например, санкции, которые относятся к экономическому положению индивида, но при этом не угрожают его личной свободе. Существует различие между откровенным террором, который осуществлялся при Сталине, и политической атмосферой при Хрущеве, и несмотря на то, что она более предпочтительна в сравнении со сталинским террором, Хрущев не устанавливал атмосферу персональной свободы, даже в ограниченном смысле. Тем не менее в соответствии со всем сказанным Польша и Югославия, даже если они не демократические в смысле первых критериев, – общества, в которых личная свобода существует. Этот второй аспект демократии является очень важным, поскольку возможность жить, думать, говорить без страха быть репрессированным имеет фундаментальное значение для развития свободного человека, даже если ему не позволяют проявлять свою точку зрения в политических действиях;

3) совершенно отличным от других аспектом демократии является экономический аспект. Если захотеть оценить роль личности в какой-нибудь данной стране, невозможно сделать это без того, чтобы установить, в чью пользу работает данная экономическая система. Если система работает в основном для пользы небольшой правящей верхушки, тогда что толку в свободных выборах для большинства? Или по-другому: как могут быть подлинно свободными выборы в странах, в которых существует такая экономическая система? Демократия только открывает возможности для экономической системы, которая работает на подавляющее большинство населения. Здесь также, конечно, существует множество вариаций. Одной крайностью являются системы, где 90% или более населения не принимает участия в экономическом прогрессе своей страны (как в случае многих латиноамериканских стран); другая крайность – это системы, подобные США или Великобритании, где, несмотря на значительное неравенство, существует тенденция выравнивания экономической заинтересованности. Суть проблемы заключается в том, что демократический характер страны не может рассматриваться без принятия в расчет фундаментальной экономической ситуации;

4) очевидно существуют также и социальные критерии демократии, а именно роль индивида в его ситуации с работой и в конкретном воплощении его каждодневной жизни. К чему система приводит людей: к состоянию приспособившихся автоматов или к увеличению их индивидуальной активности и ответственности? Приводит ли система централизации или децентрализации власти к решительным действиям, таким, которые охраняют демократии от опасности диктаторов, кто, подавляя оппозиции, фактически подавляет все? И снова мы сталкиваемся с множеством вариаций, и особенно важно рассмотреть не только роль личности в данный момент, но и общие тенденции внутри системы: способствуют они или мешают развитию личности, ответственности и децентрализации.

Если перед нами действительно демократия, мы должны выяснить, какие возможности эта система предоставляет индивиду, чтобы стать свободным, независимым, ответственным участником жизни всего общества. Полное развитие демократии зависит от выполнения всех четырех требований, упомянутых выше: политическая свобода, свобода личности, экономическая демократия и социальная демократия. Судить о демократическом характере какой-либо страны можно только, если учесть все четыре критериями только после этого формировать общую оценку качества и степени демократии, которая лежит в основе этой системы. Наш сегодняшний метод оценки, обращающийся только к первому критерию, нереалистичен, он поможет только нанести поражение нашей пропаганде свободы и демократии во всем мире.

Если мы применим эти критерии к конкретным странам, то выяснится, например, что США (и Великобритания) удовлетворяют критериям политической свободы, свободы личности (в США не в полной мере после первой мировой войны и в период деятельности Маккарти) и экономической демократии. Но активная роль индивида теряет свою важность с усилением бюрократизации. С другой стороны, в Китае нет ни политической, ни персональной свободы, там не поощряется индивидуальная активность, но китайская экономика ведет к благосостоянию большей части населения. В Югославии нет многопартийной системы, но существует личная свобода, экономика, которая служит большинству, и это ведет к поощрению индивидуальной инициативы и ответственности.

Возвращаясь к «новому миру», отметим, что многие страны не имеют необходимых предварительных условий для полноценной демократии, которая удовлетворяла бы всем четырем критериям. Более того, система государственно управляемой экономики может сделать полную демократию невозможной в ряде стран на протяжении определенного времени. Но обеспеченные критерии 2, 3 и 4 присутствуют и развиваются, отсутствие же критерия 1 — свобода выборов и многопартийность системы — не является в этом случае камнем преткновения. Если общество разрешает личную свободу, воспитывает экономическую справедливость, поощряет выражение индивидуальной активности в экономической и социальной жизни, я думаю, такое общество можно назвать демократией с гораздо большим основанием, чем страны, в которых экономически доминирует меньшинство, но которые показывают фасад демократии. Если мы на самом деле имеем дело с индивидом, мы должны прекратить думать стереотипно: необходимо объективно оценивать каждую страну, включая и нашу, с точки зрения многомерности, концепции демократии.

Для полноценной демократии, насколько она возможна, необходимо несколько условий. Прежде всего, некоррумпированное правительство. Коррумпированное правительство морально разрушает гражданское общество сверху донизу, парализует инициативу и надежду и делает планирование и использование внешнеэкономической помощи более или менее невозможным.

Ко всему прочему, необходимо планирование, в первую очередь для наиболее оптимального использования экономических ресурсов. При этом необходимо иметь в виду, что планирование и честное правительство вызовут, наверное, мощный психологический подъем в стране, поскольку раскрытие человеческой энергии обусловлено надеждой. Надежда или ее отсутствие не являются преимущественно индивидуальным фактором; как правило, они формируются социальной ситуацией в стране. Если у людей есть основания верить, что они движутся в направлении лучшего будущего, они могут сдвинуть горы; если нет надежды, они будут бездеятельными и будут впустую растрачивать энергию.

Кроме наличия честного правительства, занимающегося планированием экономики, необходимы два других условия: техническое мастерство (технологии) и капитал. В этом заложена одна из великих возможностей для Запада (и для СССР), если они решили поддерживать демократическо-социалистический режим: они могут предоставить техническую помощь, длительный дешевый кредит и гранты для того, чтобы такие страны, как Индия, Индонезия и др. могли развивать индустрию при гораздо более благоприятных условиях, чем, например, существовали в Китае. Эта страна имела очень небольшую экономическую помощь по сравнению, например, с огромными вложениями капитала, который помог индустриализации царской России[246 - Ср. для более полного понимания проблемы: Rostow W. W. The Stages of Economic Crowth, Harvard University Press, Cambrige, Mass., 1960 and Kerr C, Dunlop J., Harbison F., Myers C. Industrialism and Industrial Man, Harvard University Press, Cambrige, Mass., 1960. Авторы анализируют различные формы индустриализации и элиту, которая ее проводит. Ср. также

статью Aubrey H. G. Sino-Soviet Economic activities in Less Developed Countries, Congr. Commity Papers, p. 45 ft., and Trager F. E. (ed.), Marxism in Southeast Asia, Stanford University Press, 1960.].

Я обсудил страны, такие как Индия, которые уже находятся на стадии подъема. Существует много других стран, как, например, Ирак, которые все еще далеко позади, на стадии экономических споров, и вновь образованные страны в Африке, которые все еще находятся на примитивной стадии развития. Методы экономического развития должны быть также различны, как и сами эти страны, но тем не менее планирование и государственная собственность в важнейших секторах экономики, честные правительства, иностранная помощь в достижении технического мастерства и капитала будут необходимы и для этих стран.

Одно из основных возражений против предложения поддержки демократических социалистических систем в развивающихся странах будет, вероятно, состоять в том, что такие системы будут склоняться к объединению в политический блок с Россией и Китаем, выступая против Запада. Эта точка зрения звучит правдоподобно только в том случае, если смешать русский и китайский коммунизм друг с другом и оба — с демократическим социализмом на том основании, что они все употребляют слова «марксизм» и «социализм». Но это грубейшая ошибка. Демократические социалисты во всем мире не только показали свою фундаментальную оппозицию русскому и китайскому коммунизму, не только большая часть из них отказалась от альянса с коммунистами-марксистами; но демократический социализм есть фактически большая проблема для российского и китайского коммунизма, чем какая-либо феодальная или капиталистическая система в развивающихся странах. Такие системы, очевидно, не долговечны, а жизнеспособная демократическая социалистическая система будет демонстрировать, что русско-китайские заявления о том, что только их системы являются альтернативой капитализму, являются неверными. Они будут действовать как дамба для политической экспансии русско-китайского блока, но они могут также служить мостом между этим блоком и американо-европейским блоком в столь многогранном мире.

Предположения, которые я здесь сделал, особенно согласуются с заявлением профессора Ростоу: «Можно достаточно уверенно утверждать, что центральной международной проблемой в будущем будет такая организация мирового сообщества, в которой США, Западная Европа, Япония и Россия объединятся с мощными индустриальными странами в Азии, Латинской Америке, на Среднем Востоке и в Африке (примерно в таком порядке); и что в пределах примерно 75 лет большая часть развивающихся регионов достигнет экономической зрелости»[247 - Rostow W. W., I.e. p. 413.]. Различие между нами может состоять, на мой взгляд, в том, что для многих развивающихся стран демократическо-социалистическая система будет необходима в том случае, если будет создана индустриальная мировая община.

Принятие такой политики требует, чтобы мы в США не просто преодолели глубоко укоренившиеся, все еще ошибочные клише и иррациональные аллергии по отношению к определенным словам, таким как «социализм», «государственная собственность в. промышленности» и т. п. Помимо этого необходимы важные изменения в отношениях с нашими европейскими союзниками и в нашей собственной политике в Латинской Америке.

Что касается нашей политики в отношении европейских партнеров, мы уже положили хорошее начало оппозицией Рузвельта желанию Черчилля выбрать такую мировую стратегию, которая помогала бы реализовывать интересы Британской империи. В после-Даллессовский период правления президент Эйзенхауэр начал признавать африканский нейтралитет как имеющий право на существование, а администрация Кеннеди пошла еще дальше в этом направлении. Мы приняли нейтралитет Лаоса, согласились с резолюцией ООН, которая требовала ухода Бельгии из Конго, присоединились к позиции ООН, которая оспаривает португальское диктаторское правление в Африке.

И еще, действительная опасность заключается в том, что мы не пойдем до конца по этому пути, а будем позволять своим западным партнерам подталкивать нас к компромиссам с последними остатками их колониальной политики в обмен на их объединение в западный альянс. Во-первых, мы поддержали британское давление в Египте и отказались от этой поддержки только тогда, когда англо-французская военная провокация на Суэцком канале привела нас на грань войны. Мы не проявили четкой позиции в поддержке независимости Алжира, и очевидно, что мы не настояли с достаточной силой на отказе Бельгии от своих владений в Конго. Мы сможем остановить дальнейшие

успехи России и особенно Китая в Азии и Африке, только если мы будем проводить ясную и недвусмысленную политику антиколониализма.

Совершенно другая ситуация в Латинской Америке. Здесь США вовлечены более непосредственно. США сделали огромные вклады во многие латиноамериканские страны, такие как Венесуэла, Аргентина, Гватемала, Куба. Две последние страны являются характерными примерами политики США. В Гватемале правительство Арбенса, которое не является «коммунистическим правительством», хотя коммунисты и имели в нем сильное влияние, было мало заинтересовано во внешней политике. Оно было гораздо больше заинтересовано во внутренней политике. Оно инициировало лейбористские законы, которые нанесли вред основной экономической силе в Гватемале — Объединенной фруктовой компании.

Компания начала обвинять правительство Арбенса в приверженности коммунистам и, таким образом, в угрозе безопасности Соединенных Штатов. «Полковник Колонел Карлос Кастильо Армас, изгнанный в Гондурас, организовал экспедицию (с чьей помощью — все еще остается тайной»[248 - По мнению многих наблюдателей, помощь не была такой уж «тайной», как утверждает автор.]) и вторгся в Гватемалу. Когда гватемальская армия потерпела поражение от Кастильо Армаса, Арбенс покорился, и несколькими днями позже Кастильо Армас стал фактически президентом республики. Он организовал «выборы» спустя год, на которых голосовали руками, и победил, получив большинство голосов — 99%.

«Режим Кастильо Армаса, несмотря на благие пожелания президента, был грубой диктатурой. Сотни, а может быть, тысячи крестьян и рабочих были убиты на волне мести работодателями и помещиками, которые испытывали притеснения в течение периода Аревала-Арбенса. Программа аграрной реформы, начатая при Арбенсе, была отменена, и фактически всякая оппозиция была запрещена»[249 - Porter C. O. and Alexander R. J. The Struggle for Democracy in Latin America, The Macmillian Co., New York, 1961, p. 70.].

Этот гватемальский пример открыл рискованный путь политики США. Используя доводы и рационалистические объяснения в борьбе с коммунистической угрозой, мы помогли разрушить легитимное правительство, что по большей части было обусловлено мерами, ослабляющими экономическое положение и власть великой американской корпорации — Объединенной фруктовой компании. Стоит ли удивляться, что многие латиноамериканцы верят, будто мы нашли новую формулу для старой «банановой политики»? На их взгляд, наши действия соответствуют образцу, который привел к оккупации Филиппин, Гаити, Кубы, Никарагуа и различным агрессивным действиям в отношении Мексики. Не имеют ли они причины верить, что огромные корпорации США предпочитают иметь дело с коррумпированными диктаторами, как те, кто стоял у власти на Кубе, в Венесуэле и Колумбии, а не с популярными и честными правительствами, и что долгое время официальная политика США подвергалась сильному влиянию этих корпораций?

В то время, когда писалась эта статья, Куба была нашей самой острой проблемой в Латинской Америке. Мы оккупировали Кубу три раза с тех пор, как ее покинули испанцы Мы принуждали ее допустить нас на морскую базу, которую мы все еще используем. Поправка Платта отмененная только при Франклине Рузвельте, сделала Кубу легально сателлитом. Но и без этого, денежные интересы США оставались одним из наиболее мощных политических влияний на Кубе. Когда народный протест сверг Батисту, и Кастро возник как обожаемый национальный герой, возникла недолгая неопределенность. Но Кастро трансформировал политическую революцию в социальную и экономическую. Он не только построил дома, школы и больницы, он национализировал большие сахаропроизводящие имения, нефтяную индустрию и банки и таким образом нанес ущерб сильным финансовым интересам тех, кто вложил капитал в Кубу.

«Из десяти больших сахарных компаний, доминировавших в очень важной для острова индустрии, семь были владениями Соединенных Штатов. Кубинское участием в сахарной квоте США действительно работало в основном на пользу этих больших производителей, в то время как кубинские сельские труженики жили на протяжении нескольких лет на грани голода. Многие кубинские предприятия общественного пользования, банки, нефтяные заводы и предприятия добывающий индустрии также находились в собственности граждан США. Любая социальная революция была бы, поэтому, неизбежно вредна этим интересам собственности»[250 - Warburg J. P. Disarmament: The Challenge of the Nineteen Sixties, Dou-bleday, New York, 1961, p. 85-86.].

Как результат, враждебность к правительству Кастро нарастала, достигая высшей степени в обвинениях в той, что он обеспечил проникновение русских в Латинскую Америку и коммунистическую базу для атак против США. На самом деле США после некоторых колебаний предприняли ряд враждебных действий против Кубы в экономической области: урезание сахарной квоты, эмбарго почти на все виды торговли и практическое эмбарго на туристический бизнес и, как кульминация, разрыв всех дипломатических связей с Кубой. В то же время усиленно враждебные, настроения наполнили официальные и неофициальные высказывания в отношении Кубы до тех пор, пока последние антикастровские восстания морально и, по всей видимости, практически поддерживаемые определенными группами в США, не организовали контрреволюцию[251 - Во время просмотра этого манускрипта произошло и потерпело поражение вторжение против кастровского режима. В то же время это не была прямая интервенция с использованием войск США, но оно было, по сообщениям «Нью-Йорк Тайме» и других источников, неофициально организовано, профинансировано и поддержано США.]. Все, что было сделано, объяснялось тем, что кастровский режим находился под властью России и что Куба практически является русским сателлитом, а потому США имеют право и обязанность защищать все Западное полушарие от этого русского вторжения.

Что же было в действительности? Революция Ф. Кастро была подлинной кубинской революцией, она не была поддержана или инспирирована Москвой, Пекином или кубинскими коммунистами, которые находились в союзе с Бати-стой на протяжении большей части его режима. Чем больше США продолжали угрожать и душить кубинскую экономику, тем больше они заставляли Кастро искать экономической помощи со стороны советского блока. Вследствие этой экономической зависимости от советского блока Кастро следовал просоветской линии в своей внешней политике, и кубинские коммунисты, прежде презираемые как нечестные оппортунисты, получили усиленное политической влияние. Заявления в отношении кастровского «коммунизма» были самоосуществившимися предсказаниями. Вследствие американских действий он все более и более вовлекался в коммунистический лагерь и, таким образом наоборот, все более и более оправдывал американскую политику.

Как дополнительное доказательство обвинений против Кастро американская пропаганда подчеркивала тот факт, что многие приверженцы Кастро сегодня выступили против него. Тем не менее очевидно, что почти 100% населения были с Кастро, потому что ненавидели Батисту. Но когда Кастро трансформировал политическую революцию в социальную (экономически и социально-психологически), естественно, что многие члены верхушки и среднего класса были обижены, экономически и социально, и встали в оппозицию Кастро. И уж совсем не удивительно, что они нашли оправдание своей оппозиции, утверждая, что Кастро стал орудием русских.

Что же такое коммунистическая политика на Кубе? Во-первых, не коммунисты начали революцию. Во-вторых, Хрущев был вынужден оказать помощь, если он хотел сохранить свою идеологическую роль защитника колониального мира, и, возможно, даже более важно, если он хотел противостоять сильной китайской конкуренции. Он даже декларировал, что он защитит Кубу с помощью ядерного возмездия, если Соединенные Штаты предпримут военную интервенцию. Явно, что Хрущев предполагал, что Соединенные Штаты не будут предпринимать интервенцию такого рода, но не более того. Как он объявил позже, это его заявление нужно было воспринимать как «символическое», что означало, что он от него отрекся.

Русские покупали кубинский сахар и давали кредиты, только при этом торгуясь и никоим образом не соглашаясь со всеми кубинскими условиями. Фактически, по всей видимости, Хрущев вынудил Кастро быть менее агрессивным. Когда Че Гевара вернулся после его визита в Москву в начале 1961 г., кубинское правительство заговорило о желании «новых начинаний» в кубино-американских связях и выступило с рядом «мирных» предложений, которые все были отвергнуты США.

Основная цель Хрущева заключалась в том, чтобы закончить «холодную войну» с США, и он считал, что это было бы невозможно, если бы он построил политическую, уж не говоря о военной, базу против США. Существовали обоснованные соображения, что Куба присоединится к нейтральному лагерю, если США не будут настаивать, чтобы она оставалась в сфере наших интересов, и упражняться в сильном экономическом давлении на нее.

Главный вопрос в том, каковы реальные мотивации политики США по отношению к

Кастро. Существует несколько возможностей:

1) что мы не допустим социалистической революции (что не афишируется) где-либо в Латинской Америке, так как такая революция угрожает американским финансовым интересам не только в странах, с которыми мы имеем дело, но и во всей Латинской Америке; 2) что мы не допустим существования режима, который не основывается на свободных выборах и ограничивает свободу прессы и слова; 3) что мы не будем терпимы к стране в Латинской Америке, которая последует в своей внешней политике – и в какой-либо степени идеологически – просоветской линии; 4) что мы не будем терпимы к существованию такого режима, который стал результатом русских военных завоеваний (как в Польше или Венгрии).

Особо необходимо сказать, что в нашей политике мы не преследуем цель предпринимать попытки свержения антидемократических режимов в Западном полушарии. Очевидно также, что в Европе мы действительно поддерживаем социалистические режимы, такие как в Польше и Югославии, обеспечивая им нейтральную позицию (как в Югославии) или даже в чем-то независимое положение (как в Польше). Отличается ли это от политики в Латинской Америке, в которую вовлечены важные финансовые интересы США? Хотя революция Ф. Кастро не была результатом организованного русскими удачного хода, и Куба ни в коей мере не русский сателлит, очевидно, что кубинское правительство до сих пор находится в политическом союзе с русским блоком и что кубинские коммунисты, по-видимому, имеют сильное влияние в кубинском правительстве. Поскольку такой прецедент имеет место, я, так же как и те, кто не желает распространения русского и китайского коммунизма, сожалею об этом. Но я верю, что только то, что трансформирует коммунистическое влияние на Кубе в непосредственную угрозу США и Западному полушарию, и есть объект политики США. Если бы мы приняли Кубу как нейтральное государство, которым она, вероятно, предпочтет быть, или даже как русского международного партнера, и если бы несмотря на это, мы помогли Кубе экономически, а не попытались бы задушить ее, Куба не стала бы угрозой кому-либо. Даже если бы революция кастровского типа случилась где-либо в латиноамериканской стране, она не стала бы угрозой существованию США. Но если мы настаиваем на том, что кто не с нами, тот против нас, и если мы будем оказывать помощь тем, кто желает вернуть потерянную собственность, мы на долгое время заработаем себе ненависть всех латиноамериканцев и особенно вновь нарождающегося поколения политических лидеров.

Предположение, что Россия нуждается в военной базе против США, которое было бы совершенно уместно даже еще 10 лет назад, но которое совершенно не реально сегодня, во время, когда советские ракеты могут достигнуть нас меньше чем за 30 минут, а с подводных лодок практически мгновенно[252 - В США очень мало известно о том, что существует огромное число антикоммунистов, демократических социалистов во многих странах Латинской Америки, являющихся ревностными сторонниками кастровской революции. Вновь избранный сенатор Паласиос (Palacios) из Буэнос-Айреса – прекрасный этому пример.].

Я полагаю, что мы должны посмотреть фактам в лицо. Даже в наиболее развитых странах Латинской Америки жизненные стандарты на душу населения меньше, чем 1/10 доля от таковых в Америке. Соответствующие темпы роста в этих странах сильно отстают от таковых в США, и разрыв между этими двумя мирами расширяется, а не сужается.

Существенные меры в планировании, государственном регулировании и т. п. необходимы во всей Латинской Америке. Если правительство США поддерживает эгоистичные интересы американских корпораций своей политикой в Латинской Америке, это может сохранить существующие системы в силе. Но мы будем убеждать широкие массы, особенно политически эффективное молодое поколение интеллектуалов среднего класса в том, что коммунисты правы в их обвинениях, что фундаментальные экономические изменения, которые ущемляют американский капитал, будут предупреждаться США. И тогда они осознают, что только антиамериканская коммунистическая революция может гарантировать необходимые экономические реформы.

В Латинской Америке мы проводим краткосрочную политику, которая в будущем приведет к катастрофе. Политика же, которая поставит долгосрочные интересы США над корпоративными интересами, позволит произвести мирную социально-экономическую эволюцию Латинской Америки с нашей помощью. Это означает отказ в политической поддержке больших корпораций, которые

обладают властью во многих странах Латинской Америки, что запрещено законом внутри самих США.

IV. Заключение

Ситуация, в которой находится человечество, чрезвычайно серьезная, Политика сдерживания не гарантирует мир, она, вероятно, разрушит его и определенно разрушит демократию, даже если обеспечит мир. Первый шаг в попытке избежать ядерную катастрофу и послужить демократии заключается в соглашении о всеобщем разоружении и одновременно в достижении временного соглашения (modus vivendi) с Советским Союзом, основанного на принятии существующих владений двух блоков.

Эти шаги, однако, только начало в борьбе с непосредственной угрозой ядерной войны. Они не решат мировых проблем на длительную перспективу. Центральный вопрос сегодня – это будущий выбор развивающихся государств, которые составляют большую часть человеческой расы. Они настаивают не только на получении политической независимости, но также и на быстром экономическом развитии. Они не хотят ждать две сотни лет, чтобы достигнуть экономического уровня Европы и Америки. Коммунисты показали, что с помощью силы и фанатизма возможно достигнуть успехов; их метод станет чрезвычайно привлекательным, если не будет продемонстрировано, что тех же результатов можно достичь без террора и без разрушения индивидуальности, через централизованное планирование и при экономической помощи индустриальных держав. Такая политика требует принятие нейтралитета и Востоком, и Западом и усиления роли ООН как наднациональной организации с возложением на нее ответственности за разоружение и экономическую помощь.

Следование политике, предложенной здесь, требует таких кардинальных изменений в американской позиции, что никто не сможет избежать серьезных сомнений в том, что такая политика возможна. На деле такое предположение, по-видимому, показалось бы невозможным, если бы не растущая уверенность в том, что только это может быть альтернативой войне.

Во-первых, такая политика требовала бы, чтобы президент и конгресс подчинили особые интересы армии и больших корпораций (особенно таких, у которых серьезные инвестиции за границей) главной цели политики США – миру и выживанию как демократической нации.

Более того, эта политика требует материальной и духовной переориентации на Западе, влекущей за собой замещение проективно-параноидальной позиции в отношении коммунизма на объективную и реалистическую оценку этого факта. Такой реализм является единственно возможным, если мы бросим критический взгляд на самих себя и поймем различие, которое существует между нашими декларируемыми идеалами и нашими действиями. Мы претендуем на то, чтобы наша сегодняшняя система характеризовалась высокой степенью индивидуализма, религиозного и светского гуманизма. В действительности же мы являемся управляемым, индустриальным обществом с минимальной долей индивидуализма. Нам нравится производить больше и потреблять больше, но мы не имеем цели – ни как индивиды, ни как нация. Мы развиваемся в безликих людей организации, отчужденных от самих себя и теряющих подлинные чувства и убеждения. Этот вопиющий факт заставляет особенно подчеркивать отсутствие свободы и индивидуализма в России для того, чтобы мы могли тогда протестовать против особенностей советского общества, которых в действительности мы достигаем в нашем собственном.

Русские сегодня находятся в некоторых отношениях там, где американцы были сто лет назад, они строят общество, полное надежд и энтузиазма идти вперед и выполнить то, что они решили сделать. В то время как в США, хотя и нет неизбежных нищеты и страданий, мы только начинаем осознавать этот пробел в нашей системе, большую часть которого мы только начали заполнять. У нас все еще нет видения чего-то нового, нет целей которые вдохновляли бы нас. Если это будет продолжаться, мы и Запад не выживем. Мы потеряем энергию и жизнеспособность, которые необходимы любой нации или группе наций для того, чтобы жить и выживать в мире, свидетельствующем о пробуждении наций, которые находились в бездействии сотни лет. Наше оружие не сохранит нас – в лучшем случае оно уничтожит наших врагов в течении 30 минут после того, как мы погибнем.

То, что может сохранить нас, и то, что может помочь человечеству, – это ренессанс духа гуманизма, индивидуализма и антиколониальные традиции Америки. Нашей нерешительной и часто двусмысленной политикой в отношении развивающихся народов мы помогли коммунистам достичь одного из их наиболее значительных успехов: стать лидерами в историческом движении «новый мир» и поставить на нас штамп, как на силах «реакции», пытающихся остановить исторический прогресс. Мы должны если не превосходить, то по крайней мере, сравняться с коммунистами, находясь полностью и безоговорочно на волне истории, а не быть равнодушными и нерешительными. Как уже говорилось, сегодняшняя борьба есть борьба за умы людей. Эту борьбу не выиграть на пустых лозунгах и уловках, в которые не верит никто, кроме их сочинителей. Выиграть можно, только если иметь идеи, которые предлагают что-то, что основывается на реалиях жизни нации.

Запад уже стар, но ни в коем случае не истощен. Он показал свою жизнеспособность достижениями в научной мысли, которые не имеют аналогов в истории. Мы страдаем не столько от истощения, сколько от отсутствия целей и от «двоемыслия», которое парализует нас. Если мы ответим сами себе, где мы находимся и куда мы идем, мы будем иметь шанс сформулировать новые цели – социальные, экономические, политические и духовные.

Советская система требует от нас развивать систему, которая удовлетворяла бы нужды человека лучше, чем это делает коммунизм. Но в то время как мы очень много говорим о свободе и превосходстве нашей системы, мы избегаем советского вызова и предпочитаем описывать коммунизм как международный заговор извне в целях завоевания мира силой и разрушением. Русские надеются увидеть победу коммунизма как результат их превосходства. Испуганы ли мы тем, что мы не можем выдержать в этом соревновании, и является ли это оправданием того, почему мы предпочитаем определять эту борьбу как военную, а не как социально-экономическую? Готовы ли мы сделать необходимые изменения внутри нашего собственного общества, и сможем ли мы сделать по тем же самым соображениям заявление, что не нужны никакие особые изменения? Боимся ли мы обуздать политическое влияние наших корпоративных инвесторов в Латинской Америке? Концентрируясь на военной угрозе против нас и, как следствие, на военном соревновании, мы пропустим единственный шанс для победы: продемонстрировать, что возможно иметь в своем доме – и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке – экономический прогресс и – одновременно – индивидуальность, экономическое и социальное планирование и – одновременно – демократию. Только это является ответом на коммунистический вызов, а не ядерное сдерживание.

Наши сегодняшние суждения – это симптомы глубоко укоренившегося, хотя и подсознательного пораженчества, недостатка веры в те большие ценности, которые мы провозглашаем. Мы только прикрываем это пораженчество концентрацией на зле коммунизма и нагнетанием ненависти. Если мы будем продолжать нашу политику сдерживания и наш нечестивый альянс с диктаторскими государствами во имя свободы, мы потеряем те ценности, которые пытаемся защитить. Мы потеряем нашу свободу и, вероятно, также наши жизни.

Главная сегодняшняя проблема – это сохранение мира. Но для того, чтобы сохранить его, необходимо сделать определенные изменения, а для того чтобы сделать необходимые изменения, исторические тенденции должны быть поняты и предвидены.

Все люди доброй воли или, более, все люди, любящие жизнь, должны создать единый фронт для выживания, для продолжения жизни и цивилизации. При всем научном и техническом прогрессом, достигнутом человеком к настоящему времени, он ограничен в решении этой проблемы голодом и бедностью, но он может найти решение разными способами. Существует только одна вещь, которую он не может себе позволить: это подготовка к войне, которая на этот раз приведет к катастрофе. Все еще существует время для предвидения будущего исторического развития и изменения нашего курса. Но если мы вскоре не начнем действовать, мы потеряем инициативу. Условия жизни, институты и оружие, которые мы создали, решат тогда нашу судьбу за нас.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/

Приятного чтения!

notes

Примечания

1

См. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1989, с. 122.

2

Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989, с. 123.

3

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989, с. 196.

4

Лосев Алексей. Родина // Лит. газета, 24 января 1990 г.

5

Э. Фромм называет дату ошибочно. Книга К. Гэлбрейта «Общество изобилия» была написана в 1968 г. — Прим. пер.

6

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 150-151.

7

Гинекократия (от греч. gyne — женщина и kratos — власть). — Прим, пер.

8

Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. между габсбургским блоком (католицизм) и антигабсбургской коалицией (протестантизм). Окончилась Вестфальским миром 1648 г. — Прим. пер.

9

Эта тема великолепно проработана в кн.: Heilbroner R. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1960.

10

Беккер Карл Генрих (1876-1933) — немецкий историк ислама. — Прим. пер.

11

Тито (Броз Тито) Иосип (1892–1980) – президент Югославии с 1953 г. Насер Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта с 1956 г. Неру Джавахарлал (1889–1964) – премьер-министр Индии с 1947 г. – Прим. пер.

12

См.: мое подробное исследование этой проблемы в книге: The Sane Society. Rinehart & Co. Inc., New York, 1995.

13

«Черная смерть» – эпидемия чумы в Европе в 1347–1353 гг. Погибло около 24 млн. человек. – Прим. пер.

14

Контрреформация – церковно-политическое движение в Европе в середине XVI–XVII вв., направленное против Реформации. – Прим. пер.

15

Нарицательное название немцев. – Прим. пер.

16

Трухильо Рафаэль Леонидас (1891–1961) – диктатор Доминиканской Республики. – Прим. пер.

17

Батиста-и-Сальдивар Рубен Фульхенсио (1901–1973) – диктатор Кубы. – Прим. пер.

18

Франко Баамонде Франсиско (1892–1975) – глава испанского государства в 1939–1975 гг.; диктатор Испании. – Прим. пер.

19

Оруэлл Джордж (настоящее имя Эрик Блэр) (1903–1950) английский писатель и публицист. – Прим. пер.

20

Последнее издание The New American Library, 1961, с послесловием Э. Фромма.

21

Чан Кайши (1887–1975) – глава (с 1927 г.) правительства, свергнутого в 1949 г. революцией в Китае; с остатками войск бежал на о. Тайвань, где закрепился при поддержке США. – Прим. пер.

22

Салазар Антониу ди Оливейра (1889–1970) – глава правительства Португалии (1932–1968); установил фашистский режим, став фактически диктатором страны. – Прим. пер.

23

Аденауэр Конрад (1876–1967) – федеральный канцлер ФРГ (1949–1963). – Прим. пер.

24

Тайвань. – Прим. пер.

25

За подтверждающими доказательствами этих утверждений я отсылаю читателя к последней книге Lederer W. J. A Nation of Sheep, Norton W. W. Inc., New York, 1961, в которой подробно обсуждаются «Лаосский обман» («The Laos Fraud»), «Что нам не говорят о Формозе» («What we aren't told about Formosa»), «Что нам не говорят о Корее» («What we aren't told about Korea») и роль «дезинформации», «гласности» и «секретности» в американском управлении.

26

Кажется, например, что восхищение, с которым последняя книга Германа Кана «О термоядерной войне» (Herman Khan. On Thermonuclear War. Princeton University Press, Princeton, 1960) принималась во многих домах, вызвано в первую очередь благодаря этому механизму. Любой, кто может, не поморщившись, представить «финансовую смету» на 5-160 млн. смертей в период ядерной войны, кто может убедить нас в том, что 60 млн. убитых не нанесут серьезного ущерба удовольствию, получаемому от жизни теми, кто выживет, должен быть решительным, сильным и «реалистичным». Но не все видят, насколько неубедительны и нереалистичны многие из его мыслей и «доказательств».

27

Ваал (Баал) – древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны. Астарта (Аштрат) – в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви. – Прим. пер.

28

Великая французская революция 1789–1794 гг. – Прим. пер.

29

Июльская революция 1830 г. во Франции. — Прим. пер.

30

Э. Фромм, по-видимому, имеет в виду революцию 1848 г. во Франции, так как буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Австрии, буржуазная революция 1848–1849 гг. в Венгрии, буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Германии и буржуазная революция 1848–1849 гг. в Италии в итоге потерпели поражение. — Прим. пер.

31

Engels F. Introduction (1895) to K. Marx. The Class Struggles in France 1848 to 1850; K. Marx and F. Engels. Selected Works. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1955. Vol. I, p. 125.

32

Эти факты создали базу для развития «ревизионистского» крыла в социалистическом движении, основным теоретическим представителем которого был Э. Бернштейн, в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

33

Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1951. Vol. II, p. 270.

34

Quoted by Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1951. Vol. II, p. 107. Работа Карра великолепно документирована и объективно анализирует с исторической точки зрения все развитие революции в России с 1917 по 1923 г. См. более подробно о ранней истории русско-американских отношений после революции в книге Kennan G. Russia Leaves the War, and The Decision to Intervene. Princeton University Press, Princeton, 1956 and 1958, вышедшей в двух частях; и о периоде до 1941 г. книгу того же автора Soviet Foreign Policy 1917–1941. E). van Nostrand Co. Inc., Princeton, 1960. О более поздних периодах коммунизма в России, см.: David J. Dallin. Soviet Foreign Policy After Stalin. J. B. Lippincott Co., Philadelphia, 1961; W. W. Rostow. The Dynamics of Soviet Society. A Mentor Book, 1952; Alvin Z. Rubenstein. The Foreign Policy of the Soviet Union. Random House, New York, 1960; Robert V. Daniels. The Conscience of the Revolution. Harvard University Press, Cambridge, 1960; Louis Fischer. The Soviets in World Affairs. Vintage Books, New York, 1951 и 1960 и того же автора Russia, America and the World. Harper & Bros., New York, 1960; Isaak Deutscher. Stalin. Vintage Books, New York, 1960 и первые две части биографии Троцкого того же автора; The Prophet Armed и The Prophet Unarmed, Oxford University Press, London, 1959; L. Trotsky's Stalin. Harper & Bros., 1946; Zbignev K. Brzezinski. The Soviet Bloc. Harvard University Press, Cambridge, 1960; David Granick. The Red Executive. Doubleday, New York, 1960; H. L. Boorman, A. Eckstein, Ph. Mosely, B. Schwartz. Moscow-Peking Axis. Harper & Bros., 1957; Herbert Marcuse. Soviet Marxism. Columbia University Press, New York, 1958; Edward Kardely. Socialism and War. Beograd, I960. Кроме того, очень информативные статьи собраны в The Papers submitted by Panelist appearing before the Joint Economic Committee, Congress of the U. S. U. S. Government Printing Office, Washington 1959 (далее ссылки как на Congr. Committee Papers) и различные статьи в Foreign Affairs, Problems of Communism и Soviet Quarterly.

35

В результате буржуазно-демократической революции в октябре 1918 г. Венгрия стала независимым государством (16 ноября провозглашена республика). 21 марта 1919 г. Венгрия была провозглашена советской республикой. — Прим. пер.

36

Э. Фромм имеет в виду образование Баварской Советской Республики (основана 13.4.1919). — Прим. пер.

37

Cf.: E. H. Carr. Vol. III, p. 165 ft.

38

Варшавское сражение (13–25. 8. 1920). В результате этого сражения Красная Армия была отброшена от Варшавы. — Прим. пер.

39

Кронштадтский мятеж (26 февраля — 18 марта 1921 г.). — Прим. пер.

40

Несмотря на то что и Ленин, и Троцкий также верили в то, что после краха революции в Германии надежда России в стремительной индустриализации, их социалистическое видение оставалось искренним, и, следовательно, они никогда бы не назвали эволюционирующую систему «социализмом». В апреле 1917 г. Ленин заявил со всей ясностью, что введение социализма не является задачей текущего момента, которая заключается просто в переходе контроля над производством и распределением к Советам рабочих депутатов.

41

То, как он трансформировал коммунистическое движение в инструмент внешней политики России, будет описано позднее.

42

Nutter W. S. The Structure and Growth of Soviet Industry. A Comparison with the United States. Congr. Committee Papers, p. 118.

43

См.: статьи Nutter W., I.e.; кроме того, Bornstein M. National Income and Product. A Comparison of Soviet and United States National Product, Congr. Committee Papers; Rostow W. W., Summary and Policy Implication, Congr. Committee Papers и Moorstein R. H., A Index of Soviet Industrial Output, The American Economic Review, June, 1960, p. 295–318.

44

Bornstein M. I.e. p. 391.

45

Campbell R. W. Soviet Economic Power. Houghton Mifflin Co., Boston, 1960, p. 51.

46

Наттер Гилберт Уоррен (р. 1923) — американский экономист. Основные труды по концентрации производства в США. — Прим. пер.

47

Я не увидел, чтобы фактор предполагаемых денежных инвестиций в царскую экономику принимался в расчет в этом сравнении. Россия, как и впоследствии Китай, должна была финансировать свою экономику практически полностью из своих собственных сбережений.

48

Nutter W., I.e. p. 100. В статье Каплан-Моорштейна (Kaplan-Moorstein) сравниваются коэффициенты роста по оценкам различных американских экономистов.

49

Nutter W., I.e. p. 119.

50

Turgeon L. Levels of Living, Wages and Prices in the Soviet Union and United States Economies. Congr. Committee Papers, p. 319 ff.

51

I.e. p. 335.

52

В Соединенных Штатах 1% семей владеет 4/5 всех промышленных акций, которыми могут владеть частные лица (Quoted from Robert L. Heil-broner. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1959, p. 125.).

53

Cf.: Granick D. The Red Executive, I.e., книга, из которой заимствовано большое количество последующих данных.

54

Cf.: Granick D., I.e. pp. 41–42.

55

Cf.: Granick D., I.e. p. 54.

56

Cf.: Granick D., I.e. p. 56.

57

Cf.: Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making. Cong. Committee Papers, p. 352.

58

I.e. p. 350.

59

Управленческом. — Прим. пер.

60

Cf.: Berie A. A. Means Jr. and C The Modem Corporation and Private Property. The Macmillan Company, New York, 1948 and Schumpeter J. A., Capitalism, Socialism and Democracy. 3rd ed., Harper & Bros., New York, 1958.

61

В 1936 г. 98% всех директоров тяжелой промышленности были членами партии (Quoted from Granick I.e. p. 309).

62

Quoted by I. Deutscher. Stalin, I.e., p. 339.

63

i. e. p. 339.

64

Eason W. W. The Labor Force. Cong. Committee Papers, p. 75.

65

Цифры взяты из статьи: Herman Z. The Labor Force: Who does What? Saturday Rewiew, January 21, 1961, p. 34 ff.

66

Eason W. W. I.e. p. 92.

67

«Компанейские профсоюзы» организовывались предпринимателем для борьбы с независимыми профсоюзами. — Прим. пер.

68

Marcuse H. I.e. p. 232. См. его великолепную главу об этике, pp. 195–167.

69

Quoted from Goldhagen E. The Glorious Future. Realities and Chimeras. Problems of Communism, November-December 1960, pp. 10–18.

70

Kharchew A. Kommunist, Nov. 7, 1960, p. 63, quoted from Goldhagen E. I.e. p. 17.

71

Komsomolskaya Pravda, August 5, 1960, p. 3, quoted from E. Goldhagen, I.e. p. 17.

72

Prudenski G. Kommunist, Nov. 16, I960, quoted from E Goldhagen, I.e. p. 18.

73

Ошибка Э. Фромма. Президента Индонезии звали не Сукарно (Sukarno), а Сухарто (Suharto). — Прим. пер.

74

Сухарто. — Прим. пер.

75

Сухарто. — Прим. пер.

76

The New York Times, March 2, 1960, quoted from Goldhagen, I.e. p. 10.

77

Маркузе Герберт – немецко-американский философ и социолог. – Прим. пер.

78

Marcuse H. I.e. p. 239. См. также: анализ общественных функций кальвинистской этики в книге: Fromm E. Escape from Freedom. Rinehart & Co., New York, 1941.

79

Резолюция была принята на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, quoted from H. Marcuse, I.e. p. 183.

80

Период британской истории, названный по имени королевы Виктории (1837–1901). – Прим. пер.

81

Stalin J. Problems of Leninism. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1947, p. 548.

82

Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К. и Энгельс Ф Соч., т. 19.

83

Heilbroner R. L. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1959, p. 113–114.

84

Я уже отмечал это заблуждение в статье «Uber Aufgabe und Methode einer analytischen Sozialpsychologie» Ztschr. fur Sozialforschung, C. L. Hirschfeld, Leipzig, Vol. I, 1932. То же самое сделал И. Шумпетер в своей кн.: Capitalism, Socialism and Democracy. Harper & Bros., New York, 1947.

85

Marx K. and Engels F. Die Heilige Familie, N 9. 1845 (перевод мой. – Э, Ф.).

86

Marx K., Engels F. The German Ideology. International Publ. Inc., New York, 1939, p. 7.

87

В концепции «социального характера» я попытался проанализировать связь между социоэкономической структурой общества и превалирующими эмоциональными и интеллектуальными отношениями (см.: Escape from Freedom, Rinehart & Co. Inc., New York, 1941, и мою еше более раннюю статью «Uber Aufgabe und Methode einer analytischen Sozialpsychologie»).

88

Marx K. Capital. Charles H. Кегг, Chicago, 1906, Vol. I, p. 536.

89

German Ideology, I.e. p. 23. Вряд ли может быть более яркий пример этой власти вещей над людьми, чем ядерное оружие, которое человек создал и которое сейчас, кажется, управляет им.

90

Fromm E. Mane's Concept of Man., с переводом из книги Маркса «Экономическо-философские рукописи», выполненным в 1844 г. Т. Б. Боттомором (T. B. Bottomore). Frederick Unger Publishing Co., 1961, p. 138.

91

I.e. p. 131–132.

92

Protestantische Vision Ring Verlag. Stuttgart, 1952, p. 6. (перевод мой. — Э. Ф.)

93

I.e. p. 168.

94

Маркс ссылается здесь на определенных эксцентричных коммунистических мыслителей, которые заявляют, что коммунизм означает коммуну, члены которой владеют всем совместно.

95

I.e. p. 125. // Здесь следует добавить, что русские писатели от марксизма

заявляют, что некоторые идеи, содержавшиеся в этих ранних произведениях, были позже отбракованы самим Марксом. В то время как он кое-где изменил свою терминологию, не подлежит сомнению, что основные гуманистические идеи молодого Маркса лежали в основе его мышления на протяжении всей жизни, до последних страниц «Капитала». Детальное обсуждение целостности мышления Маркса можно найти в книге «Концепция человека» у К. Маркса. См. Фромм Э. Душа человека. М., 1998. – Прим. пер.

96

Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. Harper & Bros., New York, 1959, p. 3.

97

Комиссия по атомной энергии (КАЭ) образованна в 1946 г. Ведала разработкой ядерного оружия, производством расщепляющихся материалов и др. (более 20 научно-исследовательских лабораторий). В 1975 г. преобразована в Управление энергетических исследований и разработок. – Прим. пер.

98

«Старомодный» капиталист Дж. Пол Гетти недавно написал по этому поводу следующее: «По моим расчетам, мания подчинения может причинить Свободному Миру вреда больше, чем дюжина Никит Хрущевых» (Money and Conformity, Playboy, February, 1960, p. 135).

99

Cf.: W. W. Eason's paper. Congr. Committee Papers, I.e. p. 93 and Industrialism and Industrial Man. By C. Кегг, J. T. Dunlop, F. Harbison and C. A. Myers. Harvard Univeisity Press, Cambridge, 1960.

100

Javits B. A. A Comparison of Incentives in the Economic System of the United States and Soviet Russia, Congr. Committee papers p. 343.

101

Javits B. A. I.e. p. 343; Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making: A Comparison between the United States and the Soviet Union, Congr. Committee Papers, p. 356, Javits B. Factory and Manager an the USSR. Harvard University Press, Cambridge, 1957.

102

Berliner J. S. Managerial Incentives and Decision Making: A Comparison Between the United States and the Soviet Union, Congr. Committee Papers, p. 356, cf: у того же автора Factory and Manager an the USSR, Harvard University Press, Cambridge, 1957.

103

I.e. p. 355.

104

Javits B. A. I.e. p. 346.

105

Cf.: Kissinger H. A. The Necessity of Choice. Harper & Bros., New York, 1960, p. 149.

106

Cf.: Carr E. H. Vol. Ill, p. 161.

107

Carr, i.e. pp. 395–396.

108

Рапалльский договор 1922 г., (советско-германский, подписан 16.4) о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий и торгово-экономических связях. — Прим. пер.

109

Капповский путч 1920 г. — попытка переворота в Германии, предпринятая монархистами и милитаристами во главе с крупным помещиком В. Каппом. — Прим. пер.

110

«Роте Фане» («Die Rote Fahne») — немецкая газета, с 31.12.1918 — орган Коммунистической партии Германии. — Прим. пер.

111

Carr E. H., I.e. Vol. Ill, p. 415.

112

I.e. p. 415.

113

Лозаннская мирная конференция (20.11.1922 — 24.7.1923) по вопросам Ближнего Востока после победы Турции в войне (1919–1922) против англо-греческих сил. — Прим. пер.

114

Protokoll des IV [Congresses der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1923, p. 33; цитата Carr E. H., I.e. Vol. HI, p. 444.

115

Kennan G. F. Soviet Foreign Policy, 1917–1941, I.e. p. 49.

116

Цит. по Deutscher I., I.e. p. 392.

117

Ломинадзе В. В. (1897–1935) — советский партийный деятель, — Прим. пер.

118

Миколайчик Станислав (1901–1966) — премьер-министр польского эмигрантского правительства в 1943–1944 гг. С 1945 г. член Временного правительства Польши. — Прим. пер.

119

Цит. по Deutscher I., I.e. p. 537.

120

Цит. по Deutscher I., I.e. p. 411.

121

Cf.: George F. Kennan, I.e. p. 63.

122

1. c. p. 77.

123

Кеннан Джордж Фрост (р. 1904) — американский дипломат, публицист. В марте-октябре 1952 г. — посол в Москве. — Прим. пер.

124

1. c. p. 79.

125

Cf.: Kennan G. F. I.e. p. 86.

126

George F. Kennan, I.e. p. 80, Gustav Hilger и Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies. The Macmillan Co., New Yoric, 1953, p. 225.

127

Capitalist Stabilization has Ended, Thesis and Resolutions of the Twelfth Plenum of the Ex. Comm. of the Comintern. Workers Library Publ., New York, 1932, p. 7; цитата H. Marcuse, I.e. p. 54. См.: анализ Маркузе курса 1927 года. «Таким образом, – суммирует он, – даже самая „левая“ коммунистическая программа не противоречит нашему предположению, что стратегия Сталина включала эффективное сдерживание революционного потенциала в западном мире после краха революций в Центральной Европе».

128

Лига Наций (1919–1946) – международная организация. СССР вошел в состав Лиги Наций в 1934 г. (исключен в декабре 1939 г. из-за советско-финской войны 1939–1940 гг.). – Прим. пер.

129

Рейнская демилитаризованная зона, установленная Версальским договором 1919 г., – полоса территорий по берегам Рейна, на которой запрещалось размещать германские войска и возводить военные укрепления. – Прим. пер.

130

Kennan G. R, 1. c. p. 86.

131

I. c. p. 87.

132

1. c. p. 89.

133

Isaak Deutscher's Stalin. Vintage Books, New York, 1960.

134

Deutscher, I. c. p. 518.

135

Kennan G. F, 1. c. p. 54.

136

Варга Евгений Самойлович (1879–1964) – советский экономист, академик АН СССР. – Прим. пер.

137

Опубликовано в «The New York Times», December 7, 1960.

138

Политический подход Хрущева был очень сжато описан Уолтером Липманом в сообщении по поводу его интервью с Хрущевым в апреле 1961 г.: «Мышление Хрущева значительно более походит на мышление Ришелье и Меттерниха, чем на образ мыслей Вудро Вильсона».

139

Единственное государство-сателлит, появление которого было результатом подлинно коммунистической национальной революции, а не русской оккупации, – Югославия – заявило о своей полной независимости от России в 1948 г.

140

Бжезинский (Brzezinski) Збигнев (р. 1928) – американский социолог и государственный деятель. – Прим. пер.

141

Эта позиция отказа сотрудничать с Советским Союзом была занята польским правительством незадолго до того, как Польша была захвачена Германией.

142

Страны, участвовавшие во второй мировой войне на стороне Германии и Италии. – Прим. пер.

143

См. о подозрениях Сталина насчет западного альянса, направленного против него, Kennan G. I.e. p. 172.

144

Brzezinski Z. K. The Soviet Bloc. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1960, p. 4–6. Третий пункт Бжезинского усилен данными, которые предоставили Herbert Feis. (Churchill – Roosevelt – Stalin, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1957) и William Appelman Williams {The Tragedy of American Diplomacy. World Publishing Company, Cleveland, 1959), которые отмечают американское нежелание помогать России в

послевоенном восстановлении.

145

Cf.: Fischer L. Russia. America and the World, I.e. p. 57.

146

То же самое верно применительно к присоединению Балтийских государств, частей Польши и территорий, завоеванных в Финляндии в 1940 г. Но во всех этих случаях Сталин действовал из стратегических соображений, и эти завоевания бывших царских территорий, будучи типичными империалистическими действиями, не являлись первыми шагами к мировому господству.

147

См.: следующее описание ситуации в Лаосе, которое радикально отличается от стереотипа, существующего в большинстве наших заявлений, сделанное корреспондентом «Ньюсуик», много лет проработавшим в Юго-Восточной Азии, Робертом С. Элегантом (Robert S. Elegant) (Newsweek, May 15, 1961): «Первый существенный факт, проигнорированный теми, кто вершит нашу политику, заключался в том, что окруженный сушей Лаос — жизненно важен для безопасности Китая. Любая попытка превратить Лаос в антикоммунистический бастион была изначально обречена на провал. Хотя Соединенные Штаты добивались этого наименее подходящими средствами. Наши союзники, традиционно правящий класс, были мало заинтересованы в реформе. Политические методы, которые они использовали — наполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями и запугивание нейтральных избирателей, достигли успеха только в том, что подтолкнули умеренных в сторону левых».

148

Название провинции Шаба до 1972 г. — Прим. пер.

149

Более детальное обсуждение ситуации на Кубе последует позже.

150

Когда эта рукопись корректировалась (конец апреля 1961 г.), Хрущев, несмотря на поддерживаемое американцами вторжение, не повторил свою прежнюю угрозу, но заявил только, что поможет Кубе защититься, а это уже совсем другое дело.

151

Гевара Эрнесто (Че) (1928–1967) — латиноамериканский революционер. — Прим. пер.

152

Это слово впервые было употреблено французским философом Де-стюттом Антуаном де Траси (1754–1836).

153

Для детального рассмотрения того, какие чаяния присущи природе человека, см.: Fromm E. The Sane Society. Rhinehart & Co. Inc., New York, 1955 and Man/or Himself. Rhinehart & Co., Inc. New York, 1947.

154

См. блестящую работу С. А. Стауффера о гражданской свободе. Он считает, что, если рассматривать нацию в целом, подавляющее большинство верит в Бога, но очень немногие действительно всерьез относятся к религиозным, духовным проблемам, остальных больше заботят деньги, здоровье и образование (Communism, Confomity, Civil Liberties, Doubleday & Co. Inc., Garden City New York, 1960 cf. 1. c. p. 58).

155

Finletter Th. P. Foreign Policy. The Next Place. Frederick Praeger. New York, 1960. p. 65. cf. I.e. p. 58.

156

The New York Times Magazine. April 23, 1961.

157

В очень важной книге о внешней политике У. Ростоу «Соединенные Штаты на мировой арене» (Rostow W. W. The United States in the World Arena. Harper & Bros., New York, 1960) автор приходит к заключениям, которые в некоторых аспектах параллельны моим; Ростоу пишет: «При анализе… взаимосвязей между нынешним поворотом в советской внутренней и внешней политике в свете постоянных сил, действующих в ней, критерием оценки должно служить не то, что „коммунизм“ как термин будет отброшен, и не то, что возникнет парламентская двухпартийная система, а то, будет ли значительно изменена политика внешней экспансии немыслимого подавления потребления и централизованного государственного управления» (с. 418). При этом особое внимание автор уделяет реальности социального и экономического развития, а не идеологии. Видимо, автор считает, что внешняя экспансия, политика полицейского государства и подавление потребления — существенные элементы коммунизма, которые трудно изменить, а я думаю, что эти элементы были характерны для сталинского, а не хрущевского периода.

158

Наиболее полно это выражено А. Д. Барнеттом в его книге «Коммунистический Китай и Азия» (Communism China and Asia. Harper & Bros., New York, 1960). Кроме книги Барнета в этой главе используются также следующие работы: Schwartz B. E. Chiunese Communism and the Rise of Mao. Harvard University Press, Cambridge, 1952; Fairbank J. K. The United States and China. Harvard University Press, new ed., Cambridge, 1958; Wint G. Common Sense about China. The Macmillan Co., New York, 1960 и многочисленные статьи из «Foreign Affairs» и «The China Quarterly»).

159

Cf.: Chen J. Writers and Artists Confer. The China Quarterly. October-December, 1960, p. 76 ff; Schwartz B. Totalitarian Consolidation

and the Chinese Model. The China Quarterly, January-March, 1960, p. 18 ff.

160

Очень хорошее описание этого процесса можно найти в работе Lifton R. J. Thought Reform and The Psychology of Totalism. W. W. Norton, New York, 1961.

161

См. расширенную дискуссию по вопросу маоистской линии между Б. Шварцем и К. Витфогелем в «The China Quarterly».

162

Эти цифры взяты из книги Дж. К. Фэрбенка. Соединенные Штаты и Китай, с. 17.

163

Там же, с. 19.

164

Fairbank, I.e. p. 26.

165

Cho-Ming Li. Economic Development. The First Decade. Part II. The China Quorterly. January-March, 1960.

166

Cho-Ming Li, I.e. p. 36; HoIIister W. W. China's Gross National Product and a Social Account 1950–1957. The Free Press, Glencoe, III, 1958, p. 2.

167

Malenbaum W. India and China. Contrasts in Development Performance. American Economic Review, vol. 49, June, 1959, p. 284–309; Barnett A. D. 1. c. p. 45.

168

Cm: Cho-Ming Li, I.e. p. 37 также и для следующих цифр по Японии.

169

См. табл. VI – 1 в: Cohen J. B. Japan's Postwar Economy. Indiana University Press, Bloomington, 1958, цитируемую Барнеттом 1. с. p. 45.

170

Harriett A. D., 1. c. p. 45.

171

Китай, кроме своей регулярной армии, расширяет милицию, численность которой может вырасти до 120 млн. мужчин и женщин, имеющих базовую военную подготовку. (См.: Powell R. L. Everyone a Soldier. Foreign Affairs, Oct., 1960).

172

См.: Hudson G. Mao, Marx and Moscow. Foreign Affairs, July, 1959 («аналогия не с хрущевской Россией, а с Россией конца 20-х годов»), p. 565.

173

См. детальное описание в: Carr E. H. The Bolshevic Revolution 1917–1923. The Macmillan Co., New York, 1953. Vol. III. p.254 ff., а также дискуссию между К. Виттфогелем и Б. Шварцем в: «The China Quarterly».

174

См.: Wint G. Common Sense About China, p. 96; по всей проблеме китайско-русских отношений см.: Boorman, Eckstein, Mosley, Schwartz. Moscow-Peking Axis. Harper & Bros., New York, 1957.

175

Cf.: Cho-Ming Li, 1. c p. 38–39. Barnett A. D.(1. c. p. 47–48, а также: Louis Fischer. Russia, America and the World. Ch. IV. Harper & Bros., New York, 1960.

176

1. c, pp. 38–39.

177

Цит. по: Cho-Ming Li. 1. c. p. 38–39.

178

Кроме уже процитированных работ см. Bzrezinski Zb. K. Pattern and Limits of the Sino-Soviet Dispute. Problems of Communism, September-October, 1960, p. 1–7; Zagoria D. S. Strains in the Sino-Soviet Allience. Problems of Communism, May-June, 1960, p. 1–11; Hudson G. F., Mao, Marx and Moscow., Foreign Affairs, July, 1959, p. 561–572; Peking on Coexistence, Foreign Affairs, July, 1960, p. 678–687: Halpern A. M. Communist China and Peaceful Coexistence. The China Quarterly, July-Sept. 1960, p. 16–31. Далее: Boorman H., et al. Moscow-Peking Axis (которая была написана до важных перемен в 1958 г.), цитируемая выше; Trager F. N. Marxism in South East Asia. Stanford University Press, Stanford, 1959. См. также интересную статью

Сиднея Ленса о русско-китайском расколе в коммунистических партиях и о том что лежит за пограничным спором Китая и Индии, опубликованную в чикагской «Daily News», Dec. 9, 1959.

179

Halpern A. M., 1. c. p. 26. Несколько иная версия у Ричарда Левенталя См.: Lowental R. Diplomacy and Revolution: The Dialectics of a Dispute. «The China Quarterly», January-March, 1961, p. 186.

180

Из речей Хрущева перед индийском парламентом 11 февраля 1960 г., перед членами французского Совета мира 23 марта 1960 г. и во Владивостоке 8 октября 1960 г. (цит. по: Zagoria D. S.; 1. cp. 3 (курсив мой. — Э. Ф.).

181

Yu Chao-ti. Red Flag, March 30, 1960. Цит по: Zagoria, 1. c. p. 3. См. статью в Red Rag, April, Vol. 15, в которой выражается та же линия, что и в «Peking and Coexistence», Foreign Affairs, July, 1960, p. 676–687,

182

См. там же., с. 95–96.

183

Цит. по: Zagoria D. S., 1. c. p. 8. См. также все рассуждения по данной проблеме, которыми я пользовался.

184

Такое расхождение выражается, например, в следующих высказываниях: по случаю дня рождения Мао в 1958 г. Хрущев поздравил его как «верного последователя великих идей марксизма и ленинизма», в то время как китайское радио вещало: «Мы должны изучать марксизм-ленинизм так же, как и идеологию Мао Цзедуна», т. е. идеологию Мао — на первом месте (цит. по: Zagoria D. S., I.e. p. 3–4).

185

Cf.: Zagoria D. S., 1. c. p. 9–10.

186

Восточная Германия, помимо Албании, — это коммунистическая система, дружески настроенная по отношению к Пекину, но вынужденная следовать московской линии.

187

Цит. по: Zagoria D. S., 1. c. p. 10.

188

Barnett A. D. Communist China and Asia, I.e. p. 231.

189

Barnett A. D., 1. c p.76.

190

Что касается Лаоса, кажется, что эта проблема больше волнует русских, а не китайцев; можно предполагать, что русские занимаются Лаосом, чтобы он не попал в руки китайцев.

191

Bamett A. D., 1. c. p. 108–109.

192

Этот стратегический курс находится в противоречии стратегии «массированного возмездия», существовавшей при президенте Эйзенхауэре, когда считалось, что атомная мощь Америки сдержит Россию от завоевания Европы. В этом случае кажется, что администрация Кеннеди перенесла акцент европейской стратегии с атомного сдерживания на создание конвенционных сил, которые, конечно, сделают военную роль Германии еще более важной чем при Эйзенхауэре. Ср. Maxwell D. Taylor. Security Will not Wait. I. c; Henry H. Kissinger, 1. c.

193

Ухудшение немецко-британских отношений произошло не вследствие, как часто представляют, немецких планов экономического завоевания Турции (железная дорога в Багдад), а из-за морской программы Германии, которой она угрожала Англии.

194

В течение всего этого периода, от первой до второй мировой войны, ср.: Der Nationalsozialismus-Dokumente 1933/45, ed. W. Hossbach. Fischerbiicherei, 1957; W. Thyssen. I Paid Hitler. New York, 1941; George W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie, Europaische Verfagsanstalt, Frankfurt/Main. Franz L. Neumann. Behemoth, New York, 1942; E. Fromm. Escape from Freedom. Rinehart and Co. Inc., N. Y., 1941.

195

«Гибель богов» — одна из частей цикла музыкально-драматического произведения «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера. — Прим. пер.

196

К примеру, Оскар Моргенштерн, один из известных военных аналитиков, пишет:

«То, что русские не напали на Соединенные Штаты сразу после второй мировой войны, говорит либо о том, что русские не хотят нападать на нас (по той причине, что мы не обладаем достаточно устрашающими средствами), либо, напротив, наши устрашающие средства слишком велики, особенно если иметь в виду ядерное вооружение». (The Question of National Defense. Randon House, New York, 1959, p. 29.).

197

Kissinger H. A. The Necessuty Forchoice. Harper and Bros., New York 1961, p. 33.

198

Taylor M. D. Security will not ait. Foreign affairs, January, 1961, p. 177.

199

Cf.: Kahn H. Report on a Study of military Defense. Published by the Rand corp., Santa Monica, Cal., 1958. The arms Race and its Hagards, Daedalus Tall 1960, and On Thermonuclear War. Princenton University Press, Princeton, New Jersey, 1960. В последней книге, содержащей лекции, прочитанные для слушателей от влиятельных промышленных групп и военных, он пишет: «Главная идея этой лекции заключается в том, что нам или Советскому Союзу необходимо тщательно подготовиться к ядерной войне с тем, чтобы сохранить как можно большее количество жизней и восстановить разрушенное войной, доведя до довоенного уровня, в максимально короткий срок. Но не стоит обольщаться, что это возможно, до тех пор, пока обе нации не осознают необходимости более тщательной подготовки, чем это есть сейчас, и не начнут необходимые приготовления» (с. 71). Старший персонал «Рэнд Корпорэйшн» разослал письма издательствам по всему миру, книга Кана всколыхнула общественность, которая объявила идеи Кана «пещерными» и «апокалиптическими». Ср.: Katrenbach E. L. jr. Ideas: a New Defense Industry//The Reporter, March, 1961. Бесполезно задаваться вопросом, почему эта критика не прозвучала тогда, когда Кан делал доклад генералам и промышленникам, прежде чем она прозвучала от лица общественности. Может быть, «Рэнд Корпорэйшн» обеспокоилась тем, что Кан показал общественности несостоятельность официальной точки зрения на безопасность, выражающуюся в политике устрашения, которая была широко пропагандирована — от Пентагона до наиболее известных журналов и газет?

200

Kahn, in Daedalus, I.e. p. 756.

201

I.e. p. 757.

202

I.e. p. 757.

203

I.e. p. 760.

204

I.e. p. 762.

205

I.e. p. 763–764.

206

Кан не единственный эксперт, подчеркивающий опасность случайной, каталитической войны, эскалации и отсутствия просчетов. Среди тех, кто разделяет точку зрения Кана, — Г. Браун и Дж. Риэл. Они пишут: «Даже если будут существовать только две державы, имеющие ядерное вооружение, и четыре ядерных нации в мире, случайность всеобщей ядерной войны становится реальной. Она может разразиться либо по чисто механическим причинам, либо по причине человеческих факторов. Нет совершенных машин. Никто из людей не застрахован от ошибок или от желания совершить правосудие. К примеру, в Америке было несколько случаев, принудивших военно-воздушные силы вооружиться ядерными бомбами». (Community of Tear, Center for the Study of Democratic Institutions. Santa Barbara, California, 1950, p. 25).

207

Kahn H. p. 764.

208

Morgenstem O. I.e. p, 98.

209

Kissinger H. A.!.c. p. 41.

210

Единственно верная политика сдерживания предполагает необходимость показать русским наши военные объекты, чтобы их страх перед нашей карательной мощью не основывался на догадках, но опирался на твердое знание. Как отмечает Томас Шеллинг (The Strategy of Conflict. Harvard University Press, Cambridge, 1960, p. 176), подобная процедура, хотя и желательна, в то же время даст такие знания противнику о размещении наших стратегических баз, что сама по себе станет бессмысленной.

211

Morgenstem O. 1. cp. 10.

212

Khan H. 1. c. p. 74.

213

Khan H. On Thermonuclear War. 1. c. p. 21.

214

Khan. H. Report on a Study of non-military Defense. The Rand Corporation, Santa Monica, 1958, p. 11. Cf, and on Thermonuclear War. p. 113–114.

215

Morgenstern. I.e. p. 113.

216

Morgenstern I.e. p. 121.

217

Kahn H. Report on a Study on Non-Military Defense, p. 13

218

Khan H. Report on a Study of non-military Defense, p. 77.

219

Khan H. On Thermonuclear War. p. 160.

220

Cf.: O. Morgenstern's Statement, p. 50.

221

Morgenstem O. I. c. p. 50.

222

Khan H. On Thermonuclear War. 1. c. p. 89–90.

223

Morgenstem O. 1. c. p. 117.

224

Khan H. 1. c. p. 47. (Курсив мой – Э. Ф.). Отвечая на вопрос репортера по

поводу этого заявления, Кан сказал: «Я имел в виду только то, что качество жизни после термоядерной войны не будет слишком отличаться от теперешнего. А разве теперешний ад можно назвать счастливой и нормальной жизнью? То же самое будет и после войны и все же в экономическом отношении мы будем сильней». San Francisco Chronicle, March, 27, 1961

225

New York Herald Tribune, April 23, 1961.

226

Khan H. 1. c. p. 107.

227

Khan H. 1. c. p. 108.

228

Kissinger H. A. 1. c, p. 285.

229

См.: великолепная глава о контроле над вооружением, написанная Джеймсом П. Варбургом. Warburg S. P. Disarmament: The Challenge of the nineteen Sixties. Doubleday, New York, 1961.

230

Kissinger H. A. 1. c. p. 285.

231

Cf.: Schelling Th. C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, Cambridge, 1960, p. 16. Оба – Киссинджер и Кан – оспаривают Шеллинга и предлагают читателю сделать собственный анализ, основанный на теории игры.

232

A Case for Graduated Unilateral Disengagement. Bulletin of the Atomic Scientists, April 1960, p. 127ff.

233

Kennan G. T. Russia, the Atom and the West. Harper and Bros., New York, 1957, p. 54–55.

234

Osgood Ch. The Bulletin of Atomic Scientists, Vol. 16, No.4.

235

Fromm E. Daedalus, Vol. 89, No. 4.

236

Ср. высказывание Брауна Г. и Риала Дж. (Harrison Brown & James Real) в работе «Общество страха». Community of Fear, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1960, p. 28.

237

Millis W. Permanent Peace, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1961, p. 31.

238

Пример Великобритании, потерявшей Индию, не является исключением. Это была империя в эпоху упадка, которая потеряла Индию исходя не столько из соображений империалистических, сколько потому, что у власти было лейбористское правительство. С другой стороны, сравните позиции Британии в ситуации в Суэцком канале с позициями Голландии в Индонезии, Франции — в Алжире и Бельгии — в Конго.

239

Kissinger H. A., The Necessity for Choice, Harper & Bros., New York, 1960, p. 131.)

240

I.e. p. 137.

241

I.e. p. 144.

242

Уолтер Липпман в своем интервью с Хрущевым (апрель 1961 г.) сделал это очень явным в напоминании Хрущева, что будущее Германии есть ключевой вопрос. «И по двум причинам: 1) из-за опасности атомного вооружения Западной Германии; 2) из-за необходимости мирного договора, определяющего границы Польши и Чехословакии и стабилизирующего существование Восточной Германии как государства».

243

Последний знаменитый пример политики Даллеса — обработка мистером Хертером (Herter) президента Ганы во время его визита в Нью-Йорк в 1960 г., что явно контрастирует с общением Кеннеди и президента Ганы год назад.

244

Barnett A. D., I.e. p. 298.

245

Югославия, которая имела темп ежегодного прироста производства (9%), такой же как в СССР, является довольно выразительным примером; в то время как Югославия не имела двухпартийной системы или выборов в западном смысле, она в то же время не проводила политического террора и имела свою систему развитой индивидуальной активности и ответственности и поддержки децентрализации.

246

Ср. для более полного понимания проблемы: Rostow W. W. The Stages of Economic Crowth, Harvard University Press, Cambrige, Mass., 1960 and Kerr C, Dunlop J., Harbison F., Myers C. Industrialism and Industrial Man, Harvard University Press, Cambrige, Mass., 1960. Авторы анализируют различные формы индустриализации и элиту, которая ее проводит. Ср. также статью Aubrey H. G. Sino-Soviet Economic activities in Less Developed Countries, Congr. Commity Papers, p. 45 ft., and Trager F. E. (ed.), Marxism in Southeast Asia, Stanford University Press, 1960.

247

Rostow W. W., I.e. p. 413.

248

По мнению многих наблюдателей, помощь не была такой уж «тайной», как утверждает автор.

249

Porter C. O. and Alexander R. J. The Struggle for Democracy in Latin America, The Macmillian Co., New York, 1961, p. 70.

250

Warburg J. P. Disarmament: The Challenge of the Nineteen Sixties, Dou-bleday, New York, 1961, p. 85–86.

251

Во время просмотра этого манускрипта произошло и потерпело поражение вторжение против кастровского режима. В то же время это не была прямая интервенция с использованием войск США, но оно было, по сообщениям «Нью-Йорк Тайме» и других источников, неофициально организовано, профинансировано и поддержано США.

252

В США очень мало известно о том, что существует огромное число антикоммунистов, демократических социалистов во многих странах Латинской Америки, являющихся ревностными сторонниками кастровской революции. Вновь избранный сенатор Паласиос (Palacios) из Буэнос-Айреса — прекрасный этому пример.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!